

Родная № 1(27)' 2014 **ДАДОГА**

**КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ**

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЗАО «Утро»

*Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов); Агафонов Николай, протоиерей (Самара); *Громов А. В.* (Самара); *Денисов Н. В.* (Тюмень); *Казин А. Л.* (Санкт-Петербург); *Коняев Н. М.* (Санкт-Петербург); *Корольков А. А.* (Санкт-Петербург); *Корытин С. Н.* (Санкт-Петербург); *Орлов Б. А.* (Санкт-Петербург); *Попов Г. А.* (Орел); *Сдобняков В. В.* (Нижний Новгород); *Семёнов В. Е.* (Санкт-Петербург); *Смолькин И. А.* (Псков); *Швечиков А. Н.* (Санкт-Петербург); *Яснев В. А.* (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БАКЛАНОВ Андрей Глебович (Москва) — советник заместителя председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАШОВ Леонид Григорьевич (Москва) — президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРАМАРЕВ Аркадий Григорьевич (Санкт-Петербург) — помощник председателя постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — народный артист России, лауреат Государственной премии России.

РАСПУТИН Валентин Григорьевич (Иркутск) — сопредседатель СП России, лауреат премии Президента РФ в области литературы и искусства.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

Моя СЛОЛЕНКА

Игорь Халевинский. Проблемы, задачи и перспективы Ассоциации российских дипломатов.....	5
Валерий Егошкин. Алжирские притчи. <i>Пересказ с арабского и французского</i> ..	303

ПОЭЗИЯ

Николай Зиновьев	9
Вера Бурдина.....	12
Евгений Юшин	61
Олег Чупров	67
Александр Суворов.....	126
Татьяна Четверикова	128
Владимир Филимонов	230
Андрей Шендаков.....	233
Андрей Бениаминов	296
Марина Танаева	300

ПРОЗА

Марина Ганничева. Ослик и Святое Семейство. <i>Рождественские новеллы</i>	18
Олег Селедцов. Страсти по Сергию. Главы из нового исторического романа. <i>К 700-летию прп. Сергия Радонежского</i>	32

Родная РЕЧЬ

Алла Новикова-Строганова. «Весь любовью одушевлен...». <i>Опыт «рождественского рассказа» Н. С. Лескова</i>	24
Юрий Лощиц. Царский путь	140

ЛЕСТВИЦА

Владимир Крушин. Крест и пропасть. <i>К 700-летию прп. Сергия Радонежского</i> ...	29
--	----

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов). За Уральским хребтом. <i>История Православия в Зауралье с 1917 года до наших дней. Продолжение</i>	42
Евгений Титков. К вопросу о сталинском повороте к Церкви	100

Точка ЗРЕНИЯ

Владимир Мединский. Корни флага.....	72
Валентин Семёнов. Ценностно-нравственная поляризация в современном обществе	95
Вячеслав Горелов. Попытка предугадать прошлое	174
Панко Анчев. Диалог культур и/или симфония культур в условиях глобализации.....	272

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Чеслав Кирвель. Славяно-русская философия: путь к целостному духу	78
Виктор Потанин. Надо ли думать о душе? <i>Перечитывая К. Леонтьева</i>	242
Вячеслав Лютый. Русский мир и цивилизация	262

СТРАТЕГИЯ

Иржи Опршал. Анализ итогов парламентских выборов в Чехии 91

БЕСЕДА

Разговор о творчестве и не только... *Подготовила М. А. Дмитриева* 119

НАСЛЕДИЕ

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы 133

ЛЕГЕНДА

Виктор Лихоносов. Свет добра 160

Ольга Куликовская-Романова. От Японского моря до Балтики, от Атлантики до Тихого океана. *400 лет Династии Романовых. Выступление на XVII Всемирном Русском Народном Соборе, 2013 год* 210

Царский ПУТЬ

Маргарита Дмитриева. Монарх с душой художника 169

Величие жертв, ничтожество палачей. *Владимир Кондратьев* 207

Русские СУДЬБЫ

Галина Кучина. Дни русской культуры. *Мельбурн, Австралия* 187

Татьяна Доронина. «Взвешивая сердцем каждую фразу». *Воспоминания о постановке в БДТ легендарного спектакля по пьесе Горького «Варвары». Из дневника актрисы* 221

Валерий Павлов. «Смотрите, кто ушел...» 293

Вопросы ОБРАЗОВАНИЯ

Игорь Андрушкевич. «Помнить, чье мы имя носим». *Исключительное значение кадетского воспитания* 195

ИСКУССТВО

Галина Скотникова. Духовная музыка Санкт-Петербурга. *Из истории хоровой культуры конца XX века: «Россика» Валентины Копыловой* 214

Татьяна Горбунова. «Живое письмо». *Светлой памяти художника Федора Савостьянова* 268

Никита Шевцов. Елена Наумова. Дом для Риголетто 277

Великая ПРОВИНЦИЯ

Валентин Распутин. Возвращение Тобольска 236

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Станислав Куняев. От мира сего 254

Николай Скатов. Стихия и энергия женской души 264

Вопросы ТВОРЧЕСТВА

Владимир Невярович. О поэзии и ее влиянии на душу человека 258

Петербургский ПИСАТЕЛЬ

Михаил Немцев. «Я — офицер». О поэте Б. А. Орлове 283

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Камиль Зиганшин. «Огненный пояс Земли». *Экспедиция 2011 года* 312

Моя БЮДЖЕТКА

**Игорь
ХАЛЕВИНСКИЙ**

ПРОБЛЕМЫ, ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ АССОЦИАЦИИ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ

28 марта сего года состоялась отчетно-выборная конференция Ассоциации российских дипломатов (АРД), а 17 апреля — первое заседание нового Совета АРД, где было завершено формирование ее руководящих органов: избраны Президиум Совета и заместители Председателя Совета. На конференции состоялось избрание в качестве президента Ассоциации П. С. Аكوпова.

Теперь предстоит напряженная работа. Как оценивают сейчас работу АРД? В целом «деятельность Ассоциации вносит заметный вклад в усилия по разъяснению внешней политики России, расширению ее общественной поддержки в нашей стране и за рубежом, способствует обеспечению преемственности луч-

Игорь Васильевич Халевинский — Председатель Совета Ассоциации российских дипломатов. В 1967 г. окончил МГИМО МИД СССР. 13 лет работал по Южной Азии, дважды был в Пакистане. В 80-е годы — старший советник Постоянного представительства СССР при ООН. Работал заместителем министра труда и социального развития РФ, заместителем Председателя Совета Российского национального фонда по подготовке кадров, заместителем Председателя Российской правительственной комиссии по оказанию международной гуманитарной и технической помощи, членом Комиссии по вопросам гражданства при Президенте РФ; членом Совета директоров Европейского центра социальной политики и исследований в Вене. Был по совместительству профессором МГИМО и Академии госслужбы при Президенте РФ. 12 лет был Послом по особым поручениям. В этот период стал первым Полпредом России при ОДКБ, являлся членом Консультативного комитета по административным и бюджетным вопросам ООН, главой Офиса ООН в Белграде. Служил директором Административного департамента Комиссии Таможенного союза. Владеет иностранными языками: английским, французским, немецким, урду, сербохорватским. Кандидат экономических наук. **Живет в Москве.**

ших традиций российской дипломатической школы, воспитанию молодого поколения дипломатов в духе беззаветного и творческого служения Отчезства» (С. В. Лавров). Но очевидно и то, что добиться исходных, изначальных целей нам, к сожалению, еще не удалось. Как отметил в Послании к конференции посол России в Индии А. М. Кадакин, более чем за 20 лет существования Ассоциации, она все еще остается не в полной мере востребованной среди действующих и ушедших в отставку дипломатов, и это «является тревожным симптомом, свидетельствующим о значительных резервах в работе, которая, как можно предполагать, не охватывает в должной мере животрепещущих задач и не достигает целей, обозначенных в уставных документах АРД и соответствующих требованиям времени». Его призыв вдохнуть в Ассоциацию новую жизнь поддержан безоговорочно. Внушает оптимизм то, что есть потенциал дальнейшего развития и роста. АРД уникальна сама по себе и имеет совершенно уникальный состав (К. И. Косачев). В новом Совете — действующий министр иностранных дел и три прежних министра, ректоры двух авторитетнейших университетов — МГИМО и Дипакадемии, председатели комитетов обеих палат Федерального Собрания, весь цвет российской дипломатической службы.

Ассоциация должна охватывать главнейшие направления внешней политики и деятельности дипломатии нашей страны. Этому в чем-то поможет универсальность состава нынешнего Президиума. Для обеспечения широкой панорамы деятельности АРД важно, чтобы руководители подразделений поощряли участие своих сотрудников в ее работе. Послы Индии, Пакистана, Бангладеш, Индонезии, Малайзии просто рвутся в нашу Ассоциацию для участия в «круглых» столах, конференциях и т. д. Они прекрасно понимают ее уникальность как форума для неформального обмена мнениями с честных, дружеских позиций. Необходимо теснее координировать планы работы с руководством МИДа и департаментов в целях более эффективной популяризации нашей внешней политики и расширения ее поддержки среди российской и зарубежной общественности, шире практиковать неформальные дискуссии и обсуждения актуальных международных проблем, проведение политологических форумов с целью продвижения наших внешнеполитических интересов. В этом русле важно содействовать публикации и продвижению книг, исследований, мемуаров наших дипломатов и ветеранов.

На конференции прозвучала неудовлетворенность разнообразием в работе общественных организаций. Очевидно, необходимы единение, сплочение, взаимная поддержка. В новый Президиум включены руководители общественных организаций МИД России.

Обращаясь к новому руководству АРД, заграничные учреждения высказали пожелание — наряду с усилиями по разъяснению внешней политики и дипломатических шагов России решать задачи, которые российские дипломаты ставят перед руководством Ассоциации (постпред В. И. Чуркин), активно работать над укреплением социального статуса и защитой прав и интересов российских дипломатов. АРД, безусловно, должна уделять больше внимания улучшению материального положения дипломатов, условий труда и отдыха. Это, несомненно, повысит интерес дипломатов, поднимет престиж организации. Разумеется, эти вопросы надлежит решать с коллегами из других общественных организаций, рассматривая их как одну из приоритетных сфер деятельности. Старый вопрос — о клубном помещении.

Молодые кадры — это стратегическое направление. Будем опираться на широчайшее привлечение молодежи ко всем крупным мероприятиям. Это будет прекрасный сплав.

Ключевым направлением работы АРД должно стать повышение престижности дипломатической профессии и содействие формированию сориентированной на работу в системе МИД патриотически настроенной смены уходящему поколению профессионалов. Важные задачи в связи с этим поставлены созданием на базе МГИМО (У) Центра патриотического воспитания МИД РФ, в который вовлечена и наша Ассоциация.

Мы пойдем на расширение контактов с партнерскими организациями в других странах, с зарубежными коллегами. Такая деятельность должна содействовать созданию должного образа России за рубежом, в том числе по линии культурных связей.

Необходимо широко использовать новые методы коммуникации. Более полно отражать деятельность АРД на сайте, проводить опрос по интересующим темам, возможно, устраивать дискуссии по насущным для дипломатов проблемам, что могло бы обеспечить более активное участие дипломатов наших загранучреждений. Следует продумать создание на базе интернет-портала подборки воспоминаний, выступлений, лекций видных российских дипломатов, которые не всегда доступны в бумажном виде и, может быть, не всегда интересны широкой публике, но востребованы профессионалами, особенно молодыми сотрудниками.

Россия вышла на этап активизации общественной или публичной дипломатии. К кому, как не к АРД, в первую очередь относится призыв «в интересах повышения результативности российской внешней политики эффективнее использовать ресурс публичной дипломатии, вовлекать гражданское общество во внешнеполитический процесс...». Логично, что в этом контексте надо думать о работе Ассоциации и механизмах «мягкой силы». На совещании послов и постоянных представителей России в июле 2012 г. В. В. Путин отметил, что «традиционные, привычные методы международной работы освоены нашей дипломатией достаточно хорошо, если не в совершенстве, но по части использования новых технологий, например так называемой “мягкой силы”, безусловно, есть над чем подумать».

Чтобы Ассоциация состоялась по-настоящему, в полный рост, — нужны как минимум три составляющих: инфраструктура, бюджет и стратегия. Как уточнил на конференции руководитель Россотрудничества К. И. Косачев, АРД может себя реализовать в трех плоскостях, если говорить о стратегии:

1. Клуб по интересам.
2. Презентация идей, причем от собственного имени, в том числе на зарубежных площадках.
3. Реализация идей, имея в виду отношения с другими ассоциациями и объединениями в России.

Важен вопрос о первичных организациях. Эту сложную задачу, очевидно, можно рассматривать комплексно, «пакетно». Требуют серьезного внимания изменения и дополнения в Устав АРД, вызванные самой жизнью.

Уверен, что наш профессионализм, интеллектуальный потенциал, инициативность и самоотдача позволят решить эти сложные задачи. Разумеется, залог будущих успехов — многовековые традиции отечественной ди-

пломатии, достижения наших предшественников, их творческое переосмысление в свете сегодняшнего дня, укрепление связей между поколениями российских дипломатов.

**ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«АССОЦИАЦИЯ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ»**

119200, г. Москва, Смоленская-Сенная площадь, дом 32/34;
Тел.: +7 (499) 244-34-98; +7 (499) 244-20-57;
факс: +7 (499) 244-32-85; e-mail: ard.midrf@yandex.ru;

**ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА
«РОДНАЯ ЛАДОГА»
А. Б. РЕБРОВУ**

Уважаемый Андрей Борисович!

Всегда с огромным интересом читаем статьи, очерки, другие материалы, публикуемые в Вашем журнале.

Нам глубоко импонирует просветительская, культурно-философская и цивилизаторская работа, проводимая Вашим журналом.

Просили бы рассмотреть возможность сотрудничества между журналом «Родная Ладога» и Общероссийской общественной организацией «Ассоциацией российских дипломатов».

С огромным уважением,

Председатель Совета

И. В. Халевинский

«20» ноября 2013 г.

ПОЭЗИЯ

Николай ЗИНОВЬЕВ

«В ТИСКАХ ДУШЕВНОГО РАЗЛАДА»

Николай Александрович Зиновьев — родился на Кубани в станице Кореновской в 1960 году. Учился в ПТУ, техникуме, на филологическом факультете Кубанского гос. университета. Автор девяти поэтических книг. Лауреат Большой литературной премии России. Член СП России. **Живет в Краснодаре.**

* * *

Зло — владыка в мире этом,
Мир ударил в грязь лицом.
Трудно быть его поэтом,
А тем более певцом.

Но звучит, как прежде, лира.
И, как люди не грешны,
Песни те, что не от мира,
Миру больше всех нужны.

* * *

Не помним прошлого уроков.
А стрелка уровня греха
И новоявленных пороков
Дрожит у красного штриха.

К чему пустые разговоры?
Не ими ль дух лукавый сыт?
Судьба Содомы и Гоморры
Над всей планетою висит.

МУЗА

Чувства — словно бы в отключке.
Без нее мне очень плохо.
Жду ее, как ждет полочки
Работяга-выпивоха.

Говорю ей: «Ну, здорово!
Ты меня не разлюбила?»
Отвечает: «Здравствуй, ...Вова».
...Даже имя позабыла.

* * *

Чтоб мы не думали о Боге,
Нам говорили: «Бога нет!».
Но как-то робко, и в итоге
Нам воссиял небесный свет.

Но живы в памяти фантомы,
И не распахнуты сердца,
Я до сих пор не знаю, кто мы,
Не понимаю до конца.

* * *

С утра я в чисто поле выйду
И по рассветной тишине
Пойду, не подавая виду,
Как тяжело сегодня мне.

Я лучших чувств не разбазарю,
Мне очень хочется, как встарь,
Служить всем сердцем Государю,
Да только где он, Государь?!..

* * *

Я здесь, как в раю.

Из письма знакомой, уехавшей в США

Позабыв об отеческом крае,
Предпочла ты другую страну.
И своим представлением о рае
Так смогла взвеселить Сатану,

Что душе твоей сразу же, Тома,
Застолбил он местечко в аду.
Возвращайся скорей. Живи дома.
И не надо писать ерунду.

* * *

По парку в старом кепи
Бреду почти без сил.
Ни на земле, ни в небе
Сокровищ не скопил.

Уткнулась лбом дорога,
Во что — не разглядишь.
На милосердие Бога
Одна надежда лишь.

Выходит, нерадиво
Я прожил жизнь: все вскачь.
В итоге перспектива
Такая, что хоть плачь.

Вдруг скажет Он: «Детина,
Прощу тебе грехи.
Хоть жил ты, как скотина,
Но Мне писал стихи».

* * *

Все так же ярко-сине,
Все так же пьет соседкин зять,
И исчезающей России
Бог знает сколько исчезать.

Вдруг у нее еще в запасе
Падений, взлетов на века?
Так человек о смертном часе
Не может знать наверняка.

ДРУЗЬЯМ

Не понимая жизни сути,
Зачем пишу я про нее?
Полно не радости, но жути
Мое в кавычках бытие.

В мельканье дней пустом и сером
Пусть послужу я вам, друзья,
Живым, классическим примером
Того, как жить уже нельзя!

* * *

Какой-то пошлой декорацией
Стал облик милой мне страны.
Не жизнью, нет, но имитацией
Ее мы все угнетены.

В тисках душевного разлада
Покоя ищем мы основу,
Забыв, что все идет как надо —
По Иоанну Богослову.

* * *

Не расточая слов напрасных,
Пишу о людях самых разных.
Но что могу я знать о них?
Я — ничего, но знает стих,

Который мне диктует кто-то;
Все записать — моя работа.
Не знаю, нужен ли талант
Писать диктант?

* * *

Нет никакого вдохновения,
Оно погибло. Не помочь.
Остался дух сопротивления
Злу, набирающему мощь.

Коль сердца этот дух коснется,
То ждет тебя, поэт, «успех»:
Стихотворение прольется,
Как кровь на снег...

* * *

Пусть мои стихи порой корявы.
Так ли велика моя вина,
Если я пишу стихи для славы,
Той, что обретет моя страна?

Разве б я писал, не веря в это,
В эту для души благую весть?
Я бы сам в себе убил поэта,
Если он во мне, конечно, есть.

ЖЕЛАНИЕ

Выпускаю тебя на простор,
Так исполнись же волей святою:
Чтоб стал каждый писательский стол
Атеизма могильной плитою.

Возмутятся нечистые силы,
Всех мастей закричит воронье!
Так исполнись, хотя бы в России,
Непростое желанье мое.

МЕТАМОРФОЗА

Шел по свалке. Вдруг, как кинусь! —
Боже мой, да это ж примус!
Застучало гулко сердце,
Заскрипела в детство дверца.

Все, что было позабыто,
Со слезами вспомнил я.
Примус был предметом быта,
Стал частицей бытия.

* * *

Ночью звездною по речке
В утлой лодочке скользя,
Понял я, что вновь от печки
Жить начать никак нельзя.

То, что в веке незнакомом
Те же звезды над рекой.

Все что было — в горле комом,
Но дает душе покой, —

Те же ивы, те же вербы,
Тот же тихий плеск волны
Успокаивает нервы.
И как будто нет войны...

ПОЭЗИЯ

Вера БУРДИНА

«СОЙДУТСЯ, КАК ВОЛХВЫ, ВЕКА...»

Вера Ивановна Бурдина — родилась в станице Арчединской Волгоградской области. В 1993 году закончила Академию Государственной службы. Лауреат Всероссийской премии «Ладога» им. А.А. Прокофьева. Автор пяти сборников стихотворений. **Живет в Санкт-Петербурге.**

* * *

Небесный Свет едва-едва
во тьме находит наши очи...
(За слепоту прости нас, Отче.)
И все же нет светлее ночи,
превыше нету торжества,
чем ночь Рожденья Божества
земною матерью... Над бездной
вновь воссияет Свет Небесный,
сойдутся, как волхвы, века
пред чудом Рождества согреться...

Мать держит Сына возле сердца —
соль слез и капли молока
смешались на устах Младенца.
Ему, Ему лишь суждено
испить всю скорбь из чаши мира,
где смешаны и яд, и миро,
и кровь, и уксус, и вино.

Все всемогущество Отца
не отвратит ни мук, ни терний —
настанет день и час вечерний
Его тернового венца!
И отворятся Небеса...
Свят дольний путь, но горний — ясен,
как взор Младенческий из ясель,
как Богородицы слеза.

Молю, о Боже, не покинь
нас в тесноте миров окрестных,
дай силы жить, в любви воскреснуть
к звезде рождественской... Аминь.

* * *

Как долго Он явиться медлил!
Как долго ждал Ершалаим!
Толпа ликует: «Едет! Едет!»
И ослик цокает под Ним.

Толпа не ждет небесных истин —
ей подавайте чудеса.
И эти пальмовые листья
лишь затемняют небеса.

Он чуть смущен,
Он чуть рассеян,
вокруг кипение бород...
Лишь книжники и фарисеи
стоят угрюмо у ворот.

Известно все, что будет после,
известно все, что будет с Ним.
Куда ж девался тихий ослик,
что ввез Его в Ершалаим?

Кому-нибудь его отдали,
и сгиб он где-нибудь в песках,
но, может быть, для Божьей твари
есть все же место в небесах?

Ударит пушка кратко, гулко,
Вспугнув ворон и облака.
Какой-то полдень Петербурга,
В какие-то его века.

На лавочках грустят старушки,
Припоминая не у дел
Под залп полуденный из пушки
Блокадный гибельный обстрел.

Не дай мне, Боже, перемен,
А лишь прибавь душе простора,
Чтобы увидеть Вифлеем —
Месторождение Христово.

Не нужно здесь для веры скреп,
Навечно ласковая сила
Объяла каменный вертеп
Дыханьем Матери и Сына.

Молюсь, скиталица, о чем
В своих надеждах безотчетных?
О благоденствии для пчел,
О Божьих медоносных пчелах:

Когда под лошадиный храп,
Османской дерзости вначале,

В Таврическом саду
Морозными деньками
Звенели на пруду
Наследники коньяками.

И вижу чудную картину:
под тихим звоном райских звезд
по старой памяти Христос
садится ослику на спину...

Нарвите веточек еловых.
Луна сияет, словно нимб.
Грядет Христос Заветом Новым...
и ослик цокает под Ним.

* * *

А кто-то в дымке перегара,
Трезвея, вспомнит о войне
То ли в горах у Кандагара,
То ли в отчаянной Чечне.

А вот историк многомудрый
События расставит в ряд:
Палили в Зимний из орудий,
Откуда и теперь палят.

Ему положено по чину
Во всем искать первопричину.

* * *

Вломились в потаенный храм
В пылу кощунства янычары

Святую тайну взять в полон,
Тогда над вражьем ратным строем
Взлетел из мраморных колонн
Господний гнев пчелиным роєм!

Не молнией и не мечом,
Не толерантностью, как ныне,
А роєм молниеносных пчел
Спаслась великая святыня.

Пусть в январе или в июле
В душе не угасает жар,
Храня, как пчелы, в Божьем улье
И веры мед, и верность жал.

* * *

У бедной детворы
Держателей престола
Так мало для игры
Оставлено простора.

На зеркалах пруда
Принцессы так прелестны!
Но тьма из-подо льда
Уже пророчит бездны.

В трагическом году,
На стыке меж веками,
По святочному льду
Они звенят коньками.

Еще деньки легки
И крепок лед Державы.

Еще скользят коньки,
Да только скрепы ржавы.

Трагически скользя,
Как Русь скользит веками,
Великие князья
Лед резали коньками.

А там, в тени колонн,
Сюжетом для ремейка
Стоял хромою Харон.
Угрюмо. С трехлинейкой...

* * *

Похмельная пора!
На мусорном пригорке
Горит костер с утра —
Сжигают елки.

Два шатких мужика,
Как бы с офортов Гойи,
По воле ЖКХ
Сжигают хвою.

Пылает серпантин,
Чадит фальшивый пластик.

Нас всех осиротив,
Сгорает праздник.

Летит по ветру дым,
Прогорклый призрак оргий.
(Нерон глядит на Рим?)
Сжигают елки.

И пламя — алый жгут —
Трещит, как шут на тризне, —
На свалках елки жгут...
Как сладок дым Отчизны!

* * *

Из-подо льда воды не пробуй —
Студеной обожжешь гортань...
Январь. Нева. Чернеет прорубь —
Зимы блокадной Иордань!

Смертельная поземка стлалась,
А по застругам среди льда
Людская скорбно череда
Тянулась к проруби... Осталась
На жизнь лишь нельская вода.

Не замечая гром орудий,
Обратный не предвидя путь,
На наледь привалиться грудью,
Набраться сил и зачерпнуть.

Не слышно стонов и рыданий,
Лишь тяжесть общего ковша.
Поднять его, едва дыша,
С водой святой из Иордани...

Прими Крещение, душа,
Во дни смертельного крещенья
С великой жаждою отмщенья!

От санок лялочку — на плечи,
Шажок, еще один шажок.
А встречный ветер как ожог.
Даст Бог — дойдешь,
а не расплещешь,
А не дойдешь — ничком в снежок.

Минуя времени застругу,
Донес ли через глад и хлад
Святую воду к Петербургу
Блокадный, скорбный Ленинград?

Смерть не становится понятней,
Жизнь не становится мудрей.
Январь. Блокада. Водосвятье
Откуда в памяти моей?

* * *

Земля кружится на оси,
А Петербург — вокруг колонны,
Огнем и славой прокаленной.
Господь, помилуй и спаси

От сокрушенья бытия.
Я здесь надеждою дышала:
Быть может, на круги своя
Вернется все-таки Держава?

Увы, бесцельная толпа
Сегодняшних времен лукавых
Кружит беспечно у Столпа,
Крадет с оград орлов двуглавых.

А то затеет рок-концерт,
Тогда от темного соблазна
Кишит в омовском кольце
Непредсказуемая плазма.

И может быть, с Европой в лад
Стремясь к свободе и прогрессу,
Устроят здесь и гей-парад
Или другой — «по интересу».

Катастрофичен сдвиг оси
И для планет, и для сознания:
Не переменами грозит,
А сокрушеньем мироздания.

* * *

Плакать нам или смеяться?
Глянешь — пестро впереди:
Инновации змеятся,
Президентов пруд пруди.

На тусовках свили гнезда
Гои, геи (гой еси!),
Примадонны, порнозвезды,
Подлецы всея Руси.

Постмодерн! Живите просто:
Кто «урвал», кто «пролетел».
Серьги розданы по сестрам —
Невозможен передел.

А «латентные протесты»,
Или там мятежный раж,
Ловко ставят на протезы
Ежедневных распродаж.

«Суперцены», «мегаскидки» —
Род халявы в полцены.
Локтем в бок — и под микитки
Снизу, сверху, со спины.

Потребитель! Будь отважен
И всегда готов вполне
К супермегараспродажам
В оптом проданной стране.

* * *

Если вам приезжий не в радость,
Олигарх возбуждает ревность,
Проявите к ним толерантность
Или даже политкорректность.

Не давайте свободы чувствам,
Применяйте простую схему.
Что с того, что под нею пусто,
Словно в чреве у манекена.

А наказ: возлюбите ближнего
Как себя, отныне и впредь —

Только блажь, несомненно, излишняя,
Ближних следует перетерпеть.

Перед нищими и калеками,
Иноземцами всех мастей
Оставляйтесь политкорректными —
Никаких, не дай Бог, страстей!

О, спасительные эрзацы!
Либеральной идеи зуд!
В столкновениях цивилизаций
Никого они не спасут!

* * *

Пока еще мы горожане,
Хотя есть повод для тревог:
Земля под нами дорожает
И ускользает из-под ног.

В домах, стоящих вдоль каналов,
В каморках утлых по дворцам
Цена на метры коммуналок
Не соответствует жильцам.

Места уж больно аппетитны —
Золотоносная земля!
Удержат ли кариатиды
Давленье наглого рубля?

«Все эти древние скорлупы
Снести с жильцами заодно!» —
Им видятся ночные клубы,
Бордели, банки, казино.

В черте Обводного — Лас-Вегас.
А вдоль Литейного — Бродвей.
Не уповайте на нелепость
Их притязаний и затей.

Чего (нетрудно догадаться)
Желает новый демиург?
Всего лишь, чтобы ленинградцы
Освободили Петербург.

* * *

У городской окраины,
Как прежде, над долиною
Церковные оглавия
Парят неопалимые.

Святыня деревянная
Под невеликой крышею
В столетье окаянное
Какой мольбою выжила?

У города в изножии
Убереглась в пожарицах,
В бомбежках и безбожии,
При ждановских товарищах,

От сноса неизбежного
В хрущевскую распутицу
Нашествия коттеджного
По коломяжским улицам.

Укрылась за осинами?
Завесилась калиною?
А может, всей Россиею
Жива, неопалимая?

Господь хранил, наверное,
Чтоб наша жизнь до времени
Не задохнулась скверною,
Не канула в безверии.

* * *

Россию губившие, грабившие,
Растратив бандитский пыл,
Места раскупают на кладбище
Вблизи известных могил.

До фени им, «новым», религии,
Тем более, совесть до фени.
Они обеспечат с великими
Соседство посредством денег.

Посредством гранита, мрамора,
Мозаики и литья

Желают с великими равного
Посмертного бытия.

Они вне страны, вне нации,
Убийцы, рвачи и хамы.
Кровавые ассигнации
Легко отдают на храмы.

В расчете вечной прописки,
В расчете престижных мест
Бандитскиеobelisks
Теснят православный крест.

О, бедная Родина наша!
Замри, мое сердце, замри!
Свершается распродажа
Святой российской земли.

Похороните во поле,
В глуши неизвестных мест,
Чтоб не дошли, не дотопали,
Не повалили крест.

* * *

Снег струится чудесней,
невесомей, чем сны,
словно там, в поднебесье,
колокол тишины.

И во мне снова ожил
детский лепет души.
Боже, милый мой Боже,
снега ландыши!

Непорочная нега
на Неве и над ней.
Это белое эхо,
эхо летних дождей.

Но о блеске и громе
память шепчет едва.
Тихо в небе, как в доме
светлого торжества.

Возжигаются свечи,
горько льется вино.
Для прощанья и встречи
лишь мгновенье одно.

Вечности дуновенье —
грусть, надежда, любовь.
Мир замрет на мгновенье
и закружится вновь.

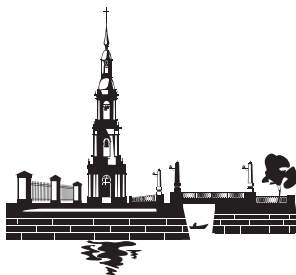
Что же будет? Что станется?
Знает лишь Бог,
совершающий таинство
смены царств и эпох.

Что ответит, спроси я
из юдоли земной:
«В силе будет Россия
или так... стороной?»

От тревог себя кутаю
в русский снег, словно в мех.
Тает с каждой секундою
нам отпущенный век.

Что же будет? Так что же?
На любви? На крови?
Дай нам милости, Боже,
дай нам мудрости, Боже,
дай нам мужества, Боже,
Господи, благослови!

...Снег летит, чудо хладное,
по России и здесь...
Пахнет хвоей и ладаном
снега светлая весть.

Марина ГАНИЧЕВА

ОСЛИК И СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО

*Рождественские
новеллы*

Марина Валерьевна Ганичева. Писатель, главный редактор журнала «О, русская земля!», заместитель главного редактора «Роман-журнал. XXI век», председатель оргкомитета международного литературно-художественного конкурса для детей и юношества «Гренадеры, вперед!». **Живет в Москве.**

ОСЛИК НА СНЕГУ

Я ждала ребенка. В палату меня привезли немного раньше, и долгие часы и минуты строились в ряд в ожидании этого страшного и желанного мгновения появления жизни. Это были декабрьские дни, окна зарисованы морозными ветвями, чудными завитками и «огурцами», будто бы на мамином павловопосадском платке. Ожидание всех нас делало немного испуганными и одинокими. Каждый ждал своего часа, был наедине с собой.

Хотелось с кем-то поговорить о том жутком страхе одиночества перед вселенским событием рождения, но... Как все будет? Как встретит мир младенца моего? Справлюсь ли я?

Кровать моя стояла рядом с окном и, отвернувшись от соседок, я подолгу рассматривала рисунки на стекле. Вечером, когда мороз за окном укреплялся, снежинки семенили-сыпались рядом сверху, сверкая царственно в свете вечерних фонарей, фигурки на окне оживали, двигались по стеклу, сплетаясь в единый рассказ. Прищуришься, и все оживает в сказочном вихре своей морозной жизни.

В один особенно грустный вечер на меня со стекла глянул ослик.

— Не надо печаловаться, все будет хорошо! Настюша придет вовремя, и это будет твоя радость! — одними толстыми губами прошептал мне ослик и наклонил голову. Уши упали ему на щеки, глаза в пушистом снежном белом окоеме заулыбались сквозь грусть.

Я подумала, что у меня уже видения и даже засмеялась над собой: до чего дошло дело. А еще подумалось, что ослики, даже когда улыбаются, — всегда грустят...

Но мне не удалось все это хорошенько размыслить, потому что

ослик продолжил разговор со мной, чуть громче, но стараясь не будить соседей:

— Знаешь, я много повидал и кое-что расскажу тебе, а это отвлечет тебя от тревожных мыслей...

Давным-давно в такой же белой пустыне... А знаешь, пустыня похожа на ваше «снежное безмолвие», да и снег похож на песок, а когда жарко, то у человека такие же искры в глазах, как и от холода... Так вот, по белой пустыне брел, переставляя еле-еле усталые ножки, серый ослик. Брел он уже не один день, по правде сказать, все дни у него слились в один, жаркий, с обжигающим легким, воздухом, который стоит перед тобой крепостной стеной, через нее ты хочешь пробиться, но лишь чуть-чуть продвигаешься вперед.

И только ласковая рука хозяйки, которую из-под ветхого покрывала Она иногда выпрастывала, обдавала родниковым холодком. Она легонько пробегала по моим ушам, потому что тем осликом был я, подхватывала и смахивала слезинку с моих глаз, отгоняла оводов и едва различимо трепала за ухом. Было жарко, хотелось пить, и тяжело ступали ноги, но ноши я не чувствовал. Она, моя хозяйка, Мария, так звали Ее, была совсем невестомой, хотя на руках у Нее спал Он, маленький бледно-розовый комочек, запеленатый и сладко причмокивающий во сне.

Я был рядом, когда Он родился, и я видел свет звезды, хотя редко смотрю на небо, все больше на землю, но тогда свет разлился так ослепительно, что мне было непонятно, как его не замечают те, кто был на постоялом дворе. А они и вправду ничего не поняли. Но в нашей пещере-вертепе стало вдруг светло, как днем, а вкус соломы рядом с ним — будто вкус свежескошенной травы — и вокруг, как в детстве, пахло молоком моей матери.

А потом приходили какие-то мрачные люди, и их лица тоже светились добром, они приносили подарки, все сверкало золотом, миро благоухало, но не было ничего, что бы пересилило этот запах свежескошенной зеленой молодой травы и Маминого молока, который исходил из ясель

от Него. Радость была недолгой, надо было бежать дальше, все говорили шепотом о каком-то злодее, о других младенцах, об их гибели.

Но я недолго вслушивался в их разговоры, потому что если не сосредоточиться на работе, то сделаешь ее плохо, и хозяин будет недоволен. А хозяин сидел в углу пещеры, тяжело вздыхал, изредка вглядываясь в ясли, и почему-то все больше плакал, хоть и улыбался сквозь слезы, когда Его ручки тянулись к нему.

Мария тоже о чем-то все думала, взгляд Ее был нездешним, слабой рукой Она едва касалась кудрей Младенца, а потом поила меня и чесала гребнем.

Мы бежали уже несколько дней. Хотя это только можно назвать бежали. Хозяин шел рядом со мной, Мария в черном покрывале устроилась на моей спине вместе с Ним и какими-то небольшими котомками на спине. Ночевали под оливами. Вставали еще до рассвета — и опять в путь. Мы шли в Египет.

Всякие чудеса происходили на нашем пути, о которых я не смогу забыть во все время моей жизни. Наш путь пролегал через горы Иудейские к Газе, а отсюда береговой пустынной равниной до Египта.

При вхождении в пределы Египетские всюду слышались громы и молнии, потому земля эта была вся в идолах, а Младенец начал чувствовать какое-то беспокойство, беспричинно всплакивал.

Впереди был большой город Гелиополис, над ним поднимались клубы дыма, а когда мы вступили в него, всюду вокруг стояли белокаменные дворцы с колоннами, увитыми виноградом, идола-сфинксы высокомерно взирали на нас, путников в дорожной пыли, измученных жаждой и долгой дорогой.

Люди вокруг были одеты в белоснежные одежды, все дышало богатством и негой, только лица были угрюмы и гримасы презрения читались на них.

Вначале Ребенок заволновался, начал выворачиваться в руках Марии, но мне-то что, Она тихо пела ему, пытаясь убаюкать, а я, в ровном ритме, знай себе передвигал ноги. В одну секунду все изменилось. Налетел шквал ветра, да такого, что мы едва успели спрятаться у какой-то стены бедной лачуги, потом все потемнело, как ночью, разверзлось небо, молнии засверкали вокруг, громы прокатились и ударили в землю. Я только успел зажмурить глаза, когда все вокруг начало рушиться. Колонны храмов, будто соломины, пригибались и рушились с грохотом, сфинксы раскалывались на несколько частей, становясь грудой хлама, деревья вырывало с корнем... Как нам удалось уцелеть среди этого — не знаю, но Младенец просветлел лицом, а Иосиф с Марией поторопили меня после того, как вмиг все успокоилось, покинуть этот город. Больше я никогда потом не слышал об этом городе.

Добравшись до пустынных гор, мы устроились на ночлег у пещеры с родником. Какая-то тревога была разлита в вечернем воздухе, я даже вздрагивал всем телом. То ли это было предчувствие, то ли день был тяжелым, но заснуть я никак не мог. Долго возились, устраиваясь на ночлег, и хозяева. В ночной тишине слышались какие-то шорохи, всхлипывания шакалов... Огонь костра постепенно затухал. Вдруг откуда ни возьмись показались тени, шепот... Я тряхнул посильнее сбруей, и хозяева проснулись.

Но что они могли поделать? Это были разбойники. Я слышал, что в этих краях промышляет разбойничья шайка Тита и Думаха. Это были они...

— Давай, отвязывай осла! — крикнул один из них, а другой приставил нож к горлу Иосифа, у которого не было ни средств, ни сил сопротивлять-

ся, он только тревожно косился на покрывало, под которым лежали Мария и Младенец.

От отчаяния и я заверещал что было мочи, но звук моего голоса вряд ли мог помочь нам...

Страшное, искаженное злобой лицо разбойника Тита наклонилось над покрывалом, он злорадно поддел его на своем ятагане, сдернув в одну секунду. Мария закрывала телом младенца, но от неожиданности повернулась. Воцарилась необыкновенная тишина, и мягкий свет откуда-то сбоку освятил спящего Младенца, Который вдруг распахнул Свои глаза.

Разбойник отпрянул, встав как вкопанный. Неизъяснима словами была красота Младенца. Будто в забытьи Тит прошептал:

— Если бы Бог принял на себя тело человеческое, то не был бы красивее этого Малютки. Прочь все! Вы недостойны Его видеть...

И затем не допустил своих товарищей, и особенно одного, настаивавшего на грабеже, сделать какое-либо оскорбление путникам.

Мария, кутаясь в покрывало и защищая от взгляда Младенца, произнесла так, как будто точно знала все наперед:

— Этот Отрок воздаст тебе воздаянием благостным.

Ослик вдруг задумался, а мороз за окном почти покрыл все его серое туловище белой изморозью. Мне стало жалко ослика, и я придвинулась к окну, подышала теплом на стекло. От окна пошел пар, и ослик встрепенулся, отряхнул снег с ушей:

— Да, видишь как... Это и был тот самый разбойник, который потом будет распят по правую сторону Спасителя и сподобится услышать из уст Его благодатное обетование: «Днесь со Мною будеши в рай». Так что не грусти, радуйся и веселися в преддверии Воскресения Господня. А я буду рассказывать тебе и другие истории, если позовешь еще...

— Спасибо, ослик, будь моим другом!

Но он уже не слышал. Морозный узор растекался по стеклу там, где еще мгновение назад я видела его глаза. В семь сорок пять утра я родила Настюшу.

ОСЛИК В БЕЛОМ ГОРОДЕ

Это был Белый город, на который пали снега и затопили своей белизной улицы. Я стояла у разрисованного в узорные леса и диковинные цветы окна в зимний вечер, такой прекрасный и бестревожный, а мне было очень плохо. У меня заболела мама. Я водила пальцем по снежинкам, отпечатавшимся на стекле, и ни о чем не могла думать. Ни о прошлом, ни о будущем. Как будто та снежинка, я застыла в полете и не знала, растаять мне или еще покружить здесь.

Мне было уже много лет, но какая разница. Для мамы я всегда была маленькой девочкой, которую надо причесать, одеть, поцеловать, похвалить...

И тут сквозь сумерки за окном пришел мой ослик. Он всегда появлялся в минуты грусти и никогда пока еще в минуты радости. Ослики ведь сами по себе довольно грустные животные, по крайней мере, производят такое впечатление.

— Ну что, глаза на мокром месте? — спросил мой знакомец. — Хуже... А вот не надо отчаиваться! Не надо... Надо верить в чудо.

— А как? Мы ведь разучились верить в чудо.

— Ну вот! Всему приходится вас учить, — самодовольно улыбнулся ослик и встряхнул своими длинными ушами. — Слушай осликову историю про чудо. Эту историю рассказал мой знаменитый прапрапра..., ну, в общем, много раз прадед, ты знаешь о нем. Тот, который ходил в Египет со Святым Семейством. Он прославил наш род в веках, — и ослик выгнул шею и привстал на цыпочках так, что враз стал похож на маленькую лошадь.

С осликом случались иногда такие приступы гордости, но ведь и все мы гордимся славою своих предков. Не одни же мы живем на свете, были и до нас люди, и притом знаменитые, о которых поэт Михаил Лермонтов сказал: «Да, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя. Богатыри — не вы!» Интересно, знает ли ослик Лермонтова? Но я не успела его спросить, потому что он уже начал свой рассказ...

— Все это было как сон, — всегда начинал свой рассказ мой прапра, — Сначала мы долго бежали, потом все идолы пали враз во всем Египте, и прошел слух, что это от нас, оттого нам пришлось прятаться в пещерах вдоль великой реки Нил, входить в египетские города ночью, чтобы никто нас не увидел. Было страшно.

Хозяин печально держал меня под уздцы, Мария куталась в одежды и плакала. И только Великий Младенец был всегда радостен, будто весеннее солнце. Да Он и был Солнце и Свет. Где бы мы не останавливались, вокруг Него всегда разливался пречудный свет.

Скитания наши были трудны и опасны. Кто-то встречал нас с недоверием и злобой, но были и такие, которые сразу видели Чудо-Младенца и чувствовали, что Он — Царь мира.

Но больше приходилось прятаться. Еды все время не хватало, хотя и были люди, все больше простые и бедные, которые приносили ее Младенцу и Его Матери. Одежды запыхлились. Мать Младенца не знала, где в следующий раз они преклонят колена, где Она сможет обиходить Сына, постирать Его одежду. И вот мы снова в Старом Каире, который называется там Вавилон. Первая остановка была краткой: местный правитель, разгневанный тем, что при появлении Иисуса падали идолы, вознамерился убить Его. По преданию, у Иосифа в Вавилоне были дальние родственники, уговорившие его немного погостить у них. Нас поместили в гроте под нынешней церковью Абу Серга. Были и еще пещеры, где мы останавливались в Старом Каире.

Как могли, устроились в пещере, где было темно и неудобно. Мать положила Младенца в небольшую пещерную лунку, где Он сразу же и заснул, мирно засопев.

— В детстве ведь все уютно и хорошо, если рядом мама, — сказал мой ослик и с сочувствием посмотрел на меня.

— Да, это так, — кивнула я и не дала себе раздуматься об этом, чтобы не заплакать, сосредоточившись на рассказе ослика.

— Так вот, — продолжил он, — Мария пошла постирать Его одежды, Иосиф достал из глубокого колодца свежей воды, они, как могли, обмылись и улеглись спать, думая о том, куда же им податься дальше.

На следующий день рядом с пещерой собрался народ. Все как-то прослышали в округе о предивном Младенце, Который отодвигает горы. У горы Габаль ат-Тейр, что значит «Птичья гора», где селились тысячи

ласточек, путники однажды нашли приют в пещере. Сейчас эту гору называют еще «Габаль аль Каф» («Гора руки»). Когда Святое семейство отдыхало в тени горы, Младенец заметил, что с ее вершины готов сорваться огромный камень. Он протянул руку и отодвинул камень от края, оставив на нем свой отпечаток, который заметен и поныне. А над пещерой впоследствии построили церковь, а затем и монастырь, носящий имя Девы Марии. А еще Младенец источает источники, а еще излечивает болящих. И там, где Он ступает, расцветают иерихонские розы, а звери падают ниц. «Так все и было», — говорил мой прапрадед, а он врать не будет.

Вокруг собралась толпа, и Мария с Иосифом в страхе взирали на нее, не зная, чего ожидать. Иосиф засобирился, подтянул на мне подпруги и мы, было, совсем уже собрались отъехать, как вдруг...

Мой ослик остановился, чтобы я почувствовала всю важность момента и собралась с мыслями...

— ...как вдруг, — повторил он, — из толпы вырвался молодой человек в богатых одеждах. Он был красив и статен, а глаза его горели каким-то синим пламенем. Он воскликнул: «О, досточтимые путники! Я не знаю, кто вы, но я знаю, что вы несете Добро. Уже все испробовал я...» Он путался и сбивался так, что трудно было понять, чего же он хотел и что с ним случилось... Мария лишь испуганно прикрыла Собой Младенца, а Он вырвался и неожиданно серьезно стал слушать юношу. Тот заломил руки, поднял глаза к небу и воскликнул: «Сжальтесь надо мной! Я все испробовал, лучшие доктора земли фараонов отказали мне. Моя мать умирает, и нет ничего, что спасло бы ее. У меня есть все: богатство, деньги, молодая жена, но ничто мне не мило. Для меня нет ничего дороже моей матери, которая выкормила и взлелеяла меня. Нет и не будет дороже. И меня не будет, если не будет ее...» Он кинулся вдруг на колени перед Младенцем и взмолился: «Я верю в чудо! Ты, о великий Младенец, спасешь ее». Младенец засмеялся радостно и пошел в толпу, нетвердо передвигая ножками. За Ним пошли Мария и Иосиф, толпа расступилась и пропустила меня, ослика, и все Святое Семейство. Юноша остался лежать в пыли, распластавшись под жарким солнцем. Воцарилась тишина, и все вокруг застыли. У края толпы на носилках лежала женщина. Глаза ее были закрыты, и жаркое, прерывистое дыхание только слышалось в наступившей тишине. Вдруг она подняла руку, одну, потом вторую, и сложила в молитвенном жесте. Младенец коснулся ее Своей ручкой и пошел дальше, не остановившись. Святое семейство последовало за Ним...

Будто свет разлился вокруг этой женщины, и щеки ее порозовели, тело в какое-то мгновение налилось жизнью, она уже не была иссохшей и бледной, она медленно поднялась с носилок, прошла к своему сыну, подняла его из пыли и обняла, прижав к своей груди...

Все это я увидел, когда несколько раз оборачивался на них, удаляясь вместе с путниками от того места...

Ослик застыл, задумавшись о чем-то, уши его тоже порозовели от рассказа, а глаза стали радостными и веселыми.

— Вот видишь! Надо верить в чудо, в великое чудо Младенца, Который только родился в эти холодные январские дни...

Я не успела поблагодарить и в этот раз ослика. Слезы застили мне глаза, и я не увидела, когда он исчез за окном, тепло разлилось по мне. Мама, моя мама, обязательно будет здорова, я в это верю... И вы поверьте, пожалуйста.

Родная РЕЧЬ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

«ВЕСЬ ЛЮБОВЬЮ ОДУШЕВЛЕН...»

Опыт «рождественского рассказа» Н. С. Лескова

Алла Анатольевна Новикова-Строганова, доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета, Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХ иГС), юрист, консультант Орловского областного Совета народных депутатов, советник государственной гражданской службы 1-го класса. Автор трех монографий и более 300 опубликованных в России и за рубежом научных работ о творчестве Лескова, Достоевского, Тургенева, Бунина и других классиков мировой литературы. **Живет в Орле.**

1872 год в творческой биографии Николая Семеновича Лескова (1831–1895) был ознаменован созданием повести, явившейся общепризнанным шедевром, который, по словам писателя, *«нравился и Царю, и пономарю»*. Это был знаменитый «Запечатленный Ангел» (опубликованный в 1-м номере журнала «Русский вестник» в январе 1873 г. «Ангел» — с прописной буквы — и в прижизненных, и последующих дореволюционных изданиях). Повесть имела громадный успех. Ее узнали *«на самом верху»*: Императрица Мария Александровна выразила желание послушать «Запечатленного Ангела» в чтении автора. Повесть стала также книгой для домашнего чтения в кругу многих русских семей. Знаменательно сообщение А. П. Чехова редактору Н. А. Лейкину 7 марта 1884 года: «Отец читает вслух матери “Запечатленного Ангела”».

Свое творение Лесков снабдил подзаголовком «рождественский рассказ». В его развернутом сюжете соблюдены все правила и условности святочного жанра. Но писательское мастерство столь велико, что жанровые каноны не ограничивают, а — наоборот — способствуют творческой фантазии и художественной изобретательности автора. Лесков был доволен тем, что именно после его «Запечатленного Ангела» святочные рассказы «опять вошли в моду», то есть стала возрождаться и продолжилась традиция целого пласта отечественной культуры. Русскую святочную словесность нельзя рассматривать как малозначительную подробность «беллетристического быта», как расценил ее литературовед Л. А. Аннинский.

Кроме того, первый опыт лесковского «рождественского рассказа» «воздействовал» на литературный

процесс (пасхальный шедевр Чехова «Святою ночью» — этюд в лесковской манере); на дальнейшие творческие искания самого Лескова. Именно «святочная модель» — та жанровая канва, которая зарождалась в «Запечатленном Ангеле», — была спроецирована затем на многие святочные рассказы и «рассказы кстати». Прежде всего, это своеобразные «святочные обстоятельства» — не только время: «Дело было о святках, накануне Васильева вечера», — но и место действия, которое обуславливает атмосферу «рождественского сплочения», тесного общения (иногда вынужденного, невольного): «Жесточайшая поземная пурга <...> загнала множество людей в один постоянный двор, стоящий бобылем среди гладкой и необозримой степи. Тут очутились в одной куче дворяне, купцы и крестьяне, русские, и мордва, и чувашаи». Так, с одной стороны, достигается эффект «уютя запертой рождественской комнатки», а с другой — что неизмеримо важнее — писатель получает уникальную возможность **собрать воедино всю Русь**, все сословия и нации, соединить людей в не формально-казенном, но именно человеческом общении: «Соблюдать чины и ранги на таком ночлеге было невозможно».

Непременное в святочном повествовании «чудо» в «Запечатленном Ангеле», пожалуй, — ключевое слово и образ, играющий разными смыслами и красками. Весь комплекс «чудес», «дивес», «преудивительных штук» повести неуклонно подводит к главному чуду — общечеловеческому единению, осуществлению на деле желания **«воедино одушевиться со всею Русью»**. Прорыв раскольничьей замкнутости в большой мир (герои-раскольники приняли Православие; знаменательно, что артельные рабочие строят *мост* — соединяющий не просто разные берега, но в прямом и образно-символическом смысле — сближающий людей), отказ от догматизма, соединение людей разных национальностей, различного общественного положения (хозяева-англичане тронуты и потрясены внутренним богатством и высотой духа рабочих мужиков-раскольников) — все эти важнейшие итоги общечеловеческой солидарности базируются на сокровенной вере Лескова в то, что все — *«уды единого тела Христова! Он всех соберет!»*

Даже в атмосфере «суетного и суетливого времени» писатель был воодушевлен верой в духовность человека: «Двойственность в человеке возможна, — размышлял Лесков, — но глубочайшая *суть* его все-таки там, где его лучшие симпатии».

В разбединении друг с другом и с Богом люди ощущают себя не просто осиротевшими, они, по лесковскому слову, становятся «*братогрызцами*». Для установления истинно братских отношений необходимо искать общий корень, общую опору — *«едиными усты и единым сердцем»*.

Знаменательно, что воссоединяющий людей финал-апофеоз происходит на «Спасово Рождество» — праздник духовного единения. Четко обозначив жанр «Запечатленного Ангела», Лесков не случайно приурочил его кульминацию — переход героев в новое духовное состояние — к Святкам. В новогоднюю ночь при остродраматических обстоятельствах совершает Лука Кирилов, руководитель раскольничьей артели, свой героический переход к православному храму по обледелым цепям над ревушим Днепром — подвиг, становящийся в общем контексте рассказа символическим. А в это время в храме совершается всенощная в честь праздника Василия Великого, литургия под Новый год, содержащая слова об обретении веры

через церковное причастие «едиными усты и единым сердцем». Чудесный финал идеально соответствует жанровой природе рассказа: героев-раскольников к русской церкви «перенес Бог», Ангелы вели, спасая от гибели над пропастью светоносностью икон.

Несмотря на замечание Ф. М. Достоевского в статье «Смятенный вид» о том, что Лесков в финале слишком поспешил разъяснить чудо, все же и рассказчика, и героев, и читателей не оставляет впечатление, что они стали сопричастниками, «дивозрителями» утверждения Высшего Промысла: «а для нас все равно, какими путями Господь человека взыщет и из какого сосуда напоит, лишь бы взыскал и жажду единокровия его с Отечеством утолил».

Таким образом, Лесков выводит традиционную в святочном рассказе идею сплочения из ограниченных рамок семейно-бытового круга на уровень вневременной, межнациональный, общечеловеческий. Это тем более важно, что писатель с болью наблюдал распад человеческих и общенациональных связей: «с предковскими преданиями связь рассыпана, дабы все казалось обновленное, как будто и весь род русский только вчера насадка под крапивою вывела».

Не дать порваться связи времен и поколений, восстановить «тип высокого вдохновения», «чистоту разума», который пока «суете повинуется», поддержать «свое природное художество» — главные цели создателя «Запечатленного Ангела».

Особая тема рассказа — отношение к русской иконе и иконописанию. «Запечатленный Ангел» — уникальное литературное творение, в котором икона становится главным «действующим лицом».

С годами писатель приобрел репутацию одного из лучших знатоков русской иконы. В кабинете Лескова имелось иконописное собрание, судьба которого сейчас неизвестна. Но сохранился рисунок иконостатической коллекции Лескова, и мы знаем, как выглядела божничка писателя. Все иконы на рисунке различимы, узнаваемы. В. В. Протопопов вспоминал огромный образ Мадонны кисти Боровиковского — «русский лик и отчасти как бы украинский». У Лескова были редкостные поморские складни, старинные иконы строгановского и заонежского письма. В лесковском Доме-музее в Орле хранятся три иконы. Одна из них — «Спас во звездах» — с дарственной надписью Лескова. Эту икону писатель подарил своему сыну Андрею на Рождество.

Не исключено, что в «Запечатленном Ангеле» Лесков дает точное описание подлинника: «Ангел-хранитель, Строганова дела». Хотя лесковский рассказчик подчеркивает, что красота иконы неопишима, тем не менее, именно в слове он умеет передать тончайшие отблески и игру красок, оттенки эстетического переживания при созерцании святыни: «глянешь на Ангела... радость! Сей Ангел воистину был что-то неопишемое. Лик у него, как сейчас вижу, самый светлобожественный и этакий скоропомощный; взор умилен <...> в правой руке крест, в левой огнепалый меч. Дивно! дивно!.. Власы на головке кудреваты и русы, с ушей повились и проведены волосок к волоску иголочкой. Крылья же пространны и белы как снег, а испод лазурь светлая, перо к перу, и в каждой бородке пера усик к усика. Глянешь на эти крылья, и где твой весь страх денется: молишься “осени”, и сейчас весь стихаешь, и в душе станет мир. Вот это была какая икона!»

В лесковском «иконописном» фрагменте сохранен стиль русской агиографии во всей его чистоте и красоте, как он представлен у лучших писателей Древней Руси — Нестора, Епифания Премудрого, Пахомия Логофета. Богатство словесной культуры, развитая риторика, пышно изукрашенное «плетение словес» и — главное — «нравственная серьезность перед лицом красоты». На это последнее свойство русской литературы и искусства указывал С. С. Аверинцев: «праведность Андрея Рублева <...> совершенно неотделима от сверхличной святости иконописания как такового. Чтобы красоте можно было поверить, это должна быть особая красота. Потворство чувственности <...> и культ самоцельного артистизма исключены». Исследователь считает, что старинное слово **«благообразие»** выражает **«идею красоты как святости и святости как красоты»**.

Известно, что «изограф Севастьян» в «Запечатленном Ангеле» во многом списан с «художного мужа» Никиты Савостьяновича Рачейскова, с которым был дружен Лесков. Сыну писателя запомнилась прежде всего *духовность* в колоритном облике мастера-иконописца. Он настолько был «растворен» в божественном искусстве, что и внешностью своей напоминал древнее художество: «был стилин с головы до пят. Весь Строганова письма. Высок, фигурой суховат, в черном армячке почти до полу, застегнут под-душу, русские сапоги со скрипом. Картина! За работой <...> весь внимание и благоговейная поглощенность в созидании Деисусов, Спасов, Ангелов, “воев небесных” и многообразных “во имя”. <...> лик постный, тихий, нос прямой и тонкий, темные волосы серебром тронуты и на прямой пробор в обе стороны положены; будто и строг, а взглядом благостен. Речь степенная, негромкая, немногословная, но внятная и в разуме растворенная. Во всем образе — духовен!».

Герои «Запечатленного Ангела» отправляются в долгий путь на поиски настоящего «изографа», потому что светские художники «изучены представлять то, что в теле земного, животоловбивого человека содержится, а в священной русской иконописи изображается тип лица небожительный, на счет коего материальный человек даже истового воображения иметь не может». На глазах «дивозрителей» «талантствует» «мудрый изограф», творя рождественские иконы, которые он надписал удивительным словом *«Доброчадие»*, тем самым как бы призывая всех быть «добрыми чадами» своего Небесного Отца.

Таким образом, лесковский «рождественский рассказ» «Запечатленный Ангел» — этот, по слову А. А. Измайлова, **«Василий Блаженный в письменности»** — явился образцом «редкого отеческого художества», которое возможно только при условии высочайшей нравственности, красоты духовной самого художника, творца прекрасного, вдали от суеты и корысти.

Знаменательна в повести фигура отшельника Памвы, который **«весь любовью одушевлен»**. Образ жизни в лесном ските смиренного «анакорита», «беззавистного и безгневного» отца Памвы: «согруби ему — он благословит, припей его — он в землю поклонится, неодолим сей человек с таким смирением!» — напоминает житие аскета-пустынника преподобного Серафима Саровского, с его тяжелым и скорбным и в то же время благодатным путем подвигов молитвы и самоотречения.

Как замечал знаток древнерусской религиозности Г. П. Федотов: «найдется иногда лесной скиток или келья затворника, где не угасает молитва.

<...> Преп. Серафим распечатал синодальную печать, положенную на русскую святость, и один взошел на икону, среди святителей, из числа новейших подвижников. <...> Оптина Пустынь и Саров делаются двумя центрами духовной жизни: два костра, у которых отогревается замерзшая Россия».

Также и старец Памва в рассказе Лескова толкует о грядущем «распечатлении» Ангела: **«Он в душе человеческой живет, суемудрием запечатлен, но любовь сокрушит печать...»**

Этими словами святого отшельника — героя своей повести — Лесков спустя более 140 лет после создания «Запечатленного Ангела» подает нам надежду на любовь и милосердие Божие. Писатель ободряет нас, сегодняшних, загоняемых в электронный концлагерь, с его ужасающей перспективой нанесения «печати зверя». То, что многие считали жутким кошмаром, на наших глазах превращается в реальность и совсем уж близко к воплощению: «всем — малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам — положено будет начертание на правую руку их и на чело их» (Откровение 13:17).

Но святому Иоанну Богослову в его видении предстали также «победившие зверя и образ его, и начертание его и число имени его» (Откровение 15:2). И один из семи Ангелов, исполнивши волю Божию, открыл святому Иоанну: «Зверь, которого ты видел, был и нет его, и выйдет из бездны и пойдет в погибель» (Откровение 17:8); «и Агнец победит их; ибо Он есть Господь господствующих и Царь царей, и те, которые с Ним, суть званые, избранные и верные» (Откровение 17:14).

ВЫШЛА КНИГА

Иеромонах Роман (Матюшин)

Последний снег: стихотворения. — СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2013. — 254 с.

Стихотворения иеромонаха Романа (Матюшина) известны не так широко, как его песнопения. В сборник «Последний снег» вошли стихи, написанные с 1992 по 2003 годы.

Много лет назад иеромонах Роман (Матюшин) поселился в скиту Ветрово и редко бывает среди людей, но знаком и близок очень многим. Его песнопения звучат по радио, в концертных программах эстрадных певцов, в храме, в дружеском кругу и у детской кроватки. Вырастая из Евангелия и Псалтыри, продолжая лучшие традиции русской поэзии, стихи отца Романа обращены к любому сердцу. В сборник «Последний снег» вошли слова песнопений иеромонаха Романа, а также стихотворения, которые не были положены на музыку.

Владимир КРУПИН

КРЕСТ И ПРОПАСТЬ

*К 700-летию
прп. Сергия Радонежского*

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 году в с. Кильмезь Кировской области, сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был главным редактором журнала «Москва». С 1994 года преподает в Московской Духовной академии. Главный редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Исконный враг рода христианского — сатана более всего боится не столько нашей Веры в Бога, он и сам лучше многих знает о существовании Господа, сколько нашей действительной работы во имя этой Веры. Не нами замечено: когда, утепляя свою жизнь, мы покрываемся одеялом страстей и пороков, тогда бесы пляшут от радости, а когда мы действуем — бесы неистовствуют. И сколько же нужно было страданий, чтобы понять: невозможно без Господа не только построить государство, даже единой жизни осмысленно прожить. Смысл жизни высвечивается только Божественным светом. Во имя чего живет человек? Во имя освобождения от первородного греха, от грехов собственных, во имя хоть крохотного приближения к естеству и подобию Божию. Но как же те, кто и знать не знает о таком условии? Ответ один — они живут бессмысленно, и их жалко.

Неудобное небесам строительство Вавилонское, разрушенное в назидание и посрамление гордыни человеческой, научило людей, с точки зрения вечности, ненадолго. Как же была слаба наша натура, что вновь обольстилась мыслью о достижении рая на земле. Разве мы перестали быть смертными, разве кому-то удавалось захватить в могилу зарплату и привилегии, звания и награды, разве кого-то похоронили не в одном, а в трех костюмах с тремя галстуками? Нет, только того и добились, что миллионы неотпетых душ витают в ближайшем пространстве, наводя на живых ужас новыми обликами прежней нечистой силы.

Когда незачем жить, то незачем любить детей, родителей, землю, траву, птиц? Но есть, есть моменты в жизни каждого, когда гремит гром небесный над головой, когда понимает человек все несовершенство своей

природы, понимает, как слаб он, как беспомощен и как стремительно летит жизнь к земному пределу. Оглянется он вокруг и увидит, что почти все так живут, этим и утешит себя. Но нет, не все. Но как спастись? Таинствен и недостижим Господь и небесное его воинство. Но понятны и доступны праведники. Они ходили по этой же земле, что и мы, смотрели на то же небо, видели такие же деревья. И от этой мысли, что внешне праведник походил на любого из нас, идет понимание достижимости спасения. Если земной человек достиг такой святости, такой способности к проникновению времен и пространств, значит, и нам не заказаны их пути. Но как ступить на эти пути? Постом и молитвой, исповедью и причащением? Да, но это доступно и фарисею. Что же еще? А еще — и главное — труды, труды во славу Отечества, той земли, на которой впервые увидел свет Божий. Восстановление погранных национальных святынь, воссоздание храмов и алтарей, возжигание лампад и в нарядном соборе, и в тесном жилище.

Ни одной земли не оставил Господь без праведников. И мы верим в то, что прежде чем послать в какие-либо пределы своих апостолов, Христос сам посетил их. И праведники, просиявшие в Российской земле, шли Господними тропами. Среди них нет иерархии, как нет им и отдыха у престола Господня, заботы о нас одинаково тяжелы и легки им, но кажется, что более всего молитв из Российской земли возносится к Преподобному Сергию Радонежскому. С горних высот слышал он Божественные глаголы, а нам, грешным, дано слышать его неумолкающий, наставляющий зов. Мы от того идем к Преподобному, что заблудились в своей жизни, от того припадаем к золотому шитью пелены над его мощами, чтобы вдохнуть неизъяснимой свежести и сладости, сразу заставляющих чаще и чище биться наше сердце.

Как неизъяснимо тревожно и благодатно стоять затем среди других, впитывая растворенной душой древний, вечный распев: «Господи, помилуй», — а самому глядеть и глядеть, как бесконечно притекают к Преподобному мужчины и женщины, старцы и юные, как золотятся огоньки на вершинках свечей, как целая роща их, постоянно изгорая, не убывает никогда. Как отражаются огни в окладах икон, как нарядно освещают ворох поминальных листочков, а на них сотни и сотни имен.

Какие светлые лица, какие ясные взгляды, какая высота смирения и какая сила в этих людях. Не нам пытаться степень их Веры в Господа, не нам знать промыслы Господни, но нам знать, что крест, на нас возложенный, надо нести с радостью и безропотно.

Священник, живущий близ Лавры, рассказал мне притчу о крестонесении. Вот она:

Каждый несет свой крест и каждому определен крест по силам. А одному человеку показался очень тяжелым свой крест. Он устал от его тяжести. И решил отпилить его. И отпил. Крест сразу стал легким, человек пошел легко и быстро обогнал другого человека, который не уменьшал тяжести креста. Налегке человек шел по дороге, шел быстро до тех пор, пока дорога не оборвалась пропастью. Человек положил над пропастью свой крест. Крест еле-еле достал края пропасти. Человек пошел по нему и оборвался. Второй человек подошел к пропасти и перешел ее по своему кресту, как по мосту, крепкому и прочному.

Так что не только роптать нельзя на тяжесть креста, напротив, радоваться, что крест становится все тяжелее. Кажется, уже некуда быть тяже-

лее российскому кресту, но это еще не предел. Зато грядущие пропасти мы перейдем благодаря ему. И если с нами такие люди, как Преподобный Сергий, киево-печерские и оптинские старцы, соловецкие угодники и мученики, то разве можно чего-то бояться. Споткнувшись, встанем, подпояшемся и вновь примем на себя крест по силам и почувствуем с радостью, что легко бремя Христово, что радостен труд и собственного спасения, и спасения заблудших, и спасения многострадального Отечества. И тем более, что все более и более крепнет уверенность, что неоткуда миру ждать спасения, кроме как от пределов Российских.

ВЫШЛА КНИГА

Филипп Москвитин Романовы и святость

К 400-летию Дома Романовых

Альбом-каталог современного русского художника Филиппа Москвитина «Романовы и святость», изданный московским издательством «Бослен» в конце 2013 года, приурочен к открытию в столице одноименной выставке мастера, посвященной 400-летию Дома Романовых. Так об истории создания цикла картин на Царскую тему и о его духовной значимости пишет Валентина Ефимовская, автор текста книги.

«Царскую тему, как одну из главных тем, Филипп Москвитин разрабатывает на протяжении всей своей творческой жизни. Но именно дата 400-летие Царского Дома Романовых позволила осмыслить и представить с исторической высоты XXI века и совокупный вклад династии в развитие России, и значение в российской истории личности каждого русского Царя. Национальная история, как доказано столетиями, служит опорой национального сознания и, что особенно важно в наши разрушительные времена, основой самопознания народа. Трудно переоценить значение художественного подвига Филиппа Москвитина в разработке Царской темы, вызывающей широкий интерес и активно влияющей на мировоззрение сегодняшнего человека.

Следует отметить, что произведения Филиппа Москвитина не только показывают нам ключевые исторические события православной России, но своей насыщенной образностью, символическим строем заставляют зрителя проникнуться интересом к духовному подтексту и обратиться к историческим первоисточникам.

Портреты русских Царей и Императоров в образах, раскрывающих их духовные и государственные подвиги, свидетельствуют о духовном пути России, предопределенном замыслом Божиим».

Олег СЕЛЕДЦОВ

СТРАСТИ ПО СЕРГИЮ

Главы из нового
исторического романа

*К 700-летию
прп. Сергия Радонежского*

Олег Валерьевич Селедцов — родился в 1968 году в г. Бодайбо Иркутской области. Член Союза писателей России, государственный стипендиат Министерства культуры России по итогам 2004 года, участник форумов молодых писателей России (2001 и 2004 гг.), член Союза журналистов России, автор 8-ми поэтических сборников и книги прозы. Награжден орденом Преподобного Сергия Радонежского III степени и медалью Сергия Радонежского I степени Русской Православной Церковью. **Живет в Майкопе, Республика Адыгея.**

Укутанное толстым, на манер персидского, ковром тумана это последнее утро последних теплых дней уплывающего по Непрядве и Дону короткого русского лета было тихим и свежим. Уже и птицы не пели ранние свои гимны, а все чаще собирались на совет, обсуждая будущий перелет в края, где солнечно и тепло. Поля эти издавна назывались Куликовыми, но скоро не останется в ковильно-полынно-ромашковой девственности непаханых степей ни кулика, ни стерха, ни иного журавля. Лишь снегири да зимородки будут хозяйничать в метельно-буранных перерывах на будущих снежных просторах этой степной вольности.

Тихо, свежо. Лишь временами выбрасывает туман из липко-густого чрева то храп беспокойной лошади, то звон тягучей тетивы, то шепот рождающегося из ложесн ножен булатного клинка. И только сороки в дубраве трещат и трещат с дикой тревогой, словно зная, что вот еще чуть-чуть, еще малость, еще мгновение... И... Начнется.

Начнется? Что? Туман замер. Замерло поле. Замерли воды вольного Дона. Замерло время. Может, не надо? Может, рассеются туманные сугробы и откроют лишь безбрежный покой донских берегов да девичьи косы Непрядвы, обвившие шею суженого своего? Да этот духмяный простор, сотканный из цветов, меда, горьких трав, пчелино-шмелиного жужжания да птичьего пересвиста.

Поздно. Уже развернуты полковые знамена. Уже трубачи, привстав в седлах, поднесли к губам покорные трубы. Уже барабанщики срослись в единое целое с бешеным ритмом готового взорваться барабанного боя. Натянуты тетивы луков и арбалетов. Сторожевые полки оцетинились

длинными копьями. Щиты, обреченные на избиение, последний раз любуются рассветом перед неминуемой казнью.

Тихо. Свежо. Плеснула по воде хвостом большая рыба. Ворон, прокричав трижды, взметнулся ввысь, чтобы лучше видеть. А темник хана поднял вверх свою почти железную, закованную в вечную броню руку.

И сейчас же тысячи стрел, зашипев зловеще, засвистев воровским посвистом, рванули в беспощадный полет, укрыв до поры на стальных наколенниках тысячу маленьких, но настоящих смертей. Небо над полем стало черным и красным, в тон ханским каленым красным стрелочкам.

Велик аллах. Не выдаст он верных своих, обернет в бегство и предаст смерти жалких и глупых русичей.

Темник сделал знак, и тяжелая ханская конница, состоящая из племенной знати наследников Великой империи Чингисидов, двинулась на сторожевые полки московского князя, с каждым мигом наращивая скорость и мощь предстоящего удара. Такого удара не выдерживал никто. Никогда! Не выдержит и Димитрий.

В центре конной армии Мамая, молча, уверенно мчит сам темник. Поверх длиннорукавной кольчуги на нем доспех из позолоченных пластин, с пластинчатыми оплечьями и золотыми наплечниками в виде человеческих лиц. Золото купается в утреннем солнце. Резвится, играет в салки беспшашный солнечный луч, добавляя азарта и удали пьянеющей от жажды боя коннице.

Рядом с ним обезумел от молодецкой удали ханский знаменосец, поднявшийся в рост на стременах, дразнит рвущимся из рук стягом обреченных на гибель москвитов.

Двигается, летит ордынская конная лавина — не остановишь. Стройны ряды знатных копейчиков, едва поспевают за ними генуэзские наемники, армянские конники, черкесы, родившиеся на конях и с саблями в отнюдь не младенческих руках. То-то будет потеха, то-то будет забава, то-то будет после пирушка коршунам, шакалам да прочим падальщикам.

Глупый русский князь накануне переправил полки через Дон, отрезав себе путь к отступлению. Что же! Так тому и быть. Покончим разом и навсегда с москвитами и прочими ярославцами, суздальцами и ростовцами. Спалим дотла русские веси и леса, обратив их в вечную покорную степь, водрузив над нею стяги великого хана, нового Темучина, грозы миров, покорителя Вселенной!

Правда, перед самой битвой, по обычаю того времени, на потеху хану и воинам, сошлись в поединке на виду полков два ратника с обеих сторон. Два могучих витязя, два великана непобедимых. Оба пали, став первой жертвою будущей сечи. И рухнул ханский вой на родную степь. Содрогнулась земля, задрожала от удара. А русского ратника верный конь вынес к своим. Но это ничего не значит! Ровным счетом ничего. Участь Руси решена. И быть сей участи кровавой и слезной!

На берегу смиренного Дона, за широкой полосой степного разнотравья, отделившего русские полки от речной стыни, лежал инок. Скуфейка, упав с головы, обнажила не знавшие девичьих ласк русые волосы. Страшная черная рана зияла на черном подряснике против того места, где был недавно нательный крест. Инок-воин глядел распахнутыми настезь слюдяными глазищами в синее осеннее небо. И небо, отражаясь в синеве застывших

глаз, само стало огромными глазами, глядящими откуда-то из бездн времени и пространств на улыбавшегося Богу мертвого монаха. По Непрядве сквозь неправды веков и мироправителей вдруг проплыла белая лебедь. Но напрасно искать ту лебедь глазами, тщетно напрягать слух, дабы услышать трепет белоснежных перьев. Немногим, ой, немногим дано было видеть и слышать лебединую песню чистой, уходящей в горнее души.

Инок все также улыбался небу, а битва уже без краев. Исполнившись ожиданием, вспенилась, вздыбилась... И тут, посреди свиста стрел, треска копий, ржания коней, стонов раненых и хрипа умирающих до слуха каждого бывшего в поле долетел голосистый звон невидимого колокола.

Бом... Ударил колокол. Да так, что споткнулся конь под ханским темником. Да так, что вздрогнули укрывшиеся за надежной броней конные копейщики. Так, что шатнулся шатер покорителя Вселенной золотоордынского хана Мамаю.

Бом... Слышат этот звон и русские воины. И те, кто принял уже на себя смертоносный удар железной ордынской конницы, и те, кто лежит втоптаный стальными копытами в жирную степную землю, и те, кто святым женихом готовится принять-полюбить свою суженую — слепую смертушку.

Бом... Слышит звон и князь Димитрий. Он снимает с головы золоченый шлем с кольчужной брамицей да со стальной и в золоте личиной, воспроизводящей лицо человеческое, и истово крестится на свой стан, где взирает на русские полки с иконной грустью-покоем Сама Пресвятая Владычица.

Бом... Катится, катится, катится по степному бескраю колокольный звон. Серебряный звон. Печальный звон. Скорбный звон. Золотой звон. Звон надежды. Звон правды.

Бом... И уже где-то там, в забытом сентябре, в день Богородичного праздника, в минувших веках, в уплывших с рекой столетиях остались сеча грозная, крики раненых, плач ломающихся мечей, злая песня лютой смерти.

А по полю, где некогда решались судьбы мира, шел человек. И на шее его сидел синеглазый малыш. Человек осторожно, словно боясь навредить, ступал на степной ковер Куликова травного буйства. Ромашки, васильки, душица, клевер, тысячелистник, чабрец... О, не старайтесь назвать их все — напрасный труд. Человек шел по полю, не опасаясь, что красная ханская стрела или тяжелое с гривой копье прервут его степной заплыв. Человек шел по полю. Он был счастлив. Над ним синело бескрайнее летнее небо, под ним простирался вечный степной океан.

И вдруг... Бом... Эхо далекого колокола достигло ушей человека. Он остановился, снял с плеч синеглазого мальчика и истово перекрестился в сторону Дона, туда, где почти шесть с половиной веков назад находился стан русского воинства.

Круг замкнулся. История догнала свое разыгравшееся эхо. Мальчонка, улыбаясь, соединил лучистое синеглазье с синевой небесных очей.

А по тихому покою совсем юного Дона проплыла, поигрывая снежными перьями, белая красавица лебедь.

Мальчик рассмеялся. Звонко, залиvisto. Человек подкинул его вверх, поймал счастливого, усадил на плечи и зашагал себе дальше.

А у самого берега стоял себе неприметный старичок. И, глядя на лебединую снежность, на отцовскую нежность, на степное диво и колокольное

чудо, лучился улыбкой. Уже скрылся из виду человек с мальчиком на плечах, скрылась, навеки пропала лебедь — чистая душа. И колокол не тревожил более степной покой тревожно-нежными раскатами. А старичок все также стоял на берегу Дона. Стоял и улыбался. Этому полю. Этому Дону. Этому небу. И... Богу.

* * *

О, русская земля, уже ты за холмом! Так восклицал некогда князь Игорь, ведя полки походом на половцев. Красивы и привольны были русские земли, но было их все-таки не так много, как теперь. Мы едем уже третьи сутки, и нет конца и края этому природному совершенству.

Когда иные любители наук и статистики начинают вычислять, сколько Франций, Италий, Швейцарий и прочих Норвегий могло бы поместиться на той или иной русской территории, мне становится скучно. Ни в километрах квадратных дело. Вообще, Гитлеру или Наполеону, прежде чем нападать на Россию, надо было бы проехаться поездом, обычным пассажирским, не экспрессом от Брянска до Владивостока. Я думаю, оба они где-то за Челябинском заскучали бы, в Новосибирске стали бы пить сердечные капли, в Якутске на них напала бы черная меланхолия, а к Хабаровску обоих бы вынесли из вагона на носилках, вперед ногами.

Русь — это полнота. Географическая, этническая, социальная, языковая, религиозная. Это совершенство. Да, пусть живем мы не так сладко, как в тех же Норвегиях, Швейцариях, Франциях и прочих Даниях. Но ведь живем же. Хотя миллион раз уже по всем прогнозам, подсчетам и расчетам должны были гикнуться и копыта отбросить. А мы живем. Не в Парижах и Женевах, а в бесчисленных Николаевках, Вознесенках, Ивановках, Ивановых и Ивановских. От названий наших населенных пунктов кружится голова: Конь-колодезь, Новый Режет, Бульбухта, Большое Струйкино, Гусь-Хрустальный, Добрые Пчелы, Жидилов Бор, Устюжна Железнопольская, Большой Ужин, Сольвычегодск... Продолжать можно до-о-о-лго! Как-то в детстве за какой-то надобностью мне нужно было найти на карте село Талица. Так вот, только в Архангельской и Вологодской областях нашлось их штук семь. Каравай-каравай, какую хочешь Талицу выбирай.

А промыслы наши? Кто не знает эти названия: Гжель, Холуй, Хохлома, Дымково, Богородицк, Палех, Жостово, Вологда, Оренбург, Федоскино, Дулево?..

Русь — это полнота. Кажется, вообще невозможно сегодня произнести слова древнего русского князя о земле, оставшейся за холмом. Нереально это. Не верится, что где-то за поворотом, за холмом, за лесочком эта полнота вдруг может нарушиться. Не бывает такого. Не бывает и все.

Третьи сутки едем. Далеко где-то остались Донские и Воронежские степи. Здесь, в Подмосковье, все больше широколиственных лесов. Березки, березки, березки. Красотища! Дон остался позади. Ока. Впереди будут Волга, Нева. Мне посчастливилось. Я за свою жизнь повидал многое, видел, например, великие русские реки: Лену, Енисей, Обь, Иртыш, Амур. Может, конечно, Нил, который африканский, подлиннее будет, а Амазонка — более полноводна, а Ганг и вовсе обожествлен, но мои, во как сказал, мои реки все одно милее, словно вытекают они не из слабых, затерянных

в глуши истоков-родников, а из собственных моих вен, протекая через все мое тело и всю мою жизнь. Прекрати, например, Ангара свое течение, прекращусь в тот же миг и я, и сотни тысяч таких же, как я, сумасшедших чудиков, чуждых европейско-американскому социальному раю. Они также прекратятся, ведь в их жилах течет кровь русских земель. Все эти Доны, Кубани, Печоры, Витимы, Олекмы, Камы и Северные Двины.

О, русская земля, уже вокруг меня ты.

Из Задонска мы выехали сегодня рано утром. Позавчера, уже поздно вечером, за нами прислали автобус из Воронежа, и во втором часу ночи мы были в паломнической гостинице Тихоно-Задонского монастыря. Утром на службу. Монастырь в Задонске чинный, красивый. Бирюзовое на бирюзовом. Соборы выкрашены в небесный цвет и в хорошую погоду едва не сливаются с чистым небом, которого тут в изобилии. И только золотые купола молитвенными свечами пылают на солнце между синью соборов и синью небес.

Очень полюбился здесь всем нашим один старичок-схимник. Возникал он словно из ниоткуда. Вот только что никто его не видел, а теперь уже толпа народа теснится вокруг, того и гляди раздавят дедушку ненароком. Все норовят почему-то поближе, все убеждены, что это не простой старичок, а обязательно святой старец.

— Благословите, батюшка! — тянутся к нему люди.

— Не могу я благословлять, — смеется в ответ старичок. — Не священник я, просто монах.

Но нашего брата-паломника не проведешь. Раз куколь на голове да еще и крестами украшенный с Адамовой главкой, значит, схимник, а раз схимник, то как есть святой молитвенник. И упорно тянутся к старичку ладошки для благословения. Схимник снова смеется, по-доброму, так, словно ребенок, пожимает протянутые ладошки и повторяет без устали:

— Не священник я, нельзя мне.

Постепенно толпа вокруг него редеет, люди бегут по своим нуждам, кто к мощам приложиться, кто свечей прикупить и все такое. Старичок наконец может продолжить свой путь, но не тут-то было. Появляется новая группа паломников и, не сговариваясь, все сразу бегут к святому схимнику под благословение. Не помню, удалось ли ему достичь цели своего пути.

Искупались мы в святом источнике, обедали и ужинали в монастырской трапезной. Пища в монастыре простая, без особых изысков, но питательная и полезная. А бывает настолько вкусная, что, кажется, ничего вкуснее в жизни не пробовал. Однажды в Дивеевском монастыре нас за послушание повезли в дальний скит копать картошку. Картошка здесь реденькая и не такая крупная, как у нас на Кубани, но, худо ли бедно, нужное количество мешков мы накопили. Ну и сестры в скиту решили нас накормить. Боже мой! Что это была за вкуснятина. Мы всё умяли и как один все попросили на радость сестрам добавки. Сестры действительно очень обрадовались, что угодили нам своей стряпней, а после, уже в монастыре, мы узнали, что оставили сестер в скиту без обеда. Ведь готовили они по привычке только для себя, а тут мы, да еще и добавку затребовали. Вот так.

Пока мы были в Задонске, нам из Майкопа отправили новый автобус взамен безнадежно поломавшемуся. Такой же корейский, с таким же узким пространством меж кресел, но другой. Типа новый, извините за сленг.

И вот сегодня ночью, в четыре часа погрузили мы свои вещи в багажные отсеки, погрузились сами в не успевшее остыть от непрерывного бега нутро автобуса и, помолясь, продолжили путь. Женщины решили петь «Богородицу» по-дивеевски. Ну, это для тех, кто не знает, сто пятьдесят раз нужно спеть молитву: «Богородица дево, радуйся», через каждые пятьдесят молитв добавляя: «Отче наш».

Так, под молитвенное пение проехали Елец, Ефремов. Где-то в стороне остался Липецк. В Тульской области паломницы, охрипшие от пения и утомленные дорогой, начали дремать. А я беспокойно заерзал на своем мягком кресле, напряженно вглядываясь в степную даль. Давно рассвело. И степь лежала ровненькая, умытая золотом утреннего солнца. Хорошенькая такая, как картинка из далекого детства.

А я все глядел, словно боялся прозевать нечто очень и очень важное. Что? Глупости, конечно. Просто... Где-то там, ну, правее, конечно, значительно правее, с трассы даже в бинокль не увидишь, но все равно здесь, в этих местах вышли полки московского князя Димитрия на смертельную сечу с бесчисленным войском хана Мамаю. Хан привел с собой сто тысяч отборнейших ратников. Лучшее войско того времени. Лучшее.

Меня всегда занимало то, что в решающие мгновения истории русские воины в генеральной битве побивали войска именно лучшие из лучших. Петр разбил самую лучшую в Европе на тот момент шведскую армию. Кутузов одолел не знающую страха и поражений великую армию Наполеона. Нахимов на парусниках разгромил паровой флот Турции. Ополченцы и необстрелянные бойцы сибирских дивизий отшвырнули от Москвы на сотни километров лучшие дивизии вермахта.

Вот и на Поле Куликовом сошлись, по сути, русские ополченцы и ордынско-европейские профи. Да еще и на территории, принадлежавшей Орде. На вражьей тогда территории. Ну, это как если бы чемпиона города по боксу вызвал бы на поединок ваш одноклассник, хороший парень Витя Колесников, звезд с неба в спорте никогда не хватавший, но решительный и упертый. Чемпион согласился на поединок, но с условием, что драться будут в квартале диких боксеров, куда человеку без криминальной «крыши» показываться смертельно опасно, да еще в драке он, чемпион, может пользоваться кастетом, цепью и финкой, а Витя не может.

И вот поединок состоялся, и к удивлению всего человечества Витя Колесников, несмотря на кастеты, финки, злобную поддержку отморожков — приятелей чемпиона, наваял этому чемпиону так, что тот бежал, отплевываясь соплями и кровью, кварталов десять, пока не упал и не забился в истерике где-то в забытой людьми и Богом подворотне.

Утрирую? Сгущаю краски? Но разве что самую малость. В принципе, для того времени все было именно так, ну, или почти так.

За два года до Куликовской битвы Димитрий, будущий Донской, на реке Воже разгромил войско мамаева воеводы Бегича. Татары переправились через реку и мощной лавиной с криками и гиканьем ударили по русским. Обычно ни одна армия не выдерживала подобного натиска, но русские полки держались крепко, ведь кроме копий, мечей и топоров имели они еще и самое сильное оружие — мужество, плюс храбрость да еще и упование на Господа Христа и Богородицу.

Русские не только сдержали натиск конных лавин Бегича, но и перешли в контратаку. С одной стороны по татарам ударил князь Даниил — союзник Дмитрия, с другой стороны удар нанес московский окольный Тимофей. Окольный — это что-то типа влиятельного чиновника в современном министерстве иностранных дел. Он участвовал в приемах иностранных послов, обеспечивал княжеские путешествия. Так вот в тот день на Воже Тимофей обеспечил очень уж радушный прием непрошеным послам из Орды. Сам Дмитрий ринулся на татар в центре. Не ожидал Бегич такого поворота. Не ожидали ордынцы, привыкшие к легким победам. Бились храбро, но дрогнули. Кто уж там первым бросил копье и повернул верного коня в сторону спасительной степи — об этом мы уже не узнаем никогда. Но следом рванулось и все остальное войско татар. Да хорошо бы спрятаться в степи, но позади была Вожа. Приток Оки. Не очень-то и глубокий. Вот только для закованного в броню коня и бронированного всадника и малая глубина обращается в бездну.

Множество татар было перебито на берегу. Еще больше навсегда скрылись в мутных от крови водах Вожи.

Узнав о поражении Бегича, Мамай пришел в неопишемую ярость. Сколько голов покос он глупым рабам, стараясь хоть на мизинец утишить пылающий тысячью факелов гнев. Кровью погибших слуг клялся хан, что не успокоится до тех пор, пока не предаст Дмитрия на самую страшную, самую долгую и мучительную смерть.

Но сразу же идти на Москву не захотел. Нет! Понимал, что Москва укрепилась, что с налету, как пытался Бегич, русских теперь не взять. И стал собирать войско. Два года готовился. Два года! Сто тысяч самых-самых, лучших-прелучших, владеющих оружием и сидящих в седлах, словно боги — вот что такое армия Мамаю. Кроме множества татар под ханские знамена стали генуэзцы, ясы, касоги, литовцы и даже русские. Именно так. Рязанский князь Олег из страха за свои земли поспешил вступить с Мамаем в союз.

Не спешите осуждать несчастного. Таковы были нравы того времени. Правда за сильнейшим. А сильнейшим, бесспорно, считался Мамай. Да только забыл Олег завет предка Александра Невского. Правда и сила — не одно и то же. Бог не в силе. Бог в правде.

И правда возобладала над силой.

По случаю Куликовской победы, как говорят летописцы, была на Руси радость великая, но была и безмерная печаль. По убитым на Дону. До сих пор потомки героев Куликова поля поминают павших за Русь воинов каждый год в Дмитровскую родительскую субботу. Шестсот тридцать лет. Каждый год!

Оскудела тогда земля русская, оскудела совершенно. Воеводами, слугами и всяким воинством. И от этого, вздыхает летописец, был страх большой по всей Руси, ведь некому было больше, взявши меч, стоять насмерть за родную землю.

Вот почему год спустя, придя на Русь, другой хан, Тохтамыш, не встретил русского сопротивления, разорил и сжег Москву.

Москву. Вот она, за окном. Необъятная. Красивая. Шумная. Властная. Такую сожги поди, такая сама кого хочешь сожжет.

Мы все зачарованно любимся окраинными пейзажами кольцевой дороги. Вот она — Москва! Отсюда почти не видно золотых главок ее церквей.

Не видно гранитных набережных. Не видно суеты вечернего Арбата. Не видно стен древнего Кремля, выкрашенных утренним солнцем в красивый нежный цвет. Не видно Хитровского рынка и баррикад на Пресне. Не видно зоопарка, планетария и высотки на Садовой-Кудринской. Не видно МХАТа, Большого и Малого театров, Ленкома и «Современника». Но все это здесь. Я вижу их. Вижу мою Москву. Вижу Ордынку с ротондой Скорбящинской церкви. Вижу Сретенку и народ, Крестным ходом встречающий Владимирскую Заступницу. Слышу колокольный трезвон, возвещающий о рождении в невзорванном вечном Чудовом монастыре венценосного наследника, будущего Царя-освободителя. Слышу, как вычерчивает знаменным пением старообрядный хор Николы в Берсеневе древнюю, неподвластную властям и времени молитву — наследие наших пра-пра-пра и еще много раз пра дедов.

И еще вижу зарево. Страшное, останавливающее мое сердце, зарево московских пожаров. Так горела Москва при Наполеоне, так горела при Грозном Царе. Так горела во время нашествия Тохтамыша.

Горят, горят посады и торговые ряды. Нет пощады ни церквям, ни боярским хоромам. И даже Кремль — белокаменное чудо Москвы — не умеет спастись от ненасытной утробы огненного чудовища. Горят хоругви, горят кресты, горят иконы. Горит древняя русская правда.

Отче Сергие, не остави нас. Моли Бога о нас многогрешных. Укроти жадность огненного чрева. Спаси град сей от огня, нашествия иноплеменных и бесовского наваждения. На тя бо уповаем, скорый помощниче и предивный заступниче.

И Сергей слышит. И молит у престола Божия Самого Христа о прощении. За весь народ, за всю Москву, за всю Россию просит. И утихает пожар. И как на поле с выжженной стерней прорастают в новую весну сочные и щедрые всходы, так на московском пепелище вырастает, возрождается новая столица. Краше, богаче и сильнее прежней. Москва. Наша Москва.

Отче Сергие, помоги!

* * *

Это был один из последних теплых сентябрьских дней. С могучих дубов в монастырской дубраве медленно срывалась редкая листва. Лягушки, уставшие от последних бурных вечерних концертов, лениво сидели на камнях у рек и водоемов, греясь в незнойном солнечном послелетии. Звери лесные, словно более осведомленные, чем люди, готовились встретить осеннюю непогоду и грядущие за ней холода. Птицы, решающиеся на долгие рискованные перелеты, прощались с теплом и уютom родного пепелища.

А на вершине невысокого Маковецкого холма стоял и плакал Троицкий игумен. Штопаная не раз ряса монаха была мокра от слез так, словно он только что окунулся в открытый им новый источник.

Игумен плакал. И взору его, затуманенному слезами и укутанному молитвой, не были доступны ни предосенняя суета зверей и птиц, ни полуденная нега обнаглевших лягушек, ни тяжкие стоны умирающего леса.

Взором Троицкий настоятель был за много-много верст отсюда. Там, где в устье одной русской речки, коих бесчисленно на просторах Святой Руси, прямо теперь, в эти самые мгновения сжатыми снопами валились замертво ратники сторожевых полков Московского князя Димитрия.

Никон и Михай — любимые ученики игумена глядели на учителя издали, боясь потревожить слезно-молитвенное стояние. И только им двоим дано было видеть, как непрестанно от ног старца взлетали чистые, как нетронутый снег в лесной глуши, голубицы. Появлявшиеся ниоткуда и терявшиеся в бескрайности темно-синего, усталого неба.

— Что это, отче? — спросил Михай почти испуганно.

— Сие есть тайна велия, монах. Но сдается мне, неспроста плачет наш настоятель. И голубицы эти здесь неспроста.

— И что это за тайна? Умоляю, отче, откройся.

Дерзко вопрошал инок, неподобающе для спасающегося в пустыни отшельника. Но Никон, пораженный чудным видением, не устыдил молодого брата.

— Полагаю своим неразумием, что сии белые голубицы — сиречь души воинов за Христа и Богородицу сейчас, в этот миг погибающих. А слезами отец наш тела их омывает, к погребению готовит.

— Страшно-то как, отче.

— Страшно, монах. Идем. Не будем мешать тайне велий.

Истово покрестились монахи. Слезно молитву произнесли. И ушли чуть слышные в святую обитель.

А игумен продолжал молиться. Белые голубицы, торжественно взмывая, печальными стаями таяли в Божьей бездне. Время, точно алые струи Дона, размеренно текло через судьбы татей и судий. Где-то на маленькой нашей планете рождались и умирали люди, плакали младенчики, скорбели вдовицы, скребли беззубыми ртами размягченную в воде хлебную корку древние старики. Где-то горячие юноши клялись в вечной любви самым прекрасным во всей Вселенной девушкам. Где-то гибли в разгневанных водах океана целые города. Где-то рождались в беззащитных ключах могучие реки. А игумен продолжал молиться, пребывая взором в самом центре несмолкающей бури, грозной сечи, каких не видало еще человечество. Сечи за судьбу целых народов. Сечи за судьбу веры.

Все видел старец. Как опрокинуты были русские сторожевые полки. Как прошла, словно нож в озерную воду, конница Мамая сквозь станы русичей. Как лежала, припав к родной земле, словно скошенное сено, пешая княжеская рать. Как лилась по полюшку, точно вода из щедрого водопада, на пространстве десяти верст густая человеческая кровь. Как лошади ратные не могли шагу ступить, потому что устелена была степь не ковром из цветов и трав, а страшной накидкой из трупов воинов. Как ударил татарам в тыл из засады конным полком князь Владимир Андреевич Серпуховской. Как дрогнули басурмане, не выдержав натиска. Дрогнули. Сломались. Обратили в бегство вечно-победную свою поступь.

И видел игумен Троицкий, как сквозь версты и километры, сквозь года и века прорастают в великой степи красивые, шумные русские города, как возносятся златыми куполами к Богу русские белокаменные храмы, как растут, словно грибочки после щедрого летнего ливня, православные монастыри, как бегут по морям не утлые лодочки, а могучие пароходы, как, прорезав степь длинными, льняными нитями скоростных дорог, хозяйничают в бывших ордынских весах поезда и автомобили. Как бежит себе, торопится в дальний южный Майкоп автобусик с усталыми, но невероятно счастливыми паломниками.

И слышал игумен, как отовсюду: из Москвы, и земель Псковских, и от Сибирских пределов, и с края земли, с Сахалина, и с Кавказских гор, и с финских шхер, и с Крымского раздолья, отовсюду, ОТОВСЮДУ слеталось, слетается и будет слетаться к нему, к Троицкому монаху, искреннее, сердечное, настоящее: «Отче Сергие, моли Бога о нас! Моли Бога о нас, заступник наш, утешитель наш, молитвенник о душах наших!»

Слышит Сергей. И молится. Сквозь версты и века. Молится.

Преподобный отче наш, Сергие, моли Бога о нас...

ВЫШЛА КНИГА

Романов Р. Н.

Чиновник Авдий. 2013.

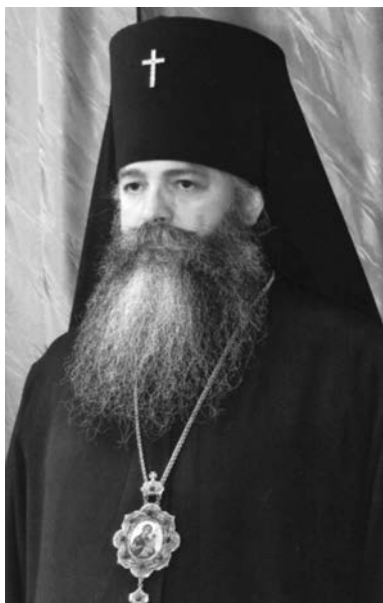
Окружающая жизнь настолько абсурдна, царящее в ней зло настолько многогранно, персонажи, наполняющие коридоры власти, столь иррациональны, что их описание требует не проверенного благородного реализма, а каких-то иных экспериментальных форм. Повесть «Чиновник Авдий» — политическая фантазмагория, политический гротеск, жутковатая сказка, в которой жизнь губернского чиновничества описана как сказание о змие.

Современная власть интерпретируется как метафизическое зло, и борьба с этим злом невозможна без вмешательства потусторонних сил. Писатель Романов знает эту жизнь как патологоанатом и, делая вскрытие, погружает скальпель на предельную глубину, извлекая мертвые органы, имя которым — губернская бюрократия. Труд для художника рискованный, но и почетный. Именно это опасное действие определяет язык произведения, его художественные приемы, его эмоциональный эффект, подчас подобный шоку.

*Александр Проханов, писатель,
редактор газеты «Завтра»*

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Архиепископ Курганский
и Шадринский
КОНСТАНТИН (Горянов)

ЗА УРАЛЬСКИМ ХРЕБТОМ*

*История Православия
в Зауралье с 1917 года
до наших дней*

*Продолжение. Начало «Родная Ладога» № 4, 2013.

Церковь на территории Зауралья в условиях советской политической системы (1917–1991)

За три с половиной века существования Православия на территории Курганской области было построено более 200 храмов. Однако за богоборческий период, начиная с революции 1917 г. до начала Великой Отечественной войны в 1941 г., в Зауралье не осталось ни одного действующего православного храма. Все они были закрыты властями в 20-е и 30-е годы, в части из них прекратились богослужения из-за отсутствия священнослужителей (сосланы, расстреляны). В годы войны на территории Курганской области сохранилось свыше 230 храмовых зданий. 43 из них использовались под культурно-просветительские учреждения, 18 — под промышленные и другие хозяйственные предприятия, 147 — под зернохранилища. Находилось в разрушенном состоянии 12 зданий, а остальные не использовались, т. е. пустовали. В Катайском районе име-

---

Архиепископ Курганский и Шадринский **Константин (Горянов)** — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1983 г. поступил в МДС. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС. В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Член СП России. Лауреат ряда премий. Правящий архиерей Курганской епархии с 2008 г.

лось 18 недействующих церквей, в Далматовском — 17, в Батурином — 14. Александро-Невская церковь в городе Кургане была закрыта в 1929 г., Свято-Троицкая — в 1937 году. Почти все храмы, закрытые в 20-е—30-е гг., были осквернены и находились в запущенном состоянии.

Пасхальные праздники 1942 г. — важная веха в истории Православия в Зауралье. 2 апреля 1942 г., перед Пасхой, с Великого Четверга возобновились богослужения в Петропавловской церкви города Куртамыш. В годы Великой Отечественной войны, помимо Петропавловской церкви, в Зауралье была открыта еще одна — Никольская в селе Большой Иткуль Чашинского района. Она не функционировала с 1938 г.; 19 октября 1944 г. Совет по делам РПЦ при Совнаркомом СССР разрешил открыть Никольскую церковь. В 1946—1947 гг. были открыты храмы и возобновлены богослужения: Воскресенский храм города Шадринска, Казанско-Богородицкий храм села Чимеево, Никольский храм села Боровское, Крестовоздвиженский храм села Звериноголовское, Крестовоздвиженский храм села Боровляника, Вознесенский храм села Костылево, Богоявленский села Усть-Миасское, Рождества Богородицы села Рычково. Таким образом, в годы войны на территории Курганской области имелось два действующих православных храма, в 1946 г. их стало семь, а к 1956 г. до начала 60-х гг. — 14. В 1961 г., в разгар хрущевских гонений на Церковь, снова были закрыты храмы в селах Чимеево и Рычково, в 1963 г. — в селе Костылево, в 1964 г. — в селе Колесниково.

С 1944 г. верующие г. Кургана безрезультатно в течение 12 лет добивались открытия в областном центре Троицкой церкви, в ответ на эти просьбы 25 мая 1956 г. хрущевские власти храм взорвали. И лишь 30 октября 1956 г. было разрешено открыть первую церковь в Кургане — Свято-Духовскую в поселке Рябово. По большим праздникам храм посещало до 800 человек, поэтому уже в 1963 г. церковь было решено снести под видом реконструкции поселка, а общине предложено обустроиться на новом месте — в пригороде Кургана Смолино, куда было перевезено крестильное помещение площадью 68 м², которое перестроили в молитвенный дом, дополнительно пристроив алтарь. Представители властных структур рассматривали здания недействующих храмов как потенциальную возможность создания новых приходских общин. Поэтому в своих отчетах уполномоченные по делам религий зачастую старались уменьшить количество недействующих церквей, показать непригодность храмовых зданий для возобновления в них богослужений. Если в 1958 г. власти насчитывали на территории Курганской области 230 зданий недействующих храмов, имеющих церковный вид, т. е. купола и колокольню, то в 1962-м, в самый разгар хрущевских преследований верующих, они, существенно занизив этот показатель, официально называли другое число — 79. В конце 80-х годов в Южном Зауралье было выявлено свыше 100 недействующих церковных зданий.

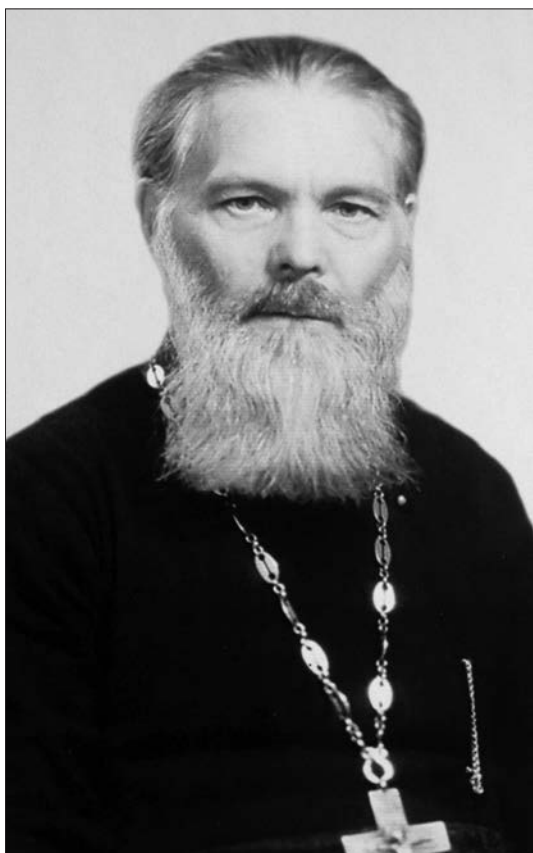
На 1 января 1962 г. на территории области имелось 12 действующих православных храмов, в которых проходило служение 16 священников, служили также три диакона, пятеро псаломщиков, церковный актив приходов насчитывал 283 человека. К концу правления Хрущева и его гонений на Церковь, к 1964 г. количество приходов сократилось до десяти и до конца 80-х годов практически не увеличивалось. По данным на 1 января 1978 г. в Курганской области на этих десяти зарегистрированных приходах служило 11 священнослужителей.

К началу 1991 г. на территории Южного Зауралья функционировало 38 религиозных организаций, представлявших девять религиозных течений. Среди всех конфессий региона ведущие позиции как по количеству своих организаций, так и по охвату населения (не менее 20 % всех проживающих в Зауралье) занимала Русская Православная Церковь Московского Патриархата. В 1987 г. на территории Курганской области насчитывалось лишь десять православных приходов. К 1990 г. их количество почти удвоилось. Были зарегистрированы новые православные общины в Кургане, Шадринске, Далматово, Щучье, а также в селах — Введенском Кетовского района, Прорывном Куртамышского района, Лисье Лебяжьевского района и в других населенных пунктах. К концу 1991 г. на территории области действовало 30 приходов РПЦ, к концу 1992 г. — 37. Борьба за выживание Русской Православной Церкви была в Зауралье, как и в целом по стране, очень тяжелой. Однако православные верующие нашего края вышли из нее достойно. Власти наносили серьезные удары по церковной организации, но не смогли убить в людях веру в Бога.

Острой была борьба верующих православной общины Кургана за передачу ей здания храма Александра Невского. Решение об этом было принято облисполкомом 25 августа 1989 г., однако лишь 5 декабря 1991 г. состоялся первый молебен во вновь открытом храме, где присутствовал председа-

тель Курганского горисполкома А. Ф. Ельчанинов. В январе 1992 г., на третий день после Рождества, в храме святого князя Александра Невского состоялось освящение престола, которое совершил архиепископ Екатеринбургский и Курганский Мелхиседек (Лебедев). Напомним, что с 1923 по 1991 гг. территория современной Курганской области входила в состав Свердловской, а с 1991 по 1993 гг. — Екатеринбургской епархии.

Рассматривая историю Православной Церкви Зауралья 1917—1992 гг., нельзя не вспомнить жизненный подвиг протоиерея Григория Александровича Пономарева, который в период воинствующего атеизма явил своей жизнью пример истинной пастырской любви к Богу и к ближним. О его жизни написаны книги, и он достоин этого: далеко не каждому священнику посылается столько испытаний и страданий, а кончины в один день с матушкой удастаиваются лишь единицы.

*Священноисповедник
протоиерей Григорий Пономарев*

Григорий Александрович Пономарев родился в 1914 г. в городе Шадринске. В четыре года маленький Григорий уже помогал в храме отцу, протоиерею Александру. Детям священников советская власть не позволяла получать образование в обычной школе, поэтому Григория учил отец, имевший два высших образования — медицинское и духовное. В 16 лет Григорий знал, что вся его жизнь будет связана с Православной Церковью. Он мечтал стать монахом, но встреча с будущей женой изменила его намерение. В юности Григорий был алтарником и псаломщиком в храме у отца. В 1936 г. он женился на певчей церковного хора Нине Сергеевне Увицкой — дочери протоиерея Сергея Увицкого. 1937-й год принес семье Пономаревых и радость, и горе: рождение дочери Ольги и рукоположение Григория в сан диакона, затем аресты родственников и арест самого о. Григория, который был осужден на 10 лет. Он попал в ежовскую «мясорубку» в 24 года, но не сломался ни физически, ни духовно. Страдания в ссылке были настолько ужасными, что даже после освобождения и реабилитации о. Григорий избегал разговоров и расспросов о годах заключения. В тюрьме о. Григорий ослеп, и когда по его молитве Бог вернул ему зрение, дал обет принадлежать только Господу и даже с горячо любимой женой жить как брат и сестра. Из мест лишения свободы о. Григорий вернулся в 1953 г. Весной 1955 г. он был реабилитирован.

После возвращения из ссылки о. Григорий окончил заочное отделение Ленинградской Духовной семинарии. С 1962 г. он служил в Свято-Духовской церкви в пригороде Кургана в Смолино. Многие годы батюшка жил очень напряженной жизнью: долго был единственным священником прихода, служил круглый год, не имел полноценного отпуска. Всю свою жизнь о. Григорий посвятил служению Господу, прославлению Его Святого Имени, молитвенно помогая страждущим людям. Его любовь к Богу и ближним выражалась частыми и продолжительными богослужениями, непрестанной молитвой, ночными бдениями, внимательным изучением Священного Писания и святоотеческих творений и многими другими, одному лишь Господу известными подвигами. Вскоре чету Пономаревых стали переводить с одного прихода на другой: в маленьких городах и поселках Курганской области стали открывать заброшенные церкви. Батюшка и матушка ездили туда на субботнюю и воскресную службы, возвращаясь каждый раз в свой маленький домик в Смолино. Такая жизнь продолжалась лет 5 или 6 и прекратилась лишь тогда, когда у о. Григория резко обострилась давняя болезнь. В 77 лет он перенес операцию, которая продлила ему жизнь еще на 6 лет. Отец Григорий и матушка Нина прожили вместе 61 год и 2 дня и почил о Господе в один день 25 октября 1997 г., явив своей смертью пример истинно христианской кончины.

Много есть на Руси «неугасимых лампад», в которых вместо елея день и ночь горит любовь пастырей Христовых к Богу и ближним. Будучи однажды зажжены, они свидетельствуют о Божией благодати и в окружении враждебного мира, и под ударами испытаний. Их можно назвать живой и благоугодной жертвой Богу...

Современная история Курганской и Шадринской епархии

Важнейшим событием в жизни православных верующих Южного Зауралья явилось постановление Святейшего Патриарха Московского и всея

Руси Алексия II и Священного Синода Русской Православной Церкви от 22 февраля 1993 г. об образовании самостоятельной Курганской и Шадринской епархии, которая была тем самым выделена из состава епархии Екатеринбургской. 3 апреля 1993 г. в Богоявленском Патриаршем соборе в Москве была совершена хиротония архимандрита Михаила (Расковалова) во епископа Курганского и Шадринского.

Одно из первых служений епископа Михаила в кафедральном соборе

Преосвященный Владыка Михаил (в миру Виктор Павлович Расковалов) родился 10 апреля 1953 г. в г. Свердловске в семье рабочих. После окончания средней школы работал лаборантом в медицинском институте, служил на Тихоокеанском флоте. После военной службы в 1976 г. поступил в Московскую Духовную семинарию, а потом — в Духовную академию, которую окончил заочно в 1983 году. В 1977 г. принят в число братии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, а 30 марта 1978 г. был рукоположен во иеродиакона и продолжал служение в Лавре до конца 1982 года. С января 1983 г. служил в кафедральном соборе г. Свердловска. 21 сентября 1984 г. в праздник Успения Пресвятой Богородицы архиепископом Свердловским и Курганским Платоном (Удовенко) рукоположен во иеромонаха. Последующие 9 лет продолжал служение Богу и Церкви в селе Николо-Павловское Пригородного района Свердловской области. В 1990 г. возведен в сан игумена, а в 1993 г. — в сан архимандрита. В 1993 г. по указу Патриарха и решению Священного Синода возведен в сан епископа и возглавил Курганскую и Шадринскую епархию.

Новая Курганская и Шадринская епархия имела в начале февраля 1993 г. 37 приходов. Она была разбита на три благочиния: Шадринское, Куртамышское и Курганское. Постепенно количество благочиний и приходов уве-

личивалось, и в 2003 г. на территории епархии действовало уже 65 приходов, четыре монастыря, служило свыше 80 священников. В 2003 г., в связи с 10-летием Курганской и Шадринской епархии и 50-летием со дня рождения, епископ Михаил был награжден церковным орденом преподобного Сергия Радонежского второй степени. За годы управления епархией Владыкой Михаилом были вновь открыты и началось восстановление древних Далматовского мужского монастыря и Свято-Введенского женского монастыря в селе Верхняя Теча, закрытых после революции и очень сильно разрушенных. Также путем преобразования из приходов были созданы два новых монастыря: в 2000 г. — женский монастырь Похвалы Божией Матери в селе Боровском, где ныне покоятся мощи священномученика Аркадия Гаряева, и в 2002 г. — Свято-Казанский Чимеевский мужской монастырь, где хранится известный Чудотворный образ Чимеевской иконы Божией Матери. 6 августа 1994 г. состоялось обретение честных мощей преподобного Далмата Исетского, прославленного в лике Сибирских местночтимых святых. В 2002 г. в числе новомучеников и исповедников Российских был канонизирован священномученик Аркадий Гаряев, священник Никольского храма села Боровского, замученный красноармейцами в 1918 году. А 10 июня 2007 г. духовенством епархии во главе с епископом Курганским и Шадринским Михаилом были обретены честные мощи священномученика Аркадия. В 2004 г. определением Синодальной комиссии по канонизации святых список иконы Божией Матери Казанской, именуемый «Чимеевская», был внесен в календарный месяцеслов для общецерковного почитания. В 2007 г. вышел первый номер ежемесячной епархиальной газеты «Православная газета — Курган», где освещались события в жизни Курганской епархии.

В 2008 г. состоялись торжества, посвященные 15-летию образования Курганской и Шадринской епархии. К тому времени в Курганской епархии насчитывалось в общей сложности 100 приходов, на которых служили 81 священник и 15 диаконов. В Кургане началось строительство Богоявленского храма. Проведены большие работы по реставрации Александро-Невского кафедрального собора, установлен новый иконостас, выполненный московскими мастерами в стиле Архангельского собора Кремля, была осуществлена роспись храма, которой ранее не было. Возведены купола, колокольня, построена звонница.

11 августа 2008 г., после скоропостижной кончины епископа Курганского и Шадринского Михаила Указом Святейшего Патриарха Алексия II временно Управляющим Курганской епархией был назначен епископ Магнитогорский Феофилакт, викарий Челябинской епархии.

6 октября 2008 г. Управляющим Курганской и Шадринской епархий был назначен профессор, академик, архиепископ Тихвинский Константин (Горянов), ректор Санкт-Петербургской Духовной семинарии и академии, которую он возглавлял свыше двенадцати лет. С момента вступления в должность нового Управляющего Курганской епархией епархиальная жизнь активизировалась. По инициативе и по благословию архиепископа Константина в епархии стал проходить ряд нижеследующих мероприятий, ставших впоследствии традиционными. Среди них **прошли впервые:**

— **Всероссийские Ильинские молодежные научно-богословские чтения.** Первые Чтения состоялись на базе Шадринского педагогического института 28–29 октября 2008 года. Организаторами конференций являются

Правительство Курганской области, Курганская и Шадринская епархия Русской Православной Церкви, администрация города Шадринска, ГОУ ВПО «Шадринский государственный педагогический институт», НОУ ВПО «Уральский институт бизнеса им. И. А. Ильина», Центр духовно-нравственного воспитания. Цель ежегодной конференции — обсуждение духовно-нравственных, социально-культурных, исторических, философских, политических аспектов воспитания и образования.

— **Православная выставка-ярмарка с международным участием «Добрый свет Рождества»**. Подобные выставки Владыка Константин курировал в течение 12 лет в Санкт-Петербурге, где они проходили под лозунгом «Православная Русь». Затем они перешли в Москву, Нижний Новгород, Екатеринбург, и вот дошла очередь и до Кургана. Торжественное открытие первой выставки-ярмарки состоялось 23 января 2009 г. в Курганском областном Культурно-выставочном центре. В выставке приняли участие 95 производителей товаров, приходов, монастырей. На сегодняшний день в выставке участвуют около 160 экспонентов из стран ближнего и дальнего зарубежья, представляющих широкий ассортимент продукции. Данная выставка является уникальной, так как впервые в Курганской области посредством ее проведения объединяется духовный потенциал всей России. Помимо этого, участники выставки представляют Белоруссию, Украину, Киргизию, Грецию, Пантелеймонов монастырь Святой Горы Афон, Израиль, Черногорию и т. д. В рамках выставки традиционно проходит широкомасштабная культурно-просветительская и деловая программа, включающая концерты духовной музыки и авторской песни, мастер-классы народного творчества, индивидуальные беседы со священнослужителями, фотовыставки и многое другое. Об успехе выставки свидетельствуют многочисленные письма и доброжелательные отклики ее посетителей и участников.

Открытие V Международной выставки-ярмарки «Добрый свет Рождества», 25 января 2013 г.

— **Общепархиальная исповедь духовенства.** Первая общепархиальная исповедь состоялась Великим Постом в 2011 г. в кафедральном соборе.

— **Дни православной книги.** Дни православной книги — это настоящий праздник культуры, который собирает вместе священнослужителей, педагогов, библиотекарей, представителей общественности, властных структур, студентов вузов и колледжей. В наши дни русская литература переживает непростые времена. На фоне рекламы циничного эгоизма и потребительства лучшие русские писатели продолжают нести читателям высокие идеалы любви к Отечеству, к ближнему, бескорыстия и правды. И особую роль в духовно-нравственном воспитании наших граждан, особенно молодежи, играет, конечно же, православная книга, которая должна быть доступна для наших соотечественников, прививая идеалы добра и справедливости, даря людям свет Христова учения. Стоит отметить, что особое внимание в программе празднования уделено детям. Так, украшением Дней православной книги стала удивительная выставка детских рисунков «Красота Божьего мира». На ней представлены десятки работ не только из г. Кургана, но и многих районов Курганской области. Мир, увиденный глазами ребенка, исполнен гармонии и чистоты. Деревья, птицы, луга и рядом — храмы. Живые и красивые. Все возвращается на круги своя.

— **Проведение Пасхального фестиваля клиросных хоров и ансамблей Курганской и Шадринской епархии** совместно с Курганским музыкальным колледжем им. Шостаковича. Данный фестиваль, прошедший впервые 17 мая 2009 г., является наглядным примером соработничества Церкви и светских музыкальных учреждений. Есть такое крылатое выражение: «Православие не доказывается, а показывается». Апостол Филипп из глубины веков призывает нас: «Прииди и виждь» (Ин. 1:46). Красота православного богослужения невозможна без звучащего церковного хора. Церковно-певческое искусство уже на протяжении многих веков является родным для русского человека. Знаменательно то, что в фестивале принимают участие не только взрослые, но и детские коллективы воскресных школ Курганской епархии, которые с особой радостью, исходящей из чистоты детских сердец, славят Воскресшего Христа.

— **Чимеевский фестиваль современной православной песни «Истина в Любви».** Первый Чимеевский фестиваль состоялся 21 июля 2011 года. В церемонии открытия фестиваля, проходившей на открытой площадке неподалеку от Свято-Казанского Чимеевского епархиального мужского монастыря, приняли участие: начальник Управления культуры Курганской области Вера Денисова; Заслуженный артист России, художественный руководитель Театра эстрады им. А. И. Райкина Юрий Гальцев, уроженец Курганской области. В состав жюри вошли светские и духовные лица. Художественным руководителем Фестиваля выступила известная зауральская певица Мария Фаллах. В фестивале приняли участие десятки коллективов из г. Кургана и Курганской области, ансамбли молодежных клубов «Покров» и Богоявленского храма Кургана, вокальные ансамбли из села Чаши, конкурсанты из Новосибирска, Тюмени, Санкт-Петербурга, Республики Башкортостан и других.

21 июля 2012 г. в Чимеево состоялось открытие Второго Чимеевского фестиваля современной православной песни «Истина в Любви». Фестиваль был посвящен 10-летию образования Свято-Казанского Чимеевского муж-

II Чимеевский фестиваль «Истина в Любви», 21–22 июля 2012 г.

ского монастыря. Девиз Второго Чимеевского фестиваля: «Матерь Бога Всецарица в Святу Русь велит сплотиться». На Зауральской земле талантов много, и всех их объединяет любовь к Богу, к своему краю, творчеству, му-

зыка, православной песне, желание делиться радостью и сердечным теплом с окружающими.

Третий фестиваль, названный «Чимеевская святыня», прошел в 2013 г., он был посвящен 1025-летию Крещения Руси. Сотни зрителей и участников смогли переночевать в палатках, развернутых силами епархиального Молодежного отдела. Действовала ярмарка народных промыслов. 2 ноября 2013 г. состоялся большой благотворительный концерт, представивший всех участников Чимеевского фестиваля. Вырученные деньги пошли на помощь жителям Дальнего Востока, пострадавшим от недавнего, небывалого по масштабам разрушений, наводнения в этом крае.

— **Крестный ход в День города Кургана** проходит в последнюю субботу августа. Год от года он привлекает все больше православных. Прихожане берут с собой храмовые иконы, хоругви, во главе колонны несут икону и ковчег с частицей мощей небесного покровителя Кургана — святого благоверного князя Александра Невского. Крестный ход, который возглавляет архиепископ Константин, начинается благодарственным молебном в кафедральном соборе святого Александра Невского, следует по главным улицам и завершается на центральной площади города «Многолетием».

— **Участие духовенства епархии в городских мероприятиях по празднованию Дня Победы.** После совершения литургии и благодарственного молебна Господу Богу за дарование победы в Великой Отечественной войне в Александро-Невском кафедральном соборе, во главе массового народного шествия колонна духовенства, возглавляемая архипастырем, возлагает от Курганской и Шадринской епархии венки к Мемориалу Славы. У Вечного огня служится лития «О вождех и воинах, жизни свои на поле брани за Отечество наше положивших» и провозглашается «Вечная память» павшим.

Из наиболее значимых событий последнего времени следует особо отметить следующие.

— 2 ноября 2008 г. состоялось долгожданное в Зауралье событие — **закладка камня в основание будущего Богоявленского храма.** Символично, что закладка камня состоялась накануне двух больших праздников — иконы Казанской Божией Матери и Дня народного единства. Чин закладки в присутствии губернатора Курганской области О. А. Богомолова и священников городского благочиния при стечении множества народа совершил архиепископ Константин.

— 10 сентября 2009 г. в кафедральном соборе Кургана в преддверии престольного праздника состоялась **торжественная встреча ковчега с частицей мощей святого благоверного князя Александра Невского**, которую доставил архиепископ Курганский и Шадринский Константин из Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры Санкт-Петербурга. Частица мощей была выделена по просьбе архиепископа Константина заместником Лавры епископом Назарием с благословения митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира. Это событие легло в основу проведения в Кургане Александровских дней.

— **Александровские дни** приурочены ко дню памяти небесного покровителя столицы Зауралья — святого благоверного князя Александра Невского (12 сентября — перенесение мощей святого благоверного князя Александра Невского из Владимира в Санкт-Петербург) с участием духовенства епархии, администрации области и города, курсантов Пограничного

*Александровские дни. Вручение премий лучшим кадетам и курсантам.
Соборная площадь г. Кургана, 2011 г.*

*Александровские дни. Военный парад на Соборной площади.
Празднование победы в Отечественной войне 1812 г.*

института, кадетов, представителей силовых структур, горожан и гостей города. Александровские дни в г. Кургане имеют большое миссионерское и просветительское значение, так как позволяют соприкоснуться многим жителям города с церковной жизнью, с церковными праздниками, с православными святыми и святынями. Людей привлекает на праздник его тор-

жественность и величественность. Большое значение имеет в этом плане участие в мероприятии военных, курсантов, детей-кадетов, ветеранов. Для лучших кадетов Зауралья учреждена ежегодная премия в честь святого Александра Невского. 12 сентября 2012 г. премию получили 12 лучших курсантов Пограничного института и кадетов.

— С 2009 г. начал выходить журнал **«Русское поле Зауралья: для тех, кто любит и верит в Россию»**. Учредитель журнала фонд имени Великого благоверного князя Александра Невского. Журнал издается НПО «Курган-прибор», председателем Совета директоров С. Н. Муратовым. В журнале публикуются литературно-художественные, публицистические, богословские, искусствоведческие и другие просветительские материалы. Архиепископ Константин является членом редколлегии.

— **Выставка «Православное Зауралье»**. 22 марта 2011 г. в Областном краеведческом музее состоялось открытие выставки «Православное Зауралье», значимость которой была отмечена губернатором Курганской области О. А. Богомоловым: «Православие всегда было основой, на которой базировалась великая Россия со всеми ее достижениями. Мы благодарны Вам, Владыка, что, придя на Курганскую кафедру, Вы неустанно работаете для развития Православия на Зауральской земле. Нам еще много предстоит совместной работы по восстановлению исторической справедливости. Надеюсь, эта выставка подвигнет на добрые дела, позволит увидеть историю Православия в Зауралье во все времена». В открытии выставки участвовали официальные гости из Санкт-Петербурга и других городов.

— **Социально-педагогический проект «Шаг навстречу»**. По рекомендации Главного управления образования с ноября 2011 г. реализуется областная социально-педагогический проект «Шаг навстречу», целью которого является укрепление института семьи, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейного воспитания в рамках деятельности культурно-образовательных центров Курганской области.

— **Социальный проект «Чужих детей не бывает»**. С 2011 г. в Курганской епархии начал действовать специальный социальный проект «Чужих детей не бывает», в рамках которого журналисты Курганской епархии стали рассказывать о детях-сиротах, и детях, оставшихся без попечения родителей, с целью привлечения потенциальных опекунов и усыновителей. Для подачи материала вместо скупых анкетных данных была выбрана оригинальная форма живого рассказа, эмоционального и доступного для любого читателя, через реальное общение журналистов с детьми. Проект реализуется уже второй год. Участие в нем принимают дети из Курганского дома ребенка, Курганского детского дома и ряда районных детских домов. Об эффективности проекта говорит то, что за время его существования удалось найти семьи для 41 ребенка из 50 детей, истории которых прозвучали со страниц епархиальных СМИ. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл высоко оценил деятельность данного проекта Курганской епархии. В резолюции Святейшего Патриарха Кирилла, положенной на отчете о деятельности Курганской епархии в 2011 г., в частности, говорится: «...В регионе, испытывающем серьезные трудности социального и экономического характера, каким является Курганская область, требуется мобилизация материальных, интеллектуальных и, прежде всего, духовных ресурсов. В связи с этим отрадно отметить социальную и образователь-

ную деятельность приходов и монастырей. Проводимый социальный проект «Чужих детей не бывает» заслуживает всяческого одобрения».

— **Новые помещения для епархиальных Отделов.** В 2011 г. ОАО «Корвет» в лице генерального директора А. В. Чернова, который входит в состав Попечительского совета кафедрального собора, передало епархии безвозмездно бывший цех филиала Тюменской обувной фабрики. Это часть второго этажа площадью 400 кв. м в трехэтажном здании. Переданным помещениям были необходимы перепрофилирование и капитальный ремонт. Работы потребовали затрат почти всех денежных поступлений Курганской епархии. В результате появившиеся новые кабинеты были оборудованы современной офисной мебелью и оргтехникой. Устроен удобный актовъый зал примерно на 100 человек. Часть зала заняла епархиальная библиотека, которой ранее не было. Необходимо отметить, что до этого времени епархиальные Отделы не имели своих помещений, а теперь получили возможность полноценно работать. Также стало возможным проведение в этих помещениях Епархиальных советов и собраний, пресс-конференций и организационных советов, занятий детской воскресной школы, а также ряда епархиальных мероприятий. **Там же образован культурно-просветительский центр.**

— **Первые богословско-катехизаторские курсы.** 1 ноября 2012 г. в культурно-просветительском центре по инициативе архиепископа Константина состоялось открытие первых богословско-катехизаторских курсов, создающих новые возможности для Православного просвещения многочисленных мирян. Преподавателями на курсах являются священнослужители епархии во главе с правящим архиереем.

— **Реализация уникальной программы подготовки учителей.** В Курганской епархии реализован уникальный для Российской Федерации проект переподготовки учителей на факультете профессиональной переподготовки

Награждение победителей и лауреатов регионального этапа конкурса «За нравственный подвиг учителя», Курганский государственный университет, 29 ноября 2013 г.

Института развития образования и социальных технологий Курганской области по 540-часовой (плюс 36 часов практики) программе «Духовно-нравственное образование. Основы православной культуры». Это намного больше, чем в других епархиях, Москве и Санкт-Петербурге. Возглавляет коллектив преподавателей со стороны епархии правящий архиерей — архиепископ Курганский и Шадринский Константин, профессор, академик РАЕН. Слушатели получают диплом государственного образца, позволяющий преподавать не только ОПК, но и другие предметы духовно-нравственной направленности, в том числе модули «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКиСЭ).

— 16 декабря 2012 г. в кафедральном соборе Кургана состоялась **торжественная встреча ковчега с частицами мощей святых благоверных князя Петра и княгини Февронии Муромских, покровителей семьи и брака**. Частицы мощей были выделены по просьбе архиепископа Константина архиепископом Владимирским и Суздальским Евлогием.

— **Первая общепархиальная Рождественская елка**. 8 января 2013 г. в актовом зале епархиального культурно-просветительского центра состоялась первая общепархиальная Рождественская елка. В праздничном концерте приняли участие воскресные школы курганских приходов и других районов области. Для многих, и особенно для ребят из района, праздник стал вечером общения и возможностью показать свое мастерство гостям из города. Вход для желающих был свободный. Каждый участник и присутствующий на епархиальной елке ребенок получил бесплатно из средств епархии сладкие подарки.

Помимо этого, в епархии продолжают и развиваются следующие мероприятия:

— **Областные Рождественские образовательные чтения**. Среди организаторов чтений: Правительство Курганской области, Курганская и Шадринская епархия, Главное управление образования и Управление культуры Курганской области. Целью проведения данного Форума является совместное обсуждение Церковью и государством: состояния дел и выработки мер практического решения проблем привития молодому поколению нравственных идеалов и духовных ценностей; способов профилактики асоциальных явлений в подростковой и молодежной среде; мероприятий по защите детства. Традиционно в Чтениях принимают участие приглашенные профессора и ведущие специалисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, из других городов, задействовано практически все духовенство Курганской епархии.

Помимо этого, представители Курганской епархии ежегодно принимают участие в Международных Рождественских образовательных педагогических чтениях в Москве и активно внедряют в жизнь полученные там знания, а также представляют на секциях результаты своих трудов и опыт. Постоянно совершаются командировки в Москву, Екатеринбург, Тобольск, Челябинск и в другие города на конференции для обмена опытом между епархиями. Архиепископ Константин постоянно выступает на Чтениях с докладами на актуальные темы. В 2013 г. в Чтениях участвовало более 700 человек.

— **Областные Кирилло-Методиевские чтения**, приуроченные ко Дню славянской письменности и культуры. Основная цель чтений — восстано-

ление традиционной системы духовно-нравственного просвещения в школе через предмет «Основы православной культуры», а также развитие сотрудничества между Курганской и Шадринской епархией и образовательными учреждениями города и Области по преподаванию предмета «Основы православной культуры».

Ежегодные Крестные ходы из Кургана:

— в Свято-Успенский Далматовский мужской монастырь на поклонение мощам преподобного Далмата Исетского (ок. 270 км);

— в Свято-Казанский Чимеевский мужской монастырь на поклонение Чудотворному образу Чимеевской Божией Матери (ок. 100 км);

— к Чудотворному образу святителя Николая Чудотворца (ок. 35 км). Этот самый массовый Крестный ход, в котором участвуют около тысячи человек, известен всему православному миру Зауралья. Он посвящен иконе святителя Николая Чудотворца, которая чудесным образом была обретена в водах реки Серебрянки, что протекает вблизи села Утятское (Притобольный район Курганской области). Икона пребывала в сельском Богоявленском храме. К Чудотворной стекались многочисленные паломники, получая по молитвам исцеление души и тела. После революции, в богоборческие времена, благодаря молитвам и заботам добрых людей икона чудом сохранилась. Никакие беды и напасти не тронули лик святителя Николая. В 2008 г., в зимний праздник святителя Николая, Чудотворная икона была возвращена на свое исконное место — в Богоявленский храм села Утятское. С этого времени участники Крестного хода не несут Чудотворный образ, а идут к нему. Крестный ход довольно продолжительный (35 километров), многотрудный, и, естественно, устают все. Но этой усталости сопутствуют общая молитва, общее настроение, поклонение святыне. Характерная черта Крестного хода в том, что он праздничный, светлый. Многие говорят, что в одиночку никогда бы не прошли такое количество километров. А когда идем все вместе, да с молитвой, да к святителю Чудотворцу Николаю, да по родной земле — тело устает, а дух крепнет, это замечают все. И чтобы почувствовать в себе эти благодатные изменения, нужно потрудиться не только душой, но и телом.

Открытие скульптуры «Россия». На праздновании Дня России в 2013 г. в Частозерье на центральной площади села состоялось торжественное открытие скульптуры «Россия» и молебен на начало доброго дела. История создания памятника уходит к началу XX века. Настоящая композиция, выполненная в литейной мастерской «Дубровин» архитекторами В. Сырейщиковым и В. Мосиелевым, является копией авторской скульптуры Николая Лаврецкого, представленной впервые на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. и принесшей мировую славу Каслинскому чугунолитейному заводу. После парижского триумфа прошло много лет, но фигура женщины — защитницы Отечества по-прежнему современна. Своей мощью и одновременно изяществом она приковывает к себе внимание любого зрителя. Именно эта скульптура является воплощением имперского духа и силы, связывает воедино прошлое, настоящее и будущее России. То, что этот памятник — политический, гражданский и духовный символ России — поставлен в русской глубинке, в старинном селе, свидетельствует и о возрождении былой духовной мощи нашего государства, и о новых реалиях, когда не только перед врагом, но и перед Богом происходит единение всего русского народа, даже в столь отдаленных от

столицы края. Инициаторами и главными инвесторами создания скульптуры выступили депутат Государственной Думы РФ 6-го созыва А. Ильяков, генеральный директор мясокомбината «Велес» Д. Ильяков, а также директор по снабжению мясокомбината «Велес» Д. Каширин. Проникновенные слова прозвучали в этот день из уст А. Ильякова: «Россия — это дом для всех народов. Это последний оплот державы всего мира. Ведь без духовного физического никогда не будет, прежде мы должны воспитать дух в человеке. И тогда с таким человеком мы сможем построить великое будущее нашей страны». Отрадно отметить, что Александр и Дмитрий Ильяковы, а также Дмитрий Каширин выступили инициаторами и главными инвесторами строительства храма Рождества Христова в райцентре Частоозерье. Рядом со строящимся храмом был воздвигнут величественный памятник Георгию Победоносцу. **5 января 2012 г. совершено архиерейское освящение этого первого каменного собора, построенного на территории Курганской области за последние 100 лет.**

*Освящение памятника св. Георгию Победоносцу
в с. Частоозерье, предприятие «Велес»,
6 августа 2011 г.*

Годом ранее в г. Кургане трудами председателя Совета директоров оборонного предприятия «Курганприбор» Сергея Николаевича Муратова был открыт памятник святому князю Александру Невскому и сооружен храм в честь Порт-Артурской иконы Божией Матери «Торжество Пресвятой Богородицы». **Это единственный специально построенный храм на всей территории РПЦ в честь Порт-Артурской иконы, а также первый каменный храм, построенный в Кургане за последние 110 лет.**

На территории Александро-Невского кафедрального собора к юбилею епархии (февраль 2013 г.) трудами архиепископа **построено двухэтажное здание нового Епархиального управления** в одном архитектурном стиле с кафедральным собором.

Всероссийское прославление святого Далмата Исетского. Это торжество стало возможным после общецерковного прославления преподобного

*Архиепископ Константин с Министром культуры Российской Федерации
В. Р. Мединским в Курганском епархиальном управлении*

Новое здание Курганского епархиального управления, февраль 2013 г.

на Освященном Архиерейском соборе в Москве в храме Христа Спасителя 4 февраля 2013 г. по инициативе архиепископа Константина. На Соборе это была единственная канонизация. Торжественную Божественную литургию 6 августа в день первого празднования общецерковно прославленного преп. Далмата Исетского возглавили: митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Викентий, постоянный член Священного Синода Русской Православной Церкви, бывший Управляющий Екатеринбургской епархией, архиепископ Тобольский и Тюменский Дмитрий и архиепископ Константин. Слова литургии Иоанна Златоуста проникали в сердца сотен и сотен верующих, собравшихся на этот праздник Православия, соединивший, казалось, не только людей из разных городов России, единым дыханием воспевавших «Символ веры», но сблизивший века и тысячелетия христианства.

В своем слове митрополит Викентий подчеркнул: «Мы всегда молились святому старцу Далмату в Екатеринбургской епархии, и сейчас, пребывая в Ташкентской епархии, мы также прибегаем в своих молитвах к его заступничеству. Хотел бы поблагодарить Владыку Константина за то, что именно ему Господь позволил, а преподобный Далмат соизволил, чтобы именно Владыка Константин его прославил. Это имеет особое значение, поскольку не каждому архиерею дается такая честь, поэтому мы очень вас благодарим, дорогой Владыка, за ваши труды, которые вы несете на ниве Христовой, в украшение Православия в нашей Церкви, в умножение чад Божиих, и дай Бог, чтобы преподобный Далмат был вашим непосредственным помощником в ваших архиерейских трудах. А вам, дорогие братья и сестры, желаю, чтобы мы с вами притекали к святым мощам преподобного почаще,

Первым награжденным епархиальной медалью св. преп. Далмата Исетского I степени стал писатель В. Ф. Потанин, 14 августа 2012 г.

обращались к нему в молитвах, и, он, конечно, никогда не оставит наши просьбы тщетными».

На примере жизни и деятельности Курганской и Шадринской епархии можно наблюдать глубинный процесс восстановления «святорусской» основы нашего Отечества, имеющего славную тысячелетнюю историю. Эта «основа» многократно подвергалась попыткам разрушения, которые при всех их жестокостях и ухищрениях все-таки не уничтожили душу народа, его православное мироощущение. Сегодня события жизни Русской Православной Церкви показывают, что все-таки не стал непреодолимым расколом духовный «разлад» нации, произошедший в XX веке. Но много нам еще предстоит с Божией помощью сделать, чтобы зазвучала «симфония» нации во славу новой России, святой России.

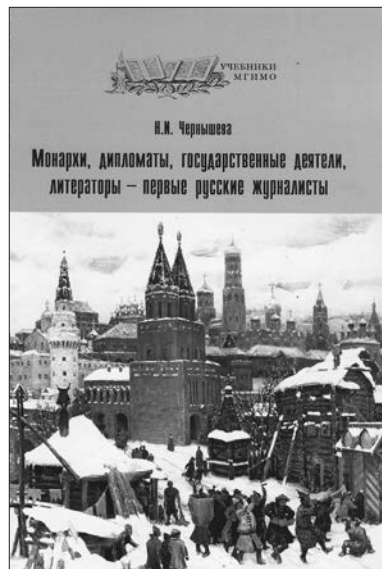
ВЫШЛА КНИГА

Чернышева Н. И.

Монархи, дипломаты, государственные деятели, литераторы — первые русские журналисты: учеб. пособие / Н. И. Чернышева. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. межд. журналистики. — М.: МГИМО-Университет, 2012. — 369 с.

Эта книга посвящена профессиональному наследию российской школы журналистики и дипломатии. Перед нами жизнь и дела великих наших предков, прославивших себя не только на родине, но и за рубежом. Книга эта должна помочь и студентам, и журналистам, и специалистам по связям с общественностью. Журналистика является одним из способов налаживания этих связей, имеет общую коммуникативную основу указанных трех специальностей.

Данное учебное пособие не претендует на полное рассмотрение тех проблем, которые составляют основу курса отечественной журналистики. В нем лишь отобраны наиболее существенные факты и имена, сыгравшие значительную роль в возникновении и развитии периодической печати в России. Особое место в работе занимают вопросы взаимосвязи политики, дипломатии и журналистики.

Евгений ЮШИН

НА РУССКОЙ ДОРОГЕ

Евгений Юрьевич Юшин — родился в 1955 году в г. Озеры Московской обл. Детские годы прошли на Оке и на Воже: в рязанской деревне Лужки. Школу и пединститут окончил в Улан-Удэ. С 1978 г. работал редактором в Центральном Доме культуры железнодорожников Москвы. Здесь же руководил ЛИТО «Магистраль». В 1986 г. перешел на работу в журнал «Молодая гвардия», где сначала руководил отд. поэзии, а в 1999 г. стал главным редактором. Стихи Е. Юшина широко публиковались в центральных журналах, альманахах и газетах, транслировались по радио и телевидению, переведены на болгарский, немецкий, французский языки. Он автор девяти поэтических книг, лауреат многочисленных литературных премий. **Живет в Москве.**

* * *

С понедельника до четверга
На Россию падают снега.

Телевизор щурится в углу,
Тычет бабка ниточку в иглу,
Затекает вьюга песню петь.
Дед развесил сети — ладит сеть.

С понедельника до четверга
Нарастают шапки на стога.

От мороза скрипывает дом.
Проверяю узелок ногтем.
Будут снасти к лету, будет лещ.
С вьюгой разговаривает печь.

Снег плетет гнездо под фонарем,
Снег плетет, и мы свое плетем.

* * *

Сыта водою Вожа по весне.
Я вновь вернулся в детские пределы.
Далекое... Ты будто бы во сне.
Но ты сегодня плакало и пело.

Приятен мне овечий дух травы
В подтаявших копытцах у сарая.
Плывет подсолнух в волнах синевы,
Коровий взгляд неспешный повторяя.

Вот дед на вилы взваливает дни,
Вот бабушка идет ко мне из сада...
Я не забыл: под ветлами они —
Там, за селом, за тихой оградой.

Взгляни сюда! По этой вот тоске,
Которую дорогой называли,
Прошли они, как волны по реке,
Вселенской песней счастья и печали.

Я не забыл, как на коне скакал
Среди цветов,
      среди ворожбы шмелиной.
Мне пел о зорях росный краснотал!
Мне зори губы мазали малиной!

Я помню птичий щебет под стрехой.
Я кровью слышал в хоре песнопений

То бабу за согбенною сохой,
То мужика на пепелах сражений.

Хрипят ветра, хохочет пьяный лес,
Кипит река — проходят поколения.
Разводят петухи гармонь небес —
«Ку-ка-ре-ку!» — скликаются селенья.

«Ку-ка-ре-ку!» И все мои века
С монгольским игом и французским пленом,
С немецкой отчеканкой сапога —
Горят в печи березовым поленом.

Я не забыл ни счастья, ни любви,
Ни луговых опять круговороты.
И потому, как мед, созревший в сотах,
Храню весь мир, бушующий в крови.

* * *

Вернулся под сельские своды,
Где лучшие дни берегу.
Скулят за туманом ворота,
Вздыхает былинка в стогу.

А только бы вздрогнули росы
И клевер гулял ветровой,
А только бы смелые косы
Напились зеленой травой.

И так мне светло в петушиной
Заре, источающей мед,
Где пыльная прядь за машиной
Меж спелых колосьев идет!

Но жизнь рассудила иначе.
Угасла деревня, молчит.
Лишь чибис об этом проплачет,
Лишь выпь у болот прокричит.

И сердцу не надо иного —
Дворца, или денег мешок,
А только бы спела корова
Туману рассветный стишок.

Душою ничто не забыто:
Грустит под навесом супонь.
И чавкает в луже копытом
Давно уже умерший конь.

ПТИЦА ВРЕМЕНИ

Евгению Кочеткову

В коленях хворь, с которой надо сжиться.
Разволновался — и губа дрожит.
Приляжешь в травы и увидишь: птица
В просторном небе медленно кружит.

Она свои просторы верховые
Сшивает с этим лугом и тропой,
Кружит она и кольца годовые
Свивает в синем небе над тобой.

И вспомнятся тебе родные лица,
Которых нет уже в земном краю.
Зачем ты кружишь, медленная птица,
Очерчивая в небе польню?

В ту польню уходят безвозвратно,
А нам с тобой пока что не черед.
Закат роняет пламенные пятна
На окна изб и клены у ворот.

Жизнь так спешит — за нею не угнаться,
И не упрятать прошлое в баул,
И хочется, как в детстве, разрыдаться,
Как будто тебя кто-то обманул.

Облокотилось прошлое на плечи.
Вопросов много, но ответов нет.
За все ошибки, где судьбе перечил,
Любому на земле держать ответ.

И дни все туже тянутся, все глуше,
А ночью вовсе не видать ни зги.
И только птица кружит,
птица кружит,
Свивает бесконечные круги.

К ПРОВИНЦИИ

За ветлами, за луговиной скошенной,
За тем погостом — он-то не предаст! —
Живут мои любимые, хорошие,
Которые и молятся о нас.

Вишневая, полынная провинция,
В косых дождях, с крылечком набекрень,
С обветренными далями и лицами,
С сорокой, изучающей плетень —
Люблю тебя!

Вот эти избы ветхие
Еще приветят и еще спасут.
Луна идет, качается над ветками,
И звезды ночь кромешную сосут.

И понимаю: за тропой, за листьями,
За плачем волн, за ветром на крыле,
За тихим взглядом милой и единственной
Мне ничего не надо на земле.

ПРИЗНАНИЕ

Дом уснул. Дожди проходят мимо.
Тополь шевелит тяжелой бровью.
Господи, пошли моей любимой
Светлых снов и доброго здоровья!

Катят годы быстро, неустанно.
И никак не сделаться моложе.
Нам с тобою вспомнить так желанно,
Как нам жарко было в росах Вожи.

Помнишь стога гибельную сладость,
Молодой зари самосожженье?

Вспоминать — сомнительная радость,
Что дается людям в утешенье.

Мы с тобою у костра сидели.
Пролетали звезды, догорая.
Утихал костер, но угли пели,
Согревая нас с тобой, родная.

Жизнь с годами только солонее,
Но, минуя боли и напасти,
Я теперь люблю тебя сильнее —
Ровный жар души — живее страсти.

* * *

Мне хорошо, когда осень за окнами
И листопад, листопад...
Листьями рыжими, листьями мокрыми
Стелятся роща и сад.

Падают звезды за краем околицы,
Сыростью тянет с болот.
Сеет луна золотую бессонницу
Около наших ворот.

Падают яблоки влажные, спелые,
Падают так невпопад.

Дышат туманы густые и прелые
В светлую рощу и сад.

Лает собака за дальней оградой,
Птица ночная кричит.
Что тебя, сердце, невзгодит и радует?
Что так желанно горчит?

Будут дороги листвой припорошены,
Иней в лугах за окном.
Буду делиться со всеми прохожими
Золотом и серебром.

ВИНА

Бор шумит. Размазана дорога
У кривых и стылых тополей.
Мокрая дворняга у порога
Ждет меня, и стало веселей.

Ну и выпил, да, немного выпил,
Засиделся с другом у болот,
Где осенний ветер воет выпью
И за сердце холодом берет.

А жена печалится, конечно.
Посмотрела, словно незнаком,
Мне бидон поставила небрежно:
«Все забыл? Иди за молоком!»

Что ж теперь? Винясь и беспокоясь,
Я приму огнистым октябрем
Даже эту гибельную морось
Под скрипучим мутным фонарем.

Молока в бидон нальет соседка,
Потопчусь немного на крыльце,
И увижу: капелька на ветке, —
Как слезинка на родном лице.

Закурю. И тихо восвоюсь
Побреду дорогою кривой.
И последний лист уронит ясень
Этой жгучей ночью ветровой.

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

Печальной осенних цветов только небо осеннее.
В лесах — сквозняки, и уже не найти высоты.
Тревожно летят над дорогами листья последние,
Скрипит моя лодка, и жмутся к туману кусты.

Уже рыбаки собираются к дому — на теплое:
На потную рюмочку и на щемящие щи.
Небесная морось мошкой кружится над тополем.
И в печке трещат пересохшей березы хрящи.

Уныло вокруг. Что поделаешь? Так уж случается.
Пустынные дали оглянет угрюмо сосед.
Тягучее небо идет и никак не кончается,
Раскисла дорога и тихо стекает в кювет.

Я завтра уеду... Но даже и хилою рощицей
Хотел бы идти с мужиками сырым октябрем,
Чтоб словом скупым, сигаретку цедя, перебраться,
И лодку направить черненым речным серебром.

НА РУССКОЙ ДОРОГЕ

Здесь русский дух в веках произошел...

Н. Рубцов

Меня здесь знает каждый муравей,
И каждый куст, и каждая сорока.
Задумалась о прожитом дорога,
И солнце в лужах плещется по ней.

По ней — века — в туманах и крови,
И поступь уходящих поколений.
По ней струится столько сладкой лени,
Как в женщине, сомлевшей от любви!

В ней столько слез прощальных — в дальний путь,
И в вечный путь — до ближнего погоста.
И потому она в крестах и звездах,
Встречая нас, стоит в цветах по грудь.

Гудят шмели, где каторжник прошел,
Где проскакало племя Чингисхана,
Где под гармошку радостно и пьяно
Мужик в избу смолистую вошел.

Снуют, как стрелы, юркие стрижи,
Болота дышат холодом и прелью,
Боровики сутулятся под елью.
Попробуй этот мир — перескажи?!

Здесь все века и каждого из нас
Хранит, как память, русская дорога.
А это поле и река у стога —
Немеркнувший, живой иконостас.

* * *

Затерялась Русь в Мордве и Чуди...

С. Есенин

Расскажи мне, река... На охрипшем в ветрах крутояре
Сколько стрел просвистело и песен угасло в веках?
На поречных лугах гомонят до полночи татары
И потеет конина, шипит в раскаленных углях.

Только пляска кривая теней, да подлунная птица...
Петушиным пушком догорают седые угли.
И черствы, что копыта, под утренним заревом лица —
Пролетают войска серым ветром дорожной пыли.

Миновали века. Но наследство — оно неизбежно.
Мне навстречу бежит татарчонок, а тоже, ведь — Русь.
Также листья ему шелестят сокровенно и нежно,
И в глазах его светит такая рязанская грусть!

Не сама ли земля — хоть каких ты кровей и замесов —
Тайным током любви, словно пульсом втекает в виски.
Вот пшеница плывет, разбиваясь волною у леса,
Облака над холмами роняют свои лепестки.

Хорошо на заре править лодку в кувшинках — на заводь,
И ловить молодых ветерков быстротечную грусть.
И тогда наплывает, как песня, далекая память,
И росой на сердце мерцает рассветная Русь.

ОЛЕГ ЧУПРОВ

«ЖИЗНЬ ТОМУ НАЗАД!»

Олег Акимович Чупров — родился в 1939 году в селе Усть-Цильма Республики Коми. Окончил литературный институт им. А. М. Горького, работал на радио, в газетах. Автор двенадцати поэтических книг. Лауреат Всероссийских литературных премий им. А. И. Фатьянова, А. А. Прокофьева и других. Награжден Почетным дипломом Законодательного Собрания «За выдающийся вклад в культуру Санкт-Петербурга и создание текста Гимна города». Академик Петровской академии наук и искусств. Член Высшего творческого совета Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Сегодня у поэзии сложная судьба, но мы не потеряли к ней интерес, и каждое новое имя, новый поэтический сборник возвращают нас к вослицанию А. С. Пушкина:

*И выстраданный стих,
пронзительно унылый,
Ударит по сердцам
с неведомою силой...*

Иные времена, иная музыка, иная поэзия, но когда встречается поэт твоего поколения, который так же, как и ты, ощущает эту жизнь, размышляет о ней, страдает и выражает это в своих стихах, ты радуешься и «воскресаешь душой».

Вот так открывает для себя читатель книгу стихов Олега Чупрова «Становлюсь рекой». Уже с первых строк поражает особая искренность, доверительность и удивительная чистота, чистота души, чистота русской речи.

В своих стихах автор раскрывает все грани всеобъемлющей любви — к природе, родине, женщине, матери, окружающим людям — друзьям, одноклассникам, братьям по писательскому цеху, но главное — к самому для него заветному и дорогому месту на земле — его малой родине — Усть-Цильме. Это незнакомое название не то что срифмовать, произнести сложно, но у него это звучит так нежно, так пронзительно...

Прочитав его стихи, можно сказать: Олег Чупров — в душе большой ребенок, не растерял, не растратил те самые главные качества, которые заложены были в детстве родителями, окружающей природой... Прежде всего — это скромность и совестливость, но при этом чувство собственного достоинства:

*Не мельтешишь, не суетиться,
С достоинством свой крест нести.*

В другом стихотворении читаем: «Место под солнцем себе добывал, да не сумел, слава Богу!»

Он не любит высоких, громких слов, не ищет славы: «Да я у ней и не в чести...»

Связь поэта с малой родиной, его Усть-Цильмой так велика, так крепка, что не страшны никакие жизненные невзгоды: «Ведь не грозит паденье тому, кто в землю врос!»

В его поэзии и философские раздумья о смысле жизни, и удивительно нежные, лирические стихи. При всей его серьезности — сквозит и добрый, легкий юмор, особенно в тех стихах, где автор тепло и нежно вспоминает о первой любви, где наш герой «не проявился» и на общей фотографии, и в отношениях с любимой девушкой. Он живой человек, страдает, не лукавит, не стремится представить себя ангелом, пытается разобраться в своих чувствах.

Самые яркие образы в его лирике связаны с родными местами:

*И деревня, как царица,
К моему плечу прильнет.*

Но меняется жизнь, разрушается всё, и такая боль пронизывает строки: «Неужели у моей деревни засыхает на корню душа?»

И даже Петербург, в котором живет и работает поэт, с его историей, архитектурой, искусством, блистательными именами Пушкина, Блока не может заменить эти скромные красоты родного уголка... Величава Нева, но душа тянется к единственной реке — Печоре...

Автор очень доверителен с читателем, он обнажает свою душу, он делится с нами своей любовью, своими раздумьями — о прошлом, настоящем и будущем.

Книга стихов завершается его программным стихотворением, где он как бы подводит итоги своей жизни, в которой он «не ронял ни разу честь», не бил кнутом Пегаса, «не лез по-волчьему в стаю» и остался человеком, окруженным друзьями, написал книги, имеет читателей, и дорога жизни продолжается, и судьба сложилась, и «жизнь прошла совсем не зря!»

Светлые и мудрые стихи заслуживают высокой оценки и заслуженной награды. Они учат и воспитывают.

*Л. И. Виноградова
методист отдела художественно-эстетического воспитания
Федерального центра творчества, кандидат педагогических наук,
заслуженный работник культуры РФ, Москва*

* * *

Лодки выгнули спины,
Как большие жуки,
И застыли былинно
У вечерней реки.

Шмель гудит вертолетом:
День куда-то исчез...
Туча сумрачным дотом
Нависает с небес.

Дождь ударит свинцово,
Пули веером — влет!
Сердце к Родине снова,
Словно к маме, прильнет,
Вспыхнут звездно в рассеве
Дальних изб огоньки...
Ах, Печорский мой Север,
Ах, мои земляки!

Помяните на гризне —
Спойте песню мою...
По ту сторону жизни
Молча вам подпою.
Вот я замер у края
Посреди тишины,
Будто в Лету, впадая
В тайну пенной волны.

* * *

Вечером поздним потянет к Печоре...
Слышу вдогонку:
«Бессонница, чо ли?»
Под усть-цилемский родной говорок
Переступаю, как в детстве, порог!
Переступаю
И сразу — вприпрыжку,
И на ходу
из мужчины —
в мальчишку!

В десять минут
Сорок лет пробегу,
Чтоб оказаться на *том* берегу...
Вот я в прохладные волны врываю,
Город, деревню, судьбу —
Забываю,
Сердцем вдыхаю
Полночный покой,
Сам становлюсь постепенно рекой...

* * *

Этот город,
Как высший из высших даров,
Мне ниспослан...
И все же, в метаниях странных,
Восклицательным знаком
Высотных домов
Предпочту многоточие
Изб деревянных...

Мне захлеб — «Петербург» —
Повторять не резон:
Нынче русским поэтам
Здесь холодно что-то...
Но покинуть его не смогу,
Ибо он —
Город Пушкина,
Город бессмертного взлета!

* * *

Вновь в деревню,
где истоки-корни,
Помолиться
Призрачной звезде...
Как на малой родине
просторно!
Ибо лес повыврублен везде.
Виновато
поклонюсь в печали
Двум березкам,
там, где косогор:
«Вы-то как,

родные,
устояли?
Не попали
под лихой топор...»
Смотрят хмуро
чахлые деревья,
Воздухом отравленным
дыша...
Неужели
у моей деревни
Засыхает на корню
Душа?

* * *

Пусть было трудно —	он не охал	Не спит, уткнув лицо	в подушку:
И время даром не губил.		Боится, как бы	не забыть
Дерева начисто	срубил	С капустой	завтра
И дом —			засолить
в два этажа —		Звезду,	
	отгрохал!	Упавшую в кадушку...	

* * *

Ручей перейти	опасаемся вброд,	Одни прохиндеи сейчас при дворе,	
Пусть кто-то кричит: «Возрождаемся!»		И нет среди Иванов — царевича...	
Кругом — население...		И мнится:	
	А где же народ?	Исчезнем мы в черной дыре,	
Неужто мы все вырождаемся?		Как в черном квадрате Малевича!	

* * *

Стою у окна.	Куда ты, родимый,
Отрыдали дожди над Россией!	Куда ты, двадцатый, девался?
Но гром все гремит,	Ушел в никуда —
Будто мне отходную читает.	А меня сиротою оставил...
Куда я девался?	В смятенную душу
Ведь был — молодой и красивый!	Вползает пронзительный холод.
А нынче улыбка моя	Но, в солнечном ливне купаясь,
Тихим облаком тает...	Она расцветает.
	Покажется вдруг:
Невзгодам назло	Я по-прежнему счастлив и молод!
Я унынию в плен не сдавался!	И век двадцать первый,
Но жизнь обернулась:	Как школьник,
Внезапной игрою без правил.	Мой сборник листает...

Точка ЗРЕНИЯ

Владимир МЕДИНСКИЙ

КОРНИ ФЛАГА*

Владимир Ростиславович Мединский. Министр культуры РФ. Родился в г. Смела Черкасской области УССР. Окончил с отличием МГИМО МИД России, факультет международной журналистики. В 1997 г., окончив аспирантуру МГИМО, начал преподавательскую деятельность на факультете журналистики МГИМО, которую продолжает до настоящего времени, являясь профессором этого вуза. Доктор политических наук. Депутат нескольких созывов ГД РФ. В 2010 г. Указом Президента РФ включен в состав президентской Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, а также в правление фонда «Русский мир», который является популяризатором русского языка и культуры, поддерживая программу изучения русского языка в различных странах мира. **Живет в Москве.**

Флаг — самый главный символ государства. Он даже важнее герба и гимна. Флаг поднимают над поверженной крепостью испокон веков, только тогда это — Победа.

На Рейхстаг не приколачивали герб — над ним подняли Красное знамя.

Вспомним, сколько копий было сломано вокруг этого Знамени Победы. Красного, со звездой, серпом и молотом. Копий сломали много, а Знамя Победы так и осталось одним из символов нашего государства — в своем первоначальном виде.

Флаг поднимают перед воинским строем. Флагу отдают честь. Флаг выносят из окружения, обернув под гимнастеркой вокруг тела.

Мы считаем нашим национальным флагом бело-сине-красный триколор. Так записано в Конституции, и мы начинаем привыкать, что вот он — истинно российский флаг. Но *homo sapiens* — весьма гнусное создание. В том плане, что он всегда и во всем пытается сомневаться. Вот и меня периодически одолевают сомнения, когда смотрю я на наш бело-сине-красный «бесикр», реющий над Кремлем: а правильно ли мы сделали тогда, в августе 1991 года, подняв именно его над ельцинским Белым домом, именно его выбрав в противовес старому, коммунистическому, советскому Красному флагу?

Давайте порассуждаем.

Россия — уникальная страна. Особая страна. Удивительная. Многие даже думают: отдельная евразийская цивилизация. Но почему-то ее главный символ — Государственный флаг — никакой не особый. Увы, у

* Отрывок из книги *В. Р. Мединского «О том, кто и когда сочинял мифы о России»* (Олма Медиа Групп. Москва. 2010. Публикуется по согласованию с автором).

него вообще нет «своего лица». Точно такие же поля и в точно таком же порядке у Словении и Словакии (у той и другой страны, правда, там еще есть гербики).

Сербия, Хорватия, Голландия, Люксембург и почему-то Парагвай — с такими цветами, как у нас сейчас, но в другом порядке. С лету и не отличишь. Помню, как-то за границей я вышел из такси и попытался войти в посольство Люксембурга. Оно находилось на одной улице с нашим, номер дома я не знал, вывески было не видно, а сникший на безветрии флаг я принял за российский. Пришлось извиниться перед охранником и пару кварталов еще топтать пешком.

Флаг Франции — точно такой же, только не с горизонтальными, а с вертикальными полями. Правда, при любви французов к своим национальным цветам, их расположение при праздничном украшении улиц легко становится горизонтальным, а на розетках вообще не разобрать — французский это флаг или русский. Кстати, вряд ли французы помнят, что красный и синий — это цвета Парижа, которыми в 1789-м бравировал революционный народ. А белый — цвет монархии, который добавили на флаг в знак уважения к поступившемуся властью, но пока не казненному королю. Несколько моих друзей-французов искренне удивлялись при виде наших офицеров — Героев России со звездами на кителе: «О, у них какие-то новые французские медали! Мы таких еще не видели». Напомню, Золотая Звезда Героя России висит на трехцветной колодочке, почему-то с вертикальными, а-ля франсе бело-сине-красными полосками.

Еще есть Коста-Рика и Таиланд, где цвета такие же, как у нас, и расположение тоже горизонтальное, но полей больше...

Бело-красно-синее полотнище было одним из флагов польских повстанцев (против Российской Империи!) в 1863 году. Мои предки, по легенде, именно после поражения этого восстания были переселены на Украину. Оно же было официальным флагом протектората Богемия и Моравия, учрежденного Гитлером на месте Чехии.

«Перевернутый» русский флаг используют в Республике Сербской на территории Боснии и Герцеговины.

«КГБ» — так запоминают порядок расположения полос школьники: Красный-Голубой-Белый. Снизу вверх. Действительно, не запутаться сложно.

У сегодняшнего ГОСУДАРСТВЕННОГО флага Российской Федерации, увы, нет индивидуальности. А ведь известно: как корабль назовешь, так он и поплывет.

Конечно, есть и другие забавные примеры национальных символов и подборки национальных цветов. Жена одного моего знакомого — дама бесконечно далекая от футбола, но не чуждая гламуру — во время Евро-2008 неожиданно с каким-то нечеловеческим вниманием начала смотреть матч с участием португальской сборной. Продолжалось это минут двадцать, пока она, оторвав взгляд от телеэкрана, наконец, не открыла рот: «Какое безвкусице! Зеленые трусы и красные футболки! Совершенно не сочетается!»

Смех смехом, но российский триколор настолько квазиевропеизирован, универсален и безлик, что не вызовет ни у кого даже таких эмоций.

А ведь предки испокон веков придавали знамени-символу особое значение. Вспомните «Слово о полку Игореве»:

*Бились день, бились другой,
на третий день к полудню
пали стяги Игоревы.*

«Падоша стяги Игоревы» — значит, все пропало.

Так же и падение знамени Великого князя Дмитрия во время Куликовской битвы стало ее самым острым моментом.

Есть мнение, что на поле Куликовом Дмитрий поменялся одеждой с одним из дружинников и встал в ряды воинов еще и для того, чтобы даже в случае падения знамени это не воспринималось как поражение. Князь неизвестно где, и что с ним, будет ясно только после битвы... А по средневековым нормам, пока князь не убит, вассал не мог бежать с поля боя без потери чести.

В итоге мы победили. Но прочтите летопись — и ужас летописца от падения черного княжеского знамени донесется до вас сквозь века...

Предки понимали, чувствовали, что такое флаг.

Почему-то считается, что триколор стал флагом России начиная чуть ли не с Алексея Михайловича Романова, повелевшего поднять его на «первом русском корабле» «Орел». Это не так.

Когда при Алексее Михайловиче спускали на воду так называемый первый корабль европейского типа под гордым названием «Орел», его строитель, голландец Бутлер, запросил Боярскую думу: *«Испросить у Его Царского Величества повеление: какой, как тому есть обычай у других государств, поднять на корабле флаг».*

Ответ и прозвучал как анекдот: *«Царь приказал спросить его, Бутлера, какой есть на то обычай в его стране».* Оранжевый цвет к тому времени (1668 год) уже исчез с голландского флага, а потому для первенца русского флота по просьбе кораблестроителя Бутлера была закуплена красная, белая и синяя материя для пошивки не русского — а ГОЛЛАНДСКОГО флага.

Фотографий «Орла» под голландским флагом в силу понятных причин не сохранилось, а вот документы о закупке на бюджетные средства материала для шитья есть.

Отсутствие индивидуальности госсимвола породило и другие полуанекдоты. Якобы Петр I, копируя до мельчайших деталей голландские корабли, повторял и их флаги, но переворачивал их вверх ногами. Мол, у нас, русских, собственная гордость.

Есть гравюра русского художника А. Зубова «Виньетка к газете «Санкт-Петербургские ведомости»», выполненная в 1711 году. Верхняя полоса флагов кораблей, стоящих у Петропавловской крепости, — синяя, нижняя — красная, а в середине — белая. Это именно переименованный голландский флаг. Ошибки здесь быть не может. А «Виньетку» одобрил сам Петр I, который придавал большое значение морским и военным деталям.

Или вот еще одна версия появления «перевернутого триколора». *«Ваш, Великого Государя, ваш корабль святого Павла взяли французы под голландским знаменем»* — такое донесение он получил из Франции, воевавшей тогда с Голландией. Позже участь «Святого Павла» в той же Франции постигла другое русское торговое судно — «Святое Пророчество». И Петр понял, что нужно хоть как-то отличаться на расстоянии от воюющих сторон

и нашел быстрый и в высшей степени бюджетный вариант — «перевернул» корабельные флаги.

«А как же “флаг царя Московского”?» — спросят знатоки истории. Да, действительно, сильно пострадавший от времени бело-сине-красный штандарт с золотым двуглавым орлом хранится в Центральном военно-морском музее. Его называют «флагом царя Московского», поднимался он еще молодым Петром на 12-пушечной яхте «Святой Петр» в 1693 году. У штандарта необычные пропорции: 4,6 метра на 4,3 метра. Это породило гипотезу о том, что Царь просто вырезал его из слишком большого для яхты кресто-во-квартырного флага того самого «Орла». Что ж, иногда Государь бывал чрезвычайно расточителен, иногда — ужасно экономен и всегда — очень тороплив. Так что вполне могло быть.

Кстати, в этом прямоугольном штандарте с золотым орлом хотя бы нет того визуального минуса, который присутствует, увы, в современном российском триколоре. В этом я лишний раз убедился, гуляя как-то по центру Москвы с одним американцем — профессиональным рекламщиком. Американец восторгался всем, все ему казалось истинно русским, древним и оригинальным. И только про наш флаг, реявший за кремлевской стеной, печально заметил: «Vladimir, It'snotgood, verybadbranding». Плохая, так сказать, «узнаваемость бренда». Американские рекламисты в этом толк, поверьте, знают. Зато потом он увидел президентский штандарт и обрадовался: «Вот каким должен быть российский флаг!»¹

Мне президентский штандарт тоже нравится. Он-то как раз и сделан по образцу первого «флага царя Московского».

«А как же Царский Указ от 20 января 1705 года, по которому “на торговых судах” должен подниматься бело-сине-красный флаг?» — снова поинтересуются знатоки и любители истории. Тут придется отметить, что петровский указ озаглавлен иначе: «О флагах на *торговых речных* судах».

Суда, о которых говорится и в названии документа, и в его тексте, — *речные!* То есть по определению внутренние, не морские, по которым и определялся государственный флаг.

И, кстати, что за рисунок прилагался к Указу, вообще неизвестно. Так что опять — не надо плодить мифы.

Итак, все просто и понятно: Петр I разработал множество самых разнообразных флагов, но государственного флага России почему-то так и не установил.

На самом же деле первым официально утвержденным государственным флагом России стал флаг гербовых цветов Империи — черно-желто-белый. Или, точнее, — ЧЕРНО-ЗОЛОТО-СЕРЕБРЯНЫЙ.

Флаг был официально введен Указом Александра II от 11 июня 1858 года: «*Описание Высочайше утвержденного рисунка расположения гербовых цветов Империи на знаменах, флагах и других предметах, употребляемых для украшений при торжественных случаях. Расположение сих цветов горизонтальное, верхняя полоса черная, средняя желтая (или золотая), а нижняя белая (или серебряная). Первые полосы соответ-*

---

¹ От себя добавлю, что, скажем, флаг Москвы — красный с серебряным Георгием посредине — стопроцентно узнаваем и является примером правильно выстроенного бренда.

ствуют черному государственному орлу в желтом поле, и кокарда из сих двух цветов была основана Императором Павлом I, между тем как знамена и другие украшения из сих цветов употреблялись уже во времена царствования Императрицы Анны Иоанновны. Нижняя полоса, белая или серебряная, соответствует кокарде Петра Великого и Императрицы Екатерины II; Император же Александр I, после взятия Парижа в 1814 году, соединил правильную гербовую кокарду с древней Петра Великого, которая соответствует белому или серебряному всаднику (Св. Георгию) в московском гербе».

Также его цвета символизировали землю, золото, серебро.

Все было сделано быстро. Ранее в том же 1858 году председатель геральдической палаты Российской Империи барон Кене обратил внимание Государя на то, что цвета государственного флага России не совпадают с цветами государственного герба. Вскоре появилась брошюра «О русском государственном цвете», где в качестве цветов флага предлагались черный, желтый и белый. Потом — Указ, потом — утверждение Сенатом — закон.

Это был настоящий флаг Империи. Со своим узнаваемым, неповторимым обликом.

Это был флаг поднимающейся России Александра II. Флаг демократических реформ, прогресса, мира, расширения Государства Российского, золотого стандарта рубля. Флаг Победы.

А бело-сине-красный? Увы, но под ним мы обычно проигрывали.

Сейчас мало кто знает, что во время первого сражения под Нарвой русские полки шли в бой почему-то под бело-сине-красным флагом. Так сказать, в экспериментальном порядке. Разгром под Нарвой Петр Великий помнил до конца своих дней.

Русско-японская война тянулась под этим стягом. Первая мировая. Под ним предали Царя. Под ним отдали Россию большевикам. Под ним воевали белые армии — и, увы, в конце концов, были разбиты. Бело-сине-красный флаг взяли на вооружение для своего безнадежного дела белоэмигранты-монархисты. Вспомните толпу пьяных белогвардейцев из советского телефильма «Государственная граница», как под триколором идут они к советскому консульству в Харбине, срывают и топчут красный стяг СССР и с гоготом пытаются водрузить на здании «бесикр».

Вспомните карикатурных персонажей из «Неуловимых мстителей». Примеров не счесть.

Под триколором воевали против Красной армии власовцы. Точнее, все, кого ими называли: РОА (триколор был на шевронах), РОНА, Казачий Стан, 1-я Русская национальная армия (1-я РНА).

В конце XIX века, словно предчувствуя мазохистское наслаждение от грядущих поражений, вся прозападная российская интеллигенция стала демонстрировать к обычному коммерческому флагу (он оставался в ходу наряду с государственным — свобода как-никак) самые пылкие чувства. Хотя русские историки убедительно доказывали, что у бело-сине-красной расцветки на русской почве глубоких корней нет. По определению видного геральдиста начала XX века Белинского, усилия выдать бело-сине-красные цвета за исконно русские «составляют совершенно бесплодную работу».

Но кому до этого было дело из тогдашней «мыслящей» публики? Александр III во время собственной коронации в Москве обратил внимание на

разительный контраст. Кремль был украшен в черно-злато-белое, а в городе преобладали бело-сине-красные цвета. Новый Царь дал задание специальной комиссии разобраться, и в результате в апреле 1883 года было издано «Повеление о флагах для украшения зданий в торжественных случаях». Александр III решил пойти с «демократами» на компромисс и разрешил использовать параллельно флаг веселенькой бизнес-расцветки, а черно-злато-белый считался отныне династическим флагом Царствующего Дома Романовых. При мягкосердечном и уступчивом Николае II бело-сине-красный окончательно стал государственным. Что поделать, под таким флагом и приплыл корабль Империи в 1917-й год. Масон Керенский флаг оставил, однако «демократический» триколор Временному правительству не помог.

А снова обрела Россия свой новый флаг вот так... По легенде, когда Ельцин сидел 19–20 августа 1991 года в осаде в Белом доме, ему нужен был какой-то новый символ. И у одного из помощников в столе оказался именно этот флаг. «Вот, Борис Николаевич, пусть это будет новый российский флаг!» Так как, в общем, *всем было все равно*, Ельцин его и взял. Хотя должен сказать, изначально триколор не был главным символом демократической оппозиции. В те веселые годы я часто ходил в Москве на митинги: Андреевских флагов с голубым диагональным крестом было гораздо больше. И таких же — красно-белых. Классический Андреевский флаг поднимал над своими колоннами давно забытый — а тогда, на заре гласности, гремевший — Российский народный фронт, красный флаг с белым диагональным крестом — фронт Московский. А вот триколор первыми стали использовать на митингах «патриоты» — точнее, те, кого мы сегодня назвали бы националистами. Бело-сине-красное полотнище украшало сборы общества «Память».

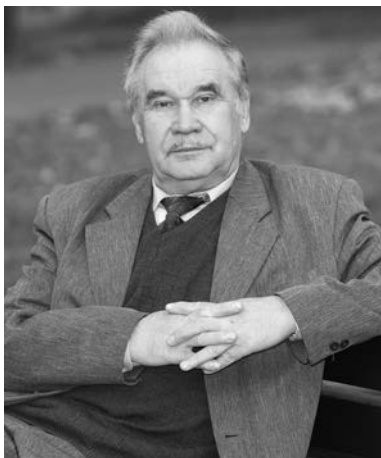
В общем, с царем Борисом история такая же нелепая, как и с «выкраиванием» Царя Петра.

Наверное, время все расставит по своим местам. Вряд ли черно-злато-белый флаг когда-нибудь вернет себе статус государственного, но он мог бы стать знаменем, под которым соберутся представители патриотических движений, исторических клубов.

А Государственным Флагом России, я убежден, рано или поздно должен стать тот, который мы сегодня знаем как президентский штандарт — триколор с золотой каймой и золотым двуглавым орлом в центре.

Но давайте не будем забывать и наш ИСТОРИЧЕСКИЙ первый флаг. Флаг Александра Освободителя и Александра Миротворца. Флаг, под которым Империя достигла максимального размаха, раскинувшись по трем частям света, отринула крепостничество, обрела долгожданные гражданские свободы, вышла на *первое* место в мире по темпам экономического роста.

Чеслав КИРВЕЛЬ

СЛАВЯНО-РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ПУТЬ К ЦЕЛОСТНОМУ ДУХУ

Чеслав Станиславович Кирвель — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Гродненского государственного университета им. Я. Купалы. Родился в 1945 г. в д. Мякиши Щучинского р-на Гродненской обл. В 1972 г. окончил философский факультет Ленинградского государственного университета, в 1976 г. аспирантуру. В 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию по философии. В 1977–1980 гг. работал ст. преподавателем кафедры философии в политехническом институте в Комсомольске-на-Амуре. С 1980 г. возглавляет кафедру философии в ГрГУ им. Я. Купалы. Автор более 200 научных работ, ряда учебников и учебных пособий, многочисленных публикаций по философской проблематике.
Живет в г. Гродно, Беларусь.

Философия всегда так или иначе выступает как форма национально-го самосознания, резюмирует черты индивидуальной истории того или иного народа. Образование интеллектуальной традиции (духа народа) — закономерный результат пространственно-временной дифференциации человеческих общностей под влиянием становления и развития национальности, «...этой естественной основы всякой живой жизни» (Г. В. Гегель). Это в полной мере касается восточнославянских народов и их культуры. Географически и исторически славянские народы занимали срединное положение между Западом и Востоком с их крайними формами социально-культурных традиций. Славянская культура не только пережила столкновение этих крайних традиций, но и синтезировала их. Отсюда «универсализм» и глубина идей выдающихся русских писателей и мыслителей, их стремление создать цельный образ мира, в котором основополагающими становятся идеи глубинной интеграции, вселенскость, связанность, гармоничность, органическое единство — всеединство, лад, мир.

По своему происхождению русская философия едина с западно-европейской философией. Как русская, так и западная философия своим источником имеет философскую мысль античности. Однако это обстоятельство не исключало возможности их разнонаправленного развития. Все дело здесь заключается в том, что античная философия была чрезвычайно и глубоко разноплановой.

Так, западноевропейская философия выросла на почве западно-римской культуры с такими ее специфическими признаками как рационализм, приоритет формального права над этической регуляцией общественных отношений, индивиду-

лизм, стремление к абстрактной, чисто интеллектуальной систематизации взглядов и т. п. При этом большое влияние на становление западноевропейской философии и культуры, начиная с VIII века, оказал арабский халифат, территория которого занимала значительную часть Европы. Арабские авторы (Авиценна и др.) были не только посредниками, познакомившими западноевропейское Средневековье с произведениями древнегреческих философов и ученых, а именно учителями и воспитателями. До усвоения арабских инвестиций (с VIII по XI век) западноевропейское Средневековье, согласно А. Койре, представляло собой эпоху политического и интеллектуального варварства.

Славяно-русская философия генетически связана с эллинистическим Востоком, а точнее говоря, с так называемым «византизмом», особым типом духовной культуры, сформировавшимся в Восточной Римской империи, с духовным наследием восточных Отцов Церкви и др.¹. Из этих источников были восприняты знания, наполненные наукой и философией античной Греции. Постепенно на основе синтеза автохтонного (самобытно-местного) и усвоенных византийских образцов выработался особый тип православной культуры и соответствующей ей философской мысли. Главные темы и основные способы их решения русская философия получила из рук православной культуры, и, следовательно, специфика русской философии детерминирована христианским вероисповеданием в его православной форме.

Свою роль в формировании русской философской традиции сыграли также геополитические факторы, уникальная история, социальный и культурный контекст, а также ментальные структуры. В их ряду проживание народа в северных широтах с суровым климатом, что требовало мобилизации больших усилий, позволяющих за короткое лето успеть вырастить и убрать урожай, обширные пространства с низкой плотностью населения, затруднявшие коммуникации и развитие инфраструктуры, слабая защищенность границ естественными преградами и постоянная военная угроза. Наконец, весьма длительный период вассальной зависимости от Золотой Орды. Все это ограничивало контакты с Западом — в том числе и в сфере философии — и служило основой собственного миропонимания. Культурные образцы и ценностно нагруженные идеи, к числу которых принадлежат и идеи философии, не могут без серьезных изменений транслироваться из культуры в культуру. В итоге, при наличии преемственности с европейской традицией, русская философия приобретает свою самобытность и уникальность.

Нельзя поэтому согласиться со взглядами, ставящими под сомнение или отрицающими реальность славяно-русской философской традиции. Однако более 70 лет (после 1917 года) о славяно-русской философской традиции не было принято говорить. Даже и сейчас в некоторых исследованиях по истории философии считаются заслуживающими упоминания исключительно те философы, которые работали в русле западноевропейской философской традиции. В результате осуществления такой операции история славяно-русской философии изображается в виде последовательной смены каких-то периферийных, лишенных оригинальности попыток освоения уже созданного фило-

---

¹ Стрельченко В. И. К вопросу о реальности славяно-русской философской традиции // Традиция отечественной философии: мат. выступлений и тезисов докладов на междунар. научн. конф. Гродно, 1991. С. 41–42.

софского языка и уяснения уже решенных проблем, воспринимается как некий маргинальный вариант западноевропейской философии. Именно такое, глубоко ошибочное, а нередко и преднамеренно фабрикуемое понимание сути дела старательно внедрялось в сознание студентов и широкой публики нашими учебниками и исследованиями по философии, рисующими печальную картину тотального невежества и умственного оскуднения общего тогда для восточнославянских народов отечества. Едва ли не 7–10 из сотен страниц их текстов содержали (и то наименее интересные) упоминания о революционно-демократической литературе XIX века и о просветителях XVIII века. Поскольку необычайно многообразная и оригинальная по содержанию русская средневековая и религиозно-идеалистическая философия конца XIX — начала XX века мало стыковалась с западноевропейской и прежде всего марксистской философией, то о ней предпочитали вообще умалчивать.

Вопрос о развитии русской философии принадлежит к числу классических примеров возникновения и живучести идеологических фикций. Он порожден сферой методологических иллюзий западноевропейского фундаментализма (западничества).

В действительности русская философия самобытна по источникам, характеризуется рядом специфических черт и образует вполне самостоятельную интеллектуальную традицию. Пожалуй, наиболее ярко это показал известный русский философ Арсений Гулыга. Вот что он пишет, в частности, относительно небывалого взлета духовности, который переживала Россия в период, получивший название «русского религиозно-философского ренессанса»: «Начиная с семидесятых годов прошлого века (когда расцветал талант Ф. Достоевского и Л. Толстого, мужала мысль К. Леонтьева, Вл. Соловьева, Н. Федорова) центр мирового философствования переместился в Россию. И так продолжилось до двадцатых годов столетия нынешнего (речь идет о XX веке. — *Авт.*), когда высланы были за границу крупнейшие наши мыслители, наша национальная гордость — С. Булгаков, Н. Бердяев, И. Ильин, Л. Карсавин, С. Франк, Н. Лосский, Б. Вышеславцев. Л. Шестов покинул Россию несколько ранее. С. Трубецкой умер до революции. В. Эрн, В. Розанов, Е. Трубецкой — в годы революции. Флоренский и Г. Шпет — в заключении. А. Лосев прошел сквозь лагеря и вынужден был молчать... К этому надо добавить десятки менее громких имен (А. Л. Чижевский, Б. Яковенко, Е. Спекторский, С. Левицкий, В. Зеньковский и др.) — профессоров и доцентов философии, богословов и публицистов, казенных, замученных, изгнанных... Жесткая метла антирусского геноцида вымела отечественную философию из университетских аудиторий...»¹.

Углубленное исследование историко-философского процесса убеждает нас в том, что славяно-русская философия наряду с западной и восточной философией является самостоятельным геосоциокультурным типом с присущими ему парадигмального характера отличиями. Рассмотрение славяно-русской философии как самостоятельного геосоциокультурного типа теоретически очень важно, поскольку может служить методологическим основанием для исследования историко-философского процесса в восточнославянских государствах.

---

¹ Гулыга А. В. Русский религиозно-философский Ренессанс // Наш современник. 1990. № 7. С. 185.

Восточнославяно-русская философская традиция, начиная, по меньшей мере, с Г. Сквороды, выявила принципиально отличное от западноевропейской отношение к познавательным возможностям разума (рацио), к проблеме рациональности в целом. Такие философы, как А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, Ф. М. Достоевский и целая плеяда выдающихся представителей «Русского философского ренессанса», сумели избежать одностороннего рационализма и эгоистического антропоцентризма и смогли сформировать космобиокulturоцентрическое мирозерцание. Они стремились к цельному знанию, понимали необходимость дополнения рационального познания внерациональным, сверхрациональным. В ответ на некоторые негативные стороны западноевропейской цивилизации (бездуховный рационализм, механицизм, утилитаризм, раздробленность, разъединенность и т. д.) обосновали идею универсальной целостности бытия, попытались создать новый образ мира как живого целого, наделенного психизмом. Отсюда, кстати сказать, устойчивая тенденция русской философии к воплощению своих идей в художественной литературе (поэзии в том числе), искусстве, проповеди.

Русские философы поставили проблему, которую сегодня называют «интерсубъективностью», — проблему взаимосвязи действующих и переживающих человеческих индивидуумов. Поиски единства общего и единичного при сохранении полного богатства последнего, выдвижение и осмысление понятия соборности, путей достижения соборного единства народа, попытка связать разрозненные точки бытия в единый живой организм, постигаемый не только разумом, но и душой, сердцем, устремленность к культурному универсализму и т. д. — все это рельефно отличает русскую философию от западноевропейской, которая традиционно (начиная с Нового времени) преимущественно ориентировалась на разум (рацио) как основной принцип всего миропонимания. Если главное для русской философии заключалось в осмыслении нравственных оснований жизни, в стремлении к «всемирной любви» (К. Леонтьев), в способности к «всемирной отзывчивости» (Ф. Достоевский), в жажде «безусловной справедливости» (Вл. Соловьев), в поиске «абсолютной правды» (Н. Бердяев), в искании «абсолютного добра» (Н. Лосский), то для западноевропейской философии все это — глубокая периферия. Главное для нее состоит в поиске абсолютной истины, в исследовании проблем логики и гносеологии. Не удивительно поэтому, что такой фундаментальный для русской философии термин как «соборность» вообще отсутствует в западноевропейской философии. (Революционно-демократическое направление в русской философии мы сознательно оставляем здесь в стороне, поскольку оно хотя и оказало в силу ряда причин мощное воздействие на историческую судьбу России, в целом являло собой периферию западноевропейского философствования, было в основном результатом подражания и не определяло ту специфику и содержание русской философии, которые и сегодня обуславливают ее значимость и вызывают к ней интерес).

Русская философская мысль, прежде всего мысль религиозно-идеалистического толка, в конце XIX века буквально уперлась в сложный и весьма принципиальный вопрос — не оказалась ли современная им философия свидетельницей и соучастницей подмены разума мертвящей расчетливостью, мудрости — бездушным прагматизмом. Для русских философов неприятие традиционного классического рационализма было если не всеоб-

щей, то весьма ярко выраженной чертой. Многие русские философы квалифицировали рационализм как ущербную форму философствования, как «умную хитрость», в отличие от подлинной философской мудрости. Так, Н. Бердяев считал, что «Малый разум» (*ratio*) встал над «Большим разумом», расчленил живую целостность бытия, остудив его теплоту. Подорвав доверие к живому опыту, надев на него «рационалистический намордник» и навязав бытию жестко его детерминирующие категории и нормативы, «малый разум» тем самым явил собой откровенную попытку искусственного конструирования реальной действительности из логических категорий, возложив на себя при этом исключительно полицейские функции.

Характерное для рационализма возвышение интеллекта и полное пренебрежение духовными качествами, интерпретация истины как вненравственной ценности, ориентация исключительно на выгоду и расчет давали основания русским религиозным философам упрекать рационализм в абсолютной нефилософичности, видеть в нем болезнь знания. Не принижая в целом значимости разума, русские философы, тем не менее, интерпретировали как ложные те концепции знания, в которых субъект тщетно пытается проникнуть во внерациональный объект с помощью рациональных средств. Отсюда — их обостренный интерес к «сверхрациональному» в постижении бытия, к интуиции и мистическому озарению. В принципе, если отвлечься от всяких методологических и логических просчетов, а также от полемической заостренности, идея «сверхрациональности» содержит в себе стремления к восстановлению духовного статуса разума, понимание того, что только одухотворенный разум, а не уверенный в своей самодостаточности инструментальный ум есть действительно высшая человеческая ценность. По большому счету нельзя также оспорить убежденность русских религиозных философов в том, что духовность выступает не только как основа, условие социального бытия людей, но и как гарантия самосохранения человеческого рода, и что только духовная жизнь как имманентное свойство человеческого бытия может быть действительно разумной. По сути дела, русские философы впервые в мировой общественной мысли содержательно и комплексно поставили вопрос о сбалансированности в жизни людей духовно-рационалистических начал, проблему глубинного синтеза чувств и разума, разума знающего и умеющего и разума осмысляющего и самого себя ограничивающего.

Спору нет: в развитии философии Западной Европы также имела место иррационалистическая тенденция. Паскаль и Мальбранш, например, противопоставляли науке и возникшему на ее основе рационализму Декарта веру, призывали жить верой в Бога, а Э. Шефтсбери и Ф. Хатчесон противопоставляли рационализму, «холодным построениям рассудка» устремленность к доброте и прекрасному, красоту и бескорыстие «высших чувств», а образом подлинного постижения сущности бытия считали не науку, а искусство.

Однако все дело в том, что воззрения отмеченных мыслителей не оказывали какого-либо существенного влияния на магистральный путь развития западноевропейской философии, были явно маргинальны и не делали погоды в философском климате того времени. Западноевропейская цивилизация в своем развитии ориентировалась на совершенно другие мысли и ценности. Впервые доминирующее положение рационализма в западноевропейском философствовании лишь в какой-то степени поколебали философ-

ский иррационализм Шопенгауэра и Ницше. При этом следует отметить, что идеи Шопенгауэра приобрели на Западе популярность только после его смерти. Шопенгауэр и Ницше противопоставили разуму волю.

Таким образом, западноевропейский иррационализм по преимуществу выступал в форме волюнтаризма, ставил на место разума волю. Русская же духовность обнаружила совсем другие ориентиры. Она противопоставила рациональному знанию и иррациональной воле (высшим, самым зрелым проявлениям европейского духа) «несвоевременные мысли», «архаические» понятия любви, стыда, совести, т. е. «философию сердца»¹.

Н. Е. Покровский справедливо отмечает: «Русская культура, в том числе и культура межличностных отношений, сильнее западной сориентирована на “интимность”, задушевность, жертвенность и т. д. Это обстоятельство можно расценивать как свидетельство традиционности, даже определенной архаичности современной русской культуры... Правомерной, однако, могла бы быть и противоположная точка зрения, трактующая подобное качество российского общества как его ценное историческое достояние, сознательный отказ от которого был бы равносителен национально-культурному самоуничтожению»².

В наше время лишь синтез «философии разума» и «философии сердца» может дать достойное человека отображение мира в его сознании, стать надежной основой для поведения. Как у гармонически развитых людей рациональное и внелогическое восприятия реальности находятся в известном равновесии, так и в человеческом познании в целом оба эти источника знания должны органически сочетаться и дополнять друг друга.

Надо отметить, что наиболее выдающиеся представители русской религиозно-философской мысли с гениальной прозорливостью осмыслили опасность рационалистических притязаний на ускоренное преобразование социальной жизни, первыми в мировой общественной мысли ясно осознали всю катастрофичность попыток изменения человечества и человека посредством перевоссоздания «социальной среды» на основе заранее сконструированного умозрительного плана, проекта.

Ф. М. Достоевский, например, в ряде своих произведений с присущей ему глубиной показывает, что попытки сторонников преобразования социальной среды найти как можно более простую формулу — «табличку», которая позволит обеспечить человеческое счастье, в принципе несостоятельна: общественная жизнь не подвергается каким-либо заранее запланированным, мгновенным улучшениям, а постепенно совершенствуется, стихийно. Это происходит потому, что общество представляет собой организм, имеющий свою внутреннюю логику развития. Всякие произвольно-внешностные манипуляции с этой целостностью вредны и губительны. Попытки такого рода ассоциируются у Достоевского с «математикой», примитивной механикой, не принимающей во внимание сложность человеческого бытия, рассматриваются им как рациональная гордыня. А в своем знаменитом романе «Бесы» Достоевский с впечатляющей силой показал, как попытка привести жизнь в соответствие с требованиями абстрактного идеала с неизбежностью обра-

¹ Философия / Под ред. В. П. Кохановского. Ростов-на-Дону, 1995. С. 11–12.

² Покровский Н. Е. Одиночество и anomia (Философские теоретико-социологические аспекты): автореф. дис. ... д-ра соц. наук. М., 1996. С. 16.

чивается «щигалевщиной» — системой, основанной на лжи, преступлении, доносите­льстве и насилии. В этом же контексте рассуждает выдающийся русский мыслитель Вл. Соловьев. Он, многое сделавший для утверждения ценности и необходимости идеала, резко противопоставил ложные «внешние общественные идеалы», не основывающиеся на коренных свойствах и законах природного человеческого мира, и идеалы, учитывающие несовершенство мира и человека и не отрицающие во имя умозрительных инженерных схем прогресса прошлого и настоящего истории. Согласно ему, общественный идеал должен иметь объективные основания в самой природе вещей. Гуманистическое начало, солидарность, уважение к правам и достоинству личности, к свободе нельзя привнести в социальную жизнь извне. Общественная правда не выдумывается отдельными мыслителями (к чему так усиленно стремились носители рационального сознания), а коренится во всенародном чувстве.

Русские философы показали, что зло может быть преодолено в душе человека изнутри. Не рациональные модели и внешние схемы, не стремление извне «осчастливить» других, а внутренний «подвиг», т. е. жизнь в соответствии со своей совестью и человеческой нравственностью, осознание собственной ответственности и собственного долга есть условие гуманизации и совершенствования социума. На этой точке зрения неизменно стояли наиболее выдающиеся умы русской философии — С. Булгаков, С. Франк, П. Флоренский и многие другие.

В целом русская философская мысль характеризуется гениальными как экологическими, так и культурологическими предвосхищениями. Это, прежде всего, завещанное ею предостережение миру об опасности безудержного технологического активизма (индустриальное насилие над природой) и революционистских социально-утопических экспериментов (политическое насилие над жизнью человечества).

Русские философы, прежде всего философы-космисты, предвосхитили современную коэволюционную парадигму науки — идею соразвития человека, социума, природы и выдвинули свою социокультурную альтернативу западноевропейскому антропосоциоцентризму, отрывающему человека от природы, социум от космоса, западным принципам жизнеустройства, породившим эгоистически потребительское отношение к миру. Отстаивая идею мира как живого целого, они тем самым подготовили почву для утверждения в современной науке чрезвычайно перспективной гипотезы о самоорганизующемся космосе, выступающем не как мертвый механизм, а живой организм. В этом их непреходящая заслуга.

Похоже, что человечеству сегодня как раз необходим такой поворот в мировосприятии, идейной предтечей которого явился русский космизм. Пришло время рассматривать нашу планету не как «мастерскую», а как единый одушевленный организм. Также и общество нужно рассматривать не технократически — как «мегамашину», управляемую из одного центра, а органическую целостность, произвольно-внешностные манипуляции с которой вредны и губительны. Представляется, что только при таком подходе к миру можно нащупать новые горизонты бытия и утвердить новые принципы жизнестроения, обеспечивающие необходимые условия для выживания человечества.

Философия русского космизма обосновала чрезвычайно плодотворный принцип онтологического равенства космоса и человека. И в этом смысле

она не разделяла в чистом виде ни традиций восточной культуры, в рамках которой ценность природы доминирует над ценностью человека, а человеческая активность сориентирована почти исключительно вовнутрь, на самовоспитание и самоограничение с целью адаптации к внешней действительности, ни традиций западной культуры, где ценность человеческой личности доминирует над ценностью природы, а человеческая активность направлена вовне, на преобразование окружающего мира. Философия русского космизма также отвергла как мировоззренческие установки Востока на всеохватывающий коллективизм, так и установки западного сознания на эгоцентрический индивидуализм. «В ней, — как подчеркивает В. С. Степин, — была предпринята попытка проанализировать достаточно противоположные подходы и предложить идею корреляции двух различных векторов человеческой активности»¹. Русские философы отнюдь не отбрасывали западную культурную традицию, напротив, они всячески использовали ее возможности, пытались органически включить европейские философские идеи в свое миропонимание, но при этом категорически настаивали на том, что чисто инструментально-потребительское отношение к природе опасно, имеет свои пределы. Так, стремясь преодолеть крайности восточной и западной культуры (в частности крайности индивидуализма и коллективизма), русские философы не отрицали значение различных форм человеческой активности, но при этом пророчески предостерегали от широкомасштабной эксплуатации природы, предсказывали катастрофические последствия такой практики. И это происходило в начале века, когда безраздельно господствовала вера в безграничные возможности научно-технического прогресса («религия прогресса») и когда опасность экологического и других глобальных кризисов почти совсем еще не просматривалась. Трагедия истории заключается в том, что победившие большевики-марксисты грубо и бесцеремонно пресекли линию духовного развития человечества, представленную самобытной славяно-русской религиозно-философской мыслью и, вместе с тем, установили жесткие запреты на любые, даже самые незначительные попытки воссоздания духовной и реальной альтернативы техногенной цивилизации, ее инструментально-потребительскому отношению к миру. Более того, сциентическо-технократический подход к окружающему миру большевики довели до логического конца, до абсурда (поворачивание рек, гигантомания, чисто технический подход к решению социальных проблем и т. д.). Сегодня «дело» подавления русского духа продолжают на новом витке истории биологические и идейные наследники большевиков — «демократы»-западники, бесконечно подражательные и эпигонствующие.

Чтобы освободиться, наконец, от всякого рода псевдоморфоз (термин О. Шпенглера), преодолеть ситуацию цивилизационного «пограничья», мучительной раздвоенности сознания восточнославянских народов, явно усилившуюся в начале XXI века, необходимо отказаться от иллюзорных надежд «войти» в чужой дом, будь то в западноевропейский или какой-либо другой, и приступить к обустройству своего собственного дома, на своей собственной культурно-цивилизационной и природно-географической основе, стать полностью самостоятельной системой, обрести духовно-ценност-

---

¹ *Степин В. С.* Российская философия сегодня: проблемы настоящего и оценки прошлого // Вопросы философии. 1997. № 5. С. 12.

ную цельность и единство. Только на фундаменте своей собственной истории, географии и культуры можно сохранить себя и найти свое место в современной геоструктуре мира, создать собственные формы жизни и творить свое историческое будущее. И такой фундамент у восточнославянских народов имеется.

Восточнославянским народам присущ целый ряд специфических черт, вытекающих из их геополитического положения, уникальности исторического пути развития, своеобразия духовно-ментальных структур и архетипов сознания, которые в условиях нарастающего экологического кризиса могут послужить исходным пунктом в формировании новой модели социокультурного развития человечества.

При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что многие особенности восточнославянского цивилизационного «Я», которые холодно-прагматическим европейцам представляются как проявления недоразвитости и отсталости, оказались поразительно созвучны духовно-экологическим ориентирам третьего тысячелетия. Они позволили славяно-русской культурной традиции, как это ни странно может показаться на первый взгляд, опередить свое время, выдвинуть целый ряд идей, адресованных постэкономической цивилизации XXI века. Это прежде всего идеи космизма, соборности, ненасилия и т. д.

Сегодня «универсализм» русской культуры, безусловно, может способствовать возрождению утраченного техногенной цивилизацией целостного восприятия мира, близости, родства человека и космоса, стать отправной точкой в утверждении нового пути социокультурного развития человечества в XIX веке.

Восточные славяне относятся к тем народам, для которых ориентация на потребительство и материальное процветание никогда не выступали главной целью жизни. Они скорее более склонны вдохновляться великими идеями, способными преобразовать мир, их всегда мучили и томили вечные духовные вопросы. Для них, в отличие от западноевропейских народов, в гораздо большей мере характерны всечеловечность и альтруистическая способность к самоограничению и самопожертвованию. Так, особенностью русского национального характера, как уже показано множеством выдающихся исследователей, является вера в возможность обеспечения всеобщего счастья людей (в этом и проявляется «всемирная отзывчивость» русской души); убежденность, что Россия откроет путь всему человечеству к правде и справедливости (мессианизм), и готовность к неимоверным усилиям для достижения этого в кратчайшие сроки (самопожертвование и максимализм). Именно на этих структурно-экзистенциальных особенностях национального характера народа базировалась знаменитая «русская идея».

Как известно, первым проявлением русской идеи явилась концепция монаха Филофея «Москва — Третий Рим», которая вовсе не сводилась, как обычно принято считать, к идеологическому обоснованию создания Великого русского государства, Империи. Создание Империи было средством, целью же — сообщение всему человечеству света Православного христианства в его русском понимании. Вторым весьма своеобразным и мощным воплощением русской идеи явился идеал построения мирового коммунизма. Большевикам удалось соединить западноевропейскую по своему происхождению демократическую идею всеобщей свободы со славянофильской

идеей предназначенности России дать всему миру истину и счастье. В этом одна из причин их победы. Теперь, как не без основания полагают некоторые авторы, новой модификацией русской идеи может стать идеал построения эколого-безопасного общества — «соборной экологической державы», мессианский экологизм — стремление к спасению всей планеты от неизбежной технологической смерти, экологического апокалипсиса¹.

Этот последний тезис, хотя и не бесспорен, но отнюдь не беспочвенен. Что бы мы ни говорили, богатому Западу намного труднее будет пережить неизбежную ломку устоявшегося образа жизни (цивилизационную ломку), вызванную экологическим императивом и по необходимости связанную с утверждением этики самоограничения и аскезы. К такому повороту событий незападные, в частности восточнославянские, народы более готовы. Это, наряду с прочим, объясняется тем, что восточнославянские народы во многом продолжают жить в естественных условиях биосферы, в то время как народы западных стран, прежде всего народ США, практически уже полностью находятся во власти техносферы, почти целиком зависят от искусственно созданных условий жизнедеятельности. Восточнославянские страны в этом плане, по сравнению с развитыми странами, обладают явным преимуществом. И здесь нас не должно смущать то обстоятельство, что на сегодняшний день Беларусь, Россия, Украина не обладают мощным экологическим движением и значительно отстают от других стран в деле охраны природы. Разве, например, мог кто-либо подумать даже в конце XIX века, что Россия почти в течение всего будущего XX века будет фанатично бороться за построение коммунизма в мировом масштабе. Но это произошло. Почему же тогда нельзя допустить, что мессианский экологизм, придающий экологии религиозную окраску, не станет доминирующим фактором российской истории XXI века?

Вспомним, что в XVII веке только силою национального единства и соборного начала Россия преодолела смуту, выздоровела и стала могучей державой. Так должно быть и в наше время. Сегодня также спасти Россию может только национальное возрождение и сплочение. Именно так понимал русскую идею И. Ильин. Он указывал на актуальный патриотически мобилизующий ее смысл в условиях современности. Ныне задача состоит в том, чтобы преодолеть, изжить русскому народу в своем сознании всякие элементы комплекса национальной неполноценности и исторической уязвленности, возродить единое самосознание и уверенность в своих силах, в способность самим устроить свою жизнь, сохраняя и развивая при этом свою самобытность. Чрезвычайно важно также укрепить государство, привести к власти новую элиту, способную успешно реализовать геополитические, социально-экономические и все другие интересы России и ближкородственных ей народов. Сегодня России необходимо государство, способное аккумулировать волю нации, пробуждающую и организующую ее духовные и материальные силы.

Русская идея должна сегодня пережить второе рождение, стать культурной реальностью нашего времени и, вместе с тем, философией будущего. Известный российский философ А. В. Гулыга пишет: «Русская идея — это

---

¹ Горелов А. А. Экологическая идеология и будущее России // Свободная мысль. 1995. № 1. С 52–53.

предчувствие беды и мысль о всеобщем спасении... Русская идея имела целью объединить человечество в высокую общность, преобразовать в фактор космического развития. Сегодня русская идея (порой под другими именами) возрождается, наполняя особым смыслом наше потускневшее автомобильно-электронное бытие... Русская идея порождена духовной потребностью русского народа в самоопределении, в поиске собственного места в ансамбле других народов... Она представляет собой прежде всего духовно-культурную проблему, выражающую своеобразие и уникальность русского духовного опыта»¹. В своей действительности русская идея зовет к спасению нравственности и возрождению человеческого в человеке. Русской идее внутренне, органично присущи те ценности, в которых сегодня больше всего нуждается человечество. В исторической перспективе она может оказаться в высшей степени соответствующей экологическому императиву, способной дать миру то, чего сегодня ему никто не предлагает. В ней содержатся такие высокие цели и смыслы, к которым, несомненно, обратится человечество для того, чтобы сохранить жизнь на нашей Земле.

Трудно не согласиться со словами Патриарха Кирилла, сказанными им на X Всемирном Русском Народном Соборе: «Мир скоро востребует свойственные русской цивилизации идеалы самоограничения, приоритета духовного — над материальным, жертвенности и долга — над потребительством и эгоизмом, любви и справедливости — над «правом сильного». Востребует мир и российский опыт общежития разных культур и убеждений, разных религий. Русскому народу никогда не было свойственно стремление силой, храбростью или коварством переделывать другие нации. Будут востребованы энергия нашего народа, его верность в служении человечеству, корни которой в нашей истории, в духовности и культуре, в нашем служении Богу и истине его».

Вполне возможно, что после краха социалистической системы и в силу очевидной бесперспективности прозападных стратегий развития уникальное «духовно-цивилизационное Я» восточнославянских народов сможет наиболее адекватно себя выразить на пути движения к духовно-экологической цивилизации третьего тысячелетия.

В любом случае, если люди хотят полноценно жить на этой земле, то им придется опираться на такую духовность, которая ориентируется не только на объективно-научные знания, науку и технику как орудия покорения и преобразования мира, но и на нравственные нормы, органически включающие в себя понимание добра и красоты, уникальности природы и самоценности человеческой жизни.

В реальности только путем творческого синтеза импульсов Запада и Востока, Юга и Севера, а не механического заимствования ценностей лишь одного западноевропейского цивилизационного типа, восточнославянским странам как «контактной зоне Восток—Запад» можно будет органично и в полной мере самоопределиваться в мире. Возможно именно судьба «цивилизационного контактера», каким, в силу своего географического положения и специфики истории, выступает восточнославянский регион, позволит ему на новом витке социокультурного развития человечества осуществить

---

¹ *Гулыга А. В.* Русская идея как постсовременная проблема // Русская идея. М., 2002. С. 22–23.

синтез противоположных начал, сыграть ведущую роль посредника между различными цивилизационными типами, преодолеть их односторонность и, тем самым, проторить дорогу в посттехногенное (экологобезопасное) общество. Как раз именно то, что восточнославянские страны так и не вошли в машину западноевропейской цивилизации в качестве ее прилаженного блока, не только не умаляет значимости и достоинств их исторического пути, но, напротив, открывает один из реальных шансов избежать человечеству техногенной смерти, таит в себе в наш кризисный век еще не до конца раскрытые интенции и перспективы.

Сегодня имитаторско-плагиаторский тип истории для народов мира завершается. Подражательные модели развития оказались для большинства народов непомерно, трагически затратными. Ибо чем в большей степени пути развития тех или иных стран срисовывались с передового Запада, тем быстрее они скатывались в пропасть долговой кабалы, обесмысленной жизни и духовной пустоты, тем меньше оставалось у них потенциалов и возможностей к собственному историческому творчеству и историческому самоопределению. Поэтому грядет время истории, основывающейся на собственном опыте и собственной традиции. Это в первую очередь касается восточнославянских народов, которые, как ни какие другие, пострадали от широкомасштабных экспериментов по внедрению западноевропейских стандартов жизни. Сегодня все говорит о том, что «прозападная мутация» сознания восточнославянского общества вступает в завершающую фазу. В обозримом будущем наивно-утопические установки «жить как на Западе» должны смениться возрождением Русской идеи в ее наиболее широком понимании, включающей в свое содержание самобытно-духовные достижения и Белой Руси, и Украины.

России и близкородственным ей народам сегодня жизненно необходимо провозглашение русского цивилизационного проекта, практическая реализация которого позволит дать метафизический, экономический, политический и культурный ответ на целый ряд серьезнейших вызовов современности, создать новую реальность, новое могущество и, тем самым, осуществить новый поворот в своем историческом пути.

Определенную уверенность в такого рода поворот событий придает то, что ориентация на служение идеалу коренится в глубинных пластах русского национального характера. Известный философ XX века Л. Н. Карсавин, говоря о русском характере, писал: «Уже неоднократно отмечалось тяготение русского человека к абсолютному... Ради идеала он готов отказаться от всего, пожертвовать всем: усомнившись в идеале или в его близкой осуществимости, являет образец неслыханного скотоподобия или мифического равнодушия ко всему»¹. Вот этот «образец неслыханного скотоподобия» или «мифического равнодушия ко всему» мы сейчас наблюдаем среди значительной части населения России, которое, полностью отказавшись от социалистического идеала, разуверилось во всем. Русский человек без служения великому идеалу теряет себя, испытывает сильный дискомфорт. Поэтому потребность в общезначимых идеях и интегрирующих идеалах быстро нарастает в российском обществе. Даже сейчас, в период небывалой униженности и подавленности, Россия по качеству фундаментальных разработок,

---

¹ Русская идея. М., 1992. С. 322.

по напряженности творческого поиска, по количеству людей, склонных к углубленной умственной работе, является несомненным мировым лидером духовно-синтетических исканий. «В отличие от Запада она не потеряла способность к порождению стратегических идей и воли к будущему. Важно лишь поверить в собственные силы, избавиться от комплекса национальной неполноценности и сделать решительную ставку на теоретические модели и технологии будущего»¹.

Восточнославянским народам необходима **духовная мобилизация**. Данную необходимость диктует актуальный характер вызовов обществу, которые в своей действительности сегодня проистекают не только из прошлого, но и во все возрастающей степени продуцируются будущим и требуют для адекватного ответа на них интеллектуальных прорывов и новых проектных решений, соответствующих реалиям современности. Восточнославянские мыслители, озабоченные состоянием своих стран, должны противопоставить бесперспективности идей западников, занятых лишь торгом вокруг наиболее выгодной траектории встраивания восточнославянских стран в западноевропейскую цивилизацию, мобилизационный «проект будущего» опережающего, а не догоняющего характера, выявляющего оптимальные пути развития восточнославянских народов на собственной культурно-цивилизационной основе, выдвинуть и обосновать собственную теорию, точнее, метатеорию, позволяющую сформировать принципы и направления движения Беларуси, России, Украины в сторону свободной, не занятой и не детерминированной другими странами и народами ниши существования в нынешнем противоречивом и сложном геополитическом пространстве.

При этом мы убеждены, что «вулкан истории» отнюдь не потух и способен к новым цивилизационным «выбросам». «Цветущее многообразие» (выражение К. Леонтьева) культур не оставлено навсегда позади, и «конец истории» еще пока не наступил. Космогонические процессы образования новых миров (моделей) еще, к счастью, продолжаются, и история остается открытой для творчества, для поисков новых, неизведанных путей развития. Всего за 30–40 послевоенных лет в мире появилась, наряду с атлантической, новая цивилизационная модель — тихоокеанская. Нет поэтому никаких оснований с порога отрицать и возможность появления еще одной модели — «евразийской», например. Евразийская модель — это специфическая цивилизационная общность, интегрирующая импульсы Запада и Востока, Севера и Юга и по-своему преломляющая, творчески синтезирующая их. Она должна быть направлена на изживание раскола восточнославянских народов и внутриславянского раскола, быть ориентированной на всемирность и всечеловечность. Иначе говоря, проблема состоит в том, чтобы разумно соединить лучшие черты многовекового опыта восточнославянских народов, в том числе и опыта их недавнего советского прошлого, с достижениями стран Востока и современных государств Европы и Северной Америки, отсекая при этом все то, что не соответствует историческим традициям и национальным интересам этих народов и ведет к потере ими своей самоидентификации, своей осевой, центральной, смыслообразующей ценностной идеи.

---

¹ *Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю.* Время великого размежевания: от техногенно-потребительской — к духовно-экологической цивилизации // Вести Московского университета. Сер. 7. Философия. 1999. № 6. С. 18.

Иржи ОПРШАЛ

АНАЛИЗ ИТОГОВ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В ЧЕХИИ

Иржи Опршал — родился в 1932 году в городе Гавличкув Брод (Чехословакия). Первый чехословацкий выпускник Московского государственного института международных отношений МИД СССР — выпуск 1958 года. Ответственный сотрудник Министерства иностранных дел Чехословакии (1958—1990) — специалист по Франции и западноевропейской интеграции. С 1969 по 1989 годы — непосредственный участник СБСЕ и всех последующих встреч хельсинского процесса. С 1990 года — бизнес-советник по экономическому сотрудничеству и контактам Восток—Запад. С 2002 по 2012 годы — председатель Клуба чешских и словацких выпускников МГИМО. **Живет в Праге, Чехия.**

Чехия — небольшая страна в Средней Европе, где могут случаться невероятные истории. Об этом в прошлом уже рассказывали такие классики мировой литературы, как Франц Кафка и Ярослав Гашек.

В начале XXI столетия, а конкретно — весной 2013 года в стране уже третий год правила коалиция правых партий, хотя почти 90 % населения было недоволено ее реформами. Казалось, однако, что это правительство удержится весь полагающийся по закону срок — до мая 2014 года.

Но внезапно произошло следующее. 13 июня 2013 года пражская полиция, имея на руках ордер прокуратуры, вторглась в резиденцию чешского правительства и арестовала директора канцелярии премьер-министра Петра Нечаса Яну Надьову. Одновременно были арестованы трое правых депутатов, которых обвинили в политической коррупции.

Главное внимание привлекла к себе Яна Надьова, так как ее обвинили в том, что она использовала службу чешской военной разведки для организации слежки за женой премьера Нечаса. В ходе следствия стало известно о том, что Яна была давней любовницей премьер-министра и как директор его канцелярии получала неположенные ей крупные денежные премии. Любовные отношения с ней публично признал и сам премьер, который вынужден был развестись с женой, бросить семью с четырьмя детьми и жениться на Яне Надьовой. В результате разразившегося скандала правое правительство рухнуло, и были объявлены досрочные парламентские выборы. Прекрасная тема для наследников Кафки и Гашека, если бы такие появились на чешской культурной сцене, находящейся сегодня в жалком состоянии.

Глобальный контекст

Общеизвестно, что модель либеральной демократии, которую западные правители пытались в последние десятилетия навязать почти всему миру, находится в глубоком кризисе. Если раньше диалектика по оси «либ-лаб», когда в странах атлантического пространства левые правительства сменялись правыми, обеспечивала определенную стабильность, то ныне в условиях глобализации она больше не действует и не выдвигает никаких надежных решений. В такой ситуации избиратели сомневаются в том, что политики без различия в партийной окраске способны найти решения назревших проблем, так как их главным приоритетом является использование политических постов, прежде всего, для своего личного обогащения. Поэтому везде расцветает и цветет пышным цветом коррупция — в Чехии это весьма актуальная проблема и до сих пор безысходная!

Аналитики говорят об опасности антиполитики, невозможности найти выход из почти перманентных политических кризисов. Их мнения сходятся в том, что основная причина такого положения — пагубное влияние больших денег на политику, которое возросло вследствие финансовой глобализации. Политика осталась локальной, а финансы и бизнес стали глобальными. Национальная политика, представленная политическими партиями, бессильна, и это удел не только Чехии, но и крупных держав. В результате возникает нестабильность или даже угроза полного падения государства, как весь мир был свидетелем совсем недавно в случае с США. В таких условиях не случайно, что «спасителями» выступают различные популистские и националистические группировки.

Чешский фольклор

Большая часть чешской общественности осудила в 1990-х годах тоталитаризм недавнего прошлого. Нынешние идеологи называют тоталитаризмом все прошлое, чтобы «очиститься» от него, но забывают, что современность является всего-навсего продолжением прошлого. Мыслитель Василий Кандинский был, несомненно, прав, сказав, что в XX веке началась эпоха «взаимосвязи и взаимовлияния» в отличие от XIX века, когда господствовала дисфункция, предлагавшая выбор «или-или». Чешская общественность продолжает настаивать на необходимости окончательного разрыва и очищения от прошлого, но одновременно она не способна расправиться с темными силами настоящего. И так как пугало антикоммунизма уже мало кого пугает, то «спасители» демократии прибегают к другим приемам с помощью сервильных СМИ, Интернета и, конечно, денег.

Приведем лишь несколько примеров: в предвыборной кампании в Чехии, где 8,5 млн избирателей, участвовало свыше 30 партий и движений. Перед ними стоял вопрос — чем же убедить людей, кроме лозунгов, что политические партии не состоялись и должны уступить свое место тем, кто «работает по-настоящему». Очень своеобразно повел себя председатель партии ТОП-09 князь Шварценберг. Если недавно он как кандидат в президенты пугал чехов русским медведем в красной папахе, то сейчас резко повернул на Запад, и выступил как Джеймс Бонд, но не 007, а 09. Молодежи это понравилось, но партии князя это большой пользы не принесло. Князь с

австрийскими корнями и его правая партия на этот раз опростоволосились. Сложность чешской ситуации в том, что потерпели фиаско почти все «классические партии» кроме коммунистов. Провалились националистическое движение «Выше голову», поддержанное бывшим президентом Вацлавом Клаусом, и партия гражданских прав нынешнего президента Земана.

Результаты выборов

В парламент Чехии были избраны представители 7 партий и движений:

Социал-демократическая партия	— 20,45 % голосов	— 50 депутатов
Движение АНО	— 18,65 % голосов	— 47 депутатов
Коммунистическая партия	— 14,91 % голосов	— 33 депутата
Партия ТОП-09	— 11,91 % голосов	— 26 депутатов
Гражданская партия ОДС	— 7,72 % голосов	— 16 депутатов
Движение «Рассвет»	— 6,88 % голосов	— 14 депутатов
Христианско-народная партия	— 6,78 % голосов	— 14 депутатов

Эти результаты показывают, что создать правительство с сильным мандатом в парламенте из 200 депутатов будет делом нелегким. Формировать правительство совместно с движением АНО в ходе предвыборной кампании отказывались практически все традиционные чешские партии. Пеня на лидера АНО — миллиардера Андрея Бабиша за его прошлое — при социализме член компартии как руководитель крупного внешнеторгового объединения мог иметь контакты с тогдашней чехословацкой разведкой и др. — все они попали в политическую ловушку: сформировать работоспособное правительство без участия его движения практически невозможно. Тем более что, как всегда, отличились социал-демократы. Чтобы неизвестных величин при формировании правительства стало еще больше, внутри этой партии произошел небольшой путч, и партия, победившая на выборах, в очередной раз не сумела рационально урегулировать свои внутренние проблемы.

Некоторые выводы

После семи лет правления в Чехии коалиции правых партий все аналитики и большая часть общественности предвидели крупную победу левых партий во главе с социал-демократами. Однако из-за все еще существующей атмосферы антикоммунизма, а также распрей внутри социал-демократии этого в полной мере не произошло. Правые, как и предполагалось, рухнули, так как целенаправленно проводили антисоциальные реформы, чтобы обеспечить еще большее обогащение богатых на фоне разгула коррупции. Неудивительно, что в этой ситуации появились популистские движения, осуждающие и проклинающие политиков абсолютно всех мастей и окрасок. Дело дошло до того, что подняли свой голос «обиженные» мелкие, средние и даже крупные предприниматели, которые устами чехо-японца Окамуры объявили, что не могут больше терпеть «этот бордель» и готовы взяться за дело. «Политики 20 лет болтали, а мы работали», — так обращался к своим избирателям Андрей Бабиш.

Образовать правительство удастся только коалиции социал-демократов и движения АНО. Надо ли бояться его участия в чешском правительстве? Я склоняюсь к мнению тех аналитиков, которые отвечают на этот вопрос отрицательно. Ведь не все олигархи в мире ведут себя как итальянец Берлускони. Не все богатеют за счет государства, а потом прячут свои барыши в оффшорных зонах. Есть и такие, которые даже в сложных условиях современного мирового экономического развития эффективно управляют своими предприятиями, аккуратно платят налоги и даже спонсируют различные социальные программы. Таким «белым вороном» в Чехии является упоминавшийся выше Андрей Бабиш. Его политических оппонентов раздражают и его заявления о том, что при социализме не все было только плохим и отрицательным, но была реально создана мощная промышленность и развитое сельское хозяйство, созданы одни из лучших в Европе системы здравоохранения и образования, практически решен жилищный вопрос. Пусть Бабиш и его единомышленники покажут своим недругам из правого лагеря, как надо бороться с коррупцией и эффективно управлять экономикой!

Присовокупим и внешнеполитический аспект. Такие предприниматели помогут политикам по-деловому и без идеологизированных заморочек развивать торговые и экономические отношения с теми, с кем это выгодно Чехии. В первую очередь речь идет о России и Китае. Простые люди в Чехии ждут, что новому правительству удастся достичь необходимой гармонии и в международных делах.

ВЫШЛА КНИГА

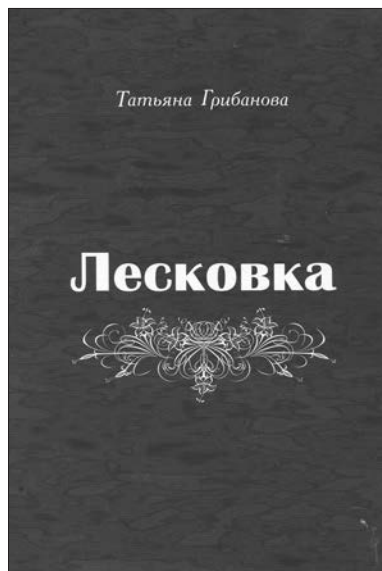

Грибанова Т. И.

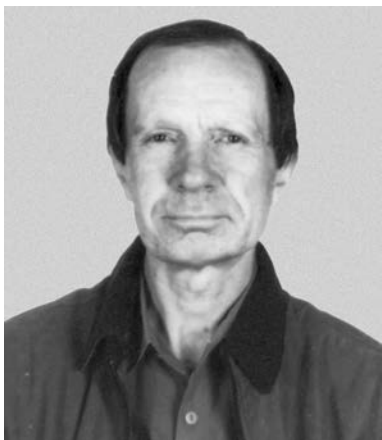
Лесковка. *Деревенские рассказы.* — Орел: Издательский Дом «Орлик», 2013. — 260 с.

Рассказы орловской писательницы Татьяны Грибановой обладают особой прозаической свежестью. Это сбереженная классическая традиция в реалиях нового времени. Русский уклад, русская речь и родной язык, как они были и как еще есть, в неизъясимой прелести и завораживающей простоте — вот центр, вот в чем философия, загадка и расшифровка настоящей книги.

Рассказы Татьяны Грибановой широко печатались в толстых литературных журналах Москвы и России: в «Нашем Современнике», «Молодой гвардии», «Московском вестнике», «Сельская нови», «Родной Ладог», «Подъеме» и многих других.

Точка ЗРЕНИЯ

Валентин СЕМЁНОВ

ЦЕННОСТНО- ПРАВСТВЕННАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Валентин Евгеньевич Семёнов — доктор психологических наук, профессор, директор НИИ комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ. Живет в Санкт-Петербурге.

В непростой ситуации экономической и социальной нестабильности как в мире, так и в нашем обществе, все более наглядно проявляется ценностно-нравственная, в том числе религиозно-атеистическая, поляризация людей, представителей различных социальных групп.

Закон поляризации в общественной жизни, о котором писал великий социолог и христианин Питирим Сорокин, заключается в том, что, когда общество переживает некое бедствие, фрустрацию или чрезвычайную ситуацию, то «большинство его членов, которые в нормальных условиях не являются ни слишком благочестивыми, ни слишком грешными, проявляют тенденцию к расколу и поляризации. Одни становятся более религиозными, нравственными и благочестивыми, а другие — более атеистичными, циничными, чувственными и преступными» [4, с. 145].

В моей теории российской полиментальности (множественности умонастроений, миропониманий в обществе) на основе социально-исторического анализа описываются четыре базовых ценностно-нравственных типа (менталитета) личности [2, 3]. Это православно-российский менталитет, имеющий более чем 1000-летнюю историю (безусловно, следует помнить и о других традиционных для России религиозных менталитетах, прежде всего, активно развивающемся исламском); коллективистско-социалистический, сформировавшийся за три четверти XX века в СССР; индивидуалистско-капиталистический, сложившийся в дореволюционной России, возрождающийся ныне в весьма неприглядном либерально-олигархическом обличье, и криминально-клановый менталитет, как известно, древнейший, порожденный пороками людей. Художественной метафорой данных

личностных типов-менталитетов служат образы братьев Карамазовых из одноименного романа Ф. М. Достоевского: глубоко верующего инока-миротворца Алеши; эмоционального, жаждущего идеала отставного поручика Дмитрия (будущего большевика, по мнению американского советолога Р. Пайпса); изощренного рационалиста и богоборца Ивана, обуреваемого западнической «легендой о великом инквизиторе», и их сводного брата отцеубийцы Павла Смердякова, психологически зависящего от Ивана.

Если в советское время историческая типология базовых российских менталитетов присутствовала в неявном виде (так как узаконенным был только коллективистско-социалистический тип), то в результате «перестройки», начиная с конца 1980-х годов, она стала проявляться все четче и очевидней. А в настоящее время уже происходит поляризация (совсем по П. А. Сорокину) вышеприведенных ценностно-ментальных типов личности. Причем православно-российский тип сближается с коллективистско-социалистическим (советским) типом через их некоторое подобие на уровне общественной морали («человек человеку друг, товарищ и брат»), впрочем, и православные члены коммунистической партии уже не редкость. Вместе с тем индивидуалистско-капиталистический (либеральный) менталитет все чаще сближается с криминально-клановым менталитетом за счет свойственных этим типам личности эгоизма, клановости и авантюризма, моральной неразборчивости и культа денег.

Совсем не случайно в последние годы явно усилилась антиправославная и антисоветская активность либералов, их нападки на Русскую Православную Церковь и православных граждан, на исконные российские традиции, на русскую и советскую историю. Достаточно вспомнить телевизионные программы, выступления и статьи В. Познера, Н. Сванидзе, М. Прохорова, Ю. Латыниной, А. Невзорова, кощунственные акции «PussyRiot», М. Гельмана и прочих шоу-бизнесменов, надругательства над православными поклонными крестами, провокации сообщества ЛГБТ (лесбиянки, геи, бисексуалы, транссексуалы), а также поддержку подобных действий иностранными аморальными и атеистическими «авторитетами» вроде «Мадонны», С. Фрая, «Femen», братьев Чепмен и др. К сожалению, наши власти нередко идут на поводу у этих провокаторов, разрешая и охраняя их безнравственные «парады» и акции.

Несмотря на публичную, рекламную активность представителей либерального, индивидуалистического менталитета, ценностно-нравственные качества православного и коллективистского умонастроений, как показывают наши исследования, проявляются в реальной жизни существенно чаще. По данным социологического исследования, проведенного под руководством автора в апреле 2013 года (представительная выборка взрослого населения Санкт-Петербурга — 1200 человек от 18 лет), верующими православными людьми себя назвали более половины — 55,5 % петербуржцев, а верующих других вероисповеданий оказалось только 7,5 % (следует сказать, что эти цифры ниже, чем по России в целом). Понятно, что это не означает, что все это воцерковленные люди, но главное, что они отождествляют себя с соответствующей (в первую очередь, православной) культурой и традициями. Необходимо также подчеркнуть, что сотни тысяч мигрантов из Средней Азии и Кавказа остаются практически недоступными для социологических исследований, тем более по вопросам религии.

По данным исследований этого года, впервые за более чем десятилетний цикл наших исследований ценность веры превзошла ценность денег по количеству выборов из семи базовых ценностей. Ценность справедливости в последние годы поднимается до третьей-четвертой позиции среди этих же ценностей. Вместе с тем ценности семьи и здоровья более десяти лет не сходят с первых позиций (в 2013 году семью выбрали 78 %, здоровье — 62 % опрошенных), причем практически одинаковых в процентном выражении у представителей всех ценностно-ментальных типов, даже у либералов, хотя часть из них выступает и за «гомосексуальные семьи».

В ответ на вопрос: «Какое общество Вы хотели бы построить в России?» — вариант «Общество честных людей труда» выбрали 45 %, «Общество веры и любви к ближним» — 31 % и «Общество потребления и комфорта» — только 9 % петербуржцев (остальные затруднились ответить). Это значит, что в желаемом обществе люди сознательно, а кто-то и неосознанно, хотят воплотить социальные (честность, труд) и православные (вера, любовь к ближним) ценности и менее всего — уже более двадцати лет внушаемые СМИ и рекламой — ценности так называемого общества потребления.

Вместе с тем очевидно, что мощное многолетнее рекламно-информационное воздействие по принципу «все на продажу» в определенной мере влияет на молодежь, которая, собственно, и выросла в этой вульгарно-потребительской атмосфере полукриминального рынка. Поэтому каждый пятый молодой человек (20 %) выбирает общество потребления и комфорта (кстати, упомянутый аморальный персонаж романа Достоевского Смердяков был большим любителем западного комфорта). Но одновременно с потребительскими ценностями возрождаются исконные российские ценности Православия (среди молодых «Общество веры и любви к ближним» выбирают 27 %). А наиболее востребованными молодежью (как и старшими возрастными группами) оказываются ценности социального нравственного общества труда (43 %).

Очевидно, что существуют проблемы в сфере социального согласия между представителями базовых российских менталитетов. В свое время это была идейная борьба между «почвенниками» и «западниками», затем уже физическая борьба, перешедшая в гражданскую войну между «белыми» и «красными». Ныне возникают и более сложные противоречия между, условно говоря, «белыми» (православными, традиционалистами), «красными» (людьми советского, социалистического склада) и «голубыми» (либералами) — практически между представителями трех современных ценностно-нравственных типов. Поляризация проявляется в сведении ценностно-ментальных групп к двум большим социальным группам, во многом аналогичным традиционной с начала XIX века оппозиции славянофилов (почвенников) и западников. Не случайно в указанном нашем исследовании 74 % петербуржцев назвали себя патриотами России, а 21 % не отнесли себя к таковым (остальные затруднились ответить). Это и есть примерное соотношение современных «почвенников» и «западников».

Очевидно, что прозападная антироссийская пропаганда бесследно не прошла для людей, которые родились после «перестройки» или были еще дошкольниками. Вместе с тем поразительно, что за нравственный контроль за содержанием СМИ и рекламы в 2013 году выступают уже 86 % петер-

буржцев, среди молодежи — 70 % (в 2001 году их было соответственно 73 % и 62 %). И какие-то очень скромные положительные изменения, например на телевидении, все-таки происходят: меньше становится западных сериалов (правда, собственные делаются по американским образцам), исчезла с общедоступных каналов зарубежная порнография и программы типа «Секс с Анфисой Чеховой» (но появился вульгарнейший канал «Перец»), введена возрастная маркировка программ и фильмов (которая не всегда на самом деле соответствует реальному возрасту зрителей), наконец, появился канал «Общественное телевидение России».

Тем не менее, несмотря на явное и подтвержденное многочисленными социологическими исследованиями (ВЦИОМ, Левада-центр, ФОМ, ИНОП, НИИКСИ и др.) преобладание представителей православного менталитета в стране, СМИ и прежде всего телевидение остаются выразителями либерально-атеистического менталитета (представляющего меньшинство российских граждан), что еще раз было наглядно продемонстрировано в дни празднования 1025-летия Православия на Руси. В воскресенье 28 июля 2013 года из шестнадцати главных телевизионных каналов России только канал «Россия-Культура» посвятил этому событию часовую трансляцию торжественного концерта с Красной площади, а в 23.00 на круглосуточном новостном канале «24» был показан документальный фильм «Второе Крещение Руси». Нельзя с горечью не отметить, что юбилею какого-нибудь не слишком великого артиста или представителя шоу-бизнеса уделяется гораздо больше внимания на том же канале «Культура», не говоря уже о других каналах.

В контексте того, что происходит сейчас на Западе в семейной, гендерной, сексуальной сферах, нравственные установки большинства российского населения, проистекающие из более чем 1000-летней православной традиции на Руси, пока обнадеживают. Однако вызывают тревогу усиливающиеся в последнее время попытки внедрения варварских методов западной так называемой ювенальной юстиции, не считающиеся с реальными условиями российских семей. Вообще, вызывает законное возмущение проявление бюрократизации и ограничение именно гражданских прав личности и ее достоинства в процессе всевозможных прозападных реформ. В частности, это проявляется в беспепелляционном авторитарном насаждении форм американского формализма и контроля на предприятиях, в образовании и науке (чего стоит одна так называемая реформа Российской Академии наук, когда чиновники пренебрегли мнением авторитетнейших и умнейших людей страны), ведущих к социальному отчуждению, снижению доверия между людьми и уменьшению реальной эффективности производства и творческого труда. Стоило бы вспомнить отечественные достижения в сфере морально-психологического климата в трудовых коллективах, достигнутых в 1970-х годах в результате внедрения планов социального развития (о чем автор знает на собственном опыте).

Как писал еще в XIX веке Иван Аксаков: «Верую безусловно в преимущество европейской цивилизации, наши доктринеры-чиновники с жадностью хватаются за разные образчики европейского прогресса... Для них, проповедующих уважение к личности человеческой, народ — *tabularasa*, на которой вырезай резцом что хочешь! Уроки истории — им решительно нипочем!» [1, с. 50]. Оказывается, менталитет современных реформаторов все тот же и проблемы все те же — формально-технократический и либе-

рально-прозападный подход игнорирует духовно-психологический фактор, ментальные, ценностно-нравственные особенности народа.

Наше исследование зафиксировало тот факт, что петербуржцы восприняли и поняли значение духовно-нравственных факторов. Отвечая в ходе интервью на вопрос: «Что более всего будет способствовать позитивному развитию российского общества?» — они впервые за десятилетия наших исследований на первое место поставили не экономические условия, в данном случае «экономическую модернизацию» (28 %), а «духовно-нравственное воспитание молодежи» (51 %), так как осознали, что без качеств веры, трудолюбия, честности, ответственности, справедливости у нового поколения — никакая модернизация невозможна.

Результаты анализа современной ситуации в российском обществе в очередной раз приводят к пониманию ключевой, важнейшей роли духовно-нравственных факторов в реальном развитии страны, необходимости морального оздоровления, духовного преображения общества, соответствующего воспитания молодежи.

Литература

1. Русские о русских. СПб. 1992.
2. Семенов В. Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб., 2008.
3. Семенов В. Е. Православие, российская полиментальность и будущее России // Родная Ладога. 2010. № 4. С. 137–144.
4. Сорокин П. А. Американская сексуальная революция. М., 2006.

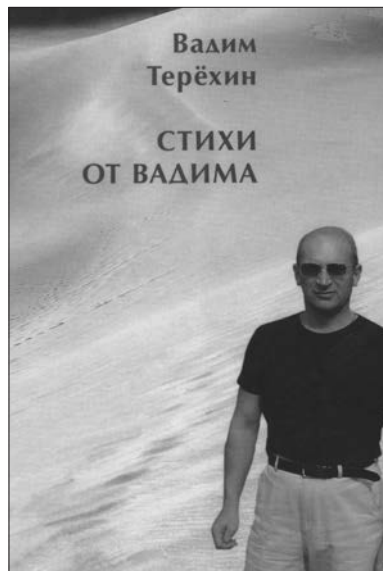
ВЫШЛА КНИГА

Терёхин В. Ф.

Стихи от Вадима. — Калуга: Золотая аллея, 2013. — 384 с., ил.

Эта книга о печали и любви. Любой нормальный человек, вне зависимости от внешнего, иногда кажущегося благополучия своей жизни, задумывался о ее трагической сути. Сытое равнодушие зовется у нас «окамененным нечувствием». Но даже самый, что ни на есть преуспевающий человек теряется, становится слабым и ничтожным перед величием смерти. И переступить через ее порог нам может помочь только вера. Печаль о том светлом мире, который мог быть, но поврежден пороками и грехом, о том, кем мы могли стать в нем, но не стали из-за своей гордости, жадности, властолюбия присуща в той или иной степени всем людям. Печаль о невозможной в этой жизни, но все-таки где-то существующей реальности любви и справедливости руководит всем человечеством. Но печаль эта светла.

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Евгений ТИТКОВ

К ВОПРОСУ О СТАЛИНСКОМ ПОВОРОТЕ К ЦЕРКВИ

Евгений Павлович Титков — родился в с. Глыбочка Шаблыкинского района Орловской обл. Окончил историко-филологический факультет Горьковского госуниверситета. Служил офицером в Советской Армии. Окончил аспирантуру МГПИ им. В. И. Ленина. Доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор монографий об образовательной политике Екатерины Великой, о епископе Дамаскине, Патриархе Сергии (Страгородском). Опубликовал серию научно-популярных книг о Великой Отечественной войне. Лауреат премии «Александр Невский». Главный редактор альманаха «Арзамасская сторона». **Живет в г. Арзамасе Нижегородской области.**

В последние годы в нашей исторической и публицистической литературе дискутируется вопрос о том, был ли осуществлен И. В. Сталиным поворот к Православной Церкви? Я уже имел возможность высказать свою позицию по этому вопросу в книге «Патриарх Сергий (Страгородский): подвиг служения Церкви и Родине». Она существенно не изменилась. А последняя публикация статьи И. А. Курляндского «О мнимом повороте Сталина к Православной Церкви», опубликованная в журнале «Вопросы истории» (№ 9, 2008 г.), ее отнюдь не поколебала.

Напомню об обстоятельствах появления указанной статьи И. Курляндского. В 1999 году в журнале «Наш современник» и ряде коммунистических и патриотических средств массовой информации (газеты «За Родину, за Сталина», «Русский вестник» и др.) были опубликованы сенсационные материалы, призванные свидетельствовать, что еще перед войной, в 1939 году, сталинское руководство радикально изменило государственный курс по отношению к Православной Церкви, прекратило гонения на духовенство и верующих и провело в ноябре-декабре того же года массовую амнистию осужденных по церковным делам, в результате которой «на свободу» из лагерей вышли 12 860 человек и «из-под стражи» — 11 223 человек, т. е. 24 тыс. человек. Кроме того, планировалось освободить еще около 15 тыс. человек из числа 50 тыс. продолжавших отбывать наказание. Эти данные приводились в обоснование утверждения о повороте сталинского руководства навстречу Церкви еще до войны¹.

Однако эти данные и приводимые в их обоснование источники были подвергнуты резкой критике

¹ Дудко Д. Он был верующим // Наш современник, 1999. № 12; За Родину, за Сталина, 1999. № 7.

И. А. Курляндским в 2008 году, который утверждает, что указанные документы были сфальсифицированы и, вопреки версии о «либеральном повороте» Сталина к Церкви и верующим в 1939 году и прекращении гонений, 1940–1942 годы отмечены новыми жестокими репрессиями по церковным делам. «Мнимой версией» назвал Курляндский утверждения целого ряда авторов о повороте Сталина к Церкви в конце 1930-х годов¹.

Казалось бы, после подобных утверждений нет достаточных оснований утверждать, что до знаменитой встречи в Кремле в сентябре 1943 года имел место поворот Сталина к Православной Церкви. Однако попробуем представить некоторые из фактов, свидетельствующие о том, что в мировоззрении руководителя советского государства уже в 1930-х годов происходили существенные изменения, качественно ускоренные войной.

Момент встречи Председателя Совнаркома И. В. Сталина с тремя высшими иерархами Русской Православной Церкви был действительно исторический. Правительство страны, допуская избрание Патриарха, открытие православных приходов и духовных школ, откровенно признало несбыточность большевистских планов разгрома Церкви и устранения ее из жизни народа. «По существу были заключены условия своего рода “конкордата”, который в основном государственная власть соблюдала до начала хрущевских гонений», — так подытоживает встречу Сталина с тремя митрополитами 4 сентября 1943 года канадский историк Д. Поспеловский². О том, что это был весьма своеобразный конкордат, мы говорили уже ранее.

Думается, дело не только в том, что власть откровенно признала несбыточность большевистских планов по ликвидации Церкви. Смеем предположить, что в сознании властной верхушки партийно-советского руководства за годы войны произошла существенная ценностная эволюция. Трагическая действительность 1941 года прежде всего воздействовала на сознание Сталина. Именно в его мировоззрении происходили существенные изменения уже в 1930-х годов, качественно ускоренные с войной. К сожалению, мы слишком мало имеем фактов об этой эволюции в мировоззрении, в сознании Сталина. Разбросанные в различных источниках отдельные факты и эпизоды из жизни и поведения главы Советского правительства, к сожалению, до сих пор не собраны, не систематизированы и должным образом не осмыслены.

Попробуем представить некоторые из этих фактов на страницах данной книги, надеясь, что они послужат информацией, толчком для рассуждений, размышлений нашего читателя.

Слова «поворот к церкви» нельзя воспринимать как обозначение некоего процесса, обусловленного, так сказать, сдвигами конформистского толка в идеологии Советского государства. В таком случае сам этот процесс будет выглядеть хитроумным ходом Сталина, затевающего лукавую игру с «мнением народным» накануне пресловутых массовых репрессий 1937 года. Подобная позиция, на наш взгляд, глубоко ошибочна, поскольку не учитывает ни культурно-исторических факторов, определяющих значимые идеологи-

---

¹ Курляндский И. А. О мнимом повороте Сталина к Православной Церкви // Вопросы истории, 2008. № 9. С. 3–16.

² Поспеловский Д. В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. М. С. 299.

ческие тенденции в Советском Союзе начала 30-х годов, ни последовательных, стратегически сильных и обдуманных шагов Сталина, стремящегося идейный базис «страны победившего социализма» преемственно связать с национальной идеей русского народа, которая не мыслится вне многовековых традиций православного христианства.

Необходимо в данном отношении подчеркнуть, что Сталин никогда не обладал абсолютной полнотой власти, а в 30-х годах — времени индустриализации и коллективизации страны, к тому же прошедшему в напряженной борьбе с оппозицией — тем более. А потому эти шаги не всегда были однозначны и полноценны.

Приведем только некоторые свидетельства, подтверждающие наш тезис об особом сталинском видении идеологического курса Советского государства и его политики в этой сфере.

В 1930 году правительство инициировало перенос памятника Минину и Пожарскому с середины Красной площади к собору Василия Блаженного (перенос был осуществлен в 1931 году). Доводы были весьма просты: памятник становился помехой для демонстраций и парадов боевой техники. Однако публичные высказывания и выступления, порожденные этим событием, неожиданно придали этой, в общем-то, незначительной проблеме значительный по своему цинизму смысл: а нужен ли этот памятник? Так, популярный, особенно среди первого поколения комсомольцев, поэт Джек Алтаузен разразился на этот счет такими виршами:

*Я предлагаю Минина расплавить.
Пожарского. Зачем им пьедестал?
Довольно нам двух лавочников славить.
Их за прилавками Октябрь застал.
Случайно им мы не свернули шею.
Им это было бы под стать.
Подумаешь, они спасли Расею.
А может, лучше было б не спасать?»¹*

Такого рода «выступление» не было в ту пору исключением из правил. Скорее наоборот. Любопытный факт на этот счет приводится в книге Г. Марьямова «Кремлевский цензор», в которой автор приводит слова, будто бы сказанные И. В. Сталиным: «Демьян Бедный представлял себе исторические перспективы неправильно. Когда мы передвигали памятник Минину и Пожарскому ближе к храму Василия Блаженного, Демьян Бедный протестовал и писал о том, что памятник надо вообще выбросить и надо забыть о Минине и Пожарском. В ответ на это письмо я назвал его “Иваном, не помнящим своего родства”. Историю мы выбрасывать не можем...»².

В отличие от Алтаузена Д. Бедный тогда считался едва ли не хозяином в советской литературе: для него были всегда открыты двери всех без исключения издательств, его гонорары не шли ни в какое сравнение с гонорарами других советских писателей и поэтов, в его полном распоряже-

¹ Алтаузен Дж. Вступление к поэме // 30 дней. Иллюстрированный ежемесячник, 1930. № 8. С. 68.

² Марьямов Г. Кремлевский цензор, М., 1993. С. 76.

нии находился специальный вагон, который, что называется, по первому требованию «хозяина» прикреплялся к любому составу, и, наконец, обитал Д. Бедный не где-нибудь, а в самом Кремле. То, что он мог выступать за снос памятника Минину и Пожарскому, вряд ли вызывает теперь сомнения. Многие его «творения», среди которых особо стоит назвать «Евангелие без изъяна евангелиста Демьяна», «Слазь с печки», «Без пощады», «Перерва», — убедительные свидетельства открытого глумления над национальными духовными святынями: русской историей, русской церковью, русским характером. Не вызывает сомнения и то, что у Бедного была огромная читательская аудитория, воспринимающая его в качестве идейного рупора Советского правительства. Свою роль здесь играла и «кремлевская прописка» Д. Бедного, и созданный в начале 1920-х годов миф о нем как о поборнике и выразителе правды «трудового народа».

Рубеж 20–30-х годов XX века — это период преобладающего вульгарно-классового отношения к выдающимся представителям отечественной культуры, когда новоявленные «деятели искусства» на своих многочисленных заседаниях и «прениях» разносили Пушкина «в пух и прах» за «белые штаны», за «вперед гляжу я без боязни», за камер-юнкерство и холопскую стихию, вообще за «псевдореволюционность и ханжество», за «неприличные стихи и ухаживание за женщинами...»¹. Понятно, что так «доставалось» не только Пушкину: «холопскую стихию» и «псевдореволюционность» видели практически в каждом из деятелей культуры дворянского происхождения. Таким образом, «списывалось в утиль» великое наследие русской духовной культуры.

То, что Сталин в это время лишь в частных письмах (к тому же Бедному) выражает свою озабоченность русофобскими тенденциями, по сути царящими в общественном сознании, вполне объяснимо. Ему в ту пору нужно было незамедлительно и действенно решать проблемы социально-экономического развития страны, ее внешней и внутренней безопасности.

Только лишь, пожалуй, с середины 1930-х годов позиция Сталина в отношении идеологического курса страны начинает реально воплощаться в политических решениях. И точкой отсчета здесь является открытое письмо Сталина членам Политбюро от 19 июля 1934 года «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”», в котором подвергалась жесточайшей критике позиция Энгельса по отношению к царской России как «тюрьме народов».

21 января 1936 года в «Известиях» Н. И. Бухарин в связи с днем памяти В. И. Ленина назвал обломовщину «универсальной чертой» русского национального характера, которую смог преодолеть только гений Ленина. Кстати сказать, основные положения этой статьи были обнародованы Н. И. Бухариным еще 9 лет назад, в памфлете «Злые заметки» (опубликованной в газете «Правда» от 12 января 1927 г.), призванном, по большому счету, очернить память о Сергее Есенине как русском национальном поэте. Вместе с тем «разбором» поэзии Есенина Бухарин не ограничивается, жестоко клеймя прошлое великороссов и глумясь над ним:

«Оно — в темноте.

Оно — в мордобое.

---

¹ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1989–1990. Т. 1. С. 480.

Оно — в пьянстве...

Оно — в матерщине.

Оно — в дряблости, неуважении к труду, в хулиганстве.

Оно — в «ладанках» и «иконах», «свечечках» и «лампадках».

Оно — в остатках шовинизма...

Оно — в свинском обращении с женщиной.

Оно — во внутренней разнузданности, в неумении работать над собой, в остатках обломовщины, интеллигентского самомнения, рабского темпа работы.

И все это наше рабское историческое прошлое, еще живущее в нас, воспевается, возвеличивается, ставится на пьедестал лихой и в то же время пьяно-рыдающей поэзией Есенина...» И такое вещал ведущий политик партии, входивший в состав ее высшего руководства, в год десятилетия Советской власти, и не где-нибудь, а в главной газете страны!

После такой уничижительной оценки русского народа и его исторического прошлого уже не вызывает удивления циничный отзыв о русской классической литературе, которая, по мысли несостоявшегося вождя, является собой «коклетничанье своей собственной интеллигентской слюнявостью, бессилием, безволием, жалкой дряблостью»¹.

Заметим, что и в памфлете, и в статье Бухарин для большей весомости своих умозаключений обращается к работам В. И. Ленина. Но если «Злые заметки» имели нужное для Бухарина продолжение — многочисленные антиесенинские сборники, фильм С. Эйзенштейна «Против есенинщины», то статья в «Известиях» получила достойный и адекватный ответ.

Спустя три недели, в день памяти А. С. Пушкина, в газете «Правда» была напечатана редакционная статья «Об одной гнилой концепции», в которой явно чувствовалось авторство Сталина: «Вряд ли тов. Бухарин сумеет объяснить с точки зрения своей “концепции”, как это “нация обломовых” могла исторически развиваться в рамках огромнейшего государства... И никак не понять, как русский народ создал таких гигантов художественного творчества и научной мысли, как Пушкин и Лермонтов, Ломоносов и Менделеев, Белинский и Чернышевский, Герцен и Добролюбов, Толстой и Горький, Сеченов и Павлов».

Вкупе с открытым письмом Сталина эта статья, по сути дела, определенно свидетельствовала о начавшемся процессе реабилитации русской культуры и русской истории. Последовавший через несколько месяцев известный разгром «исторической школы» академика Покровского явился одним из знаковых событий этого процесса.

Год спустя страна с масштабным размахом отметила столетнюю годовщину со дня смерти А. С. Пушкина. В популярных печатных изданиях уже не находится места вульгарно-классовым трактовкам жизни и творчества великого поэта. Наоборот, он признается и в новое время национальным гением, образцовой личностью поэта и гражданина.

В этом же году начались съемки легендарного фильма «Александр Невский». По верному замечанию современного историка П. Мультипули, «мощный образ благородного защитника земли русской, созданный Черка-

---

¹ Бухарин Н. Злые заметки // О писательской этике, литературном хулиганстве и богеме. Л., 1927. С. 10.

совым, возвращал России не просто национального героя, но прославленного Церковью святого». Не лишним в этой связи будет заметить, что с января 1935 года по март 1938 года прекращается издание журнала «Безбожник» (с началом войны он и вовсе прекратил свое существование).

На этом фоне во многом показательной предстает история с постановкой в Московском Камерном театре оперы-фарса Д. Бедного «Богатыри» (ноябрь 1936 г.), ради запрета которой — беспрецедентный для того времени факт — было созвано внеочередное заседание Политбюро ЦК ВКП(б). Текст постановления, который мы приводим полностью, убедительно свидетельствует о самой сути жесткой сталинской позиции, позиции русского патриота в отношении истории своей страны, и что особенно важно, значительной роли в этой истории Православной Церкви.

**Постановление Политбюро ЦК ВКП(б)
о запрете пьесы Д. Бедного «Богатыри»
13 ноября 1936 г.**

№ 44. п. 202 — О пьесе «Богатыри» Демьяна Бедного. Утвердить следующий проект постановления Комитета по делам искусств:

Ввиду того, что опера-фарс Демьяна Бедного, поставленная под руководством А. Я. Таирова в Камерном театре с использованием музыки Бородина:

а) является попыткой возвеличения разбойников Киевской Руси как положительного революционного элемента, что противоречит истории и насквозь фальшиво по своей политической тенденции;

б) огульно чернит богатырей русского былинного эпоса, в то время как главнейшие из богатырей являются в народном представлении носителями героических черт русского народа;

в) дает антиисторическое и издевательское изображение Крещения Руси, являвшегося в действительности положительным этапом в истории русского народа, так как оно способствовало сближению славянских народов с народами более высокой культуры, — комитет по делам искусств при СНК Союза ССР постановляет:

1. Пьесу «Богатыри» с репертуара снять как чуждую советскому искусству.
2. Предложить т. Керженцеву написать статью в «Правде» в духе настоящего решения¹.

Это постановление было немедленно опубликовано «Правдой», «Известиями», «Советским искусством», «Литературной газетой» и другими изданиями.

Платон Керженцев, председатель Комитета по делам искусств, 15 ноября опубликовал в центральном органе ВКП(б), газете «Правда», статью «Фальсификация народного прошлого (о «Богатырях» Демьяна Бедного)», в которой писал: «Для постановки старинной шуточной оперы Бородина Камерный театр заказал новый текст Демьяну Бедному.

Старый текст Виктора Крылова, написанный как пародия на псевдонародную оперу, нуждался в замене...

В новой редакции была добавлена совсем раньше отсутствовавшая тема разбойников... Основная грубейшая ошибка Демьяна Бедного в том, что его

---

¹ Правда. 1936. 14 ноября.

пьеса является попыткой возвеличить “разбойничков” Киевской Руси как какой-то положительный и даже революционный элемент в нашей истории...

В народном эпосе героическую линию ведут не “разбойнички”, как у Демьяна Бедного, а богатыри, которых огульно чернит и хулит пьеса, с таким захлебывающимся аппетитом поставленная Таировым в Камерном театре...

А между тем образы богатырей выявляют думы и чаяния народа. Они в течение веков живут в народе именно потому, что они олицетворяют героическую борьбу народа против иноземных нашествий; народную удаль, смекалку, храбрость, хитрость, великодушие, находившие особенно яркое выражение в определенные переломные моменты истории народа и его борьбы за свою лучшую долю.

И вот эта героика русского народа, этот богатырский эпос... превращается у Демьяна Бедного в материал для поголовного охаивания богатырей...

Исказив народный эпос, Демьян Бедный не остановился на этом. Ему для чего-то потребовалось исказить также и историю. Крещение Руси он изображает как что-то сделанное спяна, без всякого толка и разумения.

...Перемену религии, явившуюся одним из крупнейших исторических событий Киевской Руси, Демьян Бедный изображает в виде пьяного шабаша полоумных дуралеев... Достаточно точно установлено, что принятие новой веры проходило через много сложных этапов, после переговоров, обсуждений, сличений разных вер. Известно, что Владимир был крещен за два года до массового Крещения Руси. Но главное в том, что ложная, подыгрывающаяся под людей “без роду, без племени”, трактовка истории Киевской Руси Демьяном Бедным искажает историческое прошлое.

И достаточно известно, что Крещение Руси было одним из главнейших условий, способствовавших сближению славян с Византией, а затем и со странами Запада, то есть со странами с более высокой культурой.

Хорошо известно, что духовенство, в частности греческое, значительно содействовало распространению в Киевской Руси грамотности, книжного учения, иностранных языков и т. п.

Таким образом, и в своей исторической части пьеса Демьяна Бедного является искажением истории, образцом не только антимарксистского, но просто легкомысленного отношения к истории, оплевыванием народного прошлого...

Такие пьесы чужды советскому искусству — они радуют только наших врагов»¹.

Откликов на это постановление — и публичных, и официальных, по большей части одобрительных — было не мало. Многим из авторов откликов виделся в этом решении Политбюро ЦК ВКП(б) добрый знак грядущих перемен в идеологическом курсе Советской России. Именно так воспринял это постановление русский поэт С. А. Клычков: «Кому дали на поругание русский эпос? (...) Таирову да мозгляку Бедному. Ну что можно было кроме сатиры ожидать от Бедного, фельетониста по преимуществу? Но кто-то умный человек и тонкий человек берет их за зад и вытряхивает лишнюю вонь. Демьяну Бедному влетело поделом. Этим постановлением реабили-

---

¹ Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991) // Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. М.: Пропилей, 1995. Кн. 1. С. 321–323.

тируется русская история, а то все у нас дерьмом называют. Надо было. Теперь начинают признавать прогрессивное значение за многими фактами; пожалуй, поймут, что и кулик мог быть полезен. С другой стороны, постановление как бы реабилитирует христианство; может быть, поймут, что и сейчас верующий не подлец, потому что красть не станет».

Через год Сергей Антонович Клычков по ложному доносу будет арестован и приговорен к расстрелу. И его судьба, как и многих других, разделивших с ним трагическую участь, — это тоже наша история, которую мы «выбрасывать не можем». Расстрел Клычкова был своеобразным ответом Сталину, свидетельствующим, что его курсу сопротивлялись весьма могущественные силы внутри руководящей элиты того времени.

Вместе с тем издевательское отношение Демьяна Бедного к Крещению Руси после цитированного постановления Политбюро ЦК ВКП(б) навсегда решило его творческую судьбу — он быстро и надолго исчез с арены культурной жизни страны.

О постепенной эволюции взглядов властной элиты страны свидетельствует и другой ряд фактов и событий, имевших место в 1930-е годы. В 1934 году отмечены первые изменения в официальных взглядах на отношение к историческим деятелям дореволюционной России. 22 сентября 1935 года для командного и начальствующего состава Красной Армии и Флота были введены воинские звания — лейтенант, капитан, майор, полковник. Слово «офицер» официально вновь обрело положительный смысл. В обычную жизнь народа была возвращена Елка, правда, Новогодняя, а не Рождественская. С тех именно пор слова «Родина», «Великороссия», находившиеся под запретом, снова вошли в широкое употребление. 20 апреля 1936 года ЦИК СССР отменил существующие для казаков ограничения в воинской службе. Вскоре началось формирование отдельных казачьих частей. При утверждении проекта этого постановления в Политбюро ЦК ВКП(б) по предложению К. Е. Ворошилова восстанавливались Казачьи части с их старой традиционной формой — цветными околышами фуражек и лампасами (красными — для донцов, синими — для кубанцев), с папахами, кубанками и бешметами.

В феврале 1936 года практически завершилась работа над проектом новой Конституции страны, инициированная И. В. Сталиным. Эта Конституция была призвана юридически закрепить политические перемены в стране. В «черновом наброске» проекта Конституции в разделе об избирательной системе впервые были провозглашены всеобщие равные, прямые и тайные выборы. 1 марта 1936 года Сталин принял в своем рабочем кабинете в Кремле одного из руководителей американского газетного объединения Роя Уилсона Говарда и дал ему интервью, в котором речь шла и о готовящейся Конституции. В частности он отметил, что новая избирательная система обеспечит всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР, и новая советская Конституция станет самой демократической Конституцией из всех существующих в мире¹.

Однако значительная часть партийного аппарата идею всеобщих и равных выборов встретила в штыки.

---

¹ Жуков Ю. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М.: Вагриус, 2007. С. 208.

При обсуждении проекта Конституции с мест поступило немало поправок, которые требовали запретить отправление религиозных обрядов и не давать избирательных прав служителям религиозных культов.

На VIII Чрезвычайном съезде Советов, делая доклад о проекте новой Конституции, И. В. Сталин решительно отклонил поправку, требовавшую «запретить отправление религиозных обрядов... как не соответствующую духу нашей Конституции». Он остановился на предлагаемой поправке к статье 135, которая предусматривала сохранение лишенцев, то есть тех, кто был лишен избирательных прав: «Наконец, еще одна поправка, имеющая более или менее существенный характер. Я говорю о поправке к 135-й статье проекта Конституции. Она предлагает лишить избирательных прав служителей культа, бывших белогвардейцев, всех бывших людей и лиц, не занимающихся общепольным трудом, или же, во всяком случае, — ограничить избирательные права лиц этой категории, дав им только пассивное избирательное право, то есть право избирать, но не быть избранными. Я думаю, что эта поправка также должна быть отвергнута. Советская власть лишила избирательных прав нетрудовые и эксплуататорские элементы не на веки вечные, а временно, до известного периода... Не пришло ли время пересмотреть этот закон? Я думаю, что пришло время. Говорят, что это опасно, так как могут пролезть в верховные органы страны враждебные Советской власти элементы, кое-кто из бывших белогвардейцев, кулаков, попов и т. д. Но чего тут собственно бояться? Волков бояться, в лес не ходить... Во-первых, не все бывшие кулаки, белогвардейцы или попы враждебны Советской власти. Во-вторых, если народ кой-где и изберет враждебных людей, то это будет означать, что наша агитационная работа поставлена из рук вон плохо, и мы вполне заслужили такой позор, если же агитационная работа будет идти по-большевистски, то народ не пропустит враждебных людей в свои верховные органы...»¹.

5 декабря 1936 года съезд утвердил проект Конституции. Статья 124 Основного закона СССР гласила: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести Церковь в СССР отделена от государства и школа от Церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».

Статья 135 констатировала, что выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от расовой принадлежности, пола, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов...

Это была несомненная победа Сталина и группы его сторонников в высших эшелонах государственной и партийной власти страны².

Другое дело, что в реальной жизни воплотить эти конституционные нормы священнослужителям не дали возможности. Но это уже иной сюжет политической действительности второй половины 1930-х годов.

Обратим внимание на личностные черты руководителя Советского государства.

---

¹ Жуков Ю. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М.: Вагриус, 2007. С. 293.

² Там же. С. 309.

Один из противников Сталина, зарубежный исследователь Л. Регельсон, признавал, что важным мотивом, вызвавшим восстановление Церкви во время войны, могло быть личное чувство Сталина: пробуждение в нем страха Божия под влиянием катастрофических неудач первых месяцев войны. Такому движению души могло способствовать воспитание, полученное в детстве от верующей матери, и семинарское образование Сталина: ведь он окончил духовное училище и почти 5 лет обучался в Тифлисской духовной семинарии. Будучи учащимся духовной семинарии, он исповедовался у старца и каждый месяц приступал к Причастию, что тогда было не очень распространено среди православных.

Надо иметь в виду, что уже в предвоенные годы Сталин не выступает лично с антирелигиозными призывами. Тогда же, подбирая библиотеку для дачи, Сталин приписал для сведения исполнителей: «Прошу, чтобы не было никакой атеистической макулатуры».

В конце 1930-х годов И. В. Сталин четко и недвусмысленно выражает свое отношение к Церкви и ее служителям. Известна его позиция на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) от 12 сентября 1939 года, рассматривавшем некоторые итоги ликвидации храмов в Москве и на территории прилегающих районов, где было полностью уничтожено 150 храмов, а 300 оставшихся были переоборудованы в заводские цеха, клубы, общежития, тюрьмы, изоляторы и колонии для подростков и беспризорников. Планами архитектурных застроек предусматривался снос еще 500 оставшихся строений храмов и церквей¹.

По настоянию Сталина ЦК принял решение считать невозможным проектирование застроек за счет разрушения храмов и церквей, которые следует считать памятниками архитектуры древнерусского зодчества. Органами Советской власти за подписью Секретаря ЦК И. Сталина было предписано принимать меры вплоть до дисциплинарной и партийной ответственности по охране памятников архитектуры древнерусского зодчества.

Мы уже отмечали, что даже жестокие репрессии 1937 года по отношению к священнослужителям, преследования православных верующих не дали власти желательного ей результата. Неудача планов искоренения религии становилась все более очевидной. Российский историк Православной Церкви М. В. Шкаровский отмечает, что уже в конце 1938 года появляются первые симптомы намечавшегося нового изменения курса государственной политики по отношению к религиозным организациям в СССР².

После отстранения от руководства НКВД Н. И. Ежова в рамках общего пересмотра многих следственных дел были освобождены сотни священнослужителей, в том числе несколько архиереев: архиепископ Иоанн (Соколов), епископ Иосиф (Чернов) и др. В закрытых циркулярах различных административных органов стали появляться указания проявлять сдержанность в ликвидации храмов.

Как пишет М. В. Шкаровский, «отчасти это было связано с постепенным изменением курса Советского правительства с интернационально-коммунистического на национально-патриотический». Подобные пе-

¹ Страж Дома Господня. С. 704; Наш современник, 1999. № 12. С. 223.

² Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. С. 95.

ремены начались вскоре после прихода к власти в Германии фашистов, но в конце 1930-х годов они значительно усилились. Мы уже отмечали тенденцию положительной оценки Крещения Руси в работах историков С. В. Бахрушина и Грекулова в 1937 году и 1938 году соответственно. С этих пор положительное отношение к христианизации Русского государства стало официальной советской доктриной. В 1938 году на экраны вышел фильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский», прославлявший святого благоверного князя Александра¹. Так, в 1937 году ведущий советский исторический журнал «Историк-марксист» опубликовал статью о значении Крещения Руси.

Это были лишь первые симптомы, и вплоть до осени 1939 года серьезных перемен в религиозной политике Советского государства все же не произошло. О существенных изменениях в политике власти по отношению к Церкви мы уже писали в предыдущем разделе данной книги.

Таким образом, многочисленные факты свидетельствуют, что в 1939 года произошло изменение курса государственной религиозной политики, закончился десятилетний период открытого наступления на Церковь. Положение Церкви временно улучшилось. И следует подчеркнуть, что без Сталина это изменение не могло произойти. И хотя в 1940 году правительство вновь начинает ужесточение курса, свидетельствующее о противоречиях в высших эшелонах власти, Церковь сумела выстоять, выжить как институт. Все планы искоренения религии в СССР терпели неудачу, и это постепенно все больше осознавало советское руководство.

Великая Отечественная война резко изменила ситуацию. Величайшая трагедия резко обострила религиозные чувства народа, властные верхи страны на мощный всплеск религиозности тружеников тыла и бойцов Красной армии отреагировали спокойно и индифферентно.

Сегодня хорошо известно явление Божией Матери митрополиту Ливанских гор Илие (Караме). После обращения Патриарха Антиохийского Александра с посланием к христианам всего мира о молитвенной и материальной помощи России митрополит Илия стал еще чаще молиться и просить Матерь Божию открыть, чем можно помочь России. Он спустился в каменное подземелье, куда не доносился ни один звук с земли, где не было ничего кроме иконы Божией Матери. Владыка затворился там, не вкушая пищи, не пил, не спал, а только стоял на коленях, молился перед иконой Божией Матери с лампадой. Каждое утро Владыке приносили сводки с фронта о числе убитых и о том, куда ушел враг. Через трое суток бдения ему явилась в огненном столпе Сама Божия Матерь и объявила, что избран он, Илия, истинный молитвенник и друг России, для того, чтобы передать определение Божие для страны и народа российский. Если все, что определено, не будет выполнено, Россия погибнет.

Это Определение было следующим: «Должны быть открыты во всей стране храмы, монастыри, Духовные академии и семинарии. Священники должны быть возвращены с фронтов, из тюрем, должны начать служить. Сейчас готовится к сдаче Ленинград — сдавать нельзя. Пусть вынесут чудотворную икону Казанской Божией Матери, обнесут ее Крестным ходом вокруг города, тогда ни один враг не ступит на святую землю. Это избранный

---

¹ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 129.

город. Перед Казанской иконой нужно совершить молебен в Москве; затем она должна быть в Сталинграде, сдавать который врагу нельзя. Казанская икона должна пройти с войсками до границ России. Когда война окончится, митрополит Илия должен приехать в Россию и рассказать о том, как она была спасена».

Митрополит Илия Караме сумел передать это Определение Божией Матери советскому руководству¹.

А теперь обратим внимание на некоторые моменты в поведении Сталина в дни войны. Уже 3 июля он выступает с обращением к народу «Братья и сестры». В июле, как утверждают некоторые советские религиоведы, Сталин встречается с Патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием (Страгородским).

Версия о явлении Божией Матери митрополиту Илие (Караме) ныне также подвергается жесткой критике, в том числе и со стороны православных священников-публицистов (о. Андрей Кураев)². Главный аргумент этих авторов — отсутствие надежных документов, свидетельствующих и о явлении Божией Матери митрополиту Илие, и о том, что он сумел Божие Определение передать Сталину. Однако следует заметить, что и критики этой версии не сумели привести достаточных доказательств в пользу своей точки зрения.

Линия Сталина на изменение курса государственной религиозной политики была продолжена в первые же месяцы Великой Отечественной войны. К октябрю 1941 года прекратился выход всех специальных антирелигиозных изданий. Партийный журнал «Под знаменем марксизма» переориентировался на публикацию историко-патриотических статей, а в 1944 году и вовсе прекратил свое существование.

Глава «усыпленного» «Союза воинствующих безбожников» Е. Ярославский с началом войны через помощника И. В. Сталина А. И. Поскребышева получил рекомендацию отметить патриотическую позицию Церкви.

Символична была и сама смерть главного безбожника страны (4 декабря 1943 года), совпавшая с моментом резкого поворота курса государственной политики по отношению к Русской Православной Церкви. Это, кстати говоря, положило основание упорным слухам о казни, по выражению католиков, «еврейского аптекаря Губельмана»³.

Нельзя не привести ныне упоминаемый в литературе следующий факт. В библиотеке архиепископа Сергия (Ларина) хранился изданный в г. Белграде в 1941 году второй том книги И. К. Сурского «Отец Иоанн Кронштадтский» с характерной надписью, сделанной на его полях рядом с напечатанным там известным пророчеством отца Алексия Мечева, что, когда придет время, Бог пошлет нужных людей, которые спасут Россию. Бог послал Иосифа Виссарионовича Сталина и его сподвижников, который закрыл... «Союз безбожников» и казнил его председателя... приказал открыть православные храмы, учредил Комиссариат Православной Церкви... установил

¹ *Перевезенцев С. В.* Святोरусское царство. Арзамас: Изд-во АГПИ, 2004. С. 292.

² *Кураев А.* Церковь в мире людей. М., 2007. С. 519–520; *Кураев А.* Война: чудо и сказка // Альфа и Омега, 2003. № 4 (38). С. 191–198.

³ Страж Дома Господня. С. 705.

для всех днем отдыха воскресенье; восстановил Патриаршество в полном блеске и сказал Патриарху... что он желает укрепления Православия...»¹.

Как пишет историк Сергей Фомин, «имеются многочисленные церковные предания, по крайней мере, предостерегающие от однозначных оценок Сталина»². Приведем вслед за автором их на страницах данной книги.

По свидетельству монахини Сергии (Клименко), за Сталина «молился схиархиепископ Антоний (Абашидзе). Он был инспектором той Духовной семинарии, где учился Сталин. И когда Сталина за “проказы” сажали в карцер на хлеб и воду, он его жалел и посылал покушать. А когда времена переменялись, когда уже Сталин стал самодержцем, а он архиепископом, его хотели арестовать. И вот Сталину дали знать: помнишь князя Абашидзе, который тебе кушать посылал, когда ты в карцере сидел? И Сталин сказал: “Не трогать его!” И Владыка Антоний за него молился и что-то ему вымолил. Уж какая судьба Сталина, мы не знаем, это Бог один знает, но все-таки с него началось освобождение»³.

Были и иные интересные факты. В октябре 1941 года, когда над Москвой нависла трагическая опасность сдачи врагу, Сталин приезжал в г. Царицыно к святой праведной Матроне (Никоновой), которая сказала ему: «Красный петух победит. Победа будет за тобой. Из начальства один ты не выедешь из Москвы»⁴.

Монахиня Сергия (Клименко) вспоминает: «В 1941 году, когда немцы были уже в Химках, из Москвы хотели вывозить мощи святого благоверного князя Даниила. (Мощи преподобного Сергия Радонежского были уже вывезены Историко-археологическим обществом для сохранения.) В ночь на 23 ноября по старому стилю князь Даниил Московский сам явился Сталину (при Сталине Кремль был освещен, и все работали) и сказал: “Я хозяин Москвы, не трогайте меня, а то вам плохо будет...” О том, что Сталин видел князя Даниила, рассказал мне архимандрит Иеремия (Лебедев), казначей Патриарха Алексия, когда я после войны приехала в Москву».

Как гласит современное московское предание, «зимой 1941 года изрядно смутившийся Сталин... призвал к себе в Кремль духовенство для молебна о даровании победы; тогда», продолжает легенда, «чудотворная Тихвинская икона Богородицы из Алексеевской церкви была на самолете обнесена вокруг Москвы и Москву от врага спасла. А 9 декабря после первого успешного контрнаступления, предшествовавшего московскому, был освобожден Тихвин»⁵.

Несомненный интерес представляет следующий факт. По воспоминаниям бывшей кремлевской медсестры (они были опубликованы в «Комсомольской правде» в начале 90-х годов), дежурившей «на всякий случай» во время ночных заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) в годы войны, И. В. Сталин после разъезда членов ПБ по домам и дачам один, без сопровождавших, заходил в Успенский собор Кремля и оставался там наедине со свя-

¹ Патриарх Тихон и история Русской церковной смуты / сост. М. Е. Губонин. СПб., 1994. С. 426–427; Страж Дома Господня. С. 705.

² Страж Дома Господня. С. 705.

³ *Сергия (Клименко), монахиня.* Минувшее развертывает свиток. Самара: Самарский дом печати, 2008. С. 119–120.

⁴ Сказание о житии блаженной старицы Матроны / сост. З. В. Жданова. Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1993. С. 26–27.

⁵ Страж Дома Господня. С. 706.

тymi иконами довольно долго — до 40 минут. Мы не можем сегодня точно сказать, что влекло туда руководителя сражавшегося государства, но ведь 40 минут — это время для нормальной молитвы.

Многие даже в наше время склонны обвинять священноначалие Русской Православной Церкви в преклонении перед богоборными властями. В «доказательство» они приводят иногда сказанные в 1944 году слова митрополита (впоследствии Патриарха) Алексия I (Симанского) о «богодарованном» Верховном Вожде нашем Иосифе Виссарионовиче Сталине. Но такие обвинители, как правило, сочувствуют тому религиозному сообществу, которое во время войны на территории Германии ежедневно молилось о «боголюбивом вожде народа Германского», или же сами принадлежат к этому сообществу. Но «боголюбивый» и «богодарованный» совсем не одно и то же, если вдуматься в смысл этих понятий.

По словам весьма осведомленного келейника Патриарха Сергия, Святтейший, разумеется, «не мог одобрять методов Сталина», «они были ему органически чужды, как глубоко верующему христианину и как исключительно доброму, мягкому по натуре человеку. Однако митрополит Сергий во время войны приветствовал Сталина, и эти приветствия были вполне искренни»...

«Как реально мыслящий человек, митрополит Сергий понимал, что только единая, сплоченная Русь может противостоять германскому фашизму, поэтому он, как и большинство русских людей в то время, считал, что следует отложить до других времен всякие внутренние счеты и разногласия», — писал архиепископ Иоанн (Разумов)¹.

Отношения митрополита Сергия с Советской властью, вопреки тому, как их пытаются представить некоторые, не были ни столь тесными, ни столь желанными. По свидетельству известного впоследствии архиепископа Зарубежной Церкви Леонтия (Филипповича) Чилийского, Святитель «не терпел, когда кто-нибудь в своих личных интересах пользовался услугами Советской власти». Не случайно ведь Сергий решительно отказался от финансовой поддержки митрополитов со стороны Правительства во время беседы в кабинете Сталина 4 сентября 1943 года. Максимум, на что он согласился, это покупка продуктов питания по государственным ценам, да и то только после вторичного предложения со стороны Сталина.

Оценивая позицию Сталина в годы Великой Отечественной войны по отношению к Церкви и, в частности, согласие на проведение Архиерейского Собора и избрание Патриарха, а также прекращение гонений на Церковь, вряд ли правильно, как это иногда показывается в литературе, представлять Сталина чистым прагматиком. Так, например, современный исследователь М. В. Шкаровский считает, что «атеизм был для вождя народов лишь политическим средством, элементом в общей системе формирования людей в нужном направлении». На первый взгляд, для этого есть достаточные основания. Так, 5 ноября 1943 года Государственный Комитет Обороны утвердил постановление «Об утверждении мероприятий по улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР», в котором религиозные организации впервые были отнесены к категории интересов советской внешней разведки.

---

¹ Цит. по: Страж Дома Господня. С. 707.

Но не следует забывать и необходимо должным образом оценивать и другие группы фактов. Те, например, крупные изменения в части идеологического аппарата, который занимался антирелигиозной работой. Во-первых, они не могли быть осуществлены без ясно и четко выраженной воли Сталина. Во-вторых, они не были связаны с краткосрочными интересами, поскольку совершались в то время, когда победа над фашистской Германией уже не вызывала никаких сомнений.

К такого рода действиям следует отнести ликвидацию антирелигиозной секции при Институте философии Академии наук СССР. В 1944 году оказался фактически выброшенным на улицу созданный Емельяном Ярославским Центральный музей истории и атеизма.

Закоренелые безбожники высших инстанций отнюдь не были этакими покорными овечками. Так, например, Б. П. Кандидов, в 1937 году печатно обличавший митрополита Сергия в шпионаже в пользу Японии, весной 1945 года обратился к секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову, напомнив о своем сотрудничестве с Емельяном Ярославским в «Союзе воинствующих безбожников», с предложением «развернуть антирелигиозную работу». Официальный отзыв Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) на это послание оказался резко негативным. Кандидову указали на то, что он «живет старыми взглядами». Однако старый безбожник не унимался, не собирался складывать оружие, беспощадно клеймя в своих лекциях «реакционную роль церковников». За это он получил изрядную взбучку. Центральный орган партии большевиков, газета «Правда» 23 июня 1945 года в назидание другим подобным «активистам-безбожникам» на своих страницах разоблачила методы «этого вредного лектора». Кандидову было запрещено выступать с лекциями по антирелигиозной тематике¹.

Выходя за хронологические рамки данной работы, отметим, что в 1946 году профессиональные и воинствующие атеисты решились еще раз прощупать почву. В октябре исполняющий обязанности председателя Центрального Совета «Союза воинствующих безбожников» Ф. Олещук и ответственный секретарь этого же Союза Е. Тучков, тот самый, который «вдохновенно» душил Церковь в 1920—1930-е годы и «курировал» Патриаршего местоблюстителя по линии НКВД, ссылаясь на полученное приглашение от Чешского «Союза свободомыслящих» на съезд, предлагали возродить деятельность своей организации. Однако они получили через А. Жданова официальный отказ. Не помогла и международная интрига: на заседании «Всемирного союза свободомыслящих», проходившем в Брюсселе, советским безбожникам предоставили заочно целых три места, в том числе даже вице-председателя. Но запрет был оставлен в силе. Более того, такая международная активность привела к весьма неожиданным результатам. Отдел внешней политики ЦК ВКП(б) 17 января 1947 года, подтвердив отказ, выразил через М. А. Суслова секретарю ЦК А. Кузнецову «сомнение» в «целесообразности дальнейшего существования» «Союза воинствующих безбожников». В феврале 1947 года ЦК ВКП(б) принял решение о прекращении деятельности этого Союза. Все это означало слом богоборческого аппарата. Аппарат же Совета по делам Русской Православной Церкви

---

¹ Страж Дома Господня. — С. 708; Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. — С. 211—212.

составляли люди, принципиально по-другому ориентированные, нежели атеисты 1920–1930-х годов¹.

Конечно, не следует думать, что такие новшества в отношении Церкви не вызывали сопротивление партийного аппарата. Оно, несомненно, было, и Сталин учитывал это в своей деятельности. Постановление ЦК ВКП(б) от 27 сентября 1944 года было, как утверждает историк В. А. Алексеев, данью именно такого настроения партийного аппарата. Инициатором этого постановления В. А. Алексеев считает лично И. В. Сталина: «Сталин не мог не осознавать, что... партийные, комсомольские кадры, идеологические работники и активисты плохо понимали весь замысел его новой линии в области церковно-государственной политики. Некоторым из них казалось, что “братание с попами” есть измена заветам основоположников марксизма-ленинизма... Он и решил совершить определенный маневр — напомнить партии и комсомолу о важности борьбы с предрассудками и суевериями... И вместе с тем, старательно избегав... конкретных упоминаний об антирелигиозной борьбе... Сталин продолжил свою линию на дальнейшую “легализацию” церковных институтов в стране». Постановление ЦК было сформулировано очень осторожно, говорило о вреде суеверий, предрассудков, о необходимости борьбы с пережитками прошлого, но совершенно не упоминало о задачах антирелигиозной работы².

Безусловно, Сталин был вынужден считаться со своим окружением. Видимо, совершенно не случайно, но вполне искренне и с большим смыслом было сказано митрополиту Сергию (Страгородскому) после знаменитой беседы в Кремле: «Это все, что я в настоящее время могу для Вас сделать».

Историк С. Фомин аргументированно считает, что именно сопротивлением партийного аппарата, считавшего уступки Церкви чрезмерными, следует объяснить отклонение уже от составленного текста постановления Совнаркома о создании в Москве Православного центра (резиденция Патриарха, Духовные учебные заведения, типография), сооружение которого было обещано Сталиным на встрече с Патриархом Алексием I (Симанским) 10 апреля 1945 года. Неудачей завершилось и дело с типографией. Во исполнение личного распоряжения Сталина 17 марта 1945 года Совнарком дал соответствующее предписание. Патриархия смогла закупить необходимое полиграфическое оборудование, на котором предполагалось печатать Священное Писание, богословские труды и церковные календари. Но дальше это дело так и не продвинулось. Закупленное оборудование ржавело на территории Новодевичьего монастыря, здание же для типографии так и не было выделено³.

Подтверждением тому, что Сталин не был полностью свободен от своего окружения и вынужден был считаться с позицией партаппарата, силу которого он ведал как никто другой, косвенно могут служить данные о пророчествах святой праведной Матроны (Никоновой). По рассказам очевидцев, еще во время войны святая праведная Матрона часто показывала в лицах, что происходит и что произойдет. «Как-то она сказала: “Кто знает, может, Господь и простит Сталина! Он сам пленник”. Я спросила: “У кого?” Она:

¹ Страж Дома Господня. С. 708–709.

² Алексеев В. А. «Штурм небес» отменяется? С. 196–197.

³ Страж Дома Господня. С. 709.

“У Кагановича и всех тех!” Показывала, как Сталин перед смертью будет кричать: “Что вы, что вы!” А по одной стороне будет стоять Каганович, а по другой стороне сестра его. “Что вы хотите делать со мной?” А *они* положат подушку на него». Это сказано было матушкой Матроной в 1943 году¹.

Об отношении Сталина к религии и священству свидетельствуют некоторые его современники. Приведем и мы некоторые из этих воспоминаний.

«В 1945 году, — вспоминал А. Б. Свенцицкий, — я работал артистом в театральной студии Малого театра в Кинешме. Пасха в этот год была в апреле — еще до Победы. В городе прошел слух, что отец Михаил Василевский, отец прославленного маршала Василевского, будет служить утреню на берегу Волги, так как ни одного действующего храма в Кинешме не было. Иногда отец Михаил совершал литургию в своей малюсенькой квартире. Военный мой друг, полковник, рассказывал мне, что будто бы маршал Василевский поведал ему о своей беседе со Сталиным.

В 1945 году И. В. Сталин неожиданно сказал Василевскому: “Отца плохо уважаешь, почему бы тебе его не навестить?” Василевский тщательно скрывал свое “духовное” происхождение и испугался... “Не бойся, съезди к отцу”, — сказал Сталин.

На заутрене над Волгой Василевского не было... “Христос воскрес!” — воскликнул отец Михаил. “Воистину воскрес!” — ответил народ. Казалось, что были на заутрене все жители города. Такое единение русских сердец я видел впервые. Выходило солнце, а народ все пел и пел: “Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!” Может ли дать учение “марксизма-ленинизма” что-либо подобное?...»²

Эпизод беседы Сталина с маршалом Василевским об отце последнего дополняет В. В. Молотов, рассказавший об этой беседе писателю Ф. Чуеву: «Мне Александр Михайлович рассказывал, как Сталин пригласил его и стал спрашивать о родителях. А у него отец — сельский священник, и Василевский с ним не поддерживал отношений. “Не хорошо забывать родителей, — сказал Сталин. — А Вы, между прочим, долго со мною не расплатитесь!” Подошел к сейфу и достал пачку квитанций почтовых переводов. Оказывается, Сталин регулярно посылал деньги отцу Василевского, а старик думал, что это от сына. “Я не знал, что и сказать”, — говорит Василевский»³.

Весьма интересный факт воспроизводится в книге ученого-византолога А. Венгера. По рассказу Д. Шостаковича, услышав по радио 23-й концерт Моцарта для фортепиано в исполнении Марии Юдиной, Сталин попросил запись этого произведения. Такой пластинки еще не было, и поэтому запись сделали за одну ночь, а на следующий день отправили ее Сталину. Позже он послал Юдиной 20 тыс. рублей, на что та ответила: «Отныне я буду денно и нощно молиться за Вас и просить Господа простить Ваши тяжкие грехи перед народом и нацией. Господь милосерд, Он простит Вас. Что же касается денег, то я пожертвовала их приходу на реставрационные работы в

---

¹ Сказание о житии блаженной старицы Матроны. С. 113–114; Страж Дома Господня. С. 711.

² Цит. по: Страж Дома Господня. С. 709–710.

³ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М.: Терра-ТЕККА, 1991. С. 448.

храме». Этим письмом, полагал Шостакович, Юдина подписала себе смертный приговор. Однако с ней ничего не произошло. Когда Сталин умер, на его проигрывателе нашли именно эту пластинку. Шостакович, сам человек неверующий, подумал, что Сталин расценил поступок как юродство Христа ради, а юродивым на Руси разрешалось говорить царям правду¹.

Монахиня Сергия (Клименко) вспоминала со слов казначея Патриарха Алексия архимандрита Иеремии, что на упреки за служение панихиды по Сталину-безбожнику Святейший Патриарх Алексий, будучи за границей, ответил: «Я служил не за безбожника». Краткий, но весьма многозначительный ответ.

У зарубежного историка Русской Православной Церкви Л. Регельсона, который ничего положительного ни в натуре, ни в действиях Сталина не находит, есть, тем не менее, весьма интересное суждение: «Церковное предание запрещает вершить суд над человеческой душой: глубочайшие тайны сердца ведает только Бог, и лишь на всеобщем суде, когда все “тайное станет явным”, будет вынесено справедливое соборное суждение, скрепленное Божественным Приговором. При жизни человека никто не может быть уверен в себе или в ком-нибудь другом, что он будет осужден или что он избежит этого суда»².

Нам импонирует в этом вопросе позиция историка С. Фомина. В своей статье «Восстановление Патриаршества» он пишет: «В справедливости этого суждения мы можем убедиться на примере “всесоюзного старосты” М. И. Калинина, чьим русским именем, как мы помним, Ленин пытался прикрыть свою безумную борьбу против Церкви».

В своих неопубликованных пока что воспоминаниях А. А. Арцыбушев записал рассказ известного московского священника, протоиерея Александра Васильевича Толчевского, настоятеля храма Илии Пророка, что в Обыденном переулке, который тот поведал своей духовной дочери: «В свое время, под строжайшим секретом, о. Александр рассказал ей один случай из своей жизни. Как-то к подъезду его дома подъехала машина, и в квартиру к нему вошел некий человек. “Батюшка, — сказал он, — возьмите с собой все необходимое, чтобы посетить умирающего”. Батюшка взял все необходимое: крест, Евангелие и запасные Дары, и они вышли на улицу. Машина с темными занавесочками была правительственной. “К кому же меня повезут?” — подумал батюшка. Занавесочки темные, дороги не видно. Подъезд, лифт, коридор. Провожатый идет впереди и открывает перед ним дверь. В комнате на постели, протянув к нему руки, со словами: “Батюшка, как я Вас долго ждал”, — лежал “всесоюзный староста” Михаил Иванович Калинин, тот самый, который в каком-то своем выступлении утверждал, что нет смысла уничтожать церкви, поскольку они сами скоро исчезнут, когда умрет последняя дореволюционная старуха»³.

Другой ближайший сотрудник И. В. Сталина — Георгий Максимилианович Маленков — закончил свои дни псаломщиком в церкви, как утверждает Д. Поспеловский.

¹ Страж Дома Господня. С. 710–711.

² Регельсон Л. Л. Церковь и сталинизм / Просветитель. Вестник духовного просвещения. — М., 1995. № 2–3. — С. 157.

³ Страж Дома Господня. — С. 711–712.

Примечательно, что и дочь Сталина Светлана Иосифовна Аллилуева в конце концов пришла к Богу. Весной 1962 года ее крестил в Москве протоиерей Николай Александрович Голубцов. «И я счастлива, что со мною это произошло», — писала С. И. Аллилуева в своих мемуарах¹.

Небесполезно напомнить также пророческие слова Сталина, сказанные им после возвращения с Тегеранской конференции: «Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора. Но ветер истории все это безжалостно развевает». «Кучу мусора» на могилу Сталина наносили не одно десятилетие и добились в этом немалых успехов. Однако настало время, когда начала осуществляться вторая часть этих пророческих слов и ветер истории безжалостно начинает развеивать этот мусор.

---

¹ Аллилуева С. И. Двадцать писем другу. — М.: Известия, 1990. — С. 68.

ВЫШЛА КНИГА

Зарубин М. Н.

Мне не хватает травы. — Иркутск: ООО «Форвард», 2013. — 96 с.

Первая книга молодого поэта Михаила Зарубина «Мне не хватает травы» открывается вступительной статьей известного в Сибири и России поэта Владимира Скифа, в которой он, в частности, отмечает: «А расти ему (Михаилу Зарубину) еще придется очень долго и больно, потому что путь поэта — это путь мытаря. Это не просто стремление к известности и славе, это еще синяки и шишки, которые достанутся от собратьев по перу: критиков и поэтов, да и просто — рядовых читателей». Но главное и непреложное, что должно быть у молодого поэта, — это талант, а он у Михаила есть. Помещенные в книгу стихи — разные по уровню: юношеские, не совсем совершенные по форме и содержанию, и более зрелые, указывающие на заметный рост молодого автора, ведь Михаилу всего 23 года, и впереди — большая работа, а работать он умеет и может, чего не скажешь о многих молодых людях. Достаточно подготовлен и в образовательном плане: за плечами Иркутский Государственный университет, публикации в разных журналах — Иркутских и Московских.

РАЗГОВОР О ТВОРЧЕСТВЕ И НЕ ТОЛЬКО...

*Подготовила
М. А. Дмитриева*

«Экранные искусства, кинематограф и телевидение являются мощнейшим средством формирования национального сознания», — сказал на одном из Международных кинофорумов «Золотой витязь» его председатель, народный артист России Николай Бурляев. В этом смысле крайне важными являются достижения известного Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения (СПбГУКиТ), который осуществляет подготовку специалистов всего спектра специальностей для кино, телевидения и массмедиа. Он был учрежден в Петербурге в 1918 г. как Высший институт фотографии и фототехники. За прошедшие годы на его базе сформировался крупнейший отраслевой университет, в котором сосуществуют и взаимобогащают друг друга творческое, экономическое и техническое направления подготовки специалистов для сферы культуры.

Разговор о творческой жизни вуза корреспондент «Родной Ладogi» начал с доктором экономических наук, профессором, заслуженным деятелем науки РФ, членом Союза кинематографистов России, ректором СПбГУКиТ **Александром Дмитриевичем Евменовым**.

Корр.: Такая направленность, как кино и телевидение, требует особой профессиональной, и в то же время духовной подготовки...

Евменов: У нас работают уникальные мастера своего дела. Это К. С. Лопушанский, С. М. Овчаров, И. А. Масленников, С. О. Снежкин, Н. В. Волков, Д. А. Долинин, В. И. Светозаров и др. Они являются вдумчивыми педагогами и уникальными художниками. Что касается соответствующей духовной составляющей учебного процесса, то ее формирование осуществляет-

ся как путем привлечения к решению важных университетских проблем членов попечительского совета университета, в который входит и Владыка Назарий, наместник Александро-Невской Лавры, так и сотрудничеством со студенческой ассоциацией духовно-нравственного воспитания «Покров». Кроме того, наши преподаватели и студенты ежегодно проводят конференцию «Легко ли быть молодым», где обсуждаются важные духовные и нравственные проблемы, с которыми сталкивается наша молодежь. Мы стараемся сформировать у студентов достойные светские и духовные ориентиры. Наши выпускники по роду своей деятельности получают возможность транслировать свои идеи и мысли тысячам и миллионам зрителей. Поэтому очень важно с первых дней пребывания студентов в университете заложить у них прочный духовный фундамент, на котором в дальнейшем они будут создавать свои творческие проекты: они должны осознать, что есть непреходящие ценности, которые никогда нельзя переступать, тем более, оправдывая это творческой свободой или творческой необходимостью.

Корр.: В июне 2013 г. на встрече с кинематографистами Президент озвучил идею создания этической хартии.

Евменов: Давно назрела необходимость в создании такого документа. Эта мысль возникает, как только включаешь телевизор. Необходимо поставить непреодолимый барьер пропаганде пошлости и насилия. По ту сторону экрана всегда находятся миллионы зрителей, в том числе и дети. Поэтому к экранному искусству всегда надо относиться с особой осторожностью и ответственностью. Часто хочется спросить у некоторых сценаристов и режиссеров: если вы в своих фильмах, в угоду рейтингу, во всех подробностях, часто с умилением, поэтизируете жизнь людей, попирающих вечные моральные ценности, попирающих закон, то почему же, когда уже в реальной жизни кто-то, подражая персонажу вашего же фильма, покушается на ваше здоровье, собственность, достоинство, вы с искренним возмущением начинаете взывать к закону?

Где же здесь логика? Разве вы не знали, что произведения культуры, и особенно фильмы, которые смотрят миллионы людей, во многом задают ту или иную доминанту в их поведении?

Корр.: В последнее время все чаще всплывает вопрос о герое времени. Кто он? Множество отрицательных персонажей или просто обывателей, безразличных к моральным ценностям — неужели это и есть наш народ?

Евменов: Мы категорически не приемлем того романтического флера, которым, к сожалению, во многих фильмах окружены отрицательные герои. Давайте чаще показывать на экране интересных и добрых героев, на которых можно положиться. Ведь таких людей очень много в реальной жизни! Их не надо придумывать. Их надо изучать. Давайте это делать профессионально и психологически тонко.

Корр.: Не секрет, что часть взрослой аудитории совсем отказалась от телевизора: они смотрят на DVD киношедевры мировой и русской классики. А телеэкран продолжает с утра до ночи транслировать пошловатые шоу с «высоким рейтингом» или нескончаемые полицейские сериалы.

Евменов: Почему не анализируются и широко не обсуждаются последствия просмотра таких «высокорейтинговых» зрелищ? Разрушающее воз-

действие подобного киноискусства на психику человека и особенно молодого поколения чрезвычайно велико. Это как ящик Пандоры. Открыли, а закрыть уже трудно. Но, как известно, на дне ящика в этом греческом мифе осталась надежда. И наши выпускники, я верю, смогут в ближайшее время стать надеждой нашего кинематографа. По крайней мере, мы для этого много делаем.

Корр.: Сейчас модно перекраивать первоисточник. На сцене, вроде бы, поставлен «Евгений Онегин» или «Дядя Ваня», а это совсем не роман Пушкина и не пьеса Чехова. Это режиссерская, вольная, иногда крайне ущербная интерпретация.

Евменов: Да, в наше время зачастую наносится серьезный удар по классике. Иногда первоисточник подвергается такой трансформации, что диву даешься. Мне кажется, что часто это продиктовано желанием художника быть понятным для всех. Но ведь есть классическое пространство текста, уникальное, сложнейшее, которое вызывает к глубинам человеческой личности и не терпит упрощений.

Корр.: На московском конкурсе студенческих и дебютных фильмов «Святая Анна» студенты Университета получили львиную долю призов, включая главные. Никита Михалков на несколько часов приехал на открытие кинофестиваля Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения «Питеркирт», чтобы посмотреть, кто же берет главные московские призы. Можно говорить о победе новой петербургской киношколы?

Евменов: Мы очень рады наградам, рады успеху режиссерской мастерской Сергея Овчарова. Но, как говорится, нет предела совершенству. Творчество — это поиск, который не имеет границ, но обязательно должен иметь духовно-нравственную доминанту. А когда первого сентября к нам приходят новые студенты — все начинается заново...

Корр.: Творческий университет — это бесконечная, духовно-художественная лаборатория?

Евменов: Это мастерская, в которой постоянно идет интересный и сложный творческий процесс, имеющий прямое отношение к настоящему и будущему нашей страны.

Корр.: Как вы считаете, абитуриент сейчас в социальном отношении сложнее, проблемней, чем раньше?

Евменов: Да, в какой-то мере мы стараемся исправить недочеты школьного образования, родительского недосмотра. Часто к нам поступают дети, которые никогда не видели большого города с его соблазнами. Многие из них уверены, что с поступлением в университет обрели полную свободу во всем: что хочу, то и ворочу. У них пока нет необходимого, жизненно важного опыта — как правильно и осмотрительно вести себя. Мы подчеркиваем на празднике Посвящения в студенты, что первокурсники вступают на взрослый и очень ответственный путь. Поэтому мы проводим обязательные для всех первокурсников курсы адаптации. По желанию родителей осуществляем также и индивидуальное психологическое сопровождение первокурсников. Ведь иногда студент может по глупости или незнанию уже на первом курсе сломать свою жизнь.

Так, например, мы все с детства учим правила дорожного движения. Но в нашей повседневной жизни тоже есть определенные правила, которые обязательно должны знать наши первокурсники на момент вступления в самостоятельную жизнь. Это непросто, а для некоторых очень сложно. Но этого не надо бояться — это естественный процесс, потому что, как говорил Сократ, «вверх идти всегда сложнее, чем вниз».

Корр.: Университет вынужден в какой-то мере исполнять родительскую миссию?

Евменов: В определенной мере. «От сессии до сессии живут студенты весело» — этот слоган мы стараемся наполнить новым смыслом. Вуз должен подготовить и научить студентов осмысленно подходить к использованию свободного времени. Конкурс красоты — прекрасно, но при этом он должен быть именно студенческим, в котором во главу угла ставится не дефиле в купальниках, а остроумие, наблюдательность, логика, ну и, конечно, умение красиво и стильно одеваться. Такое же отношение и к КВН. По моему мнению, он интересен только тогда, когда факультетские команды с юмором говорят о жизни своего вуза, о том, что волнует, и том, как можно что-то изменить к лучшему.

Корр.: А ваши волонтерские программы, это ведь тоже очень серьезная часть воспитательного процесса?

Евменов: Это даже нечто большее, чем волонтерские программы. Мы часто в нашей жизни многого не замечаем. Вот, например, дети, больные ДЦП. Они-то не живут в той суете, в которой бесконечно вращаемся мы. У них большая проблема с координацией и коммуникацией. Но они видят то же, что и мы. Они все понимают. Поэтому социальный волонтерский проект, посвященный таким детям, носит название «Это нормально — быть разными!». Кроме этого проекта наши студенты посещают интернаты, детские дома. Но далеко не все студенты готовы к такой работе. Здесь нужно иметь большое мужество и доброе сердце. У воспитанников таких учреждений есть постоянная боль — это одиночество. И для них важнее всего общение, общение через наших ребят с миром, который они, и не по своей вине, очень плохо знают.

После встречи с этой болью, и часто болью «навсегда», наши ребята задумываются и о своей жизни: о том, какая же это ценность — Жизнь, и на что она может и должна быть потрачена.

Корр.: Ваши пожелания молодежи, которая решила выбрать творческую профессию?

Евменов: Знаете, любая профессия, а не только, например, режиссера или драматурга, требует творческого подхода к своему делу. Я желаю студентам всех специальностей много и многому учиться, опираясь на вечные моральные ценности.

А мы, в свою очередь, делаем для наших ребят все, что нам по силам. Например, в этом году на средства, выделенные Министерством культуры России, в университете построен уникальный киноконцертный комплекс на 420 мест на Бухарестской улице, 22. Он оснащен современным оборудованием для цифрового кинопоказа в формате изображения 4K и 64-канальным звуком DOLBY ATMOS. Мы рады, что наши студенты получили воз-

возможность показывать свои фильмы на прекрасном оборудовании, донести до зрителя все свои творческие задумки.

Корр.: Ваши ближайшие планы?

Евменов: Планов очень много, но их реализация зависит от массы объективных и субъективных факторов. Не будем гадать. Давайте лучше встретимся через год.

Наш разговор продолжает директор института экранных искусств, профессор, член Союза театральных деятелей России, доктор искусствоведения, зав. кафедрой драматургии и киноведения **Светлана Ивановна Мельникова**.

Корр.: Университет наращивает свою мощь, это видно по фестивалю «Питеркит», который устраивается уже в тринадцатый раз.

Мельникова: Фестиваль стал для города серьезным художественным событием. Губернатор Георгий Полтавченко посетил его и высказал самые добрые слова в адрес фестиваля. На открытие специально прилетел Никита Михалков, Глеб Панфилов возглавил жюри фестиваля. Он высказал предположение, что новое кино России рождается у нас, и мне хочется в это верить.

Корр.: Михалков призвал молодых не завидовать чужим наградам, не терять себя в фестивальной гонке...

Мельникова: Действительно, фестиваль — это смотр художественных сил, приглашение к совершенствованию, а не к зависти. Зависть, как известно, разрушает человека. Уметь радоваться чужому успеху, оценить работу коллеги — это талант не менее важный, чем творчество, это талант души, и наши студенты, по-моему, это умение удачно осваивают.

Корр.: Кто-то до сих пор считает, что молодым под силу только депрессивное кино.

Мельникова: Современное поколение ничуть не депрессивное. Сколько добра и света в их фильмах! Они говорят о том, что времена не выбирают. Надо найти свое место и призвание в той эпохе, в которой ты живешь.

Фильмы разные. И знаете о чем они, прежде всего? Как помочь другу другу, как помочь ближнему. Молодых режиссеров интересуют социальные проблемы и люди, которые за этими проблемами стоят. И если современные студенты не знают, как решать мировые проблемы, они понимают и чувствуют, как решать проблемы вокруг себя. Один парень снимал ночлежку, другой снял фильм о женщине, ветеране Великой Отечественной войны. Есть замечательный фильм о священнослужителе и его прихожанах. В этом нет условной, приторной интонации. Есть глубинный интерес к человеческой судьбе. Они предлагают видеть мир их глазами.

Первую премию на фестивале получил прекрасный фильм Айнура Аскарובה «Горький мед» — о дедушке, который собирает мед на пасеке и ждет своих многочисленных внуков, а они так и не приезжают. Фильм об одиночестве и любви, о нашем долге перед старшим поколением. Пока сердце способно любить, мы будем жить.

Корр.: Какова ответственность нынешнего профессора, педагога высшей школы перед студентами, молодежью?

Мельникова: Она всегда была огромной. Конечно, только за профессиональные темы сегодня не спрячешься, студенты хотят говорить о самом разном. Ты сам являешься и носителем школы, и ее объектом, и субъектом. Я готова и требовать со своих студентов, и защищать их. Мы все здесь живем одним общим делом. У студентов-художников особый путь, они отмечены Творцом, надо помочь им, поддержать, подставить руки. Они учатся у нас, а мы учимся у них. Наверно, вот этот взаимный обмен крайне важен. Каждый несет в университет свой опыт, свою «школу» — и бывшие ВГИКовцы, и выпускники Высших курсов сценаристов и режиссеров, и преподаватели СПбГАТИ, СПбГУ, герценовского университета. Получается очень интересный замес, рождается новая петербургская творческая школа...

Корр.: А что вы скажете о герое времени в положительном смысле? Он появится и скоро ли?

Мельникова: Рождение нового героя — процесс объективно сложный и мучительный. Уверена, что мы стоим у истоков этого рождения, рыхлим все вместе почву, из которой вырастет новый прекрасный росток. Прежде всего, надо честно исполнять работу сегодняшнего дня — этим подготавливается достойное будущее.

Корр.: Некоторые студенты творческих вузов сомневаются, нужны ли им серьезные знания по всем гуманитарным предметам. Ведь нынешний рынок заставляет их снимать только «стрелялки», «бегалки», драки...

Мельникова: Рынок дело неоднородное. Далеко не всех удовлетворяют сегодня пресловутые «стрелялки». Хочется верить, что именно наши выпускники смогут сказать новое слово в кинематографе. И это слово обязательно будет объемным, сильным, гуманным.

И, наконец, об идеологической составляющей обучения в университете мы задали вопросы профессору, доктору философских наук, заведующему кафедрой искусствознания **Александру Леонидовичу Казину**.

Корр.: В наше время либеральная интеллигенция как чумы боится слова «идеология». Утверждается, что понятие «идеология» вообще не может пребывать в творческом мире художника.

Казин: Идеология — это набор руководящих идей, в любой сфере, в том числе в искусстве. Свобода творчества может быть только в рамках идеологии, потому что отсутствие идеологии это тоже идеология — идеология пустой свободы. Как показывает опыт, определенные идеологические позиции помогают художнику осознать себя. Как в случае с А. Тарковским, который делал прекрасные фильмы в Советском Союзе, а за границей стал повторяться.

Корр.: Как вы думаете, можно ли преодолеть экранный терроризм?

Казин: Пока телевидение страны является коммерческой организацией, этого нельзя преодолеть. Основная задача телекоммерции — прибыль. Прокатчики, телевизионщики работают на основе доходов от рекламы. Телевидение будет таким, пока оно остается элементом рынка, хотя в последнее время принят ряд правительственных законов о запрете гей-пропаганды для несовершеннолетних, нецензурной брани и др. Теле- и кинопродукция маркируется по возрастам. Государство правильно действует, наблюдаются

позитивные явления в деятельности канала «Культура», канала «Россия» и даже НТВ.

Корр.: Многие деятели культуры яростно выступают против так называемого госзаказа на патриотические фильмы.

Казин: Что касается госзаказов, то почти все величайшие архитектурные произведения Европы построены по заказу либо церкви, либо государства. Но свобода творчества остается, можно ведь этот заказ и не брать. Просите тогда денег у банков, у миллиардеров. А если берешь деньги на фильм у государства, то оно вправе спросить, что ты хочешь на эти деньги сделать.

Корр.: Говорят, что русское психологическое искусство сдает свои позиции. Вы с этим согласны?

Казин: В мире идет духовная война. Она идет уже две тысячи лет, со времен пришествия в мир Христа. В 1920-х гг. советская власть изымала из библиотек сочинения великих русских классиков. Сейчас эта борьба принимает характер симулякров, фальшаков. В конечном счете, это борьба против основ русской духовности. Для того чтобы уничтожить народ, надо подвергнуть осмеянию его святыни.

Корр.: И к чему же стремиться молодым?

Казин: Видеть искусство в себе, а не себя в искусстве. Классическое искусство — это род молитвы. Это обращение к Богу. Без молитвы наши произведения станут рыночным товаром, обреченным на забвение.

И в заключение вопросы заслуженному деятелю искусств РФ **Сергею Михайловичу Овчарову**, заведующему кафедрой режиссуры.

Корр.: Каковы ваши творческие планы как режиссера?

Овчаров: Планов много, лежат хорошие сценарии, в основном по классике. Я думаю о постановке «Конька-горбунка», «Мертвых душ». Классика бесконечна.

Корр.: А чтобы вы добавили к образованию в киношколах?

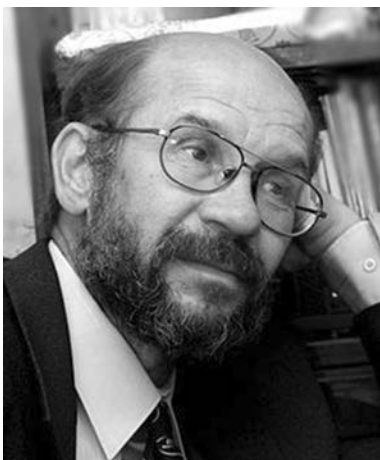
Овчаров: Я бы добавил теологические факультеты, как это было в Средневековье. Наши студенты — жутко компьютерное поколение, я не хотел бы, чтобы они плоско мыслили. Кинематографу нужны философы. Хотел бы, чтоб будущие кинокритики были неподкупны и честно оценивали картины. Зачастую случается, что человек заявляет: картина плохая, бездарная. А он ее не смотрел.

Корр.: У вас есть надежда на перемены к лучшему?

Овчаров: Конечно есть, ради нее мы и воспитываем, и выращиваем нашу молодежь...

ПОЭЗИЯ

Александр СУВОРОВ

«ЧИТАЮ ПЛАМЕННЫЕ ЗНАКИ...»

Суворов Александр Васильевич — родился в 1946 году на станции Бира Еврейской Автономной области. В 1947 году его родители переехали в Сыктывкар. Окончил Коми государственный педагогический институт. Работал журналистом. Автор нескольких поэтических сборников. Печатался во многих альманахах, коллективных сборниках, журналах «Север» «Наш Современник», «Техника молодежи», «Дальний Восток», «Южный крест» и др. Лауреат премии Правительства Республики Коми в области литературы им. И. А. Куратова (2012). Член Союза писателей России.
Живет в Сыктывкаре.

* * *

— Встань и иди! — мне говорят. —
Покуда Бог ведет.
И я иду, смиряя взгляд,
А под ногами — лед.

Иду и знаю, что дойду,
Сбежав от всех погонь.
А под ногами, как в аду,
Огонь, огонь, огонь.

Не сбросить наземь с плеч креста,
Несу и счастлив я,
Что подо мной не пустота,
А почва бытия.

* * *

Долгий путь, короткая дорога —
От неверья к вечной вере в Бога,
От унынья и тоски к смиренности,
От душевной темноты к горению.

Этот путь, томим Небесной жаждой,
Одолеть обязан в жизни каждый.
И шагаем мы вперед упрямо
К Богу — кто извилисто, кто прямо.

И душой в Евангельские строчки
Проникаем мы поодиночке,
И слова библейские всё четче...
Ты прости нас, многогрешных, Отче!

МОЛИТВЕННЫЙ ЧАС

И вот он, строгий час души,
Принадлежащий только Богу!
В ночной недвижимой тиши
Душа нежнеет понемногу.

Оттаивает от забот,
Дух, согреваясь, переводит.
И этот час длинней, чем год,
И в этот час часы не ходят.

Боюсь отвлечься и уснуть —
Читаю пламенные знаки.
И прозреваю жизни суть
В безжизненном вселенском мраке.

И возвышаюсь, и лечу,
Бесслезно плачу, воскресая —
Судьбой за бытие плачу...
И следом — тень души босая.

СВЕЧА

Ровней, ровней, свеча, гори
Под Божьим пристальным приглядом,
Легко свой ясный свет дари
Всем, кто вдали, и всем, кто рядом.

На клиросе Небесный хор
Поет о неземном и вечном...
Гори, свеча, наперекор
Земным заботам бесконечным.

Молитвенная благодать...
Благоухает сладко ладан...
Спеши, свеча, тепло отдать,
Чтоб мир наполнить добрым ладом.

Да не погаснет до конца
Судьбой дарованного века
Огонь Всевышнего Отца
В бессмертном сердце человека.

* * *

Кипит и пенится окрестная
Неусмиримая борьба.
Услышь, Заступница Небесная,
Молитву Божьего раба.

Услышь дыхание неровное,
Услышь негромкий стук в груди.

Пусть бытие мое греховное
Грехов избегнет впереди.

И пусть святым церковным пением,
Как райским воздухом, дыша,
Неиссякаемым смирением
Наполнится моя душа.

* * *

Нет, не миновала эра хамов,
И еще далек последний суд,
Но золотые луковницы храмов
На бесплодной почве не растут.

Не живет на пустошах угрюмых
Боговдохновенная трава,

Не рождаются в богохульных думках
Вечные и вещие слова.

И пока молитвами святыми
Тихо возвышаются сердца,
Не угаснет в хаосе и дыме
Вера в милость и любовь Отца.

СВЕТ ПАСХИ ГОСПОДНЕЙ

Священникам Сыктывкарской и Воркутинской епархии посвящается

Не оскоромится душа
Ни поношением, ни блажью.
Плывет по свету, не спеша —
Лелеет белизну лебяжью.

Глядит на мир с высот добра,
С высот любви, с высот надежды,
И треплют горные ветра
Ее неброские одежды.

И шепчут губы в тишине
Созвучия молитв стогласных,
И крепнут крылья в вышине
Среди таких же душ прекрасных.

И отступает тьма времен,
И молкнут словеса пустые,
И путь предвечный устремлен
В бездонность, в Небеса святые.

ПРЕМУДРОСТЬ

— Все проходит, и это пройдет, —
Говорил Соломон. И прошло ведь.
А душа — все вперед и вперед,
Недосуг ей в пути суесловить.

Утешал ли слепых Соломон,
Призывал ли к смирению зрячих?

Все пройдет сквозь завалы препон
Мимо наших желаний горячих.

Все пройдет вместе с нами — и пусть!
Срок наступит — и я тоже спешусь:
Утешаясь молитвой, смирюсь,
А смиряя желанья, утешусь.

**Татьяна
ЧЕТВЕРИКОВА**

«ЗЕМЛЯ ДЫШАЛА, ОТЧАЯ ЗЕМЛЯ»

Татьяна Георгиевна Четверикова. Автор 18 поэтических книг для взрослых и детей. Член СП России. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат ряда региональных и всероссийских литературных премий. **Живет в Омске.**

ТА ОСЕНЬ

Та осень была не прекрасней других.
Но в ней был обрыв
над холодной рекою,
Продрогший лесок
и роман под рукою,
В котором судьба разводила двоих.
Еще был художник.
Не сват и не брат,
Не муж, не жених,
а случайный знакомый.
Он осень прозрачной писал,
невесомой,
И эти холсты был раздаривать рад.
Был в осени мальчик —
художника сын.
Его только сказкой могли успокоить.
Мы бегали с ним
над холодной рекою...
У осени были повадки лисы.
Она затихала, дождям и ветрам
Подолгу над нами шуметь не давала.
Пока ее все-таки не прорывало.
Какой начинался тогда тарарам!
Река бушевала, бил ветер в окно,
Да так, что казалось,
не выдержат стекла.
Дождь шел не смолкая.
И мерзла, и мокла
Земля, на которой
мне жить суждено.
Быть может, тогда и подумалось мне,
Что именно в эту ненастную пору
Любить надо крепче Отчизну,
которой
Обязана жизнью, березой в окне.
Средина России.
Обрыв и река.
Ребенок и сказка,
И даль золотая.
Кричат журавли, надо мной пролетая.
Та осень, как омут.
Она глубока.

* * *

Луж замороженных белые блюда,
Дрожь облетевших ветвей.
Я бы хотела в Россию вернуться
И после смерти своей.

Но не ромашкой, не певчею птичкой
И не волной на реке —
Девочкой русой с веселой косичкой
В ситцевом легком платке.
Женская доля в России — не сахар,
Но не живут без любви.
Кто мой избранник? Поэт или пахарь,
Удаль в плечах и крови.
...Стряпать пельмени и деток лелеять,
Шить и ходить за скотом.
Где-то надежнее,
        где-то теплее —
Некогда думать о том.

Родина — строчки в заветном конверте,
Тени на синем снегу,
Светлая — кажется, и после смерти
Я без тебя не смогу.
В вечном смятении и неуюте,
Зная обиду и страх,
В поле, в бору,
        в самолете, в каюте
Я просыпалась в слезах.
Родина, отзыв твой глуше и глуше.
Осень.
Распутица.

        Тишь...
Но и сейчас ты высокие души
Богу и небу растишь.

* * *

Нынче весна объявилась до срока:
Лужи, ручьи и сосульки с карниза.
Как же, наверно, сейчас одиноко
Русской твоей половине, Лариса.
Ты уезжала — обид не исчислишь,
Ты говорила громко и резко.
...Ведро качаются на коромысле,
В каждом — по крупной звезде деревенской —
Там, где росла ты непросто и больно,
В ситцевом платье и с горсткой ирисок.
Как же ты — бюргершей самодовольной?
Не представляю, прости, Лариса.
Да, ты выросла — ты умна и красива.
Там — все «тип-топ», здесь же — посвист метельный.
Но где-то слева все бьется Россия,
Мамин — по-русски — напев колыбельный.
Платья меняй ли, автомобили —
Не получается счастья, покоя...

Так вот родили, как разрубили,
Как обручили навечно с тоскою.

ЛЕТО

«Нет, благородства все же мало в риске», —
Я думала, когда ребенок брызги
Ловил рукой, от радости слепой.
Подрагивала белая «Ракета»,
И наш щенок поскуливал при этом,
А мы опять не ладили с тобой.
Да, начинался отпуск наш прелестно:
Куда мы мчались, было неизвестно.
Я утверждала: опрометчив шаг!
Ты обещал — что ж, обещать не жалко! —
И молоко, и воздух, и рыбалка,
Грибы и земляничины с кулак.
Но вот и пристань.
Козы у обрыва.
Их «горными козлами» сын счастливо
Назвал, ведь он впервые видел коз.
Смеялись пассажиры,
Я молчала.
И наша ссора тихая крепчала.
Сказал ты:
— Не хватало только слез!
Потом переправлялись через реку,
Потом со всеми забрались в телегу.
Она тряслась степенно вдоль села.
Но вот и дом — голубенькие ставни.
И беленькая внучка бабы Мани
Сказала:
— Постояльцев привела!
— С собакою?
Да, шансов маловато...
И мы переминались виновато —
Так не хотелось в город уезжать!
Но вот старуха сжалилась как будто:
Собаку поселила в старой будке,
Нам выделила пышную кровать.
...Всю ночь собаки выли за стеною,
Но утром было молоко парное,
И улыбалось солнышко с небес.
Вчерашней ссоры уходили тени,
И сын наш изнывал от нетерпенья,
Пока мы дружно собирались в лес.

И покатались наши дни без грусти.
В кадлушке новой вызревали грузди,
Клубничным духом наполнилась изба.
Мы наслаждались тишиной и летом.
Но думалось все чаще не об этом,
А что такое — Родина. Судьба.
Судьба родиться на реке могучей,
Ценить тепло, когда мороз трескучий
Накинёт на деревья кружева.

И дорожить превыше счастья волей,
Но крепко знать, что перекасти-поле —
Печальная и страшная трава.
Ее судьба нам сызмальства знакома.
Но дома мы за сотни верст от дома.
Мы говорим на том же языке,
Что наша добродушная хозяйка,
И внучка Надя, и пичужек стайка,
Черемуха и волны на реке.
Родной язык!..

Он не давал покоя,
И повторяло чадо городское:
Ольха, запруда, лошадь, конопля.
И не загроможденная бетоном,
Во всем великолепии зеленом
Земля дышала,
отчая земля.

ТАРА

1

Мои глаза полны тайгою:
Листвой, иголками, травую,
Цветами, что цветут без счета,
И в небе синим вертолетом.

Мои глаза полны тайгою:
Зеленой, красной, золотою —
Любою краской, но не серой.
Сейчас глаза наполнят сердце.

И станет сердце — не иначе —
Простым, доверчивым и зрячим.

2

Тихий, спокойный, на славу не падох,
В городе этом так много загадок.
В городе этом так много преданий,
Много рябин и сиреней, гераней.
Здесь старина с каждым шагом заметней,
А каждый дом не похож на соседний.
Гостеприимный, и все же при этом
Город похож на шкатулку с секретом.
Днями кружу, и на сердце тревожно:
Ключик потерян уже безнадежно?
Или отыщется в старом подвале,
На чердаке ли, автовокзале,
Может быть в речке, в прибрежных ли ивах
Или в карманах девчонок смешливых...

3

В каждом доме по кошке, герани и примуле...
Вот спасибо, родные, что так меня приняли.
Как же славно сидеть и неспешно беседовать.
Я в своем далеке тосковала без этого.
Понимаем друг друга, хотя и не родичи.

...За окошком и сумрак, и осень, и дождичек.
За рекою — тайга, за тайгою — Бог знает.
Время тоже не спит, наши судьбы листает.
Я не знаю, что будет, но знаю, что было.
Как сказали до нас: что пройдет — будет мило.
Этот мир, этот век, этот город старинный,
Этот дом и глядящие в окна рябины...

4

Мне нравится жить в этой осени мокрой,
Где тополь сорит невесою охрой.
Где в каждом окне то герань, то фиалки,
Где ходят дорожками важные галки.
Мне нравится жить в этом городе старом,
Он тайны свои не откроет задаром.
Привыкни сперва к одиноким прогулкам,
Пойди-поброди по старинным проулкам.
Пойди-подыши-ка архивною пылью
И станут предания явью и былью.
Во времени этом глухом и протяжном
Мне нравится думать о вечном и важном.
О древних старухах, глядящих по-детски,
О том, что не нужен мне берег турецкий.
Зачем мне галопом — по призрачным странам,
Когда пахнет дождик тайгой и шафраном.

* * *

Почему я смеюсь? — Просто лето в разгаре.
И поэтому ливень совсем не беда.
Он гудит, как орган, он сегодня в ударе.
Посмотри, как в реке закипает вода
и качается длинное тело трамвая
в этих струях, летящих отвесно с небес.
Хлещет ливень, людей от забот отрывая,
заставляя их вспомнить то поле, то лес.
Этот ливень — надежда и тайная милость.
Я смеюсь — не сносить мне опять головы!
Но возможно ли, чтобы вот так повторилось:
ливень, лето, любовь, влажный шелест листвы.

Произнесено

29 марта / 11 апреля 1954 года

**Протоиерей
Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ**

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884–1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Санкт-Петербурге в Лесном. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед».

«Духовные беседы» подготовлены к публикации С. Н. Корытиным и Н. Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Продолжение. Начало в № 1, 2, 3, 4 за 2008 г., № 1, 2, 3, 4 за 2009 г., № 1, 2, 3, 4 за 2010 г., № 1, 2, 3, 4 за 2011 г., № 1, 2, 3, 4 за 2012 г. и № 1, 2, 3, 4 за 2013 г.

Мне задан вопрос: что такое подвиг и подвижники и для чего это нужно? Для ясности необходимо разъяснить хоть немного из учения Православной Церкви, именно: учение о спасении человека.

Мы все хотим спастись. Для того и молитвы наши, и проповеди, и беседы, и добрые дела, и жизнь христианская, словом, все, чем мы, христиане, живем.

А что такое спасение? Понимаем ли мы ясно? Конечно, плохо понимаем, что значит это слово.

Давайте же учиться у святых отцов, чтобы ясно представлять этот важный пункт учения церковного. Это очень серьезно, и потому будьте внимательны и не шумите, чтобы не мешать ни мне, ни слушателям.

Господи, благослови нас!

Я вам предложу учение православных церковных писателей, а не мои слова. Будем все вместе учиться у них.

Недавно умерший Святейший Патриарх Московский Сергей в своей книге «Православное учение о спасении» пишет, что, с православной точки зрения, «сущность, смысл и последняя цель спасения человека состоит в избавлении человека от греха и в даровании ему святой вечной жизни в общении с Богом».

Видите, как это глубоко и серьезно. Сразу и не разобраться. Помогите нам, Господи!

Следовательно, спасение есть теснейшее единение человека с Господом, как ветви виноградной с лозой.

У нас есть акафист ко Причащению Святых Таин — так там такой припев на каждом икосе: «*Иисусе,*

Боже сердца моего, прииди и соедини ны с Тобою навеки!» Вот об этом-то соединении человека с Господом мы молимся, это и есть спасение. Причем это соединение с Иисусом Христом должно совершиться не там где-то, на небе, после смерти, а здесь еще, на земле, в земной жизни.

Чтобы понятно стало, что все это не выдуманно мною сейчас, а есть истинное учение Евангелия, я вам прочту из Евангелия Иоанна, гл. 15, ст. 1–6. Говорит Сам Господь:

«Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — Виноградарь: всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает, а всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода.

Пребудьте во Мне, и Я в вас, как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне. Я есмь Лоза, а вы ветви: кто пребывает во Мне и Я в нем, тот приносит много плода, ибо без Меня не можете делать ничего.

Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают.

Если пребудете во Мне и Слова Мои в вас пребудут, то, что ни пожелаете, просите и будет вам».

Патриарх Сергей добавляет: «Пребыть во Христе значит пребыть верным Его учению, значит иметь Слово Его пребывающим в нас, исполнять Его заповеди».

Конечно, в единении с Господом не может быть человек, пока грехи его не прощены, пока человек не избавлен совсем от греха.

Эти вопросы решаются не только у нас, православных, а решаются также у католиков и у протестантов. Чтобы лучше нам понять, как наши православные учителя решают этот вопрос, посмотрим сначала, как решают его протестанты, вот, например, баптисты.

По их учению выходит, что Бог все время был разгневан на человека, все время не мог ему простить того оскорбления, какое человек нанес Ему грехом. Потом *вдруг (?)*, видя веру человека в Иисуса Христа, Бог примиряется с человеком и не считает его более Своим врагом (прощает все ему); хотя человек и после этого примирения может еще грешить, но уже безнаказанно.

Выходит, все дело здесь основано на оскорбленном самолюбии: если успокоено самолюбие, тогда и грех, который раньше проклинали, теряет свою греховность. По-ученому это названо «невнимание греха», **пронунциация**; по-русски — объявление человека безгрешным, спасенным. Странно как-то: человек сам ничего не делает для своего спасения, а ему объявляют, что ты теперь безгрешный, ты спасен, — хотя он как был грешник, так и остался.

Как это на деле получается, я уже давно говорил вам, как баптисты в Михайловке, где я служил в церкви, зазывали на свои собрания наших прихожан, когда они шли на беседу в церковь: «Зачем ты идешь к нему (то есть ко мне)? Он будет говорить: постись, молись, отказывай себе, подавай милостыню и т. п. Ты к нам зайди: только зайди в калитку — и ты уже спасен, больше ничего не нужно».

Все это было бы просто смешно, если бы не было так страшно и богохульно. Такую речь мы назовем глумлением над святыней. Тем более, что все это ложь дикая и на лжи основано. Дело в том, что здесь хотят уничтожить грех в человеке без всякого участия самого человека...

Нет, нам не так говорят, например: *Бог нас без нас не спасет*, или, как пишет епископ Феофан-Затворник: «Помните, что того, что потребно для спасения, никто для вас, за вас сделать не может. Помощь от Господа всегда готова, но она не приходит к тому, кто ничего не делает, а только к тому, кто делает, трудится, но до конца довести дело не может».

Патриарх Сергий пишет так: «Сущность спасения в том, что Господь Иисус Христос даровал нам силу, которою побеждаем прилоги нападающего на нас диавола и пребываем свободными от своих прежних страстей».

Сам человек может принять в себя Благодать, а может и не принять, как он пожелает сам. Следовательно, если человек не воспользуется этой силой, не будет сам привлекать к себе, как должно, то и избавления никакого не будет, и человек как был, так и останется грешником. Да если человек и воспользуется этим даром Господа, то все равно сразу — в один момент — не придет избавление; оно приходит постепенно, как по ступеням лестницы, человек все выше и выше поднимается к Господу.

Следовательно, есть степени искупления.

Так и говорит преподобный Ефрем Сирий: «Спасение не какое-нибудь внешнее действие, а развитие, постепенно совершающееся в человеке действием благодати Божией, так что могут быть степени искупления.

Совершенный христианин, на самой высшей степени стоящий, всякую добродетель производит с услаждением и духовным удовольствием, как естественное и обыкновенное, уже без утомления и легко, без борьбы с греховными страстями, как совершенно искупленный Господом».

А нам остается: покаянные слезы, сердце сокрушенно, словом, все то, из чего складывается покаяние.

Теперь из всего сказанного видно, что спасение есть действие нравственное, и в нем совершенно необходимое условие, чтобы его совершал сам человек, хотя и с помощью Благодати.

Таким образом, главное в оправдании — обращение человека от греха к жизни по Богу, нравственный переворот. Так учила и учит Православная Церковь. В этом коренном перевороте, совершаемом совершенно свободно и сознательно, в изменении своей жизни и заключается сущность как крещения, так и покаяния, так и оправдания.

Человек был рабом греха, исполнял прихоти диавола, был врагом Божиим — теперь же твердо решает прекратить грех и быть в общении со Святым Господом.

Епископ Феофан об этом так пишет: «До принятия Благодати человек только желает следовать Христу и исполнять Его волю. Но грех продолжает быть для него приятен.

Благодать же Божия настолько укрепляет решимость человека, что он начинает ненавидеть грех, то есть окончательно считает его злом для себя, как прежде считал его своим благом.

Благодать таинства, входя в душу человека и непременно срастворяясь с человеческим усердием, закрепляет и осуществляет совершаемый волей человека нравственный переворот и дает человеку силу устоять в принятом решении».

Этим самым коренным изменением направления жизни и совершается, как говорят отцы, «уничужение всего прежнего». За прошлое Господь не гневается, не высчитывает его человеку. Раз в настоящем греха нет, следо-

вательно, нет и отчуждения от Бога, грех действительно прощен человеку, человек «примирен и воссоединен с Церковью».

До возрождения человек живет для себя, а после возрождения — для Бога. (По Православному учению, праведность новокрещенного состоит только в восстановлении первоначального расположения души и вообще всей природы человека.)

Известно, что человек состоит из трех частей: тело, душа и дух. В греховном человеке верх берут душа и тело, а в возрожденном господствует дух.

Восстановление павшего, что и составляет сущность христианства, бывает именно через восстановление духа, в возвращении ему власти над телом и душой и в очищении их от всех незаконно прившедших в них наклонностей, привычек и страстей. К этому направлено как все домостроительство спасения вообще, так и соделывание спасения каждым в отдельности.

Святой Златоуст говорит: Христос совершил все, что от Него зависело, грех не противоборует закону ума нашего и не пленяет нас, как прежде, все это миновало, окончилось — страсти, страхась и трепеща Благодати Духа, усмирены.

Елицы во Христа Креститесь, во Христа облекостесь.

По мысли святого Златоуста, «облечься во Христа» — значит никогда не оставлять Его, но всегда являть Его в себе своею святостию и правотою.

Облечься во Христа — значит твердо хранить путь Христов, нисколько не уступая пред искушениями мира и плоти.

Возлюбить Христа — значит посвятить себя на служение Христу, стремиться уподобиться Христу, считать Его своим Учителем и Примером.

Закончим выписки эти словами Патриарха Сергия: «Главным в оправдании является обращение человека от греха к жизни по Богу, нравственный переворот, сознательный и свободный. Так Православная Церковь учила и учит».

Теперь обратимся к самим себе. Мы крещены, мы не раз каялись — но был ли у нас этот резкий поворот от греха к жизни по Богу?

Есть ли у нас отвержение прежней жизни? Облечение в Христа? Любовь ко Христу? Ненависть ко греху? Каждый из нас пусть сам себе на эти вопросы ответит... И великое счастье ваше, если вы на все эти вопросы сможете ответить: «да» — «да» — «да»! А если «нет», тогда что?

Святитель Тихон Задонский точно бы про нас пишет:

«Весьма тяжко грешат христиане, которые во святом крещении (или сами, или чрез своих восприемников) присягали, клялись, обещали Христу служить, но обеты свои нарушили и солгали. Все таковые нарушители христианскую присягу, клятву и обетов своих не сохранили, разорвали спасительный со Христом союз и от Него отлучились и вслед сатаны, которого отрицались и на которого плевали, — снова обратились, и Христу, Господу своему и Царю, Которому присягали, изменили».

И все это так и есть у нас. Выходит, нам и думать нечего, чтобы мы могли на вышеуказанные вопросы ответить «Да»! Только, «нет», «нет» и «нет»! И как это страшно!..

Что же нам делать в нашем настоящем положении?.. Мы заблудились, и как нам выбраться на дорогу верную?

Будем учиться у мудрых людей.

В Древней Греции — в Афинах — был храм, на фронте которого была надпись: «*Познай самого себя*», то есть внимательно посмотри в свою душу и узнай, какие у тебя мысли, какие чувства, чего ты желаешь, чего добиваешься?..

Это был у древних мудрецов первый шаг к мудрости. Пусть и у нас это будет первый шаг на нашем пути к Господу. В самом деле, знаем ли мы самих себя? Видели ли когда-нибудь, что есть у нас в уме, на сердце? Есть ли там что-нибудь, с чем бы можно было идти ко Господу? Знаем ли? Нет, Господи, не знаем, такими делами мы никогда не занимались. Душа наша нам неизвестна...

Стоим мы, как перед закрытою дверью, ключа нет, да и интереса нет, чтобы открыть дверь...

Благодать Божия — вот ключ, который запертую дверь души открывает. Но ранее человек сам должен приложить все усилия, чтобы рассмотреть душу свою, чтобы наблюдать за собою, сколько сможет. А когда снимется покрывало с глаз человека, тогда увидит много, хотя и не все сразу.

Что же, например, вижу в себе?..

Боже Ты мой!.. Чего-чего там нет... Я и гордый, я и злой, сердитый, злопамятный, я и ленивый, и невоздержанный ни в словах, ни в мыслях, ни в желаниях. Веры мало — почти что совсем нет, ни надежды на Господа, ни любви к Господу и к людям, люблю выставляться, люблю величаться своими достоинствами, которых нет и не бывало никогда у меня, и прочее, и прочее, и прочее... Все это то, что ненавистно Господу...

И что скажу?.. *Чертог Твой вижду, Спасе мой! И одежды не имам, да вниду в оны...* Ничего нет во мне... Я наг, слеп, нищ...

Вот так картину увидел!.. Самому противно смотреть...

Но это только первое видение...

Чем дальше идет время, чем больше человек наблюдает за собою, тем больше и больше находит в себе противного Господу Богу и своему христианскому званию: все скверно, все неисправно, все неправильно, хвалить не за что... И все это дурное крепко-крепко вросло в душу, закрепились в ней.

И не только мы — несчастные грешники — испугались своего состояния, св. ап. Павел, и тот в ужас пришел от того, что увидел в себе, помните эти слова его (Рим. 7, 14—24):

Ибо мы знаем, что закон духовен, а я плотянин, продан греху. Ибо не понимаю, что делаю, потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то и делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр, а потом уже не я делаю, а живущий во мне грех.

Ибо знаю, что не живет во мне, т. е. во плоти моей, доброе; потому что желание добра во мне есть, но чтобы сделать оное, — того не нахожу.

Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которое не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех.

Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божию, но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих.

Окаянен, бедный я человек! Кто избавит меня от тела смерти сей?..

Если Великий Первоверховный Апостол пришел в ужас от того, что увидел в себе, то что скажем мы, когда увидим и поймем, сколько мерзкого сору в нас есть...

Мало того, захотел бы любой из нас вымести этот сор из души — не тут-то было... Кто-то мешает этому, кто-то, как хозяин, распоряжается во мне!.. Апостол говорит: *Живущий во мне грех...* Ужели... Господи!.. страшно сказать: ужели во мне хозяин — враг Божий и мой?! А ведь так и есть...

Ой-ой-ой!.. Как страшно! Какой ужас!.. Стало быть, и участь моя с ним вместе, в темницах адových, в огне вечном!.. Значит, и мне предстоит скрежет зубовой, червь неумирающий — весь ужас адских мук!.. Ведь если он завладел душой моей, заполнил все уголки в ней, так он, окаянный, не выпустит меня из своих ужасных лап...

Вот горе — так горе!..

После такого видения своего состояния — прощай, безмятежный покой, что раньше был: такая тревога, такое смятение захватит бедную душу, замечется несчастная: что делать? как быть? Вот к чему приводит внимательное наблюдение за своей душой, за своими мыслями, переживаниями...

Ой! как важно увидеть свои недостатки, свою нечистоту, свою мерзость!.. Хозяйка вошла в комнату, осмотрелась, взяла таз с водой и начала мыть стол, окна, стекла... Почему? Да потому, что грязь на них увидела. Не было бы грязи, и мыть не надо...

Так и тут: увидел грязь, нечистоту на душе — мой ее горячими слезами, кайся!.. «Плачьте, братия, иного пути нет», — говорит грешникам св. Пимен Великий.

Видите, к чему привело зрение греха своего!.. Иначе бы Святая Церковь не вкладывала нам в уста молитву чудную: *Ей, Господи Царю! Даруй мне зрети моя прегрешения!*

Теперь уже человек стал на верный путь, на путь ко спасению, как говорит епископ Феофан, путь верный, ведущий прямо к цели. Это уже серьезный шаг на пути к исправлению жизни своей, к очищению грязи душевной, шаг на пути от греха к Богу.

Такая тревога была у тех людей, которые слушали первые проповеди апостола Петра в день Пятидесятницы, тотчас по сошествии Святого Духа на апостолов, когда Апостол разъяснил им страшный грех Богоубийства, который они совершили. Как они встревожились, спрашивали: «Что нам делать?» А их было около 3000 человек. Прочтите дома гл. II Деяний Апостольских, там это описано.

А у нас есть такое состояние? Есть тревога за свою участь?.. Ведь и мы допустили сатане убить душу свою...

Нет, Господи! мы спокойны за себя... Чего нам волноваться! Царства Небесного мы ждем, как нищий собственности, которую нам обязаны дать, как чего-то бесспорного, что нам принадлежит по праву. Ведь мы же в Церковь ходим, исповедуемся и т. д. А между тем это беспокойство, эта тревога за себя и свою участь посмертную — это для нас, спокойно спящих, есть первый шаг в христианской жизни.

Эта тревога и молиться заставит, и оглядываться на свои поступки принудит, одернет крепко, когда захочется обругаться, осудить другого и тому подобное.

Так вот, христиане, давайте просыпаться и за дело братья. Епископ Феофан говорит: «Надо беду зажечь кругом себя!»

Храни Бог, мы опоздаем, когда на Страшном Суде братья наши пойдут направо, с Ангелами, а нас бес потащит налево. *Идут они в муку вечную*, — сказал Господь.

Господи! Есть ли такие слова, которыми можно растревожить ко всему равнодушное сердце человека нынешнего! Видно, так и будем ждать не зная чего, пока «Божье сверло» не пронзит душу несчастную...

Братья! Не будем ждать сверла Божьего!.. Я его испытал, и так тяжело оно, и так боюсь, чтобы снова его не было!.. Сохрани меня и вас, Господи!

Так как же быть?

Давайте усердно молиться дома и в храме, со слезами молиться. Будем чаще на исповедь ходить, чаще приобщаться.

Мне наш Владыка Митрополит Григорий посоветовал увещевать вас чаще исповедываться и причащаться. Все двигаться, шевелиться, а не стоять на одном месте. Тянуться и тянуться, как в гору, к Господу ближе и ближе. А Господь с горы руку протянет и поможет нам Царствия Божия с усилием добиваться.

Как пословица наша говорит: «Под лежачий камень и вода не течет...». Путь к Господу трудный и тяжелый... От нас это не скрыто. Сам Господь сказал: *Путь тесный и скорбный, и немногие идут по нему*.

А как все это в жизни выходит?

А вот, например:

Воскресенье подошло, надо утром в церковь сходить к обедне или дома побольше помолиться. Ведь 6 дней на себя делаем, а 7-й день — Господу Богу твоему, говорит четвертая заповедь.

А как не хочется вставать! И тут ломит, и здесь болит. Ну совсем страдалец!.. Иные говорят: да когда же и поспать подольше, как не в праздник... И много разных отговорок у нас есть. А ты вот заставь себя встать раньше, принуждай себя на молитву, да и вообще на всякое дело Господне, двигай себя в эту сторону — отсюда слова: подвиг, подвижник:

Царствие Божие с усилием добывается, и только употребляющие усилие входят в него, сказал Господь. Хочешь быть в Царстве Небесном, вот сюда и направляй все свои усилия и заботы. Не хочется, а ты себя заставляй, принуждай, двигай — вот и будешь подвижник, а каждое усилие твое с переломом своей лени и разгильдяйства и будет подвиг.

Так молитесь, братья, становитесь на путь ко спасению, на путь подвижничества. Все должны стать подвижниками, это неизбежно для каждого христианина и каждой христианки.

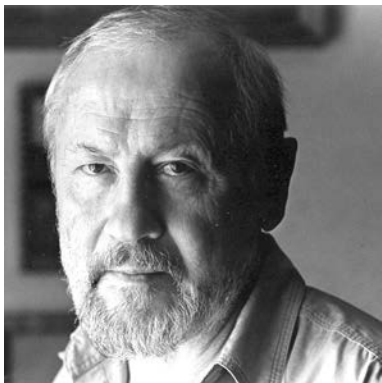
Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных!

Аминь.

Господь да будет с вами.

Родная РЕЧЬ

Юрий ЛОЩИЦ

ЦАРСКИЙ ПУТЬ

Юрий Михайлович Лошиц — родился в 1938 в селе Вале-гоцулово (ныне Долинское) Одесской обл. в семье кадрового военного. В 1962 году окончил филологический факультет МГУ. На протяжении многих лет работал корреспондентом, литсотрудником, редактором в различных литературных журналах и издательствах. Секретарь правления СП России, лауреат многих литературных премий. **Живет в Москве.**

ПРОФИТОЛОГИИ

После возвращения из Константинополя, с архиепископом произошла некая важная перемена. В течение более чем полугодя он почти никого не принимал, почти никуда не выходил и не выезжал с обычными для архиерея посещениями храмов, училищ, мастерских.

Объяснение тому — в *«Житии Мефодия»*. Агиограф сообщает, что Владыка *«...от ученик своих посажь два попы скорописцыя зело, преложи вбрзе вся книги, вся исполнь разве Макавеи от гръчьска языка в словеньск шестию месяц начьн от марта месеца до двою десяту и шестию день октября месеца. Окончав же, достойную хвалу и славу Богу воздасть, дающему такову благодать и поспех. И святое возношение таинное с клиросомъ вознес, сотвори память святаго Димитрия. Пьсалтырь бо бе токмо и Евангелие с Апостоломъ и избранными служьбами церковными с Философомъ преложил перьвее, тогда же и Номоканон, рекше Закону правило и отеческия книги преложи»*.

Как ни подробно это объяснение, но оно, конечно же, нуждается в обстоятельном рассмотрении.

Итак, агиограф сообщает, что Мефодий усадил (*посажь*) за работу двух священников-скорописцев, весьма (*зело*) опытных, из своих учеников и перевел (*преложи*) очень быстро (*вбрзе*) с греческого языка на славянский все книги Священного Писания, и все исполнил, кроме (*разве*) Макавеи (трех книг, которые в Ветхом Завете именуются Маккавейскими) за шесть месяцев, начиная с марта до 26 октября (число месяцев указано неточно; на самом деле речь идет о семи месяцах, если счет от конца марта, или около

восьми; год не указан, но приблизительно это 881-й или 882-й; по иному предположению 884-й). Окончив же, воздал достойную хвалу и славу Богу, давшему такую благодать и скорость в работе. И святую литургию с одними только певчими своими отслужив, сотворил канон в память святого Димитрия (Солунского). Первоначально же (*первее*) они с Константином Философом перевели только Псалтырь и Евангелие с Апостолом и избранными церковными службами. Тогда же были переведены и Номоканон, иными словами Правило закона, и Отеческие книги.

Хотя агиограф для начала сообщает о переводе Мефодием книг Ветхого завета, но напоследок считает нужным упомянуть и его главные переводческие труды, предпринятые еще при жизни младшего брата, а отчасти и совместно с ним. По сути это наиболее краткий библиографический обзор славянских произведений Мефодия. В него не включены переведенные им с греческого сочинения Философа, уже известные нам по «*Житию Кирилла*». Не включены также многочисленные молитвы, стихи церковных песнопений, которые совместно с братом или самостоятельно он озвучивал и записывал по-славянски еще со времен жизни на Малом Олимпе. Из всего этого обширного наследия в обзоре представлен только канон великомученику Димитрию, работа под греческим названием Номоканон (по-славянски, Правило закона) и некие книги, именуемые Отеческими¹. Но и этот обзор, при его краткости, настолько впечатляет объемом совершенного, что не случайно к нему было обращено самое пристальное внимание нескольких поколений исследователей. И в первую очередь оно сосредоточивалось на том, с чего жизнеописатель начинает, — на переводе книг Ветхого Завета.

Что и говорить, сведения, сообщаемые об этой части переводческих трудов Мефодия, способны вызвать сильное недоверие. В них вправе усомниться каждый, кто однажды держал в руках тяжелый том Библии и хотя бы пролистал, а тем более частично или полностью прочитал ту ее часть, в которой описаны судьбы, деяния и воззрения ветхозаветного человечества, а затем и народа Израиля — до Рождества Христова. Для вдумчивого, сосредоточенного, ничем посторонним не отвлекаемого прочтения книг Ветхого Завета (пусть и за вычетом книг Маккавейских) нужны не месяцы, а годы. Конечно, скорость восприятия текста у новичков и людей, привыкших читать Библию многократно, сильно различается. К примеру, опытный в чтении монах способен прочитать Четвероевангелие всего за несколько часов одного дня. Псалтырь по покойнику прочитывается за ночь. Но в нашем случае речь идет не просто о чтении или скорописном воспроизведении услышанного, но о высоком искусстве перевода с одного языка на другой. Исследователи, не сомневающиеся в житийном описании события, приводят

---

¹ Греческим источником переведенного Мефодием Номоканона принято считать византийский сборник церковных постановлений и гражданских законов, составителем которого был константинопольский патриарх Иоанн Схоластик (565–577). Книга нужна была моравским сотрудникам Мефодия как руководство, описывающее образ поведения священнослужителя в храме и в миру. К старейшим спискам этого труда на русской почве относят «Устюжскую кормчую» XIII века. Что до «Отеческих книг», то слишком большой разброс мнений по поводу наиболее достоверного источника или источников этого перевода пока что мешает исследователям прийти к согласованному предпочтению. Заслуживают внимания публикации И. В. Левочкина, посвященные знаменитому «Изборнику Святослава 1073 года» как одному из парадных списков, восходящих к переводу Мефодия. См. его работу: Отеческие книги и Изборник Святослава 1073 г. // Советское славяноведение. 1985. № 6.

такой довод: Мефодий готовился к переводу Ветхого Завета длительное время и перед тем, как привлечь к работе священников-скорописцев, уже располагал черновыми записями, с которых просто надиктовывал страницу за страницей, книгу за книгой.

«*Вся книги... разве Макавеев*»... Сомнения в возможности такого стремительного исполнения задуманного труда отпали бы, сохранись велеградские библейские переводы в своем полном первоначальном объеме. Но после кончины Мефодия они уцелели только частично. Не потому ли, что Владыка, похоже, не успел вывезти с кем-нибудь в более пригодное для хранения место итоговую часть своей с братом духовной жатвы, как сделал это во время недавней поездки в Константинополь.

Известный знаток кирилло-мефодиевского книжного наследия, профессор А. В. Михайлов еще в начале XX века предложил на обсуждение коллег наиболее скромную оценку, касающуюся объема переводческих трудов солунских братьев. «Исторические памятники, — писал он, — свидетельствуют, что первоучители славян перевели на церковнославянский язык с греческого всю Библию кроме Макавеев. Причем Кирилл и Мефодий перевели вместе только Евангелие и Апостол (апракосы), Псалтырь и Паремейник, а все прочие книги перевел после смерти брата... Мефодий. Но так ли это? В настоящее время только относительно церковнославянского перевода Евангелия, Апостола, Псалтыри и библейских отрывков, вошедших в Паремейник, можно с уверенностью сказать, что они восходят к эпохе Кирилла и Мефодия и дело их рук. Что касается других книг Священного писания и других ветхозаветных текстов, не вошедших в Паремейник, то об их отношении к литературной деятельности Кирилла и Мефодия наука до сих пор ничего определенного сказать не может».

Такой малоутешительный вывод вроде бы трудно согласовать с мнением, которое высказал автор, творивший всего двумя-тремя десятилетиями позже Мефодия. Это Иоанн Экзарх Болгарский, один из выдающихся славянских просветителей эпохи. В своем предисловии к переводу книги «Богословие» («Небеса») Иоанна Дамаскина он упомянул сначала Кирилла, который «*многы труды прия, строя писмена словенскихъ книгъ и отъ Евангелия и Апостола прелагая изборъ*», а затем и архиепископа Мефодия, который «*преложи вся уставныя кнѣиги 60 отъ елинъска языка, еже есть греческъ, въ словенскъ*».

Этого же число переведенных Мефодием библейских книг находим и в Проложном житии Кирилла и Мефодия: «*...преложи вся 60 книгъ Ветхаго и Новаго закона от гречьскаго в словенскыи*».

Одно из двух: либо эти цифры и свидетельства, исходящие от почти современников солунских братьев, нужно отнести к панегирическим преувеличениям, либо сдержанный в выводах А. В. Михайлов недооценил подлинных размеров их переводческого творчества.

Конечно, при начале своих трудов брата, как мы помним, ограничивали себя задачами только богослужебного, по точному определению Иоанна Экзарха, *избора*. Избранное Евангелие-апракос, избранный Апостол-апракос... Даже перевод Мефодием Псалтыри поначалу, можно догадываться, ограничивался псалмами и отрывками из них, постоянно звучащими в церковных службах, и лишь постепенно этот *избор* восполнялся, чтобы к концу его жизни приобрести облик полной 150-псалмовой Псалтыри.

Но что же имел в виду Михайлов, говоря о Паремейнике как еще одном безусловном труде братьев? Название это попало в русский церковный обиход из греческого, где слово *παροιμία* означает «притча», «поговорка». Паремейниками называли сборники для богослужебных чтений, составленные по преимуществу на основе ветхозаветных книг. Отрывки из них, паремии, иногда звучали во время литургий, но чаще всего — в составе праздничных вечерних служб. Здесь были представлены почти в полном объеме «Притчи Соломоновы», отчего за сборниками и закрепилось это название. Впрочем, в греческом употреблении они чаще именовались профитологиями, то есть «книгами пророков».

Последнее название более соответствовало содержанию ветхозаветных чтений, поскольку за каждым из них стояло авторитетное имя кого-то из пророков. Имя Моисея, которого почитали как великого законоучителя, создателя первых пяти книг Библии, в том числе книги Бытие. Или имя того же Соломона с его Притчами и Книгой премудростей. Или имя Исаяи, пророка из пророков, которому принадлежат самые пронзительные из предсказаний о Рождестве Христовом. Не случайно и книга Исаяи почти в полном объеме представлена в паремейниках. Но не обойдены вниманием и пророк Иезекииль с его знаменитым пророческим видением о четырех евангелистах, и Иеремия, и Даниил, и так называемые «малые» пророки — Аггей, Малахия, Софоний, Михей, Иона, Аввакум, Осия, Захарий... И книга Иова. И книги Царств, в которых повествуется о пророках Илье и Елисее.

Так, на праздничной вечерне Преображения Господня читались (и по сей день неизменно читаются) паремии из Исхода и Царств — о явлении Бога пророку Моисею на горе Синай и о наставлениях Господних пророку Илье. Эти отрывки предвляли чтение евангельского зачала о горе Преображения, где Христос предстал апостолам в таинственном собеседовании с Моисеем и Ильей.

Для своих переводов Псалтыри и паремейных чтений братья, естественно, брали за образец практику константинопольской церкви того века, а в ней ветхозаветные паремии Священного писания были представлены в законодательной для всего православного Востока Лукиановской редакции Септуагинты.

Это был не их двоих выбор, а *избор* всей Церкви Христовой. Она сама из века в век мудро наставляла, что христианину нужно помнить из Ветхого завета в первую очередь, а что можно отложить, как «всякое житейское попечение», для чтения в келье или в мирском жилище.

В понимании Церкви Ветхий Завет был царским путем ко Христу. Узкий и тесный путь, и его никто не устилал мягкими коврами, не забрасывал лепестками лилий и роз. Путь, по которому шествовали великие провидцы, осыпавые злобной бранью, плевками, градом камней. Земные же цари, обличаемые пророками за жестокость, лицемерие, стяжательство и лихоимство, отправляли праведных на мучения, на позорную смерть. Но выходили на тот путь новые страстотерпцы духа, предтечи, укрепляемые светом своих озарений, вдохновленные свыше.

Таков был в понимании Церкви единственно достоверный смысловой стержень всей ветхозаветной истории. Искать ее живой промыслительный ток бессмысленно было бы в хрониках династий и колен, в триумфах племенной гордыни, в чреде чудовищных ритуальных отмищений. По сути сво-

ей это была история малой горстки богоизбранников, чающих пришествия обещанного от Господа помазанника. История сокровенных предчувствий, выстраданных надежд на приход в мир милосердного Спасителя. Но, одновременно, и жертвенного агнца, которого предадут на позорное мучение.

...Служебный распорядок молодой моравской церкви, каким он выстраивался когда-то с приездом братьев в Велеград, не мог оставаться неизменным. Прирастала народом паства, прибавлялось число приходов, городских и сельских. От недельных (воскресных) и праздничных служб подступила пора переходить — хотя бы во владычном соборе для начала — к службам ежедневным, для которых содержимого первоначальных кратких апракосов уже не хватало. Служебные Евангелие, Апостол, Паремейник пополнялись новыми зачалами и чтениями. Нужно было обзаводиться и книгами *четырьмя*, для домашнего чтения — Четвероевангелием, полным Новым Заветом, полной Псалтырью. Рано или поздно славянин-священник, славянин-монах, славянин-прихожанин хотел и имел право получить представление обо всех книгах Священного писания — от Бытия до Апокалипсиса.

Вот какие побуждения подвигли однажды архиепископа Великоморавского развернуть перед собой и священниками-сорописцами *вся книги*. Но сколько именно насчитывалось в их работе книг? Если вспомнить число 60, которое приводят Иоанн Экзарх Болгарский и автор Проложного жития, то выходит, что Мефодием был предпринят не только перевод ветхозаветных, но и пополнение объема славянских новозаветных книг. В предреволюционном Синодальном издании церковнославянской Библии Ветхий Завет, включая и три книги Маккавейские, представлен пятьюдесятью названиями. В Новом Завете, соответственно, двадцать восемь, считая и Апокалипсис, который в храмовых службах не звучал. Но для Нового Завета мог быть в ходу иной счет: всего 5 (четыре Евангелия и Апостол, включающий в себя Деяния апостолов и их послания). И при том, и при другом счете общее число 60 не собирается.

Цифровые подсчеты оказываются ненадежным средством еще и потому, что для IX века нет достаточно выверенных сведений о том, каков был канон или «устав» ветхозаветных книг, принятых к чтению в разных местных церквях.

В любом случае, Мефодий со своими сотрудниками кроме книг Маккавеев не выкладывали на рабочий стол еще несколько книг, считавшихся неканоническими (Юдифь, Товит и ряд других сочинений).

Отсутствие в современных книгохранилищах подлинных славянских рукописей из кирилло-мефодиевской книжной мастерской вовсе не означает, что пытливому исследователю невозможно приблизиться к первоисточнику на расстояние почти протянутой руки. К счастью, не все утерянное пропадает навсегда и навсегда. Сохранилось несколько кириллических и глаголических рукописей XI, XII и более поздних веков, которые вполне могли быть списками если не с самих рукописных книг, созданных братьями и их учениками, то копиями первых списков. Нередко устойчивые словарные, грамматические приметы кирилло-мефодиевского литературного стиля просматриваются в древнерусских богослужебных рукописях вплоть до XIV, XV веков. Свидетельство тому — первая древнерусская полная Библия, знаменитая Геннадиевская, названная так по имени новгородского архиепископа, жившего в XV веке.

По итогам современных исследовательских поисков к творческому достоянию Мефодия неуклонно возвращаются целые главы из его утерянных, казалось бы навсегда, библейских переводов. Тем самым преодолеваются скептические ограничения, предложенные в свое время А. В. Михайловым. Но к каким бы итоговым выводам на эту тему наука не пришла, самым великим из ветхозаветных переводов, оставленных Мефодием славянскому миру, навсегда уже пребудет книга псалмов.

«Из всех книг, написанных руками человеческими, ни одна, не исключая даже Евангелий, не положила на христианское чувство и сознание печати столь неизгладимой, столь повсеместной, столь властной, как именно Псалтирь. Самая пророческая из пророческих книг, она стала азбукой христианства. В то же время она остается венцом молитвенного песнопения, недостижимым образцом, неиссякаемым источником, питающим поэтическое творчество двух тысячелетий».

Это слова замечательного русского педагога Сергея Рачинского из его книги «Сельская школа». О том, что слова не превыспренны, а глубоко пережиты, скажет еще один отрывок из очерка «Чтение Псалтири в начальной школе»:

«Мальчик, научившийся в школе, хотя механически, но бегло и истово читать Псалтирь, не расстанется с нею до гроба. Случалось ли вам, при вынужденной ночевке в крестьянской избе, осмотрев от скуки всю скучную ее обстановку, раскрыть ту единственную книгу, которая лежит под полкой с образами? В огромном большинстве случаев эта книга — Псалтирь. Запятнаны ее страницы, обтерты ее углы. Но не одна грязь мозолистых рук оставила эти пятна. Тут есть капли воска, есть капли слез, медленно падавшие на эти страницы во время долгих ночных чтений по дорогим покойникам. Не рассеянно небрежностью истрепаны эти углы; но благоговейным переворачиванием этих страниц, быть может, многими поколениями. И при всяком чтении для чтеца, по мере его умственного и нравственного роста, ярким пламенем вспыхивал внутренний смысл того или другого речения, до тех пор для него непонятного; и с каждым чтением дороже становилась ему эта книга, лежащая под образами».

Кажется, как непредставимо велико расстояние, — не столько в пространстве, сколько во времени — между славянскими псалмами Мефодия и обыкновенной русской избой, в которой при свече или лучине мальчик вычитывает кафизмы у тела почившего крестьянина, а сельский учитель коротает свою путевую ночь. Но путь перед всеми тот же самый — царская дорога ко Христу.

Несправедливо было бы не привести здесь еще одно обобщение Рачинского. Отдав должное высоким поэтическим достоинствам греческой Псалтири, он продолжает: «И этот-то текст, с изумительной точностью, с вдохновенною смелостью был переложен на язык юный и свежий, но богатый и гибкий, при этом впервые вошедший в полную свою силу, и перевод этот наложил на юный язык неизгладимую печать. Язык этот сделался книжным языком великого христианского народа и до сих пор остается живым элементом русской речи, письменной и устной».

Самый же перевод стал одним из величайших сокровищ этого великого народа. Каждое его слово, постоянно звучащее в торжественные минуты общественного богослужения, своеобразный ритм каждого стиха, закреплен-

ный дивными напевами прокимнов, антифонов, причастных, срослись со всеми отголосками сердечной памяти, со всеми изгибами верующей души».

ГОРАЗД

Подошла пора, когда велеградские ученики, почувствовав в облике и распорядке жизни своего Владыки признаки возрастающей усталости, подступились к нему, не без смущения, с вопросом, который всегда в таких случаях вроде бы и неловко задавать, но и таить про себя негоже:

«Кого чуеши, отче и учителю чесьныи, в ученицех своих, дабы от учения твоего тебе настольник был?»

Казалось бы, с вопросом об ученике, достойном и способном заменить его на архиепископском столе, обращаться следовало совсем не к нему. Разве в его власти утверждать себе духовного наследника? В Риме, в Риме все решается и решится! В том числе и судьба преемничества на его заолустной кафедре. Но какие ветра подуют из Рима теперь, после неожиданной вести о скоропостижной кончине Иоанна VIII? Пусть не всегда и не во всем оказывался папа его надежным заступником. Но поискать бы надо еще таких покровителей, как старый Адриан и этот его преемник, совсем еще не стариком уложенный в каменную раку.

Архиепископская власть давала и Мефодию право рукополагать в епископы достойных избранников. Но при этом, по старому церковному канону, в поставлении требуется кроме него участие еще двух епископов. Один у него был, только кто же? Вихинг! Его недреманный согладатай. Сидит пока что в Нитре, но вожделеет тотчас переселиться к Святополку в столицу, как только помрет ненавистный ему старый грек.

Хотя при покойном апостолике Иоанне заходила речь о необходимости открыть в преобширной Моравии хотя бы еще одну епископскую кафедру, чтобы у себя на месте втроем рукополагать новых священников и даже епископов, но в коловращении тогдашних интриг обещание подзабылось. А теперь — кому писать или к кому ехать в Рим по этому делу о его, Мефодия, желаемом наследнике?

Нет, вопрос, заданный учениками, не поставил его в тупик и вовсе не выглядел преждевременным.

«Показа же им единого от извесьтныих ученик своих, нарицаемаго Горазда, глаголя: “Сеи есть ваша земля свободь мужь, учен же добре в латиньскыя книги, правоверен. То буди Божия воля и ваша любы, яко же и моя”».

Таков ответ, читаемый в *«Житии Мефодия»*. Выбор Владыки пал на Горазда. Все, что сказано было о нем, уместилось, как видим, всего в одно краткое предложение. Но не лишне заметить сразу же, что это единственный из учеников, названный во всем житии по имени (*«Житие Кирилла»* не называет вообще ни одного). И вот в таком подчеркнутом внимании к имени прочитывается уже не воля Владыки, а безусловное согласие с его выбором всех, кто присутствовал и признал мудрую правоту старца.

Почему Горазд? Для начала потому, что он *«свободь мужь»*. По понятиям времени, речь шла даже не о личной свободе, а о принадлежности к избранному сословию, к людям родовитым и именитым. Разве это не преимущество на случай, если против такого избранника начнет злоумышлять

заезжий шваб Вихинг? Уж тут-то моравская знать не даст в обиду выходца из своей среды.

Вторым преимуществом было то, что священник Горазд, как все ученики Мефодия, читал и по-гречески, и по-латыни. К тому же он не просто преуспел в латинской грамоте, но знал и латинскую церковную службу. А ведь знание такое пригождалось всякий раз, когда за литургией надо было сначала читать Апостол и Евангелие латинской речью, на чем настаивал Рим, а потом уже, если угодно, по-гречески или славянски.

Но еще более был Горазд способен, успешен и горазд, — чем и оправдывал свое имя, похожее на добродушное семейное или уличное прозвище, — в усвоении смысла, чина и последования славянской службы. Наконец же и во-первых, был он тверд и, по определению Владыки, *правовверен* в стоянии своем за нерушимость христианского исповедания, то и дело подвергаемого нападкам триязычников или изобретателей *филюкве*.

Вопрос о преемнике никак не мог решиться сам по себе. Свой выбор Владыке следовало отстоять. Как ни обременительно в его летах готовиться к очередному посещению Ватиканского холма, а иных мест, где бы ему постоять за своего Горазда, добившись его рукоположения в епископы, Мефодий не знал. Ехать же в Рим, не дождавшись вызова из канцелярии нового апостолика, он тоже не мог. Его неожиданное появление сочли бы в лучшем случае за дисциплинарный проступок.

Однако шли месяц за месяцем, а от нового папы никаких сообщений не поступало. Так ни единого и не пришло. Причину его молчания напоследок искали в том, что папский век этого апостолика по имени Марин оказался очень уж короток — менее полутора лет. Из немногих вестей, дошедших до Велеграда при его правлении, одна насторожила: Марин, оказывается, быстро успел рассориться с императором Василием и с патриархом Фотием. Да и вторая весть озадачила: в Рим по воле Марина возвращен епископ Формоза, осужденный покойным Иоанном VIII за участие в заговоре. Этого Формозу Мефодий запомнил еще по первому приезду в Рим. Когда папа Адриан II благословил посвятить во священники трех моравских учеников, то поручил совершать рукоположение двум епископам, в том числе Формозе. Уже в те часы знакомства Философу и Мефодию было видно, что Формоза по духу своему — истовый триязычник и поручение апостолика исполняет, почти не скрывая недовольства, лишь по долгу службы.

И двух этих вестей было велеградскому Владыке достаточно, чтобы понять: лучше ему к Марину, даже если вызовет, не спешить. А тут как раз подоспела еще весть. Если кто и вызовет его, то уже не Марин, а другой. Имя этого другого Адриан III. Впрочем, и с ним Мефодию не довелось увидеться. На папскую кафедру Адриана III возвели 17 мая 884 года, то есть всего за год и четыре месяца до его неожиданной кончины, случившейся во время поездки к королю Карлу III Толстому, сыну Людовика II Немецкого. Об этом апостолике, как и об Иоанне VIII, существовало предание, что он умер насильственной смертью. Мефодия он пережил меньше, чем на полгода.

Труднее сказать, успели они или не успели вступить хотя бы в переписку друг с другом. До Велеграда еще во второй половине 884 года могли поспеть воодушевляющие сообщения из Рима и Царьграда о первых поступках нового апостолика. Адриан III предпринял шаги для исправления

грубых ошибок своего предшественника, допущенных в отношениях с византийским двором и константинопольской патриархией.

Мефодию и его сподвижникам очень хотелось надеяться на прочность этой самой недавней перемены к лучшему. Пусть на Ватиканском холме возобновятся для начала хотя бы те настроения, которые они застали когда-то при старце Адриане II, тезоимените теперешнего папы.

Да, для начала хотя бы! Мефодий поневоле был сдержан в оценках и ожиданиях. Он повидал уже не один самонадеянный рывок Римской курии к первенству в пределах всей Вселенской Церкви. На его веку Ватикан все чаще впадал в какие-то воспаленные состояния, при которых проговариваются вслух прегордые мечты о собственной духовной исключительности. Не стало ли это следствием того, что у Ватикана никогда не было сбоку для надежной опоры кесарева плеча, мирского равновесия? То есть императорская христианская власть еще со времен Константина Великого как была, так и пребывает — для римской церкви, равно как и для всех. Но императоры далеко, на Босфоре, а мирского величия хочется не вдали и для всех, а здесь, у своего плеча. Здесь, в вечном Риме, где всемирное величие сияло незаходимым солнцем при августях-язычниках. И потому раз от разу возникало желание поискать чье-то еще плечо, более надежное и близкое. И уже нашли было при папе Льве, когда он самоchinно, в порыве небескорыстной лести, произвел в императоры Карла Великого. И чего добились? Того, что теперь сразу несколько королей, наследников Карла, не могут поделить между собой земли мнимой «Римской империи». Сами же папы то и дело испытывают неудобства от препирательств в семействе покойного Людовика. Не оставляет в покое курию и духовенство франкское с его постоянными самоуправствами. Разве не пытались и Мефодия те самоуправники лишить власти, врученной ему на ступенях папского престола?..

И вот курия мечется. То просят василевса, одного, затем другого, о военной помощи против арабов в южной Италии. То капризно забывают о полученной поддержке, и василевс им уже не брат во Христе, а разбойник, покушающийся со своим патриархом захватить все болгарские церковные приходы... То снова учтиво ищут у Константинополя защиты от арабских морских пиратов.

Такая изнуряющая неуравновешенность в отношениях между двумя церквями не может, не должна продлиться долго. Ни он, Мефодий, ни его покойный брат не предполагали, что на их веку необратимое уже обозначилось, что распри, невольными свидетелями и участниками которых они становились, из мелких трещин вот-вот превратятся в земные провалы. В конце концов старый Рим не захочет навсегда смириться с физической кончиной своего имперского величия. Его церковь воззавидует величию Рима нового и продолжит строить свое грандиозное здание при одной лишь папской главе — без опоры на кесарево плечо.

...Не имея возможности в скорые сроки поставить перед новым апостолом вопрос о своем желаемом преемнике, Владыка решил действовать пока что в пределах архипастырских полномочий. Его ответ ученикам о Горазде как о преемнике поначалу был дан, как можно догадываться, келейно. Но свой выбор ему следовало озвучить и во время проповеди за литургией, когда, по давно заведенному правилу, Мефодий обращался ко

всему народу со словом о празднуемом торжестве или об услышанном сегодня Евангелии. Или же о наиболее важных событиях в жизни моравской церкви.

Он знал, что молва о его выборе быстро расстелется по всей Моравии, а кое-где даже обгонит архиерейское письмо, подтверждающее его волю и рассылаемое в славянских списках во все приходы, где служат его духовные дети.

Он понимал, что слух о предпочтении, которое он отдает Горазду, первым делом долетит до Нитры и, конечно же, возбудит ярое негодование Вихинга. И потому Мефодий без всякой отсрочки огласил с велеградской кафедры еще одно свое архипастырское решение. Суровое, но необходимое, чтобы искоренить источник непрекращающихся церковных смут. Он не желает более терпеть на епископском столе в Нитре неисправимого еретика, искажающего догматы Вселенской Церкви, сочинителя клеветнических подделок, оскверняющего своим поведением образ апостольского служения. Он анафематствует Вихинга, изгоняет его из лона церкви.

И одно, и другое решения Мефодий не считал допустимым утаивать от апостолического престола и при первой удобной okazji постарался переслать в канцелярию папы Адриана III.

В те же дни стало известно, что Вихинг прикровенно отбыл из Нитры. Куда? В Баварию, к зальцбургским покровителям? В Венецию, к своему напарнику по козням против Мефодия? Или напрямиком в Рим?

СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА

У князя Святополка было три сына. Существует старое благочестивое предание о том, что однажды князь призвал к себе этих уже возмужавших княжат и положил перед ними обыкновенный крестьянский веник для уличного сора, состоящий из пучка перевязанных ближе к основанию прутьев. Князь спросил, может ли кто из сыновей переломить веник. Взялся один, напрягался так и эдак, не поддается веник. Попробовал второй — не ломается. Ничего не получилось и у третьего. Тогда князь развязал веник и отдельно переломил один прут за другим. «Вот так и вы, — сказал сыновьям. — Когда все вместе, в согласии, вас никто не одолеет. А когда каждый только за себя, тогда вас поодиночке и сломают».

Наверное, ни один из сыновей не решился напомнить тогда отцу о старой надсаде их семейной памяти, о которой они могли слышать, и не раз, вне родительских стен: согласие хорошее дело, но сам-то их отец не захотел жить в согласии со своим дядей.

Эта притча, приписываемая Святополку, на самом деле — сюжет бродячий. В разных странах и даже на разных континентах живучее это сказание не раз исходило из уст почтенных отцов, преподающих сыновьям такую простую и вместе мудрую истину. Вполне мог считать ее своей и Святополк.

После возвращения Мефодия из Константинополя князь, видимо, немало удивленный тем, что Владыка столь достойно принят у себя в Визании, а не подвергнут там суровым карам за услужения Ватикану (что предрекал Вихинг), старался больше не подчеркивать перед архиепископом пристрастий ко всему латинскому, а почаще заявлять о своем моравском и славянском родолюбии.

Вот и после исчезновения из поля видимости Вихинга Святополк даже с удовольствием заговорил о вреде раздоров в церковной жизни. Ученики Мефодия надолго запомнили улыбочивые укоризны князя-родолюбца, обращенные к Владыке и к ним заодно: с меня, мол, неученого, каков спрос, но вы же у меня тут все христиане, как и эти латинисты немецкие, тоже христиане, так что же вы нас, простецов, миротворению учите, а между собой христианского мира никак не заведете?

Но при этом радеть о мире не мог скрыть выжидательной приглядки искусника, намеренного при любом исходе дел что-то для себя выгадать.

Тем временем в приобретении земель князь, как и прежде, преуспевал. Уже и Паннонское княжество после смерти Коцела удалось Святополку выторговать у баварских маркграфов. Уже и владения свои именовал он не просто Моравской, а Великоморавской державой. Право же, она расширялась куда стремительней, чем соседняя Болгария.

Одна только забота с недавних пор нешуточно озадачивала князя, и кручиной этой он захотел поделиться с Мефодием. В слабозаселенные порубежья между его державой и болгарами с восточной стороны забрел, а прямее сказать, вломился без спросу какой-то неизвестный доселе кочевой люд, прозывающий себя уграми. Откуда объявились и куда намереваются двинуться, неведомо, но доносят про них, что воинственны, злы, жадны, речью говорят никому непонятной, не разбирают ничьих прав и владений. И между их вожаками есть один, которого даже королем именуют. Через купцов, идущих своими всегдашними дорогами с востока и на восток, этот, величающий себя королем, уже прослышал о мудром моравском наставнике веры и теперь зовет Мефодия к себе для знакомства.

Что скажет Владыка? Нужно ли ему отвечать на прихоть какого-то незванного пришлеца? Как лучше по-христиански поступить? От этих угров, слышно, любой пакости можно дожидаться...

Если по-христиански, то надо, помолясь, поехать. Так решил для себя Мефодий. Пусть и дорога не близка, и хворей в теле не убывает, но почему же не собраться? Ведь король этот зовет его как христианина. Значит, о христианстве уже наслышан. Христос всегда шел, когда кто-то звал его для беседы или для помощи в свой дом. К сотнику шел, к мытарям, к важному сановнику, к фарисею, к бесноватому — никому не отказывал. Как же и ему, старику, оступиться теперь с царского пути?!

Да и время ли бояться за свою жизнь? У кого только не побывал, с кем только не виделся... Исполнял поручения трех ромейских императоров, встречался и обсуждал судьбы славянской Церкви с двумя римскими папами, а святые мощи еще одного папы привез вместе с братом в Рим; сиживал за восточной словесной трапезой перед хазарским ханом и его всевластным беком; шутливо возражал на суде немецкому королю; крестил в гостях сербку — жену чешского князя; говорил в лицо баварским епископам невыносимую для них правду; давал отеческие наставления славному моравскому князю, потом пытался и до сих пор старается учить уму-разуму другого... А однажды они с братом без всяких даже увещаний, лишь властью молитвы угонили посреди степи наскочившую на них ватагу разбойных угров — так ему ли бояться новой встречи с уграми, даже если у них теперь и свой король завелся?

Ничем не обидел его этот предводитель. Жадно распытывал Владыку о вере, с завистью глядел на святые книги, в которых вера высказана для всех, кто пожелает услышать или прочитать. Огорчался, что нет еще у его народа своих книг. Но зато есть желание не искать больше по свету иных земель, а осесть на этой и учиться у тех, кто тут мирно живет, выращивать хлеб и выдерживать в бочках веселое золотого цвета вино. А на прощание просил Владыку молиться о нем и приезжать еще и еще по-дружески. Не меньше короля довольны были и купцы-переводчики, устроители беседы и пира, а значит, по их понятию, самые важные во всем событии люди.

Святополк не зря тревожился. Эти угры, как понял их намерения Мефодий, утомились уже гулять по свету и вряд ли обильны народом настолько, чтобы состязаться в зверских подвигах с ордами, что приходили до них, с теми же гуннами или аварами. Они тут, пожалуй, и осадут, и укоренятся. На земле не жаркой и не студеной, а теплой, как парное молоко или бродящее вино. И тогда Святополку, хочет ли, не хочет, а придется потесниться. Или не впускать их, а воевать. Но воевать сразу на востоке и на западе, с уграми и немцами, хватит ли сил¹?

Мефодий твердо стоял на том, что держава сильна не кровью, не одними лишь мечами и шлемами, даже не общей речью, а верой, излагаемой родными словами. Для веры же нужно потрудиться несравненно больше, чем для того, чтобы меч выковать. Если ты крещен, и осенить себя умеешь крестом, и поклоны кладешь до земли, и расторопно чмокаешь руку своему Владыке или попу, то не думай, что уже всю веру стяжал. Ты еще и на нижнюю ступень лестницы подошву не поставил.

Никому не прегражден путь, никому и не закрыта дверь к вере — ни вору, ни убийце, ни блуднику, ни предавшему своих, ни кривляющемуся лицедею. Потому что Христос всем говорит: Я — ваш путь, Я — ваша дверь. Но и предупреждает: узок путь, тесны врата. Разумеешь ли, княже Святополче? Разумеют ли сыновья твои? Македонец полмира покорил, столько богов и божков по дороге собрал в свою кумирню, и все вмиг рассыпалось. Где его полки, где царство, где сила? В бесславье, как в песок, все ушло... А где Атиллы? Он же здесь гулял, где мы беседуем, и Рим развалил до обломков, а где его сила? Бесславьем заросла... Но тебе, княже, разве не дан другой пример? *Сим победивши*, как победил некогда император Константин Великий. Иной победы, иной силы не сыщешь...

Мефодию, столькое годы собеседовавшему прямой и открытой речью — сначала по-гречески, а потом и по-славянски — с царем-Псалмопевцем, не было навыка, разговаривая теперь с князем, переходить на язык лести или учтивых потаканий, к которым так приучен был властелин Моравии.

После разговоров с ним оставалась насада: да впрок ли они? А с насадой подступала к сердцу слабость. Или это был признак неумолимого старения, о котором тот же Псалмопевец с мягким сокрушением сказал: дни лет наших — семьдесят лет, через силу восемьдесят, а сверх того — болезнь и труд; когда же придет кротость на нас, ею научимся.

---

¹ Князь Святополк умер в 894 году, оставив Великоморавскую Державу в управление трем сыновьям — Моймиру II, Святополку II и Предславу. Сыновья не смогли сохранить государственное единство страны и спустя десять с небольшим лет Великая Моравия под натиском венгров прекратила свое существование.

Но до поры не ведаешь, когда он прозвучит, голос, доступный только твоему слуху. И прозвучит ли он для тебя? У брата его был такой слух. Мефодий, по крайней мере, дважды в том убеждался: когда в Херсоне Философ предрек скорую кончину архиепископа и когда в Риме сам вдруг разболелся и вскоре попросил постричь его в монашеский чин.

Но можно и болеть, и сильно недуговать, а все не слышать. Можно изойти в напряженном ожидании, но голоса все не будет. А достоин ли ты, чтобы тебе сообщены были твои сроки?

Владыке нездоровилось в утро Цветной недели, когда Господь входит в Иерусалим и весь город радостно высыпает на улицы встречать Грядущего, и дети устилают камни мостовых молодыми побегами пальм, а здесь, в Велеграде, — ветками распушившейся серебристой вербы. И столько детского щебета в пригретом апрельском воздухе, и таким победным гимном раздаётся вширь и ввысь:

*Величаем Тя, Живодавче Христе,
осанна в вышних,
и мы Тебе вопием:
благословен грядый во имя Господне!*

Как же в такой день не быть со всеми? И он превозмог себя, пришел, вступил в собор, как в переполненный гудящий улей, замер в алтаре перед престолом.

И тут — расслышал.

Он достоял службу до конца и произнес благословение — своему цесарю, князю, и всем здесь служащим, поющим, предстоящим. И после того сказал бывшим около него, чтобы они от этого часа не оставляли его молитвенной стражей и попечением. И даже срок свой назвал: «*Стрезете мене, дети, до третьяго дне*».

И потом, в понедельник и во вторник Страстной седмицы, когда лежал на своем твердом монашеском ложе, все самое сокровенное, таинственное, что пелось в храмах, звучало и в нем. Это ведь были его с братом и первыми учениками самые ранние славянские начатки. Но он уже не различал, чьи именно начатки. Его наполняло чувство, что это пение звучало еще до них и будет звучать всегда.

*Се, Жених грядет в полнощи,
и блажен раб, его же обрящет бдяща...*

Близость величайшего события из всех, когда-либо происшедших на земле для смертных людей, переполняла его трепетом, потому что видел свою неготовность быть допущенным к самому торжеству торжеств.

*Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный,
но одежды не имам да вниду в онь;
просвети одеяние души моя, Светодавче,
и спаси мя.*

Но все подсказывало, что в Великий Четверток чудесный страстной чин чтения Двенадцати Евангелий отслужен здесь будет впервые без него...

И что же, Мефодие, и что же?! Когда-то этот чин страстной впервые был прочитан и без брата твоего, которому каждая буква, каждый звук принадлежали в том чтении. Но так прочитан, будто и Кирилл стоял с ними вместе, читал и пел. Так и с тобою будет. Прочитают без тебя, но с тобой. Ты все отдал, что мог и не тревожься. Что бы без тебя ни случилось, твои дети все прочитают, все споют и исполнят. Все продлится, как вы с братом хотели. И плащаницу украсят, и на пасхальный ход выйдут под звезды с хоругвями, и воскресным целованием друг друга обымут, и тебя проводят с пением до земли, и душа твоя в светлых одеяниях внидет в чертог Спасителя нашего. Иного не будет, ибо ты прошел царским путем и не сбился.

...В среду на рассвете он тихо проговорил: «*В руце Твои, Господи, душу мою влагаю*». И с тем мирно почил, поддерживаемый священниками. Гроб с его телом, приготовленным к отпеванию, внесли в соборную церковь, где, на левой стороне от алтаря, решено было после прощания предать почившего земле. За литургией и панихидой читали и пели на греческом, на латыни и на родном своем языке, ради которого были все его с братом Кириллом вдохновения, испытания и труды.

*Люди же бесчислен народ собрався,
проважаху со свещами плачущееся
добра учителя и пастыря,
мужеск пол и женьск, малии и велиции,
богатии и убозии, свободнии и раби,
вдовиця и сироты, страньнии и тоземьци,
недужнии и здравии,
вси бывшааго всяческо всем,
да бы вся приобрел.
Ты же свьше, святая и честная главо,
молитвами своими призирай на ны,
желающая тебе избавляй от всякоя напасти,
ученикы своя и учение пространяя, а ереси прогоняя,
да достойно звания вашего живше zde,
станем с тобою, твое стадо,
о десную страну Христа Бога нашего,
вечную жизнь приемлюще от Него,
Тому же есть слава и честь в веки веком.
Аминь.*

Так, по «*Житию Мефодия*», проводили моравляне своего Владыку. Агиограф — а им был Климент, один из способнейших учеников солунских братьев, в будущем архиепископ Охридский, — прибег в своем описании, как видим, к языку особому, передающему трепет, сердечное смятение тысяч людей, вдруг лишившихся такой мощной духовной защиты. Обычно строгий, сдержанный, даже скуповатый в обращении со словом, Климент будто решил напомнить напоследок, что люди провожают еще и подлинного поэта, потому что только поэт был способен оставить им в дар славянскую Псалтырь, многие другие вершинные образцы христианской поэзии. Как и эту песнь прощания и надежды, что сейчас звучала под сводами собора и вне его стен:

*Со святыми упокой, Христе,
душу раба Твоего, новопреставленного Мефодия,
идеже несть болезнь
ни печаль, ни въздыхание,
но жизнь бесконечная.*

ПОГРОМ. БЕГСТВО. ПОБЕДА

«Житие Мефодия» завершается описанием проводов Владыки, вылившихся поистине во всенародный сбор верных ему духовных чад. Тогда же было подсчитано, что на панихиду сошлось и съехалось отовсюду около двухсот одних только старших учеников — священников и дьяконов. А сколько прихожан стеклось от ближних и дальних градов и весей? Над всеми плачами и скорбями плескалась в те дни пасхальная радость о воскресшем Христе.

Похоже, Климент и принялся за жизнеописание Мефодия вскоре после его кончины, когда обостренная утратой память помогала всему осиротевшему содружеству учеников заново переноситься в дни испытаний, преодоленных бок о бок с Владыкой. И когда всем им так хотелось надеяться на то, что сама картина благодатного прощания Моравии со своим кормчим веры наконец-то усовестит двоедушных. А недоброжелателей угомонит — навсегда или хотя бы надолго. Утешение находили и в поминальных службах над местом захоронения, куда стекался народ отовсюду¹.

В сентябре, через полгода после смерти Мефодия, на Ватиканском холме произошло избрание нового апостолика. Им вместо скоропостижно скончавшегося Адриана III стал Стефан V. Одним из тех, кто с особым нетерпением ждал в Риме этого избрания, оказался анафематствованный Мефодием бывший епископ Нитры Вихинг. Надо полагать, он уже вооружился доводами, подтверждающими совершенную незаконность единоличного и самоуправного отлучения от Церкви, которое он претерпел от покойного архиепископа. Который также не имел никакого права на то, чтобы самовольно объявлять своим наследником на кафедре одного из собственных любимцев Горазда.

Вряд ли Вихинг успел сразу же пробиться на прием к апостолику. Только в самом конце 885 года Стефан V отправил буллу в Велеград, адресованную князю Святополку. Кроме того, в Моравию отбыл с письменными инструкциями папский легат епископ Доминик в сопровождении двух священников. Им было поручено рассмотреть причины и суть споров, возникших среди местного духовенства, в том числе по поводу искажения Символа Веры прибавкой *filioque*.

Стефан в патетических тонах благодарил князя за верность святому престолу (иногда эту патетику объясняют тем, что совсем не бедный на ту пору Святополк, судя по всему, отправил по совету Вихинга в Рим, на имя

---

¹ В XX веке чешские и словацкие археологи предпринимали неоднократные попытки разыскать место захоронения Мефодия. К сожалению, экспедиции оказались безуспешными. Главной помехой послужило отсутствие непротиворечивого местоположения Велеградского кафедрального собора. К тому же, возможно, останки первого архиепископа Великой Моравии были перезахоронены его сподвижниками, как только возникла опасность их осквернения противниками «славянской церкви».

нового апостолика, щедрую помощь, прослышав о всеобщем голоде, поразившем полуостров). Довольно подробно писал папа о том, что римская церковь не считает нужным вовлекать людей, не обученных теологии, в обсуждение сложных догматических тем, таких как вопрос об исхождении Святого Духа.

Но письмо папы и инструкции, врученные епископу Доминику, далеко не во всех подробностях совпадали. Это дало повод исследователям предположить, что и на сей раз, как и несколько лет назад, были произведены подтасовки. И эти фальсификации, случившиеся при составлении документов или их оглашении на месте, снова исходили от расторопного Вихинга.

Однако в любом случае и булла папы, и переданные им инструкции в одной точке сходились вполне. В храмах Моравии категорически запрещалось служить литургии «на местном языке». Этим самым Стефан V отменил разрешение на славянские церковные службы, которого пять лет назад Мефодий добился у папы Иоанна VIII.

Попутно папа отменил церковное отлучение епископа Вихинга и возвратил ему кафедру в Нитре. Что же до Горазда, то апостолик, у которого, возможно, имелся письменный запрос Мефодия, адресованный еще Адриану III, посчитал, что принять по такому щепетильному делу окончательное решение можно только в Риме, в присутствии самого священника.

Но Вихинг был уже на месте и снова действовал с опережением любых булл и инструкций. Из двух житий, написанных много позже и посвященных самому Клименту Охридскому и еще одному из ближайших сподвижников Мефодия, монаху Науму, проступает поистине зловещая картина беспощадного погрома Кирилло-Мефодиевской духовной миссии, учиненного в Великоморавском княжестве в 886 году при попустительстве Святополка.

Началось все как будто вполне благопристойно — с открытого обсуждения вопроса об истинном понимании Символа Веры. Князь Святополк присутствовал, но в полемике отказался участвовать, сославшись на свою неготовность к разумению догматических различий, предложенных сторонами. Он лишь предложил решать суть спора так, как принято всегда в моравском мирском суде, — произнесением клятв. В Пространном житии Климента Охридского князь выражает свое условие в таких словах: «... кто первым явится и принесет клятву, что он верует хорошо и правоверно, тот и будет, согласно моему суду, безупречным знатоком веры, тому и передам я Церковь и вручу, по справедливости, церковное священство»¹.

При том, что автор жития к Святополку относится крайне недружелюбно и не жалеет для него черной краски, князь в этой своей речи вполне узнаваем. Опять все те же хорошо известные приемы лукаво-простоватого игрока, так любящего наблюдать за дракой со стороны.

Похоже, сторонники Вихинга были о принесении клятв предупреждены заранее. Собственную клятву они кинулись оглашать перед князем и всем собранием сейчас же, едва выслушав до конца его выступление.

«Суд» и послужил знаком к расправе. Задним числом говорили, что, присутствуя сам Святополк до конца при событиях следующих дней, он,

---

¹ См.: *Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А.* Судьбы Кирилло-Мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000. С. 185.

возможно, не допустил бы такого разгула жестокостей, какой учинило франкское духовенство. Но вскоре после ареста и заточения в тюрьму нескольких наиболее известных учеников Владыки Мефодия, в том числе Горазда, Климента, Наума и Ангелария, князь покинул город по каким-то своим как всегда неотложным делам. Не все же сидеть здесь и выслушивать стенания защитников славянского богослужения, закованных для острстки в железа.

В городское узилище, на испытание голодом, холодом и на пытки зачинщики погрома кинули тех, кто постарше. До двухсот молодых священников, дьяконов, чтецов отобрали на продажу. Купцы-евреи не поскупились, зато впервые повезли в Венецию на рынок рабов такую крупную партию славян-грамотеев.

В том же году на невольничьих торгах в Венеции оказался и пресвитер Наум, хотя по возрасту он был далеко не молод. В житии его сказано, что когда-то они с Климентом посетили Рим в дружине Кирилла и Мефодия, и папа Адриан «и Климента и Наума с прочими свештенници и диаконы рукоположы». Значит, до прибытия в Рим Наум вместе с учителями уже пожил в Венеции и имел представление о размахе здешних работорговых сделок.

Только теперь не он наблюдал, а к нему приценивались. И уже продан был заново и ждал неизвестной дороги. Но «*по строению Божию*» оказался на торгу знатный ромей из Константинополя, исполнявший в городе поручение самого царя Василия. Он быстро различил по облику Наума и по разговору с ним и другими невольниками из Моравии, что перед ним несчастные особого рода-племени. Этот царев муж, не мешкая, выкупил нескольких учеников Мефодия и отвел их на свой корабль, отходящий в сторону Босфора.

Так Наум оказался в Константинополе. О спасенных из неволи было доложено царю Василию и, надо полагать, патриарху Фотию тоже. Вскоре же нашлись труды и для этих знатоков славянской церковной службы. Кто-то остался в столице, а Наум уехал на служение в Болгарию, где через время его ждала еще одна подобная чуду встреча.

...Вовсе не милосердием победителей можно объяснить то, что однажды Климент и еще несколько страдальцев были все же выпущены из велеградского узилища. Их дальнейшее пребывание в застенке слишком будоражило весь город. Ропот моравлян, возмущенных жестокостью насильников, грозил перерасти в открытое неповиновение. Подручные Вихинга не решались в отсутствие князя и его воинства пролить кровь тех, кого моравляне уже открыто почитали как мучеников за веру и новых чудотворцев, у которых оковы в тюрьме уже не раз сами спадали с рук.

Отряду немцев-стражников было приказано тайно вывести нескольких заключенных за город. Изможденных побоями и голодом людей, чтобы унижить и опозорить их до предела, раздели догола. Подталкивали сзади копьями, приставляли к шеем мечи. Будто развлекались напоследок, перед тем как убить. Дул свирепый ветер, какой тут бывает в конце зимы, при начале весны. Это запомнилось Клименту как признак того, что ведут в сторону большой уютной реки. Ветер глодал их тела, кости ныли немилосердно. Непогода донимала и стражников. Через время они перестали понукать и стращать. Похоже, сообразив, что ветер доделает все и без них, вояки развернулись и веселым шагом ушли в сторону города.

Тогда, уверясь в своем неожиданном освобождении, чуть прибавили шагу и Климент со спутниками. Или им только казалось, что они спешат? Положение было плачевней некуда. Кто их в таком облике не побрезгует подпустить к своему жилью, кто не пожалеет самой заваливающей одежды, охапки соломы для ночлега?

Когда добрались, наконец, к хмуromу, в мурашках, Дунаю, кое-как смастерили плот, и, собрав сухие стволы, связав их липовыми лыками, переправились на другой берег — все подальше от недавней своей беды. И теперь направление было одно — приречными тропами и дорогами, все вниз и вниз по течению. А там, у впадения в Дунай Савы, на каменном кряже стоит малая крепость Белград, и в ней уже приходилось им быть вместе с Мефодием, а еще раньше и вместе с Философом. Теперь крепостью владеют болгары, а к ним, болгарам, и надо идти. Так завещал Мефодий: случись что, надо уходить в Болгарию, к князю Борису-Михаилу, в его престольную Плиску.

И они дошли до Белграда, а оттуда добрались и до Плиски. Все были приняты и обласканы князем Борисом. Через время Климент получил под свое церковное начало целую область, а позже обосновался в невеликом Охриде, на берегу Белого озера, где построил монастырь, открыл школу, книгописную и иконописную мастерские, — все по образцу и примеру незабвенных своих учителей. Тут и встретился с пресвитером Наумом.

Разве это не чудо — их встреча? Слишком много делалось на их веку, чтобы никогда этим двоим, да и всем остальным ученикам больше не увидеть друг друга. Пресвитер Наум принял иноческий постриг и основал монастырь с церковью Михаила-Архангела в нескольких километрах от обители Климента, *«на исходь Белаго езера»*, как сказано в его житии. К Охридской дружине продолжателей кирилло-мефодиевского дела присоединился и Ангеларий. Еще один ученик, из способнейших, Константин Преславский, служил и творил в новой столице Болгарии, построенной сыном Бориса-Михаила царем Симеоном, — в Преславе.

Личности учеников, уцелевших после разгрома славянской миссии в Моравии, связанные с ними судьбы средневековой письменности в Болгарии никак не заслуживают скороговорки. Но это уже отдельные объемные главы в истории становления и развития славянской православной культуры.

Здесь же выход за рамки биографий Константина-Кирилла и Мефодия допущен лишь для того, чтобы хоть немного понятней стало, какая невероятная жизнестойкость понадобилась тем немногим, кто уцелел после кончины великоморавского архиепископа.

Впрочем, разве и сами солунские братья не испытывали при жизни почти постоянных угроз своему славянскому замыслу и его осуществлению? По сути, в их судьбе есть две строки, до сих пор не поддающиеся никакому рациональному прочтению. Строка первая: как все же они успели сделать то, что ими сделано? И строка вторая: как то, что они сделали, не погибло почти сразу, а сохранилось до наших дней?

Вряд ли поддались эти строки и мне в предложенном здесь рассказе. Но когда я вхожу в православную церковь в любом городе или селе России, когда слышу псалмы в быстром, но отчетливом исполнении чтеца, или голос дьякона, возглашающего стихи великой ектении, когда священник в алтаре зачитывает Евангелие или певчие на клиросе доносят, будто из облаков,

сокровенное «Иже херувимы...», когда весь храм согласно запеваёт «Верую...», — ответы на невыясненные вопросы сами открываются.

Эти люди, жившие столь давно, больше, чем самих себя и чем друг друга, больше, чем родных своих и друзей, возлюбили Христа, Сына Божия и Сына человеческого. И эту любовь свою они так сильно захотели выразить на языке, который с детских лет знали, а возмужав, познали в совершенстве и полюбили как свой родной, что им удалось совершить то невозможное, что они совершили.

Евангельский Христос, благодаря их любви заговоривший по-славянски, прошёл ко всем, кто с нетерпением ждал его как единственного Спасителя своего. Поэтому богослужебный язык, созданный ими, не погиб сразу, жив сегодня, не престанет звучать и до скончания веков.

Ничто в этой священной победительной речи не изменилось, каждый стих, каждая строка и буква, каждый смысл стоят непоколебимо. В любую минуту церковной службы святые равноапостольные братья Кирилл и Мефодий молятся и дышат рядом с нами.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ МЕФОДИЯ И КИРИЛЛА

810—815 — приблизительное время рождения Мефодия.

Конец 826 — начало 828 — примерная дата рождения Константина.

842 — вступление на престол византийского императора Михаила III.

843 — прибытие Константина на учёбу в Константинополь.

843 — восстановление иконопочитания в Византии.

846 — начало княжения Ростислава в Великой Моравии.

Около 850 — диспут Константина Философа с бывшим патриархом, иконоборцем Иоанном Грамматиком.

852 — начало правления в Болгарии хана Бориса.

855—856 — приблизительное время Багдадской миссии Константина.

856, 20 ноября — убийство в Константинополе логофета Феоктиста.

856 — императрица Феодора отстранена от регентства.

856—860 — пребывание Константина вместе с Мефодием в вифинском монастыре на горе Малый Олимп.

858, 25 декабря — Константинопольским патриархом становится Фотий.

858 — первое письменное упоминание Новгорода на Волхове.

860, июнь — поход русов на Царьград.

860, осень — начало зимы, морское путешествие Мефодия и Константина в Херсон Таврический.

861, 30 января — время обретения братьями мощей св. Климента, папы Римского, в окрестностях Херсона.

861, весна — миссия в Хазарию.

861 — смерть князя Прибины в сражении с Ростиславом Моравским. Блатенское славянское княжество возглавляет князь Коцел, сын Прибины.

862 — первые летописные упоминания русских городов Новгорода, Изборска, Белоозера, Ростова, Муром, Полоцка.

Посольство князя Ростислава Моравского в Константинополь (усл.).

Союзный договор между Людовиком Немецким и Борисом Болгарским, направленный против Моравии.

864 — начало Моравской миссии Константина и Мефодия (усл.).

- 864 — Болгарский хан Борис крестится по византийскому обряду и принимает христианское имя Михаил.
- 864, в августе король Людовик II Немецкий нападает на моравский град Девин и принуждает князя Ростислава к принятию вассальных отношений.
- 866 — Болгарский князь Борис обращается к папе римскому и Людовику Немецкому с просьбой о присылке немецкого духовенства.
- 867 — после свержения Михаила III константинопольский трон занимает Василий Македонянин; на патриаршеский престол возвращен Игнатий. Отстранение патриарха Фотия и его ссылка.
- 867, 13 ноября — кончина папы римского Николая I.
- 867, 14 декабря — вступление на престол папы римского Адриана II.
- 868, начало года — торжественные славянские богослужения в Риме.
- В конце декабря — монашеское пострижение Константина с новым именем Кирилл.
- 869, 14 февраля — кончина в Риме Кирилла.
- 869 — после землетрясения частично обрушился купол Айя-Софии в Константинополе.
- 870 — в конце весны Мефодий подвергается аресту и проводит заключение в одном из баварских монастырей. Зальцбургский архиепископ устраивает суд над Мефодием.
- 870, ноябрь — суд в Баварии над князем Ростиславом. Смертная казнь заменена ослеплением.
- 871 — народное восстание в Моравии против господства немцев.
- 873 — освобождение Мефодия из тюрьмы.
- 874 — Святополк предпринимает успешные воинские акции против языческих славянских князей к востоку и северу от Моравии.
- Крещение чешского князя Борживоя.
- 878 — после кончины Игнатия патриархом в Константинополе снова становится Фотий.
- 879 — Мефодий вызван в Рим для разбирательства обвинений против него, выдвинутых швабским священником Вихингом.
- 880 — весной этого года Мефодий прибыл в Рим.
- В июне папа Иоанн VIII шлет письмо князю Святополку.
- 881, 23 марта — письмо Иоанна VIII Мефодию с подтверждением его архиепископских полномочий.
- 882 — приблизительное время поездки Мефодия в Константинополь.
- 885, 6 апреля — кончина архиепископа Мефодия.
- 885, в декабре папа римский Стефан V отправляет князю Святополку письмо, в котором запрещает служить литургию на славянском языке.
- 886 — разгром Кирилло-Мефодиевской миссии в Великоморавском княжестве, арест и продажа в рабство их учеников.
- 893 — Болгарское государство возглавляет князь Симеон.
- 910, 23 декабря — кончина Наума Охридского.
- 916, 27 июля — кончина епископа Климента в Охридском монастыре.

Виктор ЛИХОНОСОВ

СВЕТ ДОБРА

Виктор Иванович Лихонос — родился в 1936 г. на ст. Топки Кемеровской обл. Окончил Краснодарский государственный педагогический институт. Работал учителем. Автор многих книг прозы. Лауреат премии СП СССР и Государственной премии РФ. Член Высшего творческого совета при правлении СП России. Почетный гражданин города Краснодара. Гл. редактор журнала «Родная Кубань». **Живет в Краснодаре.**

«Троицкий храм в 1930-е годы использовался для содержания скота. В задней части нижнего, пещерного храма были устроены загоны для молодняка; в средней части — загон для овец на ночь. Правда, содержали овец в храме недолго: с животных стала «сходить шерсть», и их пришлось перевести в другое помещение. В верхнем храме в это время содержались лошади...»

Я возвращался с Пасхальной ярмарки на трамвае № 8 и читал на заднем сиденье листочки «Задонского паломника». На коленях у меня тяжело лежала сумка с книгами, которые я купил в лавке Задонского монастыря. Я вез книги домой и радовался, что весь вечер буду опробовать покупку, а потом уж, потихоньку растягивая, читать. «Серафимо-Дивеевские предания», «Задонский патерик», «Печерский патерик», «Святитель Тихон Задонский в воспоминаниях келейников» — для памяти душевной о прошлогодней поездке в Задонск и о Тамани преподобного Никона. А ради покойной матери моей купил «Антония, святителя Воронежского», «С крестом и Евангелием». Растратил все деньги на иерусалимские и афонские крестики, маслица, четки, открытки, на оливковое масло и кагор и вдруг в московской лавке «Добрые книжки» наскочил на чугунный том (в тысячу триста страниц) архиепископа Никона (Рождественского) «Козни врагов наших сокруши...». Господи, пошли кого-нибудь знакомого, займу и куплю, а то нынче в два часа ярмарка закроется и уедет. Но никого уже нет, последний день, все насытились, ушли. Но Господь подослал мне паломника на Святую землю, приспевшего оттуда на днях. Столько нечитанных православных книг!

Зачем читать газеты и всякий светский беллетристический сор, зачем знать о суетливом, ненужном? Ехал, не замечал остановок.

«Что же касается чтимых мощей блаженного Иоанна, то еще в первые послереволюционные годы насельницы монастыря, обеспокоенные сохранением честных останков подвижника, перевезли их в село Мечнянке Ефремовского уезда Тульской губернии, где и было произведено перезахоронение в часовне около Свято-Никольского храма.

Но как раз тут и было потревожено место упокоения блаженного. После 1920 года могила чудотворца была разрыта местными активистами.

Сообщается, что, когда гроб вскрыли, в нем обнаружили нетленное тело затворника Иоанна, неизменными сохранились одежда и обувь. И тогда для подтверждения давности захоронения был вызван врач... По преданию, когда врач захотел тряхнуть тело в надежде, что оно рассыплется, рука затворника неожиданно коснулась руки доктора, отчего волосы на голове того мгновенно поседели, и он отказался от дальнейшего обследования. А когда один из гробокопателей попытался взять у Иоанна крест из руки, то был остановлен. И тогда тело затворника было захоронено на прежнем месте. В расплату за содеянное все гробокопатели погибли».

Я проехал мимо своей остановки.

Нынче много православных книг в киосках при храмах, есть замечательный магазин православных изданий «Кладезь»; иконки, календари, освященные на святых мощах крестики и маслице легко заполучить там же. Но на выставке меня радовало сошествие в один уголок рукотворных православных даров с необъятных наших просторов, со Святой земли, с горы Афон, из монастырей Поволжья, Суздаля, Украины. И толчея на выставке не была обычно-базарной, а какой-то затаенно-родной, и тихое счастье приобрести крестик, освященный кагор или четки «Слезы Божией Матери» было еще в том, что все это подает тебе белобородый монах со Святой легендарной горы Афон. Чудотворная икона Святого великомученика Цесаревича Алексия, к которой клонились многие посетители выставки, исцелила недавно больного отрока от страшной болезни — гемофилии, которой страдал при жизни и Цесаревич. У мальчика, как только он приложился к иконе, просиял потемневший нательный крестик.

Вера в Бога соединяет русских людей в вере в историческое воскрешение родной земли. После гонений, напастей и разлада Русь собирается.

Но что же это опять не было заметно «возрождающегося казачества»?

СВЕТ ДОБРА

Мы не хотим и не умеем толково и выразительно вспоминать замечательные деяния земляков ушедших времен.

Утрата примеров патриархального местного патриотизма, гражданской нравственности и милосердия, благотворительных стараний и забот на пользу обиженным жизнью, бедным, а также на пользу общественного блага повлекла поздние поколения (и наше, «демократическое», тем более) к полной потере представлений о том, «как жили» православными традициями на Кубани и на Руси. Вместо торговых и театральных плакатов развесить бы и расклеить и укрепить в табличках напоминания о благородных следах в городе Екатеринодаре, о достойных казачьих именах и названиях

обществ; вместо пустых, едко пахнувших туристических реклам выпускать бы путеводители другого рода (путеводители по бывшей нравственной родной тропе) и вместо графоманских книг и сухих казенных брошюрки размножить чудесную статью великого историка В. О. Ключевского «Добрые люди Древней Руси».

Мы вспоминаем имена (одни и те же) на административных и ученых конференциях, вспоминаем просто так, без души и размышления, а добросовестные историки и архивариусы знают, что на самом деле мы **забыли** всех и, даже пытаясь что-то и кого-то вернуть, ничего и никого не можем вернуть «как живых», потому что, имея кое-какие способности (иногда большие) и стремления к дотошным знаниям, не имеем самого дорогого — родства к тому, что пишем, о чем и о ком вспоминаем.

Все сказанное верно в отношении памяти о благотворительных обществах в Екатеринодаре.

Кого помним?

Никого.

Известны ли кому-нибудь (кроме двух-трех краеведов) Председательница Женского благотворительного общества графиня Елена Сергеевна Сумарокова-Эльстон и ее заместитель Дарья Федотьевна Бабыч? Вместе с другими дамами состояли они в Обществе, которому покровительствовала сама Ея Величество Государыня Императрица Мария Александровна (супруга Государя Александра II). Жили они в 60-е годы XIX века. Их могли бы застать в Екатеринодаре и Пушкин, и Лермонтов, и Грибоедов, если бы не погибли так рано. После первого трехлетия Общество переизбиралось «согласно 12-му и 13-му параграфам высочайше утвержденного устава этого Общества».

В старину в отчетах не умели так лгать и приукрашивать серьезные дела, как нынче. Потому веришь в то, что сообщала газета «Кубанские областные ведомости».

«Выборы не дллись. Пользы, принесенные нынешним Правлением Общества краю в деле образования молодого женского поколения, так велики и так осязательны, что особы, призванные к участию в выборах, единогласно обратили свои просьбы к Председательнице правления, дамам-помощницам о принятии ими своих званий и в предстоящем трехлетии».

Графиня Е. С. Сумарокова-Эльстон была супругой Наказного атамана (1863–1866), а ее помощница, вице-председатель, — супругой знаменитого генерала, героя Кавказской войны, П. Д. Бабыча, сын которого Михаил Павлович станет Наказным атаманом и погибнет под Пятигорском в 1918 году от злодейских рук красноармейцев.

Нужно ли все это знать? Нужно ли знать о благотворительных душах из дворянских родов, о купцах и приказчиках, офицерах и казаках, жертвовавших в пользу бедных или нуждающихся в образовании? Нужно ли это знать правителям города и края, депутатам Законодательного собрания, сенаторам от Кубани, атаману Кубанского казачьего войска, председательнице краевых профсоюзов, молчаливо взвращающей на уничтожение последних заводов ради торговых и развлекательных центров, на изгнание с заводов рабочих, нужно ли знать дамам из департамента народного образования, доцентам и профессорам истории, журналистам, писателям и прочим?

Благотворительность старого времени была освящена православной традицией, заповедями Божиими, помазывалась церковным благословением.

Читайте «Добрые люди Древней Руси» В. О. Ключевского. Сочинение это писала сама душа, и читать его без сочувствия невозможно.

«Целительная сила милостыни, — писал Ключевский сто лет назад, — полагалась не столько в том, чтобы утереть слезы страждущему, уделяя ему часть своего имущества, сколько в том, чтобы, смотря на его слезы и страдания, самому пострадать с ним, пережить то чувство, которое называется человеколюбием. Древнерусский благотворитель, “христолюбец”, менее помышлял о том, чтобы добрым делом поднять общий уровень общественного благосостояния, чем о том, чтобы возвысить уровень собственного духовного совершенствования. Когда встречались две древнерусские руки, одна с просьбой Христа ради, другая с подаванием во имя Христово, трудно было сказать, которая из них больше подавала милостыни другой: нужда одной и помощь другой сливались во взаимодействии братской любви обеих. Вот почему Древняя Русь понимала и ценила только личную, непосредственную благотворительность, милостыню, подаваемую из руки в руку, при том “отай”, тайком не только от постороннего глаза, но и от собственной “шуйцы”. Нищий был для благотворителя лучший богомолец, молитвенный ходатай, душевный благодетель. “В рай входят святой милостыней, — говорили в старину, — нищий богатым питается, а богатый нищего молитвой спасается”».

Благотворительность рождена доброй душой и ею поддерживается во всякий час деяния, во все сроки. Воспоминания о людях, чуткое поднесение фамилий к сведению позднего племени, строки обращений (и даже информации) и порою даже то, что между строк, дают чувству нашему пульсирующие благие толчки, нервно трогают нашу совесть.

Все вековое наследие благотворительности утрачено.

Прежние сведения о благотворительности, интересные и необозримые, покоятся в газетах и на листах в архиве.

1865 год! Как далеко от наших дней.

В «Кубанских областных ведомостях» целая полоса возвещает о вырубке денежного сбора в пользу женских школ «по Кубанскому войску». Весь тон сообщений, стиль речи — домашний, теплый, доверительный. Выручка «за каких-нибудь четыре вечера» 405 рублей серебром.

«Будут ли у нас еще литературные вечера с благотворительной целью для женских училищ, не знаем, а следовало бы продолжить, и в таком случае не мешало бы придать им характер более семейный.

Литературные вечера в Екатеринодаре — крутое явление, их никогда не бывало в нем».

Верили в свою миссию помощи, потому писали статьи с длинными заголовками: «Как велики могут быть пользы для народного образования в Кубанском войске от разумной деятельности наших благотворительных обществ». В ту первобытную пору обитания на новом месте казаков все надо было приводить в порядок и всему помогать. Женское общество не только собирало деньги на поддержку уже готовых школ, но и открывало новые: в станицах Полтавской, Уманской, Отрадной, способствовало своей активностью общему развитию женского образования. Они рассуждали так: «Школы женские на первый раз имеют возможность комплектоваться по крайней

мере дочерьми бедных чиновников. Чиновники прежде других сословий станут посылать своих дочерей в школу, и, глядя на них, разохотятся и простолюдины-казаки». Надо учесть, что тогда еще не было обязательного образования («чего його учить, нехай дома сыдыть»), и желание «высшего класса» выучить простолюдинов достойно похвалы. «Будем надеяться, — писали дамы, — что время, иной строй жизни общественной перевоспитают дух наших казаков при внимательных заботах об этом со стороны Войскового начальства». Старание к переменам, идейное понимание государственной важности в образовании народа, женская казачья настойчивость поразительны для камышового захолустья. «Конечно, высшему чиновному классу надо показывать пример. Если этот класс не подаст дружеской руки сочувствия меньшим нашим братьям — низшему классу — в делах общепользных учреждений, если он не принизится, не сольется с простонародьем в общественных интересах, то гражданское преуспеяние нашего края затянется надолго».

Значит, не все дело в деньгах и цель благотворительности — не только сбор пожертвований. Полное соучастие во всем — вот с какими утешениями и задачами принимались за дело благотворители времен наказного царствования графа Сумарокова-Эльстона.

Участвуют ли нынче в благотворительных обществах господа начальники, а особенно супруги высших руководителей Кубани, городов и станиц? И где эти общества? В 1865 году Наказный атаман Кубанского казачьего войска граф Сумароков-Эльстон соизволил войти в члены Екатеринодарского благотворительного общества и вместе с супругой постоянно вносил в кассу приличные денежки. Этот же высокочтимый родовитый начальник (граф) был вице-президентом Екатеринодарского Войскового Попечительного общества о тюрьмах, «помогавшего улучшить быт содержащихся под стражей»; желающие приглашались споспешествовать приношениями: наличными деньгами, «но также съестными припасами, платьем и проч.».

Наместник на Кавказе Великий князь Михаил Николаевич утверждал Устав Екатеринодарского благотворительного общества. В государственном банке заводилась уставная сумма (не менее 10 000 рублей), капитал, «проценты с которого общество свято завещает своим последователям расходовать согласно целям общества. Звание «члена общества» может быть присвоено лицам всех без различия сословий, вносящих в кассу общества ежегодно не менее 10 рублей серебром. А званием **благотворителя** общества «пользуется всякое лицо, к какому бы сословию оно ни принадлежало, вносящее в кассу единовременно 100 рублей или в течение четырех лет сряду по 30 рублей в год». Деньги немалые, если учесть тогдашние цены на рынке. Заглянем в таксу на съестные припасы. Пшеничная мука 2-го сорта — 2,5 коп. за фунт, печеный хлеб 1-го сорта — 6 коп. за фунт.

Кто не скупился, сочувствовал, тот приносил жертву по несколько раз в год (по случаю государственных и церковных праздников, например). В газетах легко проследить, кто каким щедрым был. Сколько знаковых казачьих фамилий! Вот вспомоществование учащимся в 1886 году: Ф. И. Леонова (20 рублей), Л. Н. Кухаренко (10 рублей), Е. Н. Малама (10 рублей), В. И. Стратонов (5 рублей), Я. А. Мордмилович (3 рубля), И. С. Нордега (3 рубля), протоиерей И. Эрастов (3 рубля), Е. А. Калери (5 рублей), Е. М. Соломко (5 рублей), Г. П. Бабыч (3 рубля), князь

М. А. Дондуков-Корсаков (3 рубля), княгиня М. П. Дондукова-Корсакова (3 рубля), Н. А. Даркин (10 рублей). С трудом прерываюсь, жалко их всех бросить, не упомянуть — быть может, им аукнется там, в царстве небесном. Вот к Святой Пасхе «взамен обычных визитов» екатеринодарцы жертвуют «в пользу бедным жителям»: Д. Н. Сквориков, отец будущего городского головы (3 рубля), П. Кияшко (3 рубля), В. Вареник (1 рубль), В. Климов (3 рубля), Ст. Эрастов (1 рубль), С. Х. Слабизион (1 рубль), Н. Н. Канивецкий (1 рубль), А. В. Соляник-Краса (2 рубля).

Память о благотворителях сохранилась только в газетах и в архивных «делах». Еще в 70-е годы прошлого века, когда я писал роман о Екатеринодаре и ходил по дворам с тетрадкой, старожилы «помнили всех». Все они умерли, поразъехались после Гражданской войны кто куда, и печалились о них только окна особняков, в которых они жили и порою собирались во имя милосердия (у Е. А. Бурсак, у Е. А. Калери). Нынче разгулялась по городу нелепая реконструкция, и особняки (памятники екатеринодарской жизни) исчезают один за другим. А кто где жил, можно узнать из списка Правления кубанского общества братской помощи воинам. Историк, прилежный краевед, теплый любитель родной старины (учитель или бухгалтер — таких уж мало), случайно увидев их фамилии в газете 1915 года, может с поклоном сказать тайно или вслух: «Здравствуйтесь, мои дорогие. Вот где вы жили...».

Софья Иосифовна Бабыч	— Дворец Наказного атамана.
Елизавета Афанасьевна Калери	— Рашпилевская, 20.
Константин Порфирьевич Гаденко	— Медведовская, 23.
Вера Ивановна Лебедева	— Почтовая, 5.
Любовь Николаевна Глинская	— Медведовская, 97.
Мария Кузьминична Лозинская	— Ростовская улица.
Мария Георгиевна Пужай	— Крепостная, 20.
Анна Ивановна Камьянская	— Крепостная, 8.
Александра Николаевна Шапарева	— Посполитакинская, 91.
Вера Тимофеевна Черник	— угол Красной и Базарной.
Зинаида Павловна Корсун	— Штабная, 16.

Все писалось с домашней, давно пропавшей (в этом же городе) откровенностью. По этим простым сообщениям легко почувствовать, как люди жили когда-то.

«Попечительский совет об-ва “Ясли” сердечно благодарит Е. А. Бурсак за пожертвованные ею 100 рублей в пользу детей приюта и просит принять ее звание пожизненно действительного члена об-ва “Ясли”».

«Дамский кружок по изготовлению теплого платья для воинов (вагон отправили — на 1000 человек) сопровождает председательница городского приюта для детей запасных Александра Ивановна Толстопят. Г-жа Толстопят намерена, если явится возможность, доставить вещи лично на передовые позиции и раздать их там».

«От Наказного атамана Бабыча М. П. 300 рублей для детей городского приюта».

Слышал ли кто-нибудь из... (не обывателей, нет, из профессоров истории) фамилии кубанских дворян? Вот они жертвуют в 1915 году воинам на турецкий фронт.

С. П. Бурсак (предводитель Ставропольского и Кубанского дворянства) — 1000 рублей. Будет зверски убит красными в 1918 году под Горячим Ключом.

Е. А. Вербицкая	— 500 руб.
Барон П. Л. Штейнгель	— 500 руб.
В. П. Штейнгель	— 1250 руб.
Л. В. Штейнгель	— 200 руб.

В эти дни на рынке гусь стоил 90 копеек, куры — 45–50 коп., индюки — 1 р. 40 коп., поросята — 1 р. 50 коп., молоко — 30 коп. за четверть.

Е. А. Бурсак отправила в действующую армию теплых вещей на 60 человек: куртки, бурки, шарфы. Кроме того — чай, сахар, папиросы, мыло, можжевеловое масло от насекомых.

От знаменитого И. Н. Дицмана (не раз избирался городским головой) поступило 25 пудов муки. К Светлому празднику Пасхи от пекаря Киор-Оглы — 2 пуда пасок.

Так жили.

В царской России благотворительные жесты не были вынужденным моральным и хитроумным откупом, как зачастую нынче. Так Господь Бог воодушевлял; так сама душа отзывалась. Сочувствие уносилось порою далеко. Читали ли вы что-нибудь о помощи боснийским сербам в мгновение страшного покушения на них всей «цивилизованной Европы», можете ли припомнить, что русское общество демократической России сострадало сербам, угнетаемым албанцами (опять же при молчаливом согласии «цивилизованной Европы»). А в старой России не забывали о несчастных, пострадавших где-то на острове Сицилия, и в каком-то неизвестном миру Екатеринодаре устроили концерт-бал во 2-м общественном собрании, из музыкального магазина греков бр. Сарантиди перевезли рояль фабрики Мюльбах, играл военный оркестр, танцевали, развели летучую почту, и местные дамы: Ю. Соломко, В. фон Кавер, В. Ширинская — пели и услаждали гостей сонатами — все ради того, чтобы собрать денежку и отослать золотым рублем (не то что сейчас) в адрес бедствия. Нынче же только от всего государства взлетает самолет МЧС с продовольствием и материалами. Мы, граждане, сидим у телевизора и слушаем (порою недовольно).

Газеты того времени пестрят сообщениями такого рода: «...в пользу убежища для бесприютных детей состоится вечер с правом входа в обыкновенном платье. В БЕСПРОИГРЫШНОЙ ЛОТЕРЕЕ РАЗЫГРЫВАЮТСЯ 130 предметов всевозможных плетений из корзиночной мастерской убежища, 100 серебряных и золотых вещей».

Царское правительство не оставляло без внимания и государственной благодарности жертвенное поведение граждан.

«Награждается орденом св. Анны 2-й степени почетный член попечительства кубанского войскового приюта для девиц Батыр-Бек-Шарданов».

«От Государя Императора золотая медаль на Анненской ленте членам Попечительского совета Кубанской общины Любови Глинской, Зинаиде Дон-Дудиной, Александре Майгур».

Нет памяти об этом. Нету такой привычки — беспокоиться «всем миром» даже о беспризорных детях (а их не менее 7 миллионов).

Олигарх, присвоивший народный завод, приглашает («выписывает») из-за границы известного английского певца к себе домой на свой день рождения и «отстегирует» ему, пропевшему несколько песен, 3 миллиона (!) долларов, а летом и на Новый год прогуливает «бабки» с семьей в Европе, и только за то, что от его благотворительного фонда отламываются кусочки студентам и проч., газеты взхлеб расписывают о его... великой щедрости. Странными стали в России порядки милосердия. И нет к таким «благотельцам» ни капли уважения. Это не то, что подарок есаула Е. Д. Фелицына: пожертвовал библиотеке «15 названий в 18 книгах и 2 названия в 24 книгах периодических изданий». Передавал как родным, накопил трудами своими, любовью своей согрел казачью старину. И вслед за ним сотник И. В. Дубонос доставил «33 названия в 43 томах и 12 названий в 137 книгах периодических изданий».

Нынче печать как будто стыдится в домашнем стиле сообщать о жертвенных мгновениях. Народу стало много, нету ощущения общей единой семьи.

В пору смуты нужда в милосердных акциях усиливалась; просьбы о помощи звучат порою надрывно, а за благодарностью видится глубокий душевный поклон.

Гражданская война. Белые в Екатеринодаре. Много горя повсюду. Газеты «Великая Россия», «Утро юга», «Вольная Кубань», «Единая Русь», «Казачьи думы», «Станичник» и другие не перестают молить, от имени страждущих и увечных протягивать руку к «добрым русским людям» и оповещать о приношениях, зазывать объявлениями.

«8 февраля 1919 года в зале биографа “Монплеизир” состоится концерт в пользу “Комитета скорой помощи” членам Добровольческой армии (под председательством А. Н. Алексеевой). Певица Мария Дельмар исполнит романсы. Скрипач Петр Ильченко, совершивший турне с Шаляпиным в 1914 году по России и за границей, сыграет концерт Паганини».

Быть может, последние два-три месяца доживает век особняк на углу Карасунской и Посполитакинской (Октябрьской); его пока хитро обнесли зеленым жестяным забором, а во дворе уже высится самозванный небоскреб. Так в этом-то особняке и писала, видно, 19 марта 1919 года дочь убитого генерала Корнилова в газету «Утро юга»:

«Благодарю от души всех сотрудников по устройству благотворительного вечера в Зимнем театре 1 марта, а также артистов, принимавших участие в спектакле, и всех пожертвовавших деньгами и продуктами на подарки воинам к празднику Св. Пасхи...»

Наталья Лавровна Корнилова».

«Сестра милосердия желает ухаживать за тифозными больными.

ул. Северная 74, Грабенко».

«дек. 1918

...Пожертвования и подарки на Рождество для 1-й Кавказской казачьей дивизии принимает только супруга Начальника дивизии Татьяна Сергеевна Шкуро (ул. Крепостная, 2)».

«дек. 1918

“Чашка чая”

Председательница Л. Н. Глинская, А. А. Городецкая, А. В. Петина, С. В. Камьянская, Е. И. Яровая и секр. В. М. Зеленская».

«1919

Концерт в пользу “Белого креста”. Присутствовали М. В. Родзянко, А. Алексеева, граф Уваров».

«Открытое письмо А. Н. Алексеевой

Наши защитники, добровольцы, созидатели новой Единой России гибнут от недостатка белья. Тиф уносит тысячи жертв в страшных мучениях.

Я ежедневно вижу Вашу самоотверженную работу, я вижу сотни воинов, которые толпами осаждают Вашу маленькую контору в надежде получить помощь.

Хотя вижу и другое. Как мало сотрудников у Вас! Вы почти одиноки. Казалось бы, Ваше благородное дело должно было бы собрать около Вас десятки и сотни людей. Казалось бы, что к Вашему скромному подъезду должны были бы толпами подходить дамы-благотельницы, бойкие расторопные юноши, подъезжать десятки автомобилей с пожертвованиями, и все должно было бы кипеть кругом!

Но где же общество? Где оно?

С другой стороны, пройдите по Красной. Посмотрите на эти сытые скучающие лица, на публику в кафе, в театрах, на балах, на пожирателей пирожных!

И это те самые люди, которые с трепетом прислушивались к каждому пушечному выстрелу, когда приближалась Добровольческая армия, чувствовали, что вот-вот близко спасение от ужасного режима большевиков.

Спаслись! Даже платочками помахивали и цветы поднесли. Но вот... поуспокоились и... забыли.

Еще раз простите, глубокоуважаемая Анна Николаевна! Но кое-чему можно бы поучиться у большевиков.

Вы полагаете, что у них был возможен недостаток молока в лазаретах? Поверьте, ни одна молочница не смела появиться на базаре прежде, чем отвезет свою порцию в лазарет.

Пришли вы, добровольцы. В большинстве такие скромные, деликатные, самоотверженные. Вы, спасающие Россию!

и т. д. К. Гр.».

В Отечественную войну 1941–1945 годов жертвовали в помощь фронту. В мирные годы партия считала зазорным «выискивать нищих и малоимущих», социализм не терпел попрошайничества. И потихоньку-помаленьку сама идея старомодной вековой помощи и тем более оглашения (кому и от кого) иссякла, выветрилась.

А нынче стали попрошайками мы все: и тот, кому покушать с утра нечего, и кому заплатить нечем за ребенка в садик или в институт, и тот, кто клянчит полмиллиона на книгу. Иногда через газету ищут богатых, которые выкинут десятки или сотни тысяч долларов на спасение ребенка, нуждающегося в срочной дорогой операции. Но это редко бывает.

Традиционное христианское милосердие пока не возобновилось.

Царский ПУТЬ

**Маргарита
ДМИТРИЕВА**

МОНАРХ С ДУШОЙ ХУДОЖНИКА

Маргарита Анатольевна Дмитриева — родилась в Петербурге, окончила филологический факультет РГПУ имени Герцена, кандидат филологических наук, сценарист радиоканала «Малая Садовая», автор программ «Петербургское детство», «Старинная словесность», а также телесериала «Царская муза» (канал «Культура», 2008 год). Сфера исследовательских интересов посвящена культурным интересам семьи Романовых. **Живет в Санкт-Петербурге.**

ЕЩЕ РАЗ О ПАВЛЕ ПЕРВОМ

Восемнадцатый век в России завершался правлением таинственного и трагического монарха Павла Первого.

Монарх с амбициями художника заново творил историю, привлекая все известные ему искусства. Он стремился быть не только дворянским, но истинно народным царем. Для этого нужно было многое исправить — в прежнем, Екатерининском царстве. Всю жизнь до престола Павел провел на обочине государственной жизни, вдалеке от Петербурга, «числясь» генерал-адмиралом русского флота. Он превратился в какого-то мечтателя-демиурга, который росчерком пера уничтожал казнокрадство, отменял привилегии дворян, строил новую Россию. Прежде чем воспринять бразды правления и ввести в стране строжайшие реформы, он давно пережил их в своем воображении. Павел и сам ценил людей с фантазией, ведь его зрелые годы совпали с эпохой предромантизма. Он возвышенно относился к артистам, и даже иногда секретничал с ними.

В детстве Павел часто стоял у стола матери и смотрел, как она играет в карты. Екатерина с ним почти не разговаривала. Два-три дежурных слова. Он хотел ее внимания, капризничал, но вынужден был отправляться к себе, в свое одиночество.

Не слишком интересуясь сыном, Екатерина все-таки позаботилась о его образовании. Лучшие учителя и наставники преподавали ему искусства и науки. Среди них был действительный тайный советник Никита Панин, будущий Московский митрополит Платон, будущий президент Академии наук Г. Л. Николаи.

*Портрет Павла Первого.
Художник С. Щукин*

менах. Жизнь казалась ему таинственной. Он часто спрашивал своего воспитателя, офицера Семена Порошина, в чем состоит ее смысл и что с нами будет в конце времен.

Первая женитьба не принесла счастья наследнику — немецкая принцесса Вильгельмина, получившая в крещении имя Натальи Алексеевны, развлекала мужа маскарадом, фейерверками и очень любила театр. Как ей нравилось появляться в спектаклях вместе с Павлом и несколько раз переодеваться в течение спектакля!

Через три года после свадьбы Наталья Алексеевна умерла при родах. Говорили, что отцом ребенка был не Павел, а лучший друг Цесаревича граф Андрей Разумовский. Екатерина предоставила сыну переписку любовников. Удар был беспощаден. Павел окончательно убедился в том, что он приговорен быть участником некой тайной и великой трагедии, посланной ему свыше.

Очень быстро Екатерина приискала сыну новую избранницу, он увидел ее миниатюрный портрет, а так как был эстетически восприимчив, то чувства вновь вспыхнули в нем.

26 сентября 1776 года он женился вторым браком на другой прусской принцессе, Софии Доротее, окрещенной Марией Федоровной. Екатерина подарила им Павловск. Тактика была ясна: их удалили от двора и предложили вести почти деревенскую жизнь. «Нахожу в Павловске удовольствие свое, сие удовольствие ни с кем мы не делили, сие удовольствие ничем не приобрели», — меланхолично писал Павел.

Постепенно в Павловске, а затем в Гатчине, новом имении Павла Петровича, складывалась неспешная жизнь Малого двора, возникал круг единомышленников, любивших театр и музыку. Мария Федоровна обладала хорошо поставленным голосом, она эффектно исполняла небольшие арии, а Павел выразительно декламировал. Душой Павловских собраний был композитор Дмитрий Бортнянский. Он увлеченно сочинял легкую музыку для небольших комических пьес и опер, артистами в которых была дворцовая молодежь.

Павлу и Марии Федоровне предстояло вести жизнь супругов, воспроизводящих наследников трона. Их было десять — наследники — для запаса прочности отечественного престола и наследницы — для укрепления международных связей.

Тема «семейного очага» была главной во всех театрализованных праздниках Марии Федоровны, устраиваемых ею в Павловске. Однажды, по возвращении Павла из путешествия по России, на одной из аллей парка он встретил оркестр, состоявший из его жены и детей. Они были переодеты прекрасными поселянами и пели знаменитый квартал из оперы французского композитора Гретри «Люсиль»: «Нигде так не хорошо, как среди своей семьи».

В Павловске устраивались и так называемые шарады — живые картины. Зачастую показы проходили прямо на открытом воздухе. Все это было похоже на чудное видение, особенно когда летнее вечернее солнце неожиданно загоралось золотой каймой в листве деревьев и на полянах. В этих показах участвовал и декоратор Паоло Гонзаго, работавший над ландшафтами Павловского парка.

В Павловске Мария Федоровна хотела воскресить свою родину, свой прусский Этюп, имение, где она провела детство и юность. В 1785 году она сама сажала деревья около Павловского дворца, создавая «семейную рощу». Идиллические постройки Павловской резиденции — Шале, Вольер, Молочный домик, Храм дружбы — соответствовали пасторальному вкусу Марии Федоровны. По рисункам Марии Федоровны Чарльз Камерон декорировал и залы Большого дворца.

Павел все чаще задумывался о путешествии в Европу. Екатерине предстояли большие перемены в правительстве, и она решила отправить сына путешествовать, чтобы он в очередной раз не мешал ей...

Это был настоящий царский выезд, несмотря на то, что чета путешествовала инкогнито, под именем графа и графини Северных! Екатерина подарила сыну изящную печатку с изображением Полярной звезды. В Европе были наслышаны об интересе Марии и Павла к искусству. Им было показано все, что было украшением европейских городов. Павел не довольствовался этим и любил заглядывать на прогулках в антикварные лавки. Он был вторым после Петра Первого представителем Русского Царского двора, приехавшим в Европу.

В Венеции он купил коллекцию терракотовых эскизов, которой до сих пор гордится Эрмитаж.

По прибытии в Рим Павел и Мария Федоровна тотчас отправились в храм святого Петра, где сотворили молитву вместе с папой Пием VII. Они осматривали Рафаэлевые ложи, библиотеку и Пио-Климентийскую кунстка-

меру в Ватикане. В Венеции базилика Святого Марка вызвала восторженное восхищение Великого князя.

18 мая 1782 года чета въехала в Париж, на следующий день Павел уже побывал в Версале. Он присутствовал при параде рыцарей Святого духа, который привел его в неопиcуемый восторг. В честь гостей был дан концерт в салоне Мира. Для Павла было организовано чтение «Женитьбы Фигаро» Бомарше. Павел Петрович был доволен, как ребенок, ведь его принимали со всеми почестями наследника Великой Империи. Он наслаждался плодами европейской цивилизации, совершенно не изменяя своей любви к *русскому*. Он видел в Европе страну христианской истории, *святых чудес*, и живо воспринимал все, что ему открывалось.

* * *

Коронование Павла Петровича проходило в Кремле 16 апреля 1797 года. Придворные должны были явиться на церемонию в пять, а дамы в семь утра. Павел хотел, чтобы в его одеянии к традиционной пурпурной мантии был прибавлен далматик, одежда восточных государей, похожая на епископскую мантию. Он видел себя главой Православной Церкви, и сам хотел служить на коронации Божественную литургию, а также исповедовать свою семью и приближенных. Но Святейший Синод запретил Павлу совершать церковную службу. Павел согласился, и даже снял в алтаре шпагу, с которой никогда не расставался, по требованию митрополита.

Религия была важной сферой жизни Павла, его вдохновением и музой. В той комнате, где Павел стоял на коленях и бил поклоны, был истерт и ковер и сам паркет. Через несколько месяцев после коронавания он решил возглавить монашеский католический Мальтийский орден, целью которого — в прежние времена — была защита Гроба Господня от неверных.

Перед пылким воображением Императора рисовался образ рыцарского союза европейских государств в противовес новым идеям, исходившим из революционной Франции. Более того, он мечтал о первоначальном восстановлении Христианской Церкви в духе Православия. Это была главная страсть Императора последних лет его жизни.

В первые дни царствования Павла мгновенно изменилась общественная и культурная жизнь страны. Закрывались частные типографии, запрещалось ввозить книги из-за границы. Из Европы отзывались русские студенты. Но взамен иностранным университетам открылся свой университет, в Дерпте.

Культура в правление Павла приобретала как бы новую краску, неожиданную подсветку.

Ярчайшим событием становится публикация «Слова о полку Игореве», подготовленная к печати графом Мусиным-Пушкиным, на театральных подмостках разыгрывается множество *патриотических* пьес В. В. Капниста, В. А. Озерова, Я. Б. Княжнина.

Петербург становится одним из оперных центров Европы. Французская оперная труппа знакомит столичную публику с образцами французской классической музыки. Павел прививает русской культуре небывалые доселе рыцарские мотивы, о чем говорят, например, Мальтийская капелла и «мальтийский» декор загородных дворцов.

Много внимания уделяет Павел дальнейшему развитию Петербурга, учреждая Депо карт, где впервые подготавливаются топографические Атласы Санкт-Петербурга. Павел заказывает серию петербургских видов художнику Б. Патерсену, благодаря которым мы представляем, как выглядела столица в конце восемнадцатого века.

В Петергофе сооружается величественный каскад, украшенный золочеными статуями, среди них «Самсон, разрывающий пасть льва».

По инициативе Павла проводится академический конкурс на лучший проект Казанского собора, возведение которого было начато в 1800 году по проекту неизвестного тогда зодчего Воронихина.

Строительство дворцовой архитектуры дает толчок к появлению многочисленных произведений прикладного искусства. Для дворцов заказываются в Европе и России замечательные шпалеры, декоративные шелка, проектируется мебель, изделия из бронзы, фарфора, стекла. Все это носит отпечаток своеобразного «павловского» стиля, отличающегося большей пышностью по сравнению с суховатым классицизмом Екатерины II.

Главной постройкой павловского царствования становится Михайловский замок, рыцарская резиденция Императора. На него было потрачено более шести миллионов, сумма вполне приличная для проведения небольшой победоносной войны.

По легенде, часовому, стоявшему в карауле у Летнего дворца, в котором когда-то родился Павел, в глухую ночь «явился старец с сединами — вида важного и почтенного, и повелительным образом сказал, чтоб Павел велел на этом самом месте немедленно воздвигнуть храм». В этом старце будто бы узнали самого Архангела Михаила.

Солдат передал повеление — Император заявил, что Архангелу нужно повиноваться, и «что он сам уже получил внушение построить церковь и имеет план ее. На этом месте я родился, здесь хочу и умереть», — заключил Павел.

Мечта о сказочном замке с великолепной церковью заняла все его мысли. Царь участвовал в проектировании замка, создавал рисунки и чертежи.

Замок, как известно, был построен за сорок дней до гибели Павла. Вечером, во время ужина 11 марта 1801 года Императору преподнесли великолепный сервиз с изображением этого нового царского дома. Царь был в восхищении, целовал рисунки на фарфоре и говорил, что это один из счастливейших дней его жизни. В ночь на 12 марта он был убит дворянами-предателями в собственной спальне. След этого убийства тянется, как известно, в Англию, и об этом много уже известно.

Блаженный Император Павел (такое название получил он в народе) оставил после себя четырех сыновей, двое из которых — Александр и Николай ознаменовали новые, великие эпохи в истории Русской Славы.

Точка ЗРЕНИЯ

Вячеслав ГОРЕЛОВ

ПОПЫТКА ПРЕДУГАДАТЬ ПРОШЛОЕ

Вячеслав Николаевич Горелов — родился в 1959 г. в городе Армавире Краснодарского края. Окончил Ленинградский электротехнический институт им. В. И. Ульянова (Ленина). Кандидат физико-математических наук. Автор многих статей, посвященных проблемам русской истории и литературы. Член Попечительского совета крымского отделения «Литературной газеты». Лауреат севастопольского общегородского форума «Общественное признание». **Живет в Севастополе, Крым.**

Говорят, что Россия — это великая страна с непредсказуемым прошлым. Цель этого эссе состоит в том, чтобы сложить понятный автору, и в этом смысле предсказуемый, ход основных событий, обращенных от русского Исхода. К необходимости такого осмысления подвиг личный опыт — неоднократные встречи с Анастасией Александровной Ширинской, которая в ноябре 1920 г. восьмилетней девочкой вместе с родителями покинула Крым на кораблях императорского флота. К нашей первой встрече в 2005 г. она оставалась последней хранительницей памяти о русской военно-морской эмиграции, осевшей на севере Африки, в Тунисе.

Долгие часы нашего с Анастасией Александровной общения заставили задуматься о причинах революции, Гражданской войны и Исхода¹. Книг по этому поводу, «хороших и разных», написано много, концепции встречаются прелюбопытные. Например, совсем недавно очередным бестселлером разразился Николай Стариков. Делая крен в сторону модных конспирологических теорий, он призывает задуматься над тем, кто помог красным победить в Гражданской войне. Основной посыл читателю сформулирован уже в первой главе и выделен жирным шрифтом: «Уничтожение Российской Империи — это самая грандиозная операция британской разведки за всю ее историю». Далее, дабы сохранить

¹ Слова Гете «Об истории может судить лишь тот, кто пережил историю самолично» всецело относятся к Анастасии Ширинской. Ее книга о судьбах русских моряков на чужбине выдержала уже как минимум три издания. Например, 2-е издание: *Ширинская А. А.* Бизерта. Последняя стоянка. СПб., 2003. 344 с. Воспоминания А. Ширинской представлены в очерках «Русская Бизерта». См. История в подробностях. 2013. № 2. С. 72–79.

интригу, автор добавляет: «Это ее (британской разведки. — В. Г.) самый грандиозный успех. И... самый грандиозный провал»¹. Сформулированные категорические постулаты автор развивает, опираясь на данные интернет-порталов, а также на литературу и общеизвестные источники общим числом чуть менее сотни.

Однако, впитывая чужие идеи, нельзя забывать о том, чтобы выработать свою идею, пусть несовершенную, но доступную внутреннему взору. Попытаемся это сделать, опираясь на творения Бердяева, Данилевского, Шпенглера, Ильина и других авторов.

В 2010 году русский мир отмечал 90-летие Исхода.

Главным впечатлением от того, что было опубликовано и сказано по этому поводу, стало обилие впечатлений. Мы оказались верны нашим обычаям — одну крайность, ничтоже сумняшеся, заменили другой, от которой, скорее всего, обратимся в первую на новом витке ее развития, или найдем иную, новую. Было время — восхищались легендарными шестнадцатилетними комполка и вторили Булату Шалвовичу, который задушевно бариитонил про комиссаров в пыльных шлемах. Затем отреклись от них едва ли не в одночасье, вспомнили про поручика и корнета. Первый раздавал патроны, второй распоряжался остатками спиртного. «Поедание времени» случилось в точном соответствии с учением блаженного Августина, которое Николай Бердяев изложил коротко: «Будущее пожирает прошлое для того, чтобы потом превратиться в такое же прошлое, которое в свою очередь будет пожираемо последующим будущим»².

Иными словами, случившееся с нами более чем естественно: события 1917–1920 гг. были столь масштабны, а советская идеология была столь доминантной, что маятник не мог не качнуться в противоположную сторону. Катастрофические моменты истории «особенно благоприятны для построения философии истории»³ — революция и Гражданская война в России исключительно плодотворный для такого построения источник. Мы, наконец, признали: в противостоянии не было ни победителей, ни побежденных, — этот тезис стал заглавным для книги братьев Зарубиных⁴. На вопрос «Кто виноват?», признавая его неумным, опасным и наименее плодотворным, точнее точного ответил Иван Ильин: «...все виноваты — по-своему и на своем месте. По-своему правители, и по-своему подданные, по-своему соблазнитель, и по-своему соблазненные; по-своему волевые люди, и по-своему безвольные»⁵.

Итак, случилась великая русская трагедия, имевшая последствия, которых мы полностью не осознаем. Но пройдет еще несколько поколений и мы разберемся — через сотню или полторы сотни лет мы окажемся на

---

¹ *Стариков Н. В.* Ликвидация России. Кто помог красным победить в Гражданской войне? СПб., 2010. С. 6.

² *Бердяев Н.* Смысл истории. М., 1990. С. 55.

³ Там же. С. 6.

⁴ *Зарубин А. Г.* Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008. 728 с. Автор этого эссе, напротив, попытался опровергнуть общепринятую точку зрения на итоги гражданской войны в России. См.: Горелов В. Н. «Принадлежать великому русскому народу». Кто победил в гражданской войне? // Родная Ладога. 2013. № 1. С. 294–306.

⁵ *Ильин И.* Национальная Россия: наши задачи. М., 2011. С. 20, 22.

необходимом для этого расстоянии. Однако еще вчера важно было понять, что привело нас к трагедии. Понять — и сказать это немедленно. В мире, которому XX век сообщил невиданное ранее ускорение, все ступени истории — повествовательная, поучающая и генетическая — сплетены неразрывно¹. Если мы не осознаем эти причины сегодня — завтра это сделать нам уже не позволят, и осмыслением последствий займутся другие, явно не в нашу пользу². Запущенная извне и отработанная до мелочей квазиоранжевая революция, она же бархатная, тюльпанная или революция роз, руками благообразных навалых и удалцовых сметет страну с мировой арены, превращая русские просторы, политые кровью и потом наших предков, в «пассивный рынок для европейской жадности»³ и плантацию экологически чистых продуктов для «золотого миллиарда».

О том, сколь трепетно «любит» нас сей миллиард, поведал прозорливый Николай Данилевский, который заметил, что «вешатели, кинжалщики и поджигатели становятся героями, коль скоро их гнусные поступки обращены против России»⁴. Великий русский мыслитель и философ, впрочем, лишь переиначил слова, до него произнесенные Пушкиным: «...Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна»⁵. Явное пренебрежение русской историей и русским опытом прочитывается и в работе Шпенглера «Закат Западного мира» (она же «Закат Европы»). Автор упоминает об эллинах, римлянах, монголах, египтянах, германцах, франках, кельтах, парфянах, карфагенянах, китайцах, банту и даже берберах — но русский мир удостоился лишь нескольких сентенций. Например, как антипод западному миру: «Русскому мышлению категории мышления западного не менее чужды, чем этому последнему — категории китайского и греческого мышления»⁶. Воистину прав был Иван Ильин — у России нет в мире искренних доброжелателей, русский народ может надеяться только на себя⁷.

Главный вопрос, возникающий при осмыслении предтечи русского Исхода, звучит так: на какой период исторического развития мы должны

---

¹ Бернгейм Э. Введение в историческую науку. 2-е изд. М., 2011. С. 4–7. «История, излагающая события» названа здесь повествовательной во имя стилистического удобства. Трехступенчатому делению развития исторической науки Бернгейма созвучна периодизация исторического познания, определенная Н. Бердяевым. См.: Смысл истории. М., 1990. С. 5–7.

² Трудно не согласиться с авторами книги «Проект Россия»: «Хуже всего будет тем, за кого ответят другие». См.: Проект Россия. М., 2007. С. 23. Попутно отметим, что упомянутое осмысление уже началось де-факто. Так, например, именно попытки наших западноевропейских «партнеров» пересмотреть итоги Второй мировой войны вызвали появление работы Н. Нарочницкой «За что и с кем мы воевали».

³ Ильин И. Указ. соч. С. 153. Первой в XX веке хорошо срежиссированной «оранжевой» революцией проф. А. Казин считает февральские события в России. См.: Антиномии русского опыта // Родная Ладога. 2010. № 4. С. 93.

⁴ К аналогичным выводам приходит Иван Ильин. См.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 2011. С. 64; Ильин И. Национальная Россия: наши задачи. М., 2011. С. 70–72, 84–89, 102–110, 220 и др.

⁵ Цит. по: Казарин В. П. Битва за ясли Господни. Россия ли проиграла Восточную (Крымскую) войну 1853–1856 годов? // Восточная (Крымская) война 1853–1856 годов: новые материалы и новое осмысление: Материалы международной научной конференции. Т. 2. С. 3–15.

⁶ Шпенглер О. Закат Западного мира; Очерки морфологии мировой истории. М., 2010. С. 35. См. также с. 171, 177.

⁷ Ильин И. Указ. соч. С. 71.

оглянуться, чтобы рассмотреть роковую цепь логических непротиворечий, и почему именно на этот период, а не на иной другой?

За отправную точку нашего рассмотрения мы примем вторую половину XVIII столетия. Такой выбор может показаться безупречным, но он, тем не менее, основан на следующем.

Петровские преобразования — период столь неоднозначный и турбулентный, что требует самостоятельного и тщательного изучения. Он изучен — но устоявшиеся, общепринятые оценки его последствий вряд ли появятся. Так, например, Владимир Большаков полагает, что Петербург укоренил в Российской Империи иноземные традиции, воспитал и взрастил либеральную интеллигенцию и чиновничью бюрократию — главных разрушителей исторической России, сформировал культурный разрыв между европеизованным высшим классом и народной массой¹. Исследователям, которые восхваляют Петра-преобразователя, несть числа, перечислять их — задача историографическая и отдельная; автору этих строк наиболее близка точка зрения и формулировки Ивана Ильина². На фоне противников и сторонников есть и взвешенные позиции. Например, с точки зрения доктора философских наук, профессора Александра Казина «функциональные петровские преобразования <...> лишь модернизировали Россию, но не убили Святую Русь» и подтвердили смысл русской истории как Крестоношения³. «Спускать с русскими образцы», «сличать с русскими обычаями» — вот знаковые символы указаний Петра Великого.

Последующая за 1725 г. эпоха «дворских бурь» явила собой инерционное продолжение петровского импульса. Это отдохновение позволило государству не надорваться, обвыкнуться в новом, имперском, статусе.

В 1762 г. на российский престол пришла Catharina Secunda, продолжательница и преемница Petro Primo. Наступил один из периодов высшего взлета Империи, золотой век России. Неоспоримые успехи в обретении и укреплении территорий, в военном деле, науке и культуре, в ремеслах и искусстве наилучшим образом выразили слова екатерининского канцлера графа Безбородко: «Не знаю, как будет при вас, молодых, а при нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела». Лучший (и, видимо, справедливый) панегирик правлению.

Но законы диалектики неукротимы. В период наивысшего развития системы (любой системы!) в ней зарождается червоточина, приводящая к самоотрицанию и трагическому финалу. Именно такую точку и возьмем в качестве исходной⁴.

Червоточинной стала принятая Екатериной в 1785 году «Жалованная грамота дворянству», она же «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства». Закон на первый взгляд безобид-

¹ Большаков В. И. Грани русской цивилизации. М., 1999. С. 118.

² Ильин И. Указ. соч. С. 167, 168.

³ Казин А. Л. Указ. соч. С. 91.

⁴ Строго говоря, этот отсчет, равно как и любой иной, является условным и принят лишь для нашего рассмотрения. Освальд Шпенглер, например, подвергает критике схему «Древний мир — Средние века — Новое время», полагая ее в высшей степени сомнительной. Выражающая мышление западного человека, она может быть лишена смысла с точки зрения китайского историка. См. Шпенглер О. Закат Западного мира. М., 2010. С. 27–29.

ный и вполне обусловленный — просвещенному абсолютизму требовалось укрепить свою социальную опору. В числе прочего была в нем одна немаловажная деталь: закон подтверждал свободу дворян от несения обязательной государственной службы, провозглашенную в 1762 году Петром III в манифесте «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству». Провозглашенную во имя поддержки со стороны дворянской среды, но не спасшую Императора от гибели¹.

В этом манифесте, на первый взгляд, не было ничего деструктивного. У государства в наличии силы, престиж, успех, есть уверенность в настоящем и будущем — можно позволить государевым слугам отстроить поместья с красивыми дальновидностями, отдохнуть при распахнутых настежь окнах, балуясь ерофеичем под пение птиц и шум деревьев. Можно позволить — не вечно же (и не всем) геройствовать под пушечные раскаты, вдыхая кисло-сладкий запах сгоревшего пороха?

Впрочем, сей риторический вопрос-утверждение требует пояснения. Например, авторы работы «Сословное общество Российской империи» полагают, что манифест «О даровании вольности...» превратил гражданскую и военную службу из обязанности в почетное право, и считалось, что дворянство без принуждения будет стремиться к государственной службе². Более того, в ст. 20 «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» был положен предел дворянским свободам: «...Когда служба дворянства общему добру нужна и надобна, тогда всякой благородной дворянин обязан по первому позыву от Самодержавной власти не щадить ни труда, ни самага живота для службы государственной»³.

Вместе с тем под кажущейся безобидностью дворянских свобод и привилегий скрывалась их главная опасность: была заложена основа под разрушение государственного правопорядка. А такой правопорядок в русской (и не только русской) истории является ключевым.

Теория общественного договора, сиречь согласия на предмет того, как жить, уже была реализована и в Европе, и в России, но имела принципиально различное исполнение⁴. В отличие от коммунитарной, соборной российской конструкции, выстроенной на взаимосвязях между народом, дворянским сословием и самодержцем-правителем, западная модель шлифовала отношения между человеком, властью и обществом, устанавливая во главу угла индивидуума и провозглашая его благо высшей целью и власти, и общества. Можно долго обсуждать достоинства и недостатки разных моделей, памятуя о том, что всякое упрощение небезупречно, однако Россия

---

¹ Желчный, но неправдоподобный анекдот об истории написания манифеста приводит А. Романович-Славатинский. См.: Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Свод материала и приуготовительные этюды для исторического исследования. СПб., 1870. С. 191, 192.

² *Иванова Н. А.* Сословное общество Российской империи (XVIII — начало XX века). М., 2010. С. 105.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 22. № 16178. С. 348.

⁴ Например, по мнению А. Казина, на Западе гражданин и государство суть равноправные юридические лица. Россия же — не идиллия «общественного договора», но страна веры и верности (или их нарушения), в которой человек не столько независимый гражданин, сколько воин своего соборного церковно-государственного целого, дающий присягу на верность Отечеству. *Казин А. Л.* Указ. соч. С. 92. Аналогичную точку излагает И. Ильин. Указ. соч. С. 208.

многие годы следовала иному, простому (и оттого устойчивому) соотношению. Крестьянин служил дворянину, понимая, что тот исполняет свой долг перед государем, который, помазанник Божий, оберегает царство земное от внешних и внутренних врагов¹. Искажение этого соотношения, дисбаланс прав и взаимной ответственности в треугольнике «крестьянство, дворянство, самодержавие» разрывали драгоценные скрепы и несли России катастрофические последствия². Как полагает В. Большаков, «XVIII в. взрастил в дворянстве все те пороки, которые оно так и не смогло преодолеть»³.

К тому моменту, когда Император Павел I попытался существенно сузить права дворянского сословия, отменив основные статьи Жалованной грамоты дворянству, и приказал благородному сословию явиться в Военную коллегию для подтверждения своей службы, уже накопилось критически опасное число бездельников, сполна вкусивших сладкой жизни без сопутствующих этому обязательств. Вкусивших однажды — и не желающих расставаться с ней ни сейчас, ни в дальнейшем. Именно эта публика, подогретая британским послом лордом Уитвортом, у которого были свои причины устранить несговорчивого русского самодержца и, по совместительству, великого магистра Мальтийского ордена, ворвалась в опочивальню, и после отказа Императора подписать манифест об отречении решила вопрос «апоплексическим ударом табакеркой по голове»⁴.

Когда за окном осиротевшего Михайловского замка была холодная мартовская ночь 1801 года, над берегами далекой Сены уже расправили могучие крылья орлы Наполеона. Но через тринадцать лет победившая их Россия во всем величии вступит в Париж, и гвардия — мощная военная корпорация, познавшая как силу дворцовых переворотов, так и славу военной виктории, увидит мир, лишенный гнета и рабства⁵. Молодое лихачество, чувство эйфории, всемогущество и боль за Отечество произведут на свет Божий весьма горячую смесь. Помноженная на тезис «Человек от природы разумен и добр, дайте ему свободу, и все устроится само собой», эта

---

¹ Именно такое служение, видимо, имел в виду Николай Бердяев, высказывая следующую мысль: «Русские, в большей или меньшей степени, сознательно или бессознательно, — хилиасты» (приверженцы учения о наступлении тысячелетнего царства Божьего на земле). *Бердяев Н.* Русская идея. СПб., 2008. С. 240.

² Упомянутый здесь дисбаланс дал знать себя уже в годы правления Екатерины II. А. Романович-Славатинский ссылается на проф. Беляева, который видел прямую связь между манифестом 18 февраля 1762 г. и последовавшими за ним волнениями. Крестьяне, полагал Беляев, могли рассуждать так: царь освободил дворян от барщины в пользу государства, а крестьян должен освободить от барщины в пользу дворян. Но освобождения не последовало. Более того, 19 июня 1762 г. был издан манифест, который изъяснил непоколебимое намерение власти «помещиков при их именах ненарушимо сохранять, а крестьян в должном им повиновении держать». См.: *Романович-Славатинский А.* Указ. соч. С. 360; *Семевский В. И.* Волнения крепостных крестьян при Екатерине II. 1762–1789 // *Русская старина.* 1877. Т. 18. С. 193–226; ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 15. № 11577. С. 1046.

³ *Большаков В. И.* Указ. соч. С. 125.

⁴ *Оболенский Г. Л.* Император Павел I. М., 2001; *Карен д'Анкокс Э.* Русская беда: Эссе о политическом убийстве. 2-е изд. М., 2010. С. 169–220. Предательское убийство Павла I (и заговор декабристов) Иван Ильин назвал политическим выступлением русской интеллигенции, заложившим революционно-республиканскую традицию. См.: *Национальная Россия: наши задачи.* М., 2011. С. 43.

⁵ Подробно о роли гвардии в системе общественных отношений см.: *Болтунова Е. М.* Гвардия Петра Великого как военная корпорация. М., 2011. С. 174–249.

смесь породит тайные общества — и станет началом конца традиционной России и 300-летней династии.

Декабрь 1825 года, заснеженная Сенатская площадь, крики «Ура Константину Павловичу!» Благородство лучших людей Империи, очаровательный флер «Звезды пленительного счастья» и подвижничество жен, разделивших сибирскую ссылку вместе с мужьями (действительно вызывающее уважение и почтение!) — такова точка зрения советского режиссера и советских учителей словесности и истории в средней школе.

Но с точки зрения Государя на Сенатскую площадь вышли заговорщики и клятвопреступники, изменившие присяге во имя власти. Причем вышли не одни, они вывели и построили в невнятной каре ничего не подозревающих нижних чинов, объявив о том, что те якобы защищают права на престол истинного государя. Фактически, как сказали бы сейчас, солдат лейб-гвардии Московского полка использовали втемную. «Ребята! Московские шалят», — скажет Император Николай I, и, проявив незаурядное личное мужество, отвагу и выдержку, твердой рукой подавит бунт в течение короткого зимнего дня. 14 декабря 1825 г. Николай Павлович, как и Наполеон в исторический день 13 вандемьера, отдаст команду «Пушки вперед!»¹.

Да, намерения руководителей восстания были благими, в их числе разрешение крестьянского вопроса. Дарование свобод выглядело жестом романтическим и упоительно красивым². Но покровительница истории — дама строгая, одежды ее белоснежны, воля тверда, и судит она не по красивости намерений, а по достигнутому результату. А результат был таков: убитых 1271 человек, из них черни — 903. Были признаны виновными 280 офицеров, из которых 30 человек осуждены по первому разряду. Нижних чинов судили отдельно. Их, выполнявших приказ и, по сути, ни в чем неповинных, набралось около 25 тысяч. Разгром был полный.

Перечисленное — лишь сухие цифры. Не они, но стоящие за ними заговор и мятеж, планы заговорщиков, идеи и проекты напомнили о старинной шляхетской привычке вмешиваться в политику: сословие, достигшее исключительных сословных льгот, в дополнение к этому возжелало политических прав. Дворянство перестало быть надежной основой власти и русского правопорядка³. Потребовалась новая парадигма, концептуальная схема, опираясь на которую можно было выстраивать новые отношения в новой старой стране.

Лозунг был востребован — и он появился. Им стала триада «Православие. Самодержавие. Народность», предложенная графом Уваровым в докладе Императору о состоянии дел в Московском университете. На первый взгляд все выглядит благопристойно, кажется четким, ясным и основательным, ибо содержит в себе треножник как нечто необходимое для устойчивой политической системы. Но прочность эта обманчива, она улетучивается

¹ *Тарле Е. В.* Наполеон. М., 1957. С. 31.

² И, вместе с тем, предположительно опасным. Как полагает Иван Ильин, освобождение русского крестьянства без земли, как это проектировали декабристы, «пролетаризировало бы и ожесточило бы российское крестьянство и возобновило бы разиновщину и пугачевщину в невиданных еще размерах». См.: Национальная Россия: наши задачи. М., 2011. С. 43.

³ Такова точка зрения С. Ф. Платонова. См.: *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. СПб., 2013. С. 564.

при развернутом и непредвзятом прочтении: «Православный народ служит своему Государю». Народ в российском контексте того времени — это почти исключительно крестьянство. Возникает очень немного вопросов, но зато каких! Куда из вековой, проверенной войнами и природными катаклизмами конструкции исчезло дворянство, один из стержней? Как предполагала единственная в мировой истории северная Империя, сотканная из ближних и дальноконных земель, почти все из которых в зоне рискованного (точнее — критического) земледелия или вовсе непригодные к таковому, устоять всего-то на двух опорах?

Власть если и не понимала хрупкости новой конструкции, то ее чувствовала. Именно этим, видимо, объясняется ретивая настойчивость, с которой Николай I пестовал русских чиновников и бюрократов, призванных заменить вековое дворянское правление. Число их за неполные сорок лет выросло шестикратно.

Но столоначальники, вставшие между верховной властью и народом, и государственные мужи не суть синонимы. Цель чиновников мелкотравчата, ибо казна для многих — что шатущая корова, не доит ее ленивый. Язва лихоимства — одна из горьких проблем не только тогдашней, но и современной России, берущая истоки, впрочем, не в XIX столетии — много раньше (не в кормлении ли?¹).

Да, после Сенатской площади принимались законы в защиту русского дворянина. Но это были мероприятия ритуальные, Самодержавие в качестве стратегической политики приняло принцип всеословности и бессловности, поскольку осознало: опора только на дворянство обрекает Россию на стагнацию и отставание². Так бывшая ограда престолу все более стала смещаться к «асям», «первым любовям», «вешним водам» и прочим «дворянским гнездам». Гоняли по окрестным полям зайцев и перепелок, влюблялись в шляпки нарядных барышень, читавших красивые романы, болтали о вселенскости, пили чай с вареньем и французскими булками — и сибаритствовали, пополняя число «лишних» людей. Не все — но многие. Соответственно изменился и тип русской интеллигенции. Если в 1840-е гг. она была еще по преимуществу дворянской, то в 1860-е сделалась разночинной³.

Политическая участь дворянства была решена. Экономические же возможности были подорваны «Положениями 19 февраля 1861 года», где содержался на первый взгляд малоприметный, но важный нюанс: выкупная ссуда в размере 80 % стоимости капитализированного оброка выдавалась помещику за вычетом долга кредитным учреждениям (в случае, если имение было заложено)⁴. Таких имений было немало, и владельцы, неоднократно перезакладывая их (или, выражаясь современным языком, занимаясь рефинансированием), долги возвращать не собирались. В государстве, фи-

---

¹ Как полагает С. М. Соловьев, правительственные и судебные должности, раздаваемые в кормление, были следствием бедности государства и необходимости содержать огромное войско, чтобы защищать длинную пограничную линию и отбиваться от врагов. Предположение, что укоренившееся кормление переродилось в хроническое взяточничество — вопрос, выходящий за рамки нашего рассмотрения. *Соловьев С. М.* Чтения и рассказы по истории России. М., 1988. С. 628.

² Власть и реформы. От Самодержавной к Советской России. М., 2006. С. 290.

³ *Бердяев Н.* Русская идея. М., 2008. С. 141.

⁴ *Зайончковский П. А.* Отмена крепостного права в России. М., 1954. С. 128.

нансы которого были расстроены Крымской (Восточной) войной, это было явлением недопустимым.

Могла ли русская интеллигенция занять пустующее святое место¹? Если возьмем с полки «Жизнь Клима Самгина» Максима Горького и откроем любой том на любой странице, мы получим ответ на вопрос «Был ли мальчик?» (этот вопрос, видимо, можно добавить к числу «проклятых»). Мальчика не было, «совесть нации» умно, правильно, гуманно и бесконечно сострадательно рассуждала о слезинке одного ребенка. Однако потом, когда искупительной кровью Молоху было залито полстраны, вопрос о слезинке перестал быть актуальным. Мечтательная, мыслящая отвлеченно и уравнительно интеллигенция предреволюционного времени «промотала, проболтала, продешевила свою верность монархической России»². Если Смута начала XVII в. была послана нам «безумного молчания нашего ради», то Смута начала XX — ради бесплодного говорения. Сборник «Вехи», уникальный памятник покаянию и правдолюбию, за десятилетие до нового смутного времени все исчерпывающе изъяснил и исследовал: повторять — только портить. Но несколько идей все же следует оценить в контексте нашего построения.

Первая из них, высказанная Николаем Бердяевым — о том, что за свойственный интеллигенции низкий уровень философской культуры³, слабость самостоятельных умозрительных критериев и умертвленный инстинкт к истине, которая да сгинет, «если от гибели ее народу будет лучше житься, если люди будут счастливее; <...> если она стоит на пути заветного клича *долой самодержавие*» (курсив автора. — В. Г.) — за все эти роковые свойства должна ответить не только интеллигенция, но и историческая власть, калечившая русскую жизнь⁴. Это очень важное замечание — за состояние дел в стране отвечает, в том числе, властная элита.

Вторая — о героизме самообожения, выражающем, как полагает С. Н. Булгаков, основную сущность интеллигентского мировоззрения и идеала. Этот горячечный, «патентованный» героизм вызывает к поиску способа спасения человечества. Когда и если в качестве такого способа принимается одна из программ существующих политических партий, — а программные разногласия суть неустрашимые партийные раздоры, — интеллигенция расплывается на враждующие между собой фракции⁵. Жажда героического самоутверждения порождает не сотрудников, но опьяненных борьбой со-

---

¹ Этот вопрос в такой постановке звучит намеренно упрощенно. Он требует, прежде всего, ответа на вопрос «Какая интеллигенция?» Так, например, Иван Ильин упоминает о монархической интеллигенции, тайно-нелояльной интеллигенции, радикальной, левой. У Николая Бердяева встречаем понятие «интеллигентщина». См.: *Ильин И.* Указ. соч. С. 45; *Бердяев Н.* Философская истина и интеллигентская правда // *Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции.* СПб., 2011. С. 8, 9.

² *Ильин И.* Указ. соч. С. 46, 47.

³ Донеслось, догнало и опутало русскую интеллигенцию воззрение XVII столетия: «...Если спросят тебя, знаешь ли философию, отвечай: еллинских борзостей не текох, риторских астрономов не читах, с мудрыми философами не бывах, философию ниже очима видех, учуся книгам благодатного закона». Цит. по: *Ильин И.* Указ. соч. С. 167.

⁴ *Бердяев Н.* Философская истина... С. 18, 21.

⁵ «И это чувствуется тем острее, — добавляет С. Н. Булгаков, — чем выше поднимается температура героизма». См. *Героизм и подвижничество // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции.* М., 2011. С. 61–63.

перников, и благой мечтой о спасении всех и вся вымачивается дорога к отщепенству от государства и гибели отечества.

Не сыграла роль оберега и Православная Церковь. Лишенная Патриарха, управляемая Самодержцем через обер-прокурора Святейшего Синода и ставшая частью «регулярного государства»¹, она в февральское лихолетье мгновенно отступилась от него, выгадывая самоуправление и самоустраение. Новый Гермоген на русскую землю не снизошел — сего страстотерпца Господь даровал лишь единожды. Десакрализация высшей власти обернулась для Церкви неисчислимыми потерями в советские годы — но Церковь не любит вспоминать о собственных прегрешениях, которые привели ее к этим потерям².

Особую, почти мистическую роль в нашей истории сыграла русская литература и публицистика. Не удастся найти аналог, когда лучшие писательские и поэтические таланты воспитывали в читающей публике презрение к своему народу и государству. Как иначе объяснить творчество Радищева, Герцена, Белинского, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Достоевского? — названы только «звезды» первой или почти первой величины. Прикрываясь фразой «Я люблю Россию до боли сердечной», они описывали пьяненький, ничтожный, ни к чему негодный и ленивый народец, прозябающий либо в черных избах с дырявой крышей, либо в питерских подвалах и темных «колодцах», где что ни студент — то с топором за пазухой, которому «все позволено». Заметим попутно: это порождает сложнейший вопрос: как такой «народец» развернулся на одну шестую часть суши, обжился и закрепился на ней, успешно удерживая от многочисленных и яростных нашествий? Из каждых трех лет своей истории Россия, по подсчетам генерала Сухотина и историка Ключевского, воевала два³. Численность вооруженной силы во многих выигранных нами сражениях была один к трем или один к четырем не в нашу пользу, то есть один русский солдат, а это тот же самый «народец», стоил трех или четырех вражеских.

Пытаясь осмыслить особенности русского литературного творчества, Николай Бердяев заметил: «Вся великая русская литература, величайшее наше создание, которым мы можем гордиться перед Западом, — не ренессансная по духу своему. <...> Мы творили от горя и страдания; в основе нашей великой литературы лежала великая скорбь, жажда искупления грехов мира и спасения»⁴. Эту мысль, видимо, следует понимать так: талантливые русские сочинители полагали, что обличение порока будет способствовать его исправлению (а был ли иной способ привлечь внимание к язвам русской жизни?). Получилось, впрочем, ровно наоборот, и не только в самой России, но и в Европе, где, как отмечает Иван Ильин, есть «особая изда-

---

¹ Впрочем, на этот счет есть и иные точки зрения. Как полагает Николай Бердяев, «неверен распространенный взгляд, что Петр <...> поработил и ослабил Церковь. Вернее сказать, что церковная реформа Петра была уже результатом ослабления Церкви, невежества иерархов и потери ее нравственного авторитета». См.: *Бердяев Н.* Русская идея. М., 2008. С. 44.

² Например, автор монографии «Священство и царство» испытывал сложности в получении доступа в архив Московской Патриархии, где хранятся дела по истории церковно-государственных отношений в революционный период (из сообщения М. А. Бабкина на 896-м заседании Исторического кружка ИАИ).

³ Эти данные приводит Иван Ильин. Указ. соч. С. 93.

⁴ *Бердяев Н. А.* Смысл истории. М., 1990. С. 143.

тельская традиция: переводить из русской литературы все то, что русское перо создало в порядке самообличения и самобичевания, и замалчивать, не переводить того, что обнаруживает истинный Лик России»¹.

Рассуждения, подобные проделанным нами выше, можно провести в отношении русского промышленно-торгового класса, «безумные» (по Ильину) представители которых (Савва Морозов, Иван Сытин и другие) финансировали революционеров, и в отношении монархических партий, которые не смогли участвовать в реальной политике, ибо не осознали, что политика не делается ни словами, ни резолюциями, ни восторгами, ни поздравлениями².

И мы увидим: Династию в одночасье предали все — военные, церковные иерархи, интеллигенция, промышленники. Династию предала сама Династия: Великие князья в дни февральского разгуляя смешались с толпой, нацепив красные банты. Оттого возникает вопрос: нужно ли было сохранять такую Династию, представитель которой в роковые дни сдал Престол вопреки русским основным законам, которые вовсе не предусматривали отречения? Иван Ильин цитирует «легитимно-обоснованное и лаконически-точное» исследование сенатора Корево, который отмечает: «Отречение до занятия Престола считается возможным, но принципиально лишь тогда, когда засим не предстоит никакого затруднения в дальнейшем наследовании Престола и когда царствующий Государь разрешает и санкционирует такое отречение». То есть Николай II не только не имел права сам отречься от Престола — он не имел права передавать права на престол Великому князю Михаилу Александровичу, не обеспечив непрерывность законного престолонаследника. «С религиозной же точки зрения, — продолжает Ильин, — отречение Монарха Помазанника Божьего — является противоречащим акту Священного Его Коронования и Миропомазания»³.

Символично поведение Государя 2 и 3 марта. «Кругом трусость, обман и измена», — записал Государь в дневнике в день отречения. Но вот запись на следующий день: «Спал долго и крепко (курсив наш. — В. Г.), проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный. Говорил со своими о вчерашнем дне. Читал много о Юлии Цезаре». Один из приближенных Николая II так отозвался об отречении: «Отрекся, как командование эскадрой сдал»⁴. Даже Иван Ильин, верный монархическим традициям и историческим святыням России, счел необходимым дать оценку решениям Государя: «историческая правда должна быть выговорена — во имя будущего».

Итак, в 1917 г. «русское простонародное, а также и радикально-интеллигентское правосознание не были на высоте тех национально-державных задач, которые были возложены на него Богом и судьбою»⁵. Императорская Россия не нашла ответ на вызов истории — но ответ нашла Россия советская. Это вынужден был признать Николай Бердяев: «Старый режим сгнил и не имел приличных защитников. <...> Из официальной фразеологии

---

¹ Ильин И. Указ. соч. С. 60.

² Там же. С. 28, 56.

³ Там же. С. 48.

⁴ Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы / Под ред. Е. П. Щеголев. 2-е изд., доп. Л., 1927. С. 18.

⁵ Ильин И. Указ. соч. С. 151.

“православие, самодержавие, народность” исчезло реальное содержание, фразеология эта стала неискренней и лживой. <...> Русская революция пробудила и расковала огромные силы русского народа»¹. Других исторических сил, которые были бы способны возродить страну после либерально-революционного разгрома, не нашлось.

Мы попытались в общих чертах увидеть процессы, которые привели нас к Исходу 1920 года. Но в процессе предсказания нашей непредсказуемой истории возникли вопросы, на которые мы не смогли ответить. В этом нет трагедии: умы куда более искушенные пытались разгадать и тайну русской души, и тайну русской идеи². Кроме того, в философии главное — задать вопросы, а не получить ответы. Предполагая, что некоторые вопросы нами сформулированы верно (а потому каждый являет собой половину соответствующего ответа), мы можем считать, что наша задача — предугадать предысторию русского Исхода — наполовину исполнена.

Наконец, и это главное, Большая игра не окончена. Никому из ныне живущих неведомо, уж не червленый ли русский щит будет прибит над воротами Константинополя.

Список источников и литературы

Бабкин М. А. Священство и царство (Россия, начало XX в. — 1918 г.) Исследования и материалы. М.: Индрик, 2011. 920 с.

Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

Бердяев Н. Русская идея. СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2008. 320 с.

Бердяев Н. Судьба России. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. 333 с. (Философия. Психология).

Бернгейм Э. Введение в историческую науку: пер. с нем. В. А. Вейнштока; под ред. В. В. Битнера. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 72 с. (Академия фундаментальных исследований: история).

Болтунова Е. М. Гвардия Петра Великого как военная корпорация. М.: РГГУ, 2011. 349 с.

Большаков В. И. Грани русской цивилизации. М.: Москва, 1999. 384 с.

Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. СПб.: Азбука-Аттикус, Авалонь, 2011. 320 с.

Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2006. 734 с. (Архив).

Восточная (Крымская) война 1853—1856 годов: новые материалы и новое осмысление: Материалы международной научной конференции (Севастополь, 16—19 окт., 2003 г.). В 2-х т. Т. 2. Симферополь: Крымский Архив, 2005. 232 с.

Горелов В. Н. Русская Бизерта. История в подробностях. 2013. № 2. С. 72—79.

Горелов В. Н. «Принадлежать великому русскому народу». Кто победил в гражданской войне? // Родная Ладога. 2013. № 1. С. 294—306.

¹ *Бердяев Н.* Русская идея. СПб., 2008. С. 293, 295.

² Таковую Иван Ильин, например, выговорил так: русская идея есть идея живого, любящего, свободно созерцающего сердца, и произрастающая из этого новая русская культура воли, мысли и организации. См.: Указ. соч. С. 129, 133, 135.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Сост. и коммент. А. В. Белова, отв. ред. О. А. Платонов. 2-е изд. М.: Институт русской цивилизации; Благословение, 2011. 816 с.

Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М.: Госполитиздат, 1954. 301 с.

Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь: Антиква, 2008. 728 с.

Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII — начало XX века). Ин-т рос. истории. М.: Новый хронограф, 2010. 752 с.

Ильин И. Национальная Россия: наши задачи / Под ред. О. А. Платоновой. М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. 464 с. (Монархист).

Казин А. Л. Антиномии русского опыта // Родная Ладога. 2010. № 4. С. 91.

Карен д'Анкокс Э. Русская беда: Эссе о политическом убийстве: Пер. с фр. Л. Ю. Панфиной. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2010. 527 с.

Нарочницкая Н. А. За что и с кем мы воевали. М.: Минувшее, 2003. 80 с.

Оболенский Г. Л. Император Павел I. — М.: Русское слово, 2001. 384 с.

Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы / под ред. Е. П. Щеголев; вступ. ст. Л. Китаева, М. Кольцова. 2-е изд., доп. Л.: Красная газета, 1927. 213 с.

Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб.: ИП Дорофеев С. В., ООО «Виктория плюс», 2013. 608 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг.: В 45 т. / Под ред. М. М. Сперанского. [Электронный ресурс] Электрон. дан. 2009. Режим доступа: <http://runivers.ru/lib/book3130/>.

Проект Россия. М.: Эксмо, 2007. 384 с.

Проект Россия. Вторая книга. Выбор пути. М.: Эксмо, 2007. 448 с.

Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Свод материала и приуготовительные этюды для исторического исследования. СПб.: Тип. М-ва внутренних дел, 1870. С. 562.

Семевский В. И. Волнения крепостных крестьян при Екатерине II. 1762–1789 // Русская старина. 1877. Т. 18. С. 193–226.

Стариков Н. В. Ликвидация России. Кто помог красным победить в гражданской войне? СПб.: Питер, 2010. 384 с.

Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России / Сост. и вступ. статья С. С. Дмитриева. М.: Правда, 1988. 768 с.

Тарле Е. В. Наполеон. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 468 с.

Тойнби А. Дж. Постигание истории: Избранное: Пер. с англ. Е. Д. Жаркова, под ред. В. И. Уколовой, Д. Э. Харитоновича. М.: Айрис-пресс, 2010. 640 с. (Библиотека истории и культуры).

Ширинская А. А. Бизерга. Последняя стоянка. СПб.: Фонд содействия флоту «Отечество», 2003. 344 с.

Шпенглер О. Закат Западного мира; Очерки морфологии мировой истории. Полное издание в одном томе: пер. с нем. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2010. 1085 с.

Русские СУДЬБЫ

Галина КУЧИНА

ДНИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Мельбурн, Австралия

Галина Игнатьевна Кучина, урожденная Волегова — родилась в 1929 году в Маньчжурии, Китай. Отец — Игнатий Волегов — офицер Белой армии, пройдя всю Сибирь, включая Ледяной поход, оказался в Китае, где женился на дочери купца Антонова. Гимназию окончила в Хайларе, продолжала образование в Харбине. Активно занимается общественной деятельностью, возглавляет литературно-театральное общество им. В. Солоухина, многие годы проводит Дни Русской Культуры, организует камерные концерты. Автор книги «Минувшее развертывает свиток» (СПб., 2007). **В 1957 году вместе с семьей мужа и своими родителями переехала в Австралию в Мельбурн, где и проживает до настоящего времени.**

Прогрели выстрелы и залпы орудий страшной революции, заменив малиновый звон колоколов, разливающийся по матушке-России из сорока сороков храмов. Потоки крови оросили нашу русскую землю, и огромная волна людей была выплеснута из омута жесточайшей революции-переворота в разные концы света. Красный террор охватил всю страну. Белое движение героически сражалось с новой властью до последней капли крови и оказалось на чужбине, и даже там еще его герои не теряли надежды собрать силы и попытаться вернуть Россию. Но... увы!

Русский народ рассеялся по всему свету. Ледяной поход по озеру Байкал привел остатки Белой армии в Китай (Маньчжурию), многие ехали по железной дороге через Сибирь. Оказавшись за пределами России, разбитая Белая армия и поток людей, измученных тяготами отступления — холодом и болезнями, были приняты китайским правительством. Во время отступления многие переболели тифом, многие погибли.

Вот что пишет мой отец Игнатий Волегов, офицер Белой армии, в день, когда его полк, отходя в аррьергарде, приближался уже к границе Китая: «22 декабря 1922 года был для нас днем глубокой грусти. Этот день не забудет ни один человек из участников Дальневосточной армии, да и его нельзя забыть тому, кто хотя немного любит свою родину. В этот день только тот не показал своих слез, кто стыдился их и боялся показать свою слабость другим, а эта выдержка ложилась невыносимо тяжелым камнем на сердце, отчего у многих произошел «шок», оцепенение, что выражалось в молчании».

Народ из южной России и Украины ушел в Турцию, оттуда рассеялся в таких странах, как Болгария, Югославия, Чехословакия, Польша

и др. Из Эстонии, Литвы и Финляндии беженцы попали в Германию, Персию, Францию, в Аргентину и даже в Австралию. В общей сложности насчитывалось от одного до двух миллионов эмигрантов, покинувших свою родину. Но многие, а мои предки точно, не считали, что они уехали из России навсегда. Они надеялись вернуться, наивно рассчитывая на то, что большевистская власть сгинет. Но этого не случилось.

И вот, оставшись на чужбине, они стали создавать себе образ потерянной родины. Тоска по России, по русской культуре была невыносима. Уже в 1924 году в Риге русскими эмигрантами был поставлен концерт с названием «День русской культуры». Эти концерты, как светлячки на карте мира, стали вспыхивать в разных уголках мира, везде, где оказались русские люди в рассеянии. Так складывалась традиция празднования Дней русской культуры.

Страшным ударом для Русского Зарубежья оказалось зверское убийство Царской Семьи, ни в чем неповинных детей и верных слуг в июле 1918 года. Это явилось непоправимой, ничем невозместимой утратой для всего русского народа. Для русских же эмигрантов, вынужденных покинуть родину после революции, стало ясно, что это убийство предвещало начало гибели великой России, ее многовековой культуры, Святой Православной Церкви и всего лучшего, что в ней было создано и существовало. Захват власти безбожниками-большевиками в 1917 году и убийство Августейшей Семьи раз и навсегда определили будущность исхода русских людей из России и их дальнейшую судьбу в рассеянии. По сути это была политическая эмиграция, вернее духовная эмиграция, потому что принять и примириться с жестокими преследованиями Православной Церкви в лице ее служителей и верующих мирян и всего того, что было для них свято, эти люди не могли. Июльская трагедия 1918 года, где на глазах несчастных детей были расстреляны их Царственные родители, стала для русских людей символом потерянной родины, а этот день — День скорби всего Русского Зарубежья. Во всех уголках земного шара, где по воле судьбы оказались русские изгнанники, глубоко чтити этот день всеобщей скорби.

По приезде в Австралию «харбинцы» продолжали хранить Русскую культуру и священную историческую память о дореволюционной России. В больших городах Австралии, где селились русские, сейчас же строились православные храмы и помимо традиционных праздников каждый год отмечался День скорби. В этот траурный день по всему Русскому Зарубежью устанавливался строгий пост, в храмах служили панихиды по убиенным Царственным мученикам. После службы молящиеся собирались в залах или библиотеке при церкви, где читались доклады, посвященные событиям революционных лет в России и зверскому убийству Царской Семьи.

В течение многих десятилетий Зарубежная Русь отмечала День непримиримости к большевизму и советской власти. Это событие было унаследовано от Европейской эмиграции, и в Мельбурне оно зародилось в 1950-х годах. Проводились разные мероприятия, например доклады, концерты духовного песнопения. Последний День непримиримости состоялся 9 ноября 1997 года в Сиднее по инициативе Русского Исторического общества. На этом собрании был выражен протест по поводу постановления Б. Н. Ельцина, — считать 7 ноября праздником — Днем примирения и согласия. В отчете об этом собрании написано: «Трагедия России — наша общая боль,

и мы, и “старые” и “новые» русские эмигранты, должны понять, что у нас одна судьба, и мы все выходцы из России не можем согласиться с тем, что Россия поругана, обезличена, ограблена и стоит на коленях!»

Русские люди, неся тоску о потерянной родине, не хотели предать забвению Великую культуру, созданную многонациональной Россией. В 1927 году уже в двадцати странах мира отмечался День русской культуры, а в 1938 году в связи с празднованием 950-летия Крещения Руси, по всей зарубежной Руси, включая Австралию, были созданы Владимирские комитеты в честь основоположника русского Православия и Русской государственности святого равноапостольного князя Владимира. Концерты, выставки, доклады проводились к близкой дате, ко дню святого Владимира, который празднуется Церковью 28 июля.

Стоит сказать о великих людях искусства, которые дарили свой талант, выступая на этих концертах: С. Лифарь, Ф. Шаляпин, Анна Павлова, знаменитый художник Иван Билибин, который писал декорации для концертов, и много, много известных имен несли свои таланты на алтарь искусства. Читались доклады в переполненных залах Парижа, где выступали Мережковский, Гиппиус и многие другие литераторы. С. Лифарь проводил выставки. Торжества иногда продолжались много дней. Сведения о подобных концертах говорят нам, что они проводились в Риге, в Париже, в Сербии, в Харбине, и здесь, в этой благополучной стране Австралии, мы в течение многих лет отмечаем этот праздник, который объединяет всех, кто любит и ценит духовное, историческое и культурное наследие нашей Родины. Мы трепетно храним эту традицию до сегодняшних дней.

Я имела честь быть знакомой с замечательной женщиной Людмилой Филипповной Богдановой. Это была женщина высокой культуры. В ней не только уживались, но ярко проявлялись таланты гуманитарные и технические. Родом она была из Петербурга, где получила образование инженера-строителя, при этом прекрасно знала литературу, владела кистью и создала немало портретов и художественных произведений в карандаше и акварели. В Австралии, куда она попала с мужем с волной так называемых перемещенных лиц, стала преподавать в воскресной церковной школе с 1962 года вплоть до 1993 года. В рамках учебной программы она ставила два спектакля в год по произведениям русской классики. Декорации писал Александр Викторович Шмельц. Некоторые из этих декораций сохранились до сих пор. Людмилой Филипповной были поставлены «Сказка о царе Салтане», «Василиса Прекрасная», «Буратино», «Репка» и многие другие. Эти спектакли знакомили учеников с русской литературой через искусство. Вторым спектаклем всегда посвящен Дню русской культуры. Таким образом, она стала основоположницей празднования Дня русской культуры в Мельбурне (Австралия).

Я с семьей приехала в Австралию из Китая из Харбина в 1957 году, познакомилась с Людмилой Филипповной во время ее работы в школе и не пропускала ни одного концерта, посвященного Дню русской культуры, которые она проводила. Концерт она начинала с доклада. Темы докладов были: А. Н. Островский, А. С. Пушкин, А. А. Толстой, Владимир Красное Солнышко, Господин Великий Новгород, А. А. Ахматова, Мусорский и его время, 1000-летие Крещения Руси и др. После доклада была концертная программа. Выступали известные исполнители. Нередко видели на сцене

известную харбинскую балерину Нину Нездвецкую, в Австралии получившую звание профессора. Ее преподавание в Австралийском балете было высоко оценено. Пели замечательные исполнители — Вера Виноградова, исполнительница русских и цыганских романсов. Она очаровывала публику манерой исполнения и необыкновенно красивым голосом. Выступал Владимир Бржозовский, обладатель баритона, нравились публике замечательный оперный певец Вячеслав Ильич Баранович и неизменный его аккомпаниатор Валентина Владимировна Баранович, Соня Бантос, Элла Стоянова, Игорь Перекрестов, Александр Виноградов и многие другие.

Нельзя не вспомнить руководителя струнного оркестра Дьяковского Вадима Михайловича, который сотрудничал с Людмилой Филипповной. Хочется вспомнить также основателя струнного оркестра в Мельбурне Павлова и руководителя хора Петра Петровича Иваненко. Николай Николаевич Ключарев и Мария Степановна Стефани, оба профессиональные режиссеры, поставили немало спектаклей с участием профессиональных актеров и молодых артистов, с которыми они работали и создали достойную театральную группу.

С годами, когда зал при церкви перестал вмещать всех желающих и нужно было искать новое помещение, Людмила Филипповна по состоянию здоровья закончила свою деятельность. Для празднования Дня русской культуры выбрали помещение «Ренессанс» — это небольшой уютный театр, и концерты стала проводить Соня Бантос (София Терентьевна, урожденная Микрюкова). Концерты, проводимые Соней Бантос, были посвящены 180-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова, 135-летию со дня рождения А. П. Чехова, один из концертов был отмечен спектаклем-концертом «Думая о России».

С 1996 года до 2012-го Дни русской культуры провожу я. Обычно они проходили в престижном зале Melba Hall консерватории Мельбурнского университета, и каждый из праздников мы посвящали писателям, поэтам, композиторам или юбилейным датам, таким как 850-летие Москвы, 300-летие Санкт-Петербурга, юбилей Миклухи Маклая. Посвящали концерты Глинке и Чайковскому, Пушкину и Лермонтову, Тютчеву и Достоевскому, Гоголю и Далю, Салтыкову-Щедрину и Рубцову, А. П. Чехову и поэтам Зарубежья. Во всех концертах выступали талантливые и заслуженные артисты и молодое начинающее поколение.

Этот праздник позволяет ярко проявить многочисленные таланты наших соотечественников и дает возможность раскрыться новому поколению молодых талантов. Я считала, что для выступления в концертах Дня русской культуры не обязательно быть этнически русскими. Люди любой национальности, любящие русскую культуру, достойны выступать на этом концерте. Заглянув в историю и вспомнив наших поэтов, писателей, мыслителей, мы сталкиваемся с фактом, что Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Надсон, Гоголь, Даль и многие другие не были чистокровными русскими, но они были создателями русской культуры. Старая Россия принимала иностранцев, таких как Растрелли, Бенуа, Камерон, Росси, Фаберже и других, которые внесли большой вклад в развитие русской культуры.

Один из концертов был посвящен 200-летию русского присутствия в Австралии. Концерт был назван «Праздник русской души». Тематическая заданность Дня русской культуры была отражена в программе концерта.

Главным пунктом ее стал доклад доктора исторических наук митрофорного протоиерея Михаила Протопопова. В нем были последовательно изложены исторические факты российско-австралийских контактов на протяжении 200 лет и сделан обширный обзор того ценного и нового, что принесли русские люди во все области австралийской жизни, включая науку, технику, медицину, культуру, и в духовную сферу.

Основой и особым украшением праздничного концерта было выступление приглашенного из России мужского вокального ансамбля «Валаам». Даровитые русские певцы щедро дарили радость, их превосходное пение глубоко раскрывало характер русской души, рождало эмоциональный отклик в сердцах благодарных слушателей. Дважды на празднике «Дня русской культуры» выступала группа «Кавалер дуэт», доставившая много радости собравшейся на концерт публике.

Необходимо отметить, что во всех концертах, которые я проводила, принимали участие талантливые исполнители разных жанров. Доклады обычно читались кандидатом богословия протоиереем И. Филяновским, профессором О. А. Донских, И. Кузьминской, протоиереем Михаилом Протопоповым, искусствоведем доктором философских наук Ниной Макаровой, протоиереем Николаем Корыповым и многими другими.

Выступали талантливые музыканты и вокалисты, Заслуженная артистка России Эмма Липша, виртуоз-балалаечник Ю. Мугерман и Белла Мугерман, Ольга Вакуевич, Лиза Петрова, Катя Пронина, Лариса Храновская, Дмитрий Пронин, Соня Бантос, Заслуженный артист России Александр Венгеровский, Заслуженный артист России Леонид Сатановский, Майя Менглет, Женский камерный хор под управлением Галины Максимовой и многие другие.

Этот праздник начинает приобретать черты, которые делают его не только внутренним событием нашей общины. Это событие уже привлекает к себе внимание творческих слоев австралийского общества — певцов, музыкантов, любящих и ценящих русское музыкальное наследие.

Помимо сбережения традиции у меня была цель ознакомить австралийское общество с русской культурой. Доклады, прочитанные на русском языке, были переведены на английский и вместе с программой раздавались публике. Любой англоговорящий человек имел возможность ознакомиться с содержанием их.

На концерте Дня русской культуры, посвященном 200-летию со дня рождения М. И. Глинки в 2004 году, пел хор в составе 82 человек. Все певчие были австралийцами. Все англоговорящие. Управлял хором Андрю Ваилс (Andrew Weiles) — известный музыкальный директор и дирижер. Пели они на русском и славянском языках как церковные песнопения, так и русские народные песни. Николай Коваленко (Коваль) младший работает с этим хором в качестве репетитора по русскому произношению и в качестве солиста. Русская культура проникла в сердца австралийцев!

Сейчас нам уже нет необходимости оплакивать потерянную родину. Она открыта для нас. Мы ездим в Россию, мы видим, как идет духовное возрождение, мы имеем полный доступ к книгам, фильмам, а самое главное — к людям. В этом году мы отмечали 150-летний юбилей А. П. Чехова. Я пригласила М. Н. Ференцева, режиссера сиднейского Театра-студии «А.Р.Т», который представил премьеру спектакля «О любви и браке», ос-

нованную на пьесе «Медведь» и других произведениях А. П. Чехова. Рада отметить, что спектакль прошел блестяще. Много было мне задано вопросов о том, кто артисты, откуда они. Я объясняла, что это волна новых людей, получивших образование в России, сейчас живущих в Австралии. Они посчитали честью быть продолжателями замечательной традиции празднования Дня русской культуры.

Будем не только надеяться, но и стремиться к тому, чтобы эта традиция продолжалась и чтобы мы остались носителями русской культуры в нашей благополучной многонациональной стране Австралии.

Хочется сказать еще об одном событии, которое мне было поручено провести — это 100-летие Харбина. Это мероприятие проходило в стенах Мельбурнского университета, были приглашены докладчики, вспоминавшие разные фазы харбинской жизни, охватывающие духовную, политическую, академическую, театральную жизнь Харбина. Была представлена прекрасно оформленная выставка Харбина, отражающая все вышеупомянутые фазы жизни: фотографии строителей и служащих Китайской Восточной Железной Дороги, храмов, учебных заведений, театров, артистов драмы, балета, музыкантов и пр. Это событие было издано отдельным журналом «100-летие Харбина».

Затем для русского общества в Мельбурне давно назрела необходимость существования литературного общества. Я выдвинула предложение, на которое откликнулось много единомышленников. В этот период времени в Австралию приехал с визитом профессор Георгий Алексеевич Цветов. Я ознакомилась с его лекциями, которые он читал по радио SBS, читала его статьи на тему «Деревенщики», а сама была мало знакома с творчеством В. Солоухина. Ведь многое до нас не доходило в годы советского режима, но прочитав «Черные доски», «Читая Ленина», я четко поняла в честь кого мы хотели бы назвать создаваемое общество. Кроме того, я знала, что он является одним из инициаторов восстановления Храма Христа Спасителя.

К моему глубокому удовлетворению, с моей идеей назвать общество именем Солоухина согласились все, и вот 5 апреля 1998 года, в первую годовщину смерти писателя, состоялась панихида в Свято-Покровском соборе, после которой почитатели творчества писателя собрались в прицерковном зале. Был показан видеофильм о творчестве В. Солоухина, подготовленный профессором Цветовым, выступали желающие поделиться своими впечатлениями о творчестве писателя и поэта, читались стихи поэта, там же было решено проводить ежемесячные встречи, чтобы обсуждать литературные произведения, делиться новинками, дать возможность читать нашим местным поэтам свои стихи.

На следующем собрании были решены административные вопросы. Общество было зарегистрировано как «Литературное общество имени В. Солоухина». Но впоследствии общество стало быстро развиваться, темы докладов были зачастую связаны с искусством, поэтому мы официально дали ему название: «Литературно-театральное общество имени В. Солоухина». На этом собрании председателем общества была выбрана единогласно ваш почтенный слуга Галина Игнатьевна Кучина, секретарем общества — Ольга Константиновна Шонина.

Сразу после основания общества мы получили благословение от архиепископа Иллариона, ныне митрополита Русской Зарубежной Церкви

Австралии и Новозеландии, и письмо, в котором он поделился своими личными воспоминаниями о знакомстве с В. А. Солоухиным и о том впечатлении, которое произвел на него писатель. Встреча имела место в монастыре Святой Троицы в Джорданвилле (Jordanville, N.Y, U.S.A.), когда Владыка был еще семинаристом.

Начали проводить доклады. Тематика наших докладов весьма многогранна — история русской государственности, история Православия, роль Русской Церкви в государственной жизни, жизнь и деятельность известных подвижников, государственных деятелей и, конечно, писателей, поэтов, композиторов артистов и т. д. Очень важно отметить, что эти доклады обычно проходили на достойном академическом уровне, так как докладчиками являлись люди с солидным образованием и широкой эрудицией.

Не случайно, а из присланного мне графом Д. А. Вуичем письма, я узнала о дне памяти, который проводился в Москве по случаю 80-летия со дня рождения выдающегося русского человека Владимира Алексеевича Солоухина. Прочитав статью, автором которой является князь Зураб Михайлович Чавчавадзе и из которой я узнала многое о В. А. Солоухине, я еще раз порадовалась, что наше общество носит его имя.

С удивительной простотой и искренностью пишет З. М. Чавчавадзе о своем знакомстве с «Письмами из Русского музея» В. Солоухина. «Случилось так, — пишет автор статьи, — что ошеломляющий эффект от прочтения “Писем из Русского музея” погнал меня в библиотеки на поиски других произведений автора. До появления “Черных досок” оставалось, кажется, года два».

Моим же первым открытием, как я писала выше, были «Черные доски». До нас доходили произведения и В. А. Солоухина, и А. И. Солженицина с большим опозданием и передавались из рук в руки. У нас, находившихся вдали от России, тяга к этим новинкам была велика. Помню, как, прочитав «В круге первом» и «Раковый корпус», не имея возможности достать «Архипелаг Гулаг» в Мельбурне, я везла два тома из Парижа. «Один день Ивана Денисовича» продавался в книжном магазине свободно, потом я узнала почему, а от «Крохоток» я получала огромное удовольствие, и не проходило ни одного концерта, чтобы я не прочла одну из солженицинских «Крохоток». Первую крохотку «Утенок» я читала на концерте «Русского театрального кружка».

Далее пишет в своей статье князь Зураб Михайлович: «Я понял, что обнаружил на земле единомышленника, писателя редкого и мощного дарования. Ощущение духовного родства, близости жизненных и мировоззренческих позиций, определявших отношение к судьбам Отечества, его истории, вере, традициям, было настолько явственным, что невольно тянуло как-нибудь познакомиться с этим бесстрашным гигантом». Каждое слово, сказанное автором этих строк о Солоухине-человеке, получило громкий отклик в моем сердце, но я не смогла бы выразить это с предельной точностью и ясностью, как это выразил Зураб Михайлович Чавчавадзе.

Не могу обойти молчанием замечательное произведение «Смех за левым плечом». Еще раз обращаюсь к словам Чавчавадзе, что это самое православное произведение Солоухина, ибо оно говорит о воспитании в новооявленной душе сознания, что она никогда не оказывается вне очей Божиих, и что только от нее зависит, будет ли плакать за правым плечом Ангел-Хранитель

или злорадно хихикать за левым плечом бес-искуситель. В этом произведении — размышления о трех линиях развития человечества: о пути физического совершенствования, о пути интеллектуального развития, и, наконец, о третьем пути — пути к Богу. Кроме всего, это гимн великим патриархальным ценностям основного костяка русской нации — крестьянского сословия. Деревенский мальчик воспитывается на вечных ценностях веры, уважения и любви к труду, семье, земле, человеку и, наконец, Родине — малой и большой. Это произведение не могло оставить меня равнодушной. Читая его, я вспоминала своего папу мальчиком, родившимся в крестьянской семье и воспитанным в традициях, о которых так ясно пишет В. А. Солоухин.

Итак, общество развивалось. Читались ежемесячные доклады, примерно раз в три месяца проходили камерные концерты, иногда эти концерты приурочивались к праздникам Пасхи или к Рождеству. Также был проведен концерт по поводу 10-летнего юбилея общества. Последний большой концерт 12 июня 2011 года «Литературно-театральным обществом имени В. Солоухина» при поддержке посольства Российской Федерации был проведен в День России.

В ноябре 2012 года День русской культуры был отмечен концертом, посвященным 120-летию Марины Цветаевой. Концерт был проведен «Литературно-театральным обществом им. В. Солоухина» под эгидой Этнического представительства штата Виктория.

Я пробыла на посту председателя 14 лет до 2012 года, передав его Ольге Константиновне Шониной. Дай Бог ей успехов на этом славном и трудном поприще.

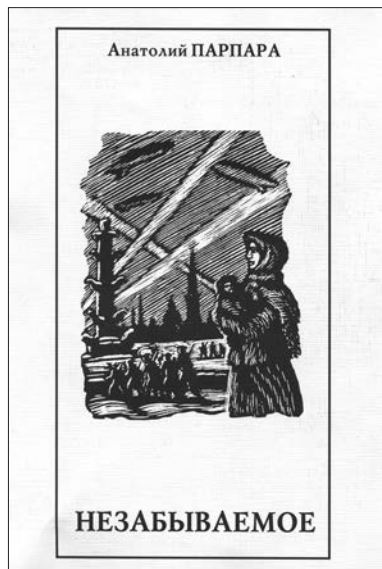
ВЫШЛА КНИГА

Парпара А. А.

Незабываемое. Поэма в тринадцать воспоминаниях. — 3-е издание, расширенное — М.: Издательство Фонда им. М. Ю. Лермонтова, 2011. — 72 с.: ил. (Судьба).

«Незабываемое» — лирико-драматическая поэма, которая привлекает нас серьезностью и подлинностью чувств человека, пережившего боль лихолетья и послевоенного времени. Это живой мир, общение с которым наполняет мучительными раздумьями о важной вехе в жизни России, ее народа, о дне настоящем.

*Альбина Жуаева,
кандидат филологических наук*

Вопросы ОБРАЗОВАНИЯ

Игорь
АНДРУШКЕВИЧ

«ПОМНИТЬ, ЧЬЕ МЫ ИМЯ НОСИМ»

*Исключительное значение
кадетского воспитания*

Игорь Николаевич Андрушкевич — родился в 1927 г. в Белграде (Югославия) в семье русских белых эмигрантов. Был крещен в РПЦЗ. Отец — полковник Русской Армии. Окончил Первый Русский В. К. Константина Константиновича Кадетский Корпус. Затем переехал в Аргентину, где учился на журналистском и философском факультетах. Работал директором на металлургических заводах в Буэнос-Айресе. 30 лет преподавал историю России. Был членом Епископского Совета Аргентино-Парагвайской Епархии РПЦЗ, председатель «Объединения кадетов Российских кадетских корпусов в Аргентине». Редактор журнала «Кадетская переключка». Автор многих книг и статей. **Живет в Буэнос-Айресе, Аргентина.**

Воспитание молодежи для формирования народной элиты и для сохранения культуры, нравов и быта

Никакое общество не может обойтись без **воспитания молодежи** (педагогика), если оно хочет быть культурным обществом, то есть обладать культурой и **сохранять и развивать свою культуру**. Конечно, от специфического характера каждой культуры будет зависеть и специфический характер ее педагогики, как это наглядно видно на примере трех культур, из которых развилась, в основном, наша современная цивилизация.

Древние Израиль, Греция и Рим обладали различными культурами, но все они придавали исключительное значение **педагогике**, каждая в своем духе и в своем направлении. В Израиле воспитание и образование имели ярко выраженный религиозный характер, в Риме — военный и юридический, в Афинах — гуманитарный и гимнастический.

Древняя Греция даже обозначала **культуру и воспитание** словами с одним общим корнем. Понятие и смысл воспитания выражались словом «**педагогика**», буквально — **ведение детей** («педагогус» — ведущий детей, от «педос», дети, и «агос», ведущий). Культура, по-гречески «**педия**», в свою очередь выводилась из «педагогика», как ее продукт. Согласно Платону первым источником «**педии**» («культуры») является Бог, ибо «**Бог является педагогом мира**» («*No Theos paidagogei ton kosmon*», «Законы», X, 897 b). Во многих современных языках понятие «воспитание» выражается словами, происходящими от латинского глагола **educare**. Первоначально сложный глагол **educare** обозначал

вывод на пастбище, на питание, домашнего скота, *ex-ducare*. Понятие «питание» содержится и в русском слове «воспитание». А латинский глагол «*ducare*», **водить**, соответствует греческому глаголу «агогеин», содержащемуся в слове «педагогика».

Однако роль воспитания этим не ограничивается. Среди существенных задач хорошего воспитания необходимо отметить две чрезвычайно важные общественно-государственные задачи:

1. Основой любого общества являются его **нравы**, древними греками обозначенные словом «этнос», а древними римлянами выражением «морес». Греческий ученый и философ Аристотель назвал науку о нравах «этикой». Его труд «**Этика**» является вступлением к его труду «**Политика**». Любое общество живет на основании господствующих в нем нравов. Органическая сумма всех народных нравов образует **народный быт**. Каждый народ обладает своим бытом. Русский мыслитель А. Хомяков доказал, что само понятие «**свободы**» происходит от сочетания понятий «**свой быт**». Таким образом, нравы являются социологическим проявлением коренных **ценностей и верований** самого общества. Отметить эти ценности и привить вытекающие из них нравы подрастающей молодежи и является важнейшей задачей воспитания. Правильное воспитание молодежи должно подготовить для страны ее **нравственный позвоночник**.

В современное время такая задача воспитания приобретает еще большее значение ввиду современных технологий агрессии, когда таковой подвергаются не только собственная территория, но также и, прежде всего, собственные верования, ценности, нравы и быт, с целью подмены этих собственных верований и ценностей вражескими, для последующего перепрограммирования самого общества, чтобы сделать его зависимым, для его эксплуатации. Политические технологии, связанные с территориальными проблемами, сегодня называются «**геополитикой**». Политические технологии, связанные с проблемами защиты **системы ценностей**, до сих пор не имеют общепринятого специального обозначения, тем более что эти проблемы сегодня имеют «закулисный» характер. Их можно назвать «**аксиополитикой**», по аналогии с «**аксиологией**», наукой о ценностях. Своевременное правильное воспитание также имеет задачей предотвращать успешное развитие таких вражеских агрессий и знакомить молодежь с геополитикой и с аксиополитикой.

2. Наконец, задачей правильного воспитания является также и первоначальный **отбор наилучших элементов из народа**, чтобы из них постепенно и систематически подготовить необходимые кадры для формирования **национальной элиты**, без которой не существует и не может существовать и правильно функционировать никакое государство.

Воспитание для обороны страны должно быть своевременным

Слово «**кадет**» — французского происхождения, которое по своему общему смыслу часто переводится как «**младший**». Это французское слово происходит от уменьшительного «**капдет**» на гасконском наречии, в свою очередь произведенного от латинского уменьшительного «**капителлум**», что буквально значит «**маленький капитан**» или «**маленький глава**» (от латин-

ского слова *caput*, голова). Таким образом, первоначальный смысл этого слова в данном случае можно толковать, как «маленький или **будущий капитан (возглавитель)**». В некоторых современных языках словом *кадет* обозначают **младшую** категорию любой профессии или занятия. Например, в испанском языке так называют несовершеннолетних членов спортивных клубов и самую низшую должность в администрациях частных фирм, приблизительно в смысле нашего выражения «мальчик на побегушках». Во Франции оно первоначально давалось **младшим детям дворян**, которые должны были идти на военную службу, ибо были лишены права наследования, каковое было закреплено лишь за старшим сыном. Таким образом, в этом случае «младший» не было определением возраста, а **определением социальной категории «военных служилых»**, в отличие от старших сыновей, в рамках западноевропейского феодального строя. На Руси, как и в Древней Греции, **все дети** служилого класса должны были служить, ибо все они наследовали права и обязанности своего отца. Посему, **русский кадет — это русский военный «служилый», «кто смолоду и всей душой в строю»**, в принципе, в течение всей своей жизни.

Однако за такой сложной этимологией кроется и другой, более глубокий, смысл. Дело в том, что в животном мире жизненные процессы, аналогичные тем, которые мы подразумеваем под выражением «воспитание», происходят **в определенном возрасте** и в определенных периодах. Более того, в некоторых более организованных животных сообществах все общественные функции определяются почти исключительно возрастом, как, например, у пчел. Возможно, что такой естественный, природный порядок был подмечен уже в древности. Так, Платон уделяет много внимания **периодам обучения и воспитания** и учету возраста детей для организации их воспитания. При этом он делит все время воспитания на несколько периодов.

Платон сперва устанавливает **два дошкольных трехгодичных периода**. В течение этих первых шести лет жизни ребенка его воспитание должно полностью осуществляться в рамках семьи, под руководством, главным образом, матери и няни.

Первый трехлетний дошкольный период *«немалый жизненный срок, чтобы начать жить хорошо или плохо»* (Платон, Законы, 792 а), во время которого нужно достичь *«кротости»* ребенка, чтобы он мог *«принимать с радостью справедливые компромиссы»*.

Затем, во втором трехлетнем дошкольном периоде *«правильная жизнь ничуть не должна преследовать лишь удовольствия и не должна избегать огорчений... Душевная форма детей трех, четырех, пяти и даже шести лет нуждается в играх, хотя уже необходимо принимать меры, без их унижения, чтобы они не становились капризными. Не надо вызывать гнева в душах детей чрезмерными наказаниями, ни приучать их к непостоянству путем поблажек. В этом возрасте... нужно следить за порядком среди детей и не допускать их плохого поведения»*. (Там же.)

Лишь после исполненных шести лет надо отделять мальчиков от девочек. С этого возраста *«преподаватели должны обучать мальчиков верховой езде, стрелять из лука, метать копьей, кидать из пращи»*. Однако девочки, если они этого захотят, тоже могут добровольно тренироваться в этих упражнениях. В течение этого **начального четырехлетнего школьного**

учебного периода необходимо двойное воспитание: физическое и душевное. Первому способствует гимнастика, второму музыка, считает Платон.

Затем наступают **два средних школьных трехлетних учебных периода**, значит, всего шесть лет, соответствующих курсу наших русских кадетских корпусов, в течение которых детей нужно обучать языку, литературе, игре на лире, арифметике, геометрии и астрономии. *«Математические и астрономические знания способствуют обучению детей построениям, походам и военным кампаниям, а также администрации домашнего хозяйства, и вообще делают их более полезными и смысленными».* (Там же, 819 с.)

Таким образом, все эти три обязательных учебных периода продолжатся всего десять лет и должны кончиться к 16-летнему возрасту. Платон отмечает, что *«недопустимо, чтобы отец или сам ребенок увеличивали или сокращали это время учебы, установленное законом».* (Там же, 810 а). Затем, молодой человек должен отслужить воинскую повинность, и лишь **после этого он имеет право получить гражданство.**

Если молодой человек, став гражданином, захочет в будущем *«стать настоящим защитником (стражем) законов»*, он должен **дополнительно углубить свои знания**, чтобы *«действительно знать правду о законах и быть в состоянии изучать эту правду теоретически и уметь прилагать ее на практике».* (Законы, 966 а). Платон настаивает, что тот, кто не сумеет полностью овладеть всеми этими дисциплинами, *«и, после созерцания их философской взаимосвязи, не сумеет их прилагать, в соответствии с навыками и законами, и не будет в состоянии дать их определение, он никогда не сможет стать правителем всего государства, а должен быть лишь помощником правителей.»* (968 а).

Верховными правителями государства могут стать только лишь **просвященные** кандидаты, получившие полное среднее воспитание, а затем **и высшее обучение.** Другими словами, Платон вводит **воспитательный ценз для политиков.** Однако Платон подчеркивает, что невозможно предписывать законом точные знания, которыми они должны обладать: *«Бесполезно предписывать, с помощью писаных законов, точное время, необходимое для передачи каждого знания».*

Те граждане, которые к своим **тридцати годам** уже получили и ассимилировали это **высшее образование**, могут быть кооптированы правителями в свои помощники. Лишь **достигнув пятидесятилетнего возраста**, эти помощники смогут сами стать правителями, но для этого они должны быть не только **компетентными**, но также и **порядочными** (хорошими) людьми, согласно указанию Платона в его седьмом письме из Сицилии. Почти тысячу лет после этого указания Платона святой император Юстиниан Великий включил его, как одну из предпосылок, необходимых для достижения «благой симфонии» (благозвучия), ведущей к народному благополучию, при отделении государства от Церкви.

Первоначальное зарождение идеи целостного воспитания молодежи

Первоначальным источником педагогических концепций, на которых основываются кадетские корпуса во всем мире, были Древние Афины, из

которых эти концепции распространились сперва на Древнюю Грецию, а затем также и на весь эллинистический мир. Даже можно было бы сказать, что **источником системы кадетского образования была афинская демократия**. Однако афинская демократия была лишь последним этапом в истории афинского полиса. Система же **публичных гимназий** в Афинах зародилась раньше, хотя она продолжала существовать и в последний, демократический период Афин.

В Афинах же зародилось и название «**лицей**» (в греческом произношении «**ликий**»), каковым обозначаются кадетские корпуса в Аргентине и в некоторых других латинских странах. В Афинах существовали три публичные гимназии, одна из каковых неофициально называлась **лицеем**, ибо она находилась напротив статуи Аполлона Ликийского. (Ликия была одним из регионов Древней Греции. Она находилась на юго-западном побережье Малой Азии, напротив острова Родос. В ней находился город Миры, называвшийся посему Миры Ликийские, где затем был епископом Святой Николай, Мир Ликийских Чудотворец.) При этом лицее ученик Платона Аристотель основал в 335 году до Р. Х. свою философскую школу.

Эти общественные гимназии (буквально: места для гимнастических упражнений) играли важную роль в греческой системе воспитания, ибо «с точки зрения общественного интереса самой важной целью воспитания было обеспечить государству в этих юношах здоровых воинов, одновременно крепких и красивых, мужественных и проворных... Под тенью гимназий велись ученые рассуждения, а дружба, этическую ценность которой ни один народ не понял так хорошо, как эллинский, воспламеняла души и подстрекала их соперничать в добродетели и в науке». (Ernest Kurtius. Historia de Grecia. Буэнос-Айрес, 1962. Т. 2. С. 244. Перевод с испанского мой. — И. А.).

При этом необходимо подчеркнуть, что в Афинах, колыбели первоначальной демократии, гражданские добродетели были неотделимы от добродетелей воинских, как это символически еще недавно было и в некоторых швейцарских кантонах, где право голосовать имели только лишь вооруженные граждане, с кинжалом в руках, отслужившие воинскую повинность. Этот же вышецитированный немецкий историк подчеркивает, что целью воспитания в Афинской демократии было «**сохранение унаследованных обычаев... и мирной силы традиций, опирающихся на религию и на многие остатки древних учреждений, для того, чтобы сохранять общество на своих старых фундаментах**». (Там же.)

Таким образом, развилось понятие цивилизации, противостоящей варварству, «**совершенствующей и украшающей, в одинаковой пропорции, и тело и душу**». Эрнест Куртиус продолжает: «**Равновесие между телесным бытием и духовным бытием, гармоничное совершенствование всех сил и всех инстинктов природы для греков были делом воспитания. Поэтому крепость, ловкость, сноровка, сила, непринужденность и свобода, великодушие и жизнерадостность, присутствие духа... были не менее важными, чем духовная культура, острота понимания, умелость в искусствах муз**». (Там же. Т. 1. С. 448.)

Однако такое воспитание не ограничивалось некоторым числом семейств и не было предоставлено само себе. Во всей Греции были организованы государством общественные гимназии, «с большими участками

для упражнений, в тени от солнца, окруженные галереями и рядами деревьев, обыкновенно расположенными за городскими стенами, но под их юрисдикцией». (Между прочим, на окраине развалин Помпеи, вблизи от амфитеатра, сегодня еще можно ясно видеть контуры построек и прочих структур такой общественной гимназии.)

«Всякий, кто хотел пользоваться уважением и влиянием между своими согражданами, должен был провести значительную часть своей жизни в гимназиях. Только там можно было приобрести **выправку**, которой отличается хорошо воспитанный человек... это было единственное отличие человека, призванного участвовать в общественных делах... Это усилие восторженных юношей, чтобы достичь собственной личной ценности, сдерживалось тормозом строгой дисциплины, так как закон следил за упражнениями, требуя строгого регламента, послушания старшим и отказа от эгоистических капризов... нигде не признавалась голая сила, и никому не позволялось участвовать в праздничных играх без предварительного подчинения регулярному воспитанию». (Там же. Т. 1. С. 449.)

Возможно, что на эту систему афинского образования оказали некоторое влияние сохранявшиеся на острове Крите остатки Минойской цивилизации. Некоторые историки предполагают, что более чем за тысячу лет до Аристотеля Минойская цивилизация на Крите стала «культурной моделью для соседних регионов», в том числе и «благодаря **долголетнему обучению своей молодежи гимнастике и морскому делу**». (Emily Vermuele, *Grece in the Bronze Age*, 1964. Цитировано по изданию на испанском языке «Grecia en la edad de bronce», Mexico, 1996. С. 161.) На некоторые дисциплины образования в Афинах несомненно также могли косвенно как-то повлиять и системы обучения других древних цивилизаций, в первую очередь Месопотамской и Египетской, а затем также, возможно, и соседнего с греками (и находящегося с ними в некотором этническом родстве) Хеттского государства в Малой Азии. Ключевский отмечает, что «в области государствоведения особое значение принадлежит Египту, бывшему школой ряда крупных деятелей античного мира: Моисея, греческих законодателей Ликурга и Солона, историка Геродота, философа Пифагора». На побережье Малой Азии тогда находились и другие государства, которые тоже могли оказать какое-то влияние на древнюю греческую цивилизацию: Лидия, Ликия и Финикия. В Лидии, по-видимому, впервые стали чеканить металлическую монету, а в Финикии был создан первый консонантный алфавит. Согласно мифу из Финикии была похищена на остров Крит финикийская царевна Европа, именем которой затем был назван сам европейский континент.

Затем, уже при образовании двойной греко-римской цивилизации, на военные аспекты этого образования, возможно, оказали некоторое влияние и этрусские педагогические традиции. Во всяком случае, римляне обозначали свое военное образование этрусским словом «**тиросиниум**», каковое затем снова всплывает через много веков в латинском тексте королевского указа Людовика XIV о создании во Франции кадетских рот. (У этрусков существовали жреческие школы разных профилей, в первую очередь земледелия и искусственного орошения, а также астрономии, метеорологии, зоологии, ботаники и орнитологии.) Возможно, что известная римская «коллегия пон-

тификов», буквально «мостостроителей», имела некую связь с этрусскими школами инженеров путей сообщения. Во всяком случае, всем известно, что римляне имели прекрасных мастеров путей сообщения, создавших в Римской империи непревзойденную систему имперских дорог. (См.: *Werner Keller, Denn sie entzuendeten das Licht*. По-испански: *Historia del pueblo etrusco*. Barcelona, 1973. С. 87.)

Во всяком случае, независимо от действительных размеров влияния тех или иных вышеотмеченных древних культур на афинскую педагогику, таковая несомненно была **синтезом предыдущего культурного развития человечества**. В свою очередь, **наша русская кадетская педагогическая система является наследницей этого синтеза**, обогащенного дальнейшим культурным развитием человечества.

Все культуры и цивилизации обращали значительное внимание на педагогические проблемы, ибо без воспитания молодежи не может обойтись никакое общество. Однако именно в Афинах система воспитания молодежи впервые в истории человечества возымела ярко выраженный **политический** характер. Дело в том, что афинский полис, как государственная структура, был своего рода **нововведением** в истории цивилизаций. Полис обладал определенной структурой, которая требовала осуществления определенных функций в рамках определенных условий политической **игры**, иногда довольно сложных. Политические решения в полисе окончательно принимались на вече (в агоре), а не при дворе монарха или в палатке вождя или в политическом комитете. Кроме того, эти решения на вече нуждались в воспитании не только меньшинства, предлагающего те или иные варианты решений, но также и большинства, высказывающего свое утверждение или неутверждение этих предложений. В Аргентине это кратко и выпукло выразил президент республики конца XX века Фаустино Сармиенто, сказавший, что народ является сувереном, но этого **«суверена надо воспитывать»**.

Таким образом, в Афинах существовала реальная необходимость общего воспитания этого «суверена», каковой теоретически должен был быть своего рода окончательным политическим арбитром.

Кроме того, в Афинах образование молодежи впервые было организовано **вне жреческих институций**, в отличие от почти всех других древних стран. Однако это отнюдь не обозначало разрыва с религией и с религиозными обрядами, а лишь функциональное **разделение в симфонии**, как бы в предвозвещение закона о Симфонии Императора Юстиниана более чем через целое тысячелетие.

Однако помимо **политического и мирского характера** воспитания молодежи в Афинах, его отличительной чертой был **интегральный, целостный** характер. Сам Аристотель посвящает определению такого воспитания восьмую главу своей «Политики», откуда мы и берем следующие цитаты.

Греческая идея воспитания заключается в том, что оно должно быть целостным, интегральным, то есть **полноценным, состоящим из всех необходимых составных частей**, в согласии с эллинским классическим принципом «всего в меру, ничего чересчур». Этими частями были, в первую очередь, **грамматика, гимнастика, музыка и рисование**. Аристотель говорит: *«Четыре предмета обыкновенно преподаются: чтение и писание, гимнастика, музыка, а также иногда на четвертом месте и рисование»*. Сегодня эти

части воспитания можно было бы обозначить как **идейное, интеллектуальное, художественное, спортивное и военное воспитание**. Все эти части в Греции образовывали одно неразрывное гармоничное целое.

Интеллектуальное воспитание в Греции осуществлялось в значительной мере путем изучения **классической литературы**, каковое сопровождалось **музыкой**, так же как и **спортивное воспитание**. Аристотель утверждает, что обучение музыке не должно быть препятствием для *«военной и гражданской тренировки, сначала физической, а затем и теоретической»*.

В другом месте он описывает, к чему должно стремиться музыкальное воспитание: к благодушию, твердости и воздержанию. Он также предупреждает, что *«нельзя одновременно тренировать чрезмерно ум и тело»*. (Это соответствует общему положению эллинской культуры, цитируемому Аристотелем: *«Мы всегда больше хвалим умеренность, чем крайности»*.) Аристотель предупреждает против чрезмерной атлетической подготовки и критикует спартанцев за то, что *«они доводят до скотского состояния детей путем тяжелых трудов»*, делая их таким образом *«пригодными для выполнения только лишь одной из функций гражданина»*.

Аристотель делает различие между *«дисциплинами утилитарными в жизни и дисциплинами, направляющими к добродетели, то есть не утилитарными»*. Он особенно защищает неутилитарные дисциплины, которые он связывает с досугом и с играми: *«Сама природа старается не только хорошо работать, но также и хорошо пользоваться досугом, каковой является началом всех вещей»*. (Досуг по-гречески — «схола», откуда происходит и наше «школа»). Что касается игр, *«они не являются целью нашей жизни, но предназначены для отдыха»*. *«Необходимо ввести игры, выбирая подходящие моменты, чтобы ими пользоваться и употреблять их как лекарство, так как они вызывают движение настроения, которое ведет к уменьшению напряжения, и посредством такого удовольствия происходит отдых»*.

Здесь Аристотель подходит в своих рассуждениях к кульминационной точке греческой идеи целостного воспитания: *«Значит очевидно, что существует воспитание, которое нужно давать детям не потому, что оно является полезным, а потому, что оно ведет к свободе и к благородству»*. И чтобы не было ни малейших сомнений в смысле этих слов, несколькими строчками ниже Аристотель объясняет: *«Таким образом, главную роль в воспитании должно играть все благородное, а не скотское, так как ни волк и ни какое другое животное не пойдут навстречу красивому риску, а только лишь хороший человек»*.

Таким образом, эта система целостного воспитания была органической частью политического строя Афинской демократии.

Современные источники системы кадетского воспитания

Современные источники системы кадетского воспитания находятся на Руси, во Франции и в Германии.

Уже в XV и XVI веках в России существовали полки **«дворянских детей»**, которые даже принимали участие, в качестве вспомогательных частей, в военных действиях. Эти полки и являются прямыми отечественными предшественниками русских кадетских корпусов.

Первое известие о создании **кадетских рот** во Франции, во времена короля Людовика XIV, относится к 1682 году. Тогда же закрепляется слово «**кадет**» в названии таких учебных заведений. Во Франции так назывались дети дворян, которые начинали свою **военную службу** в низших военных чинах.

Соединение во Франции этих «кадет» в роты или в специальные школы, для военной подготовки, при одновременном всеобщем образовании, и было зачатком современных кадетских корпусов, которые в разных странах и в разные эпохи также назывались «военными гимназиями», «кадетскими школами», «военными лицеями» и «военными училищами».

В музее «Дорогой корпус» российских кадет в Париже сохранялась гравюра, на которой воспроизведен документ 1682 года, подписанный королем Людовиком XIV, содержащий текст учреждения первых кадетских школ:

«Учреждение кадетских рот. Во время стольких славных кампаний король, учитывая необходимость располагать многими офицерами, основал во многих местах своего королевства роты молодых людей, сыновей дворян или людей дворянского сословия, которым дал имя кадет. Их обучали всем военным упражнениям. Когда их считали пригодными для командования, их назначали офицерами в армию. Эти роты, так же как и другие школы, в которых обучали военному искусству, постоянно поставляли очень хороших подданных». На гравюре изображена медаль «*Militae Tirosinium*» (обучение военному делу). На одной стороне медали, под изображением короля Людовика XIV, надпись: «*Ludovicus Magnus Rex Cristianissimus*». На другой стороне изображены две походные палатки, со строем кадет, перед которыми стоит группа офицеров. Снизу надпись по-латыни: «*Nobiles educati munificencia principia*». (Журнал «Кадеты», № 3, май 1948 г., Париж). Знаменательно, что в данном случае в самый момент создания кадетских корпусов обучение военному делу отождествляется с **воспитанием начал великодушия** (*munificencia* происходит от латинского слова *munus*, что значит дар, подношение).

Затем, через 19 лет, Император Петр Великий основывает в России в 1701 году Морскую кадетскую школу под названием «Школа навигацких и математических наук».

Еще через 16 лет, в Берлине, в 1717 году основывается «Кадетская школа» под названием «Кадеттеншule». В России в 1732 году Императрицей Анной Иоанновной был основан первый русский армейский кадетский корпус.

Всего в России в XVIII веке было основано 4 кадетских корпуса, в XIX веке 22 кадетских корпуса, и в XX веке, до Первой мировой войны, 4 кадетских корпуса. Затем, во время Гражданской войны, на территории Русской Армии, под командованием генерал-лейтенанта барона П. Н. Врангеля, было основано еще 2 кадетских корпуса.

25 января 1920 года Киевский и Одесский кадетские корпуса, с ротой Полоцкого кадетского корпуса, покинули Россию, еще до эвакуации Русской армии. Эти кадетские корпуса были эвакуированы из Одессы и прибыли в Королевство Югославию (тогда Сербов, Хорватов и Словенцев). Приказом Российского Военного Агента в Белграде от 10 марта 1920 Киевский и Одесский корпуса были соединены в один под именем «**Сводного кадетского корпуса**». Этот корпус был размещен в городе Сараево, в Бос-

нии. Наименование **«Русский кадетский корпус»** для этого Сводного киевско-одесского кадетского корпуса было установлено 9 сентября 1920 года. В 1929 году корпус был перемещен в Белую Церковь и получил с соизволения короля Югославии Александра I шефство и наименование **«Первый Русский Великого князя Константина Константиновича кадетский корпус»**.

В Югославию также прибыли из России Крымский и Второй Донской кадетские корпуса. Крымский кадетский корпус был образован в Крыму, приказом генерала П. Н. Врангеля, из Полтавского и Владикавказского кадетских корпусов. После эвакуации из России Крымский кадетский корпус был сперва размещен в городе Стрнице, в Словении, а затем переведен в Белую Церковь, на границе Югославии с Румынией. Он был закрыт в августе 1929 года и его состав вмещен в Первый Русский и Второй Донской кадетские корпуса. Донской корпус находился в Горажде, в Боснии, и был закрыт 1 августа 1933 года, с переводом кадет и части персонала в Первый Русский. В феврале 1925 года Первый Русский корпус принял в свой состав также кадет Сибирского и Хабаровского кадетских корпусов, прибывших из Шанхая, куда они были эвакуированы из Владивостока в конце 1922 года.

Таким образом, **«Первый Русский Великого князя Константина Константиновича кадетский корпус»** в Югославии был сводным корпусом **восьми кадетских корпусов Всероссийской Империи**: Киевского, Одесского, Полоцкого, Полтавского, Владикавказского, Донского, Сибирского и Хабаровского. Это было более четвертой части всех русских кадетских корпусов. Он прекратил свое существование в 1944 году.

Морской корпус был восстановлен в Крыму, в 1919 году, в составе кадетских и гардемаринских классов. Корпус покинул Севастополь 30 октября 1920 года по старому стилю на борту линейного корабля «Генерал Алексеев» (быв. «Император Александр III»). Вместе со всей эскадрой Русского флота, под Андреевским флагом и под командованием адмирала Кедрова, Морской корпус через Босфор прибыл в Бизерту в Тунисе (тогда под властью Франции), где были возобновлены регулярные занятия и где происходили выпуски окончивших с последующим производством их в корабельные гардемарины. Последний выпуск Морского корпуса состоялся в июне 1925 года.

1 ноября 1930 года во Франции, в местечке Villiers le Bel, 20 км на север от Парижа, был организован Корпус-лицей имени Императора Николая II, по идее одного из лучших педагогов России, генерал-лейтенанта В. В. Римского-Корсакова, бывшего директора славного I Московского Императрицы Екатерины Великой кадетского корпуса и Крымского кадетского корпуса. Корпус-лицей имени Императора Николая II в 1936 году переехал из Villiers le Bel в Версаль, где он пробыл до 1959 года, когда он был вынужден переехать в Дьерре, где был закрыт в 1964 году. По причине своего 23-летнего пребывания в Версале этот корпус часто также называют «Версальским кадетским корпусом». Такое продолжительное сохранение за рубежом русских кадетских корпусов в исключительно тяжелых, а иногда и враждебных, условиях было результатом непреклонной воли преодолеть вражеские замыслы и спасти, а затем и донести обратно до России и вернуть на свое место этот факел русского огня.

Все остальные кадетские корпуса в России были коммунистической властью закрыты, и многие их воспитатели и воспитанники подверглись

гонениям. Однако в процессе Второй мировой войны, под конец 1943 года, в СССР было открыто несколько суворовских и нахимовских училищ, частично по образцу бывших кадетских корпусов. После 1991 года в России возник процесс стихийного (спонтанного) открытия средних учебных заведений под названием кадетских корпусов. До сих пор открыто, согласно некоторым данным, более 100 учебных заведений под таким названием. Многие из них, конечно, имеют мало общего с прежними имперскими кадетскими корпусами, но в данном случае само по себе стремление к восстановлению кадетской системы воспитания, несомненно, является знаменательным.

Основные концепции русской кадетской педагогической доктрины

Существование в течение около двух веков в России многочисленных кадетских корпусов выработало сложную педагогическую систему такого воспитания с большим практическим опытом в этой области. Таким образом, сложилась законченная педагогическая доктрина, которая, несомненно, является ценной и для будущего. Можно вкратце перечислить некоторые основные концепции этой педагогической доктрины:

1. Основой образования и воспитания кадет является идея верного служения с детства своему Отечеству на военном и гражданском поприщах, основанного на Вере и на любви к этому Отечеству, в согласии с традиционной **исторической системой ценностей** страны. В Указе Царя Петра I об основании первого кадетского корпуса в России такая ценностная ориентация конкретно отмечена ссылкой на Православие.

2. Тщательный отбор воспитателей и тщательная разработка общей программы, предметов обучения и общих педагогических структур и норм в кадетских корпусах.

3. Главной целью средних учебных заведений вообще, и кадетских корпусов в частности, является не только обучение, но также и **воспитание** молодежи. Целью воспитания является достичь хорошего **«поведения»** молодежи и юношества. Обучение хорошему поведению и хорошим навыкам полностью возможно только лишь в детском и юношеском возрасте, в то время как обучение наукам и ремеслам может происходить в любом возрасте.

4. Такое воспитание возможно только лишь при категорическом соблюдении внешней и внутренней дисциплины. В латинском языке само слово дисциплина неразрывно связано по смыслу со словом «ученик» (*discipulus*).

5. Однако достижение хорошего воспитания и хороших навыков с помощью одной лишь дисциплины невозможно. Для этого необходимо укрепление общих религиозных и нравственных верований и традиций в юношестве и установление цельной системы жизненных концепций, базирующихся на этих верованиях и традициях. Поэтому в русских императорских и зарубежных кадетских корпусах существовали системы так называемых **«заповедей»**, в которых выпукло и в краткой форме резюмировались эти верования, традиции и концепции, главным образом **идейного и патриотического характера**. Главными из них являются **«12 Заповедей Товарищества»** Великого князя Константина Константиновича. Особенное значение имеют Заповеди 4, 5 и 6: *«Долг дружбы преклоняется перед долгом товарище-*

ства. Долг товарищества преклоняется перед долгом службы. Честь непреклонна, бесчестие во имя товарищества остается бесчестием. Затем, уже в эмиграции, директор Первого русского кадетского корпуса, генерал-лейтенант Б. В. Адамович установил «**67 Заветов**» кадетам, из которых нужно особенно отметить 6-й Завет: «*Помнить, чье мы имя носим*».

6. Помимо этого, обращалось большое внимание на **манеры поведения**, каковые отражали не только идейные и нравственные установки, но также эстетические и гигиенические правила. Многие правила хорошего поведения тесно связаны с нравственной, психологической и физической гигиеной.

7. Обращалось особенное внимание на развитие способностей для анализа любой информации и любых ситуаций, а также и способности для формирования и обобщения идей и концепций. Кроме того, развивались способности для выработки положительных предложений и принятия правильных решений.

8. В области обучения обращалось особенное внимание на ясное понимание общего смысла отдельных наук, а не на зубрежку их деталей.

9. Среди наук особенное место выделялось для двух иностранных живых языков, которые в течение семилетнего срока обучения должны были быть освоены полностью. Кроме того, изучались основные понятия латинского языка, чтобы можно было с помощью словаря переводить основные тексты. Также требовалось достаточно хорошее владение основными познаниями всемирной истории.

10. Воспитание и обучение в кадетских корпусах имели одной из главных целей **отбор и тренировку лучших человеческих ресурсов страны** для служения государству и народу. Посему принцип **селекции** лежал в основе не только принятия в эти учебные заведения, но и во всей их педагогической программе. Эта селекция должна вести к достижению кадетами высокой личной и общественной нравственности и общей культурности. Конечной задачей кадетского воспитания является формирование **нравственного позвоночника общества и народной элиты для государства**, которое должно быть оборонительной оболочкой этого общества.

11. Русская кадетская педагогическая система основывается не только на общих методологических принципах, но также и на специфических коренных русских идейных, мировоззренческих и культурных началах и ценностях. В этом заключаются ее **уникальность и превосходство**.

12. **Кадетское воспитание это — нравственное и патриотическое воспитание на базе хорошего гуманитарного образования и военно-физической подготовки.**

Царский ПУТЬ

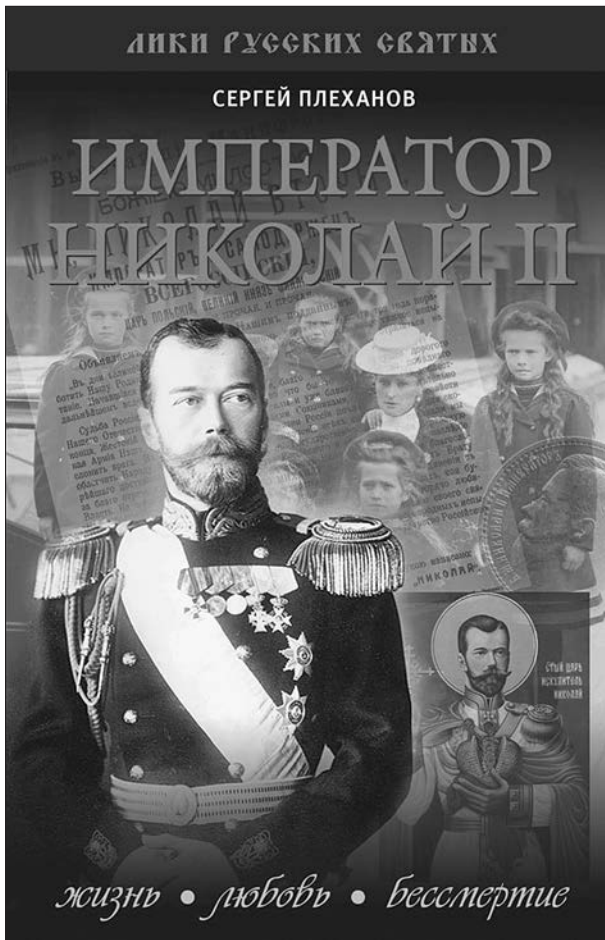
ВЕЛИЧИЕ ЖЕРТВ, НИЧТОЖЕСТВО ПАЛАЧЕЙ

Нпросто сегодня сказать что-то оригинальное по теме, обозначенной в названии работы Сергея Плеханова¹. Какие только произведения, посвященные судьбе последнего русского Царя, не увидели свет за последние два десятка лет — и переводные, и белоэмигрантские, и созданные в постсоветскую эпоху отечественными авторами.

Но и на этом разнообразном фоне отмечаешь свежесть авторского взгляда, владение богатой документальной основой, позволившее привлечь не «заезженные» источники, но извлечь из забвения множество свидетельств современников, рассыпанных по малоизвестным и труднодоступным изданиям. Сведенные вместе, они дают ощущение новизны и убедительности авторского прочтения судьбы Императора в контексте политических событий эпохи.

Автор сумел так представить общеизвестные факты, что они раскрылись с необычной стороны. Только один пример: объясняя причины назначения министром внутренних дел А. Протопопова, сыгравшего, как известно, роковую роль в падении Самодержавия, С. Плеханов делает убедительное предположение, что Император осознанно шел на выдвижение этого ничемного думского болтуна, чтобы продемонстрировать критикам цену заклинаний об «ответственном правительстве», постоянно раздававшихся с думской трибуны. А ведь в историографии утвердился «железобетонный» вердикт: назначение Протопопова — результат интриг «распутинской партии». Так автор ненавязчиво опровергает и тезис о всеилии временщика. Когда таких штрихов много, они складываются в

¹ Плеханова С. Император Николай II. Жизнь, любовь, бессмертие. М.: Книжный мир, 2014.

привлекательный портрет эпохи и самого героя книги, что выгодно отличает ее от множества ангажированных сочинений.

Биография строится не как объективированное повествование, основанное на исторических источниках. Автором найден выигрышный ход, делающий его самого как бы участником исторического процесса, стоящего в конце длинной цепи событий. Той ниточкой, которая протянулась между рассказчиком и Императором, служит образ Ипатьевского дома, в каком-то смысле повторившего судьбу Царской Семьи. С этим немым свидетелем злодеяния также расправились, чтобы окончательно похоронить память о кошмарной июльской ночи 1918 года.

Привлечение ранее не использованных свидетельств современников,

собранных по крупицам из малотиражных журналов зарубежья, а также полученных автором из уст в уста от людей, еще помнивших непосредственных участников драмы, пережитой Россией в начале XX века, как бы приобщает читателя к открытию новых исторических фактов. Интересны впечатления автора, почерпнутые в странствиях по советской глубинке, где еще сохранялись ныне утраченные или варварски «отреставрированные» памятники старины, служившие декорацией этой драмы.

Немаловажное достоинство книги — соотнесение исторических реалий с мировосприятием автора, показ того, как писатель делал первые шаги по следам своего героя. С. Плеханов начал заниматься темой убийства Царской Семьи еще в 1970-е годы, когда молодым журналистом стал свидетелем неравной борьбы, которую вели уральские патриоты против всеильной обкомовской верхушки, принявшей решение замести следы кровавого злодеяния. Побывав в доме Ипатьева незадолго до его сноса, увидев затем его руины, писатель уже в те годы начал собирать документальные материалы, отправился по местам, связанным с последними месяцами жизни Императорской Семьи, с деятельностью таких неоднозначных фигур как Распутин, встречался с людьми, еще способными передать нити устных преданий о трагических днях России. Все это нашло отражение в небольшой,

но очень емкой книге, которая поможет новым поколениям граждан России увидеть масштаб свершений последнего русского Самодержца, на котором прервалась славная династия, превратившая небольшую, слабую, во многих отношениях отсталую страну в мировую державу. На месте восточноевропейского захолустья в считанные десятилетия поднялся колосс, опрокинувший хищнические империи, до того невозбранно хозяйничавшие по всему европейскому пространству. Пронзительные слова нашел автор о вкладе Российской Державы в ту титаническую борьбу, которую вели свободолюбивые народы против агрессивного блока, возглавляемого Германией.

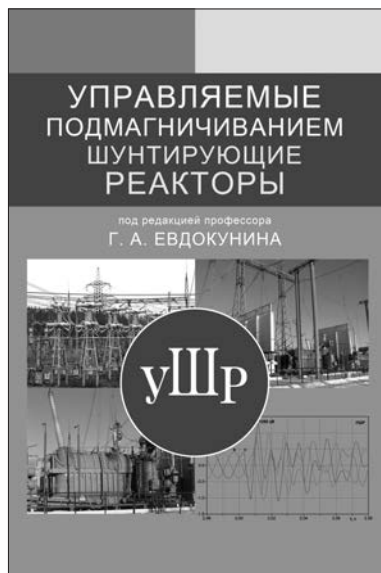
В сжатом, динамичном повествовании С. Плеханову удалось представить образ последнего Императора не в том хрестоматийном ключе, что сложился за многие годы. Перед читателем предстает деятельный, сосредоточенный, эрудированный человек, под внешне бесстрастной личиной которого жила душа истинного патриота, глубоко страдавшая от невозможности найти опору в обществе, пораженном неверием в созидательные силы собственного народа, искавшем образцы для подражания в западном мире. В том мире, который оказался безучастным свидетелем того, как кратковременное торжество либеральных идей сменилось хаосом. Невольно приходят на ум параллели с нашим временем.

Владимир Кондратьев

ВЫША КНИГА

Управляемые подмагничиванием шунтирующие реакторы / М. В. Дмитриев, А. С. Карпов, Е. Б. Шескин, А. Г. Долгополов, Д. В. Кондратенко / Под ред. Г. А. Евдокунина. — СПб.: Родная Ладога, 2013. — 280 с.

В книге анализируются установившиеся и переходные процессы в электрических системах, в которых установлены управляемые шунтирующие реакторы. Иллюстрации различных режимов работы реакторов даются на основании тщательного компьютерного моделирования как самой электрической системы, так и управляемого реактора.

Ольга КУЛИКОВСКАЯ-РОМАНОВА

**ОТ ЯПОНСКОГО
МОРЯ ДО БАЛТИКИ,
ОТ АТЛАНТИКИ
ДО ТИХОГО ОКЕАНА**

*400 лет Династии
Романовых.
Выступление на XVII
Всемирном Русском
Народном Соборе, 2013 год*

Наше заседание, посвященное роли Династии Романовых и российской цивилизации, проходит в стенах дивного Новоспасского монастыря в юбилейный год 400-летия восшествия на Российский престол первого Царя из боярского романовского рода. Многие славные представители рода и Императорской Фамилии нашли упокоение в стенах обители. Пока будут теплиться лампы у их гробниц и будут возноситься теплые молитвы о них ко Господу, память о романовской, царской России не умрет в сердцах русского православного народа.

Если охватить мысленным взором торжества в честь 400-летия воцарения Династии Романовых, идущие по всему Русскому миру на разных континентах, то вырисовывается грандиозная картина. Со всех сторон она будет рассмотрена в докладах участников и найдет отражение в итоговых документах нашего Собора.

Со своей стороны, мне хотелось бы рассказать о вкладе нашего фонда

Ольга Николаевна Куликовская-Романова — родилась в Югославии. Вдова Тихона Николаевича Куликовского-Романова. Окончила Мариинский Донской институт благородных девиц (филиал Смольного), эвакуированный из Новочеркаска во время Гражданской войны в г. Белая Церковь, Югославия. Получила медицинское, коммерческое, архитектурное образование, владеет семью языками. В 1991 году вместе со своим супругом Тихоном Николаевичем организовала благотворительный Фонд «Программа помощи России» имени Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны, своей свекрови. После смерти мужа в 1993 году возглавила деятельность Фонда. Почетный академик Российской Академии Художеств (2005), автор множества публикаций, а также нескольких книг. Член СП России. **Живет в Канаде.**

Е. И. В. Великой княгини Ольги Александровны в празднование юбилея, который мы готовили многие годы. В первую очередь надо было рассказать в России правду о святой Царской Семье, о Династии Романовых.

Среди замечательных русских женщин, стремившихся отдать себя служению России, была и младшая дочь Императора Александра III, сестра Царя Николая II — Великая княгиня Ольга Александровна, моя дорогая свекровь. Документы свидетельствуют о многогранной и многосторонней деятельности Великой княгини, о помощи страждущим в период Русско-японской войны.

Мне рассказывал Тихон Николаевич, что в то же время его матушкой было основано общество по уходу за могилами павших на войне. В годы Первой мировой войны, 100-летие начала которой мы отмечаем в следующем году, Великой княгиней на собственные деньги были организованы госпитали в Проскурово, Ровно и Киеве, в которых она работала обычной сестрой милосердия. С какой искренностью и теплотой она относилась к раненым в госпитале! Многие больные даже не предполагали, что за ними ухаживает сестра Императора, настолько скромно себя держала Ольга Александровна. В одном из писем племяннице Великой княжне Татьяне она писала: «Мои дорогие ахтырцы ужасно милы. Я сама ежедневно их перевязываю, никому не уступаю». Благотворительность Великой княгини была частью ее жизни.

Представить себе трудно, что более двадцати лет прошло, как в декабре 1991 года я впервые ступила на русскую землю. Родина, которая грезилась во снах, «земля обетованная», куда мечтали вернуться родители, стала явью. Династия Романовых, Русь, казалось, навсегда ушедшая, Божиим промыслом возвращались.

Когда мы с Тихоном Николаевичем решили увековечить память Великой княгини Ольги Александровны, то ничего лучшего не могли придумать, как создать благотворительный фонд Ея имени. «Багрянородная» Сестра святого Царя-мученика Николая всю свою жизнь оставалась верна идеалам добра и милосердия. Мы поставили своей целью вернуть светлый образ Великой княгини на родину. Вернуть, не просто рассказывая в кругу новых друзей об этой прекрасной русской женщине, а воплощая в реальные благотворительные дела ее жизненный девиз: «Быть, а не казаться!».

Большой друг нашей семьи, дочь Великого князя Константина Константиновича, известного поэта «К.Р.», почетный председатель Объединения князей Романовых, попечитель зарубежных кадет княжна Вера Константиновна поддержала нашу идею. В семейной переписке мы живо обсуждали дела только что родившегося фонда. В письме от 12 июня 1992 года княжна Вера Константиновна написала Тихону Николаевичу: «Посылаю свою лепту на основанный тобою фонд имени твоей Матери — святое дело». А узнав о результатах моей очередной поездки и регистрации филиалов фонда в Москве и Санкт-Петербурге, княжна Вера Константиновна благодарила «за чудное описание, — как она выразилась, — **похода Ольги на Родину**. Какой она молодец — недаром казачка», — похвалила меня княжна.

В юбилейный год 400-летия воцарения Династии Романовых наш Благотворительный фонд имени Великой княгини Ольги Александровны вступил в третье десятилетие своей успешной деятельности. Возрождая исторические русские традиции, мы загодя подготовили обширную юбилейную

программу. Ее масштаб от Японского моря до Балтики, от Атлантики до Тихого океана.

Выставкой акварелей багрянородной художницы во Владивостоке, где солнце встает над Россией, в январе-феврале 2013 года мы открыли нашу фондовскую программу к 400-летию воцарения Династии Романовых. Смысловым ядром экспозиции в юбилейный год стали личные вещи святой Царской Семьи и оригинальное панно, подаренное Государю Николаю II к 300-летию правления Дома Романовых. Все эти долгие годы панно хранится в нашей семье. По инициативе председателя фонда была изготовлена точная копия оригинала с одним только изменением в датировке, а именно: рядом с датой «1613–1913» указана и вторая — «1613–2013». Теперь оба панно демонстрируются вместе как культурно-исторический дар одного из достойных представителей Династии Романовых всему русскому народу и каждому человеку, любящему Россию.

19 мая 2013 года, в день рождения Государя Императора Николая Александровича, открыли выставку уже в Екатеринбурге, на Уральской Голгофе. Оригинальное воспроизведение исторического юбилейного панно и памятную фондовскую медаль к 400-летию воцарения Династии Романовых преподнесла Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу. В те дни он посещал с визитом Екатеринбургскую митрополию.

В августе месяце завершилась выставка в Тобольске, городе, где находилась в заточении Царская Семья. Это была уже третья экспозиция за нынешний год. Бог даст сил, продолжим начатое дело. Тем более что получила массу приглашений из самых разных мест России и других стран.

Вместе с Отечеством Русский мир в рассеянии также с большим размахом отмечает царский юбилей. Подтверждением являются торжества в канадском Торонто. Должна сказать, что выбор места для Всезарубежного юбилейного собрания был чрезвычайно удачен. Ведь здесь жила и упокоена последняя законная русская Великая княгиня Ольга Александровна, сестра Царя-страстотерпца Николая II. За устроенный праздник мы должны поблагодарить Архиерейский Синод Зарубежной Церкви во главе с митрополитом Иларионом, архиепископа Монреальского и Канадского Гавриила, приход и настоятеля Свято-Троицкого собора в Торонто. В рамках юбилейных торжеств зарубежные архиереи во главе с митрополитом Иларионом отслужили панихиду на могиле Великой княгини Ольги Александровны. Мне довелось выступить с докладами о Династии Романовых и деятельности фонда в различных аудиториях.

По приглашению главы Среднеазиатского митрополичьего округа Владыки Викентия побывала дважды с визитами в Ташкенте, где встречалась с официальными лицами и православными верующими в столице Узбекистана, посетила древние Самарканд и Бухару, приняла участие в различных мероприятиях, направленных на укрепление Русского мира в дружественной нам стране.

Опираясь на мощный фундамент доброделания и общенародную поддержку, мы еще в прошлом году объявили о начале новой общероссийской и международной акции. По благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла наш фонд совместно с Новоспасским мужским монастырем начал сбор средств на отливку и установку 1000-пудового (16-тонного) колокола-благовестника. Выбор пал на Новоспасский

монастырь потому, что здесь находится усыпальница бояр Романовых, а в начале 1990-х годов эта обитель дала приют нашему фонду. История Новоспасской обители тесно связана с Царской Династией. Михаил Федорович, первый Царь из рода Романовых, возвел белокаменные стены и построил четыре храма на территории монастыря, а также обустроил над местом погребения своих родственников Знаменский храм, ставший усыпальницей рода Романовых. На протяжении веков русские цари сохраняли благоволение к Новоспасской обители. Здесь погребен Великий князь Сергей Александрович, дядя Царя-страстотерпца Николая II и супруг преподобномученицы Великой княгини Елисаветы Феодоровны.

«Романовский благовестник» посвящен святым Царственным страстотерпцам. На мемориальном колоколе изображена Феодоровская икона Божией Матери, родовая святыня Дома Романовых, святые Царственные страстотерпцы, Архангел Михаил и святой блаженный Алексей, Человек Божий. Вес колокола составляет тысячу пудов (около 16,5 тонн).

Надпись на колоколе гласит:

«Лит сей колокол лета 2013 от Р.Х. в год 400-летия Дома Романовых к Новоспасскому ставропигиальному мужскому монастырю первопрестольного града Москвы, по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, при главе Государства Российского Владимире Путине, радением боярыни Ольги Куликовской-Романовой, председателя благотворительного фонда Ея Императорского Высочества Великой княгини Ольги Александровны, с благочестивыми жертвователями».

Первыми на наш призыв откликнулись митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, внесший 50 тысяч рублей личных средств, и семья московских ветеранов Бугаевых, пожертвовавших на колокол из своей невеликой пенсии. Всего же фонд перечислил на изготовление колокола более полутора миллионов рублей, и сбор средств продолжается.

29-го августа вместе с наместником Новоспасского монастыря епископом Саввой побывали в древнем Романове-Борисоглебске, ныне городе Тутаеве, Ярославской губернии. Здесь, на левой стороне Волги, на Колокольнойлитейном заводе Николая Шувалова присутствовали на заливке Колокола-Благовестника. Через месяц колокол освятил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

За прошедшие двадцать три года, смею думать, наш Фонд имени Е. И. В. Великой княгини Ольги Александровны оказал влияние на становление и развитие всей благотворительной деятельности в России. Он привнес в эту важнейшую сферу человеческого общежития христианские идеалы милосердия, сострадания, помощи и любви к ближнему. Следуя традициям, заложенным еще ведомством Императрицы Марии Феодоровны, фондом Государя Александра III, Великой княгиней Ольгой Александровной, наш фонд показал пример совместного общественно-государственного и международного сотрудничества в этой области. Оказывая помощь другим, мы приобрели наше главное богатство — любовь и поддержку русского православного народа в Отечестве и рассеянии, всех людей доброй воли вне зависимости от религиозной и национальной принадлежности, разделяющих высокие идеалы милосердия и благотворительности. В юбилейный год 400-летия воцарения Династии Романовых особенно ясно видно: Царская Россия объединяет всех в любовь!

Галина СКОТНИКОВА

ДУХОВНАЯ МУЗЫКА САНКТ- ПЕТЕРБУРГА

*Из истории хоровой
культуры конца
XX века: «Россика»
Валентины Копыловой*

Галина Викторовна Скотникова — доктор культурологии, профессор. В Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств читает курсы культурологии, культуры Византии, искусства Византии. Участник Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» (о. Родос). Член жюри конкурса «Служение Отечеству: события и имена», проводимого Межрегиональным общественным фондом «Центр Национальной Славы России». Изучает проблемы самобытности русской духовности и культуры. В монографиях «Византийская традиция и русская культура» (2001), «Византийская традиция в русском самосознании» (2002) и в статьях последних лет исследовала проблему византизма в русской философии культуры и византиноведении, государственном и общественном сознании. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Петербургу свойственно звучать. Он полон гармонии, внешне воплощенной в его художественной идее и незримым резонансом живущей в глубине внутреннего мира коренных горожан. Музыка Петербурга проникает в нас, нас питает. Однако в последние годы, хотя городу и возвращено его подлинное имя, музыкальная стихия словно оставила его. Странная глухота, блеклость, обветшалость городской среды и приземленность, стертость человеческих отношений, лишенных изящества, чуткости душевных интуиций. Город стал похож на неозвученную, немую партитуру, будто забыл себя, выпал из истории. Оставшись прежним, сделался новым, незнакомым, чужим. Изменились привычные маршруты, кафе, адреса, лица. Настигало уныние, но ... не настигло. Как и во все времена, подлинная культура, сохраняя трагичность — свое ипохондическое свойство, — живет, идя по линии наибольшего сопротивления, как бы силясь вспомнить, открыть и сохранить сакральные, вертикальные, вечные ценности.

Известно, что в русской культуре определяющая жизненная ценность — подлинность. Исток ее — в святости как высшем идеале. Сокровенная жизнь соборной народной души окормляется светоносными святынями. В них таинственно чаемый путь и высшее призвание обретают благодатное водительство, позволяющее за внешней, социально-исторической реальностью прозревать идею народа, мистический смысл жизни России, устремленной к полноте абсолютного духа. Оттого ложь — ужасный грех, воровство жизненных сил, дьявольское наущение, иллюзия бытия. Грех, ставший самым страшным сегодня, ибо ложь повсюду. В социальном плане подлинность *обесценена*: абсурд претен-

дует на норму жизни, сделалась угнетающе ощутимой энтропия ценностей. В экзистенциальном плане подлинность *бесценна*: сердце живет высшими смыслами, дающими силу «перетопить самый тяжкий камень». Никакими внешними средствами нельзя надломить народную жизнь, если она верна своим исконным, архетипическим духовным основам.

Русский философ, православный христианин, религиозно одаренный человек, Иван Александрович Ильин писал: «Мы **научились хорошо нашу национальную святыню в недостижимости**. Мы постигли тайну уходящего Китежа, столь недоступного врагу и столь близкого нам, неразрушимого и всеосвящающего; мы научились внимать его сверхчувственному, сокровенному благовесту; в дремучей душевной чаще нашли мы таинственное духовное озеро, вечно огражденное, навеки неиссякающее, — **богovidческое око русской земли, око откровения**. И от него мы получили наше умудрение; и от него мы повели наше собрание сил и нашу борьбу, — наше национальное Воскресение... И от него мы поведем и впредь наше освобождение и национальное восстановление, — все равно, какие бы хищники не завладели временно нашей Россией и какие бы народы не вторглись в наши пространства... Вот откуда наша русская способность — незримо возрождаться в зримом умирании, да славится в нас Воскресение Христово!»

Животворящее начало русской культуры неотделимо от духовного песнопения, соборной молитвы. В древности саму службу, литургию, называли пением. Россия немислима без пения, она вся — песня. Подобно тому, как русский пейзаж неполон, незавершен без церкви, ибо он изначально как бы таит ее в себе: смысл дали русской равнинности «в бесконечности, смысл бесконечности в Боге» (Ф. А. Степун), так и русское мироощущение ущербно без внутреннего духовного излучения, столь щедро и всеобъемлюще воплощенного в православном певческом искусстве. Духовная музыка — «врата в вечность» — музыка бескрайняя и бесконечная как русская земля, преодолевающая замкнутость посюсторонних форм, ибо дух не может вписаться в конечные формы жизни. Православное песнопение — это осмысленно возвышенный свечением умного, любящего и радостно просветленного сердца дух. Это свободно-созвучное единение голосов-душ, свидетельствующее о жизни Бога в соборном народном сердце.

Как отмечал Г. П. Федотов, в Петербурге — «одном из легких великой страны, всегда открытых западному ветру...», быть может, как нигде в России», сильно ощущение глубоко почвенной, национально-культурной традиции. Накал этого ощущения тем сильнее, чем более европейски цивилизованным становится город. Обе тенденции проявляют присущую идею города, его архетипу, противоречивость, напряженную полярность. Противоборствуя, они уравнивают друг друга, позволяя городу оставаться русским.

Для личности история отечественного прошлого — не хронологические таблицы, не перечень важнейших дат, событий, культурных достижений. История — то, что живет в нас как совокупность духовно-личностных смыслов минувшего, определяя сегодняшнее мироотношение и мироощущение. В современном Петербурге все отчетливее становится слышен голос Древней Руси, подтверждая истину, поэтически выраженную И. А. Буниным:

*Я говорю себе, почуяв темный след
Того, что пращур мой воспринял в древнем детстве:
Нет в мире разных душ, и времени в нем нет!*

С древнерусской певческой традицией петербуржцы знакомятся, прежде всего, благодаря творчеству одного из самых интересных и самобытных музыкальных коллективов города, хорового ансамбля «Россика». Основатель и художественный руководитель хора — Валентина Сергеевна Копылова-Панченко. Во многих отношениях «Россика» — чисто петербургский союз музыкантов. Критерий этому — характер творческого кредо. Основу репертуара хора составляют древнерусские песнопения, позволяющие ощутить благотворную, живую связь времен.

Впервые публика услышала ансамбль «Россика» в 1976 г. (исполнялись песнопения Страстной седмицы) в старинном зале Певческой капеллы на Мойке, небольшой углубленный дворик которой, словно музыкальная раковина, улавливающая гармонические созвучия.

*Над Певческим мостом вечерний воздух чуток,
И ритм мерцающей звезды стал зримым в зеркале воды.
Вновь окунулась не спеша в предощущение душа:
В вечернем воздухе живет музыки трепетный аккорд.*

Вкус к подлинности, вера в «звезду вдохновения» и животворящую силу вечных духовных ценностей, способность идти «во имя прекрасного против течения» определяют лик «Россики». Столь неслучайным кажется сочетание этих двух слов: лик и «Россика». Лик — духовная сущность, прозреваемая за внешними, видимыми формами. Словом «лик» в Древней Руси нередко именовали церковный хор. Хор в России — не просто один из художественных жанров. В нем музыкально-целостно, жизненно-реально воплотился тип православной духовности, соборность мировосприятия как свободная устремленность русского сердца к стяжанию благодати Святого Духа.

В послеоктябрьский период духовного помрачения и беспамятства русская хоровая культура переживала не лучшие времена. Жесткая политико-идеологическая утилитаризация хорового пения, превращение его в «массовый плакат» грубо препятствовали естественному развитию хорового искусства. Забвение традиций, проявившееся в хоровом воспитании и профессиональном образовании, повлекло за собой спад, утрату навыков хорового музицирования.

Православно укорененная отечественная хоровая музыка — стихия русскости, дающая ощущение духовной родины. Напомню, что до 1933 года, как пишет А. И. Солженицын, «за одно дуновение русского чувства казнили, травили, ссылали». Ренессансные явления, постепенно набиравшие силу с конца 1950-х годов, рельефно проявились в изменившемся качестве хоровой культуры после 1988 года (празднования Тысячелетия Крещения Руси, ознаменовавшего начало периода новых отношений между государством и Церковью, Церковью и обществом). Появилась возможность восстановления в общественном сознании подлинных представлений о художественной сущности русского хорового искусства, его значении в нашей культуре.

Кратко проследим историю освоения древнерусской певческой традиции в нашем городе в послеоктябрьскую эпоху. В конце 1950-х годов крупнейший знаток древнерусской музыкальной системы Николай Дмитриевич Успенский (1900—1987) создал небольшой мужской ансамбль для исполнения выполненных им расшифровок старинной нотации, в основе которых было стремление услышать звучание смысла слова, раскрывающего духовные истины. Работа ансамбля в то время не могла быть предназначена для концертных выступлений, не имела широкого слушателя. Однако записи его сохранились и в настоящее время принадлежат фонотеке Петербургской консерватории.

Духовным подвигом или чудом продолжались в Петербурге певческие и дирижерско-хоровые традиции высокого профессионализма. Их хранителями были истинные служители хорового искусства, от Бога музыканты. Авенир Васильевич Михайлов (1914—1983): само звучание имени этого человека как действие живой воды. Светлеют лица, исчезает обыденность, моложе душа. В современном Петербурге сохраняется высокий авторитет этого замечательного музыканта, живо искреннее почтение учившихся, певших и слушавших его хор людей. Среди учеников А. В. Михайлова дирижеры, творчество которых во многом определило лицо музыкально-хоровой культуры города — В. Нестеров, С. Легков.

Валентин Иванович Нестеров — представитель более молодого поколения хормейстеров, создатель и дирижер Камерного хора Хорового общества Ленинграда (1967—1984). Творческая энергия и увлеченность определяли ауру хора. Казалось, что ему было подвластно все: от древнерусских распевов до сочинений авангарда. Различные традиции, школы и направления оживали по воле маэстро, щедро дарившего свое искусство публике, управлявшего хором, не знавшим технических трудностей. Заполненные до предела залы были неизменным атрибутом концертных выступлений коллектива. Впервые древнерусские песнопения (расшифровки М. В. Бражникова и Н. Д. Успенского) были исполнены Камерным хором в 1968 году. Зазвучало русское Средневековье, живущее в глубинах прапамяти как некая безусловная интуиция, чистый духовный камертон. Неисповедимы пути духовных влияний. Звуки, вошедшие в мир, собранные дирижерской волей в смысловые созвучия, не исчезают бесследно. Начиная с 1970-х годов, новые творческие силы города устремились к постижению музыкального архетипа русской культуры — певческого наследия Древней Руси, обратились к духовным жанрам последующих эпох. Студенческий хор консерватории под руководством К. Н. Никитина стал своеобразной лабораторией, озвучивая расшифровки Бражникова и его учеников. Значительным событием культурной жизни города и страны явился фестиваль «Невские хоровые ассамблеи»¹ (1981), организованный благодаря инициативе ректора Ленинградской консерватории, нынешнего руководителя Петербургской певческой капеллы имени М. И. Глинки Владислава Александровича Чернушенко. Впервые за многие годы отечественное хоровое наследие оказалось представлено публике так широко и щедро. Тема фестиваля — «Пять веков русской хоровой музыки», звучали народная песня, церковные песнопения, светские хоровые сочинения *capella*.

---

¹ Несмотря на многие трудности фестиваль «Невские хоровые ассамблеи» стал традиционным. Он проводится в Петербурге и во втором десятилетии XXI века.

Настоящий хоровой университет для петербуржцев — ансамбль «Рос-сика», объединяющий вокруг себя известных литературоведов, историков культуры, музыковедов. Если попытаться найти ключевое слово для характеристики этого хора, то это слово — подлинность. Естественность звукоизвлечения, гибкость, полетность, целомудренность звука, одухотворенность исполнения — звуковая монограмма ансамбля.

За годы работы коллективом было подготовлено несколько десятков ранее неизвестных программ. Изучение и включение в концертную практику русских музыкальных памятников осуществляется им на глубокой научной основе, в тесном контакте с ведущими учеными. Именно это и определило создание «Центра русской музыки», ядром которого явилась «Россика».

В раскрытии современному сознанию музыкальной выразительности Древней Руси важная роль принадлежит исследователю-медиевисту, осуществляющему «перевод» на современную нотацию крюковых песнопений, приближающему хор к постижению церковной певческой интонации, ритма развертывания древнего напева, его тембровых красок, специфики многоголосия. Ансамбль открыл публике имена одаренных музыковедов, способных, говоря словами князя В. Ф. Одоевского, «воспроизвести в себе тот процесс, посредством которого с незапамятных времен творилось народное пение сочинителями безымянными», — А. М. Ратьковой, Н. С. Серegiной, Е. Л. Бурилиной, И. П. Ефимовой.

Неизменно в репертуаре «Россики» присутствуют расшифровки музыки русского барокко, выполненные такими признанными мастерами, как Н. А. Герасимова-Персидская, В. В. Протопопов. Многие расшифровки прекрасно сделаны самой Валентиной Копыловой.

Древнерусские церковные песнопения глубоко онтологичны. Их музыкальный строй — выявление «неслышного в слышимом», реальности Истины. Это непосредственно просачивающаяся в нашу душу сокровенность, пребывание в Боге. Звук всегда глаголет прямо в душу, его нельзя воспринять иначе. Православное пение предстает как «умозрение в звуках».

В конце XX века древнерусские песнопения выходят из сферы культа навстречу культуре. В начале века так была открыта икона — «умозрение в красках» (кн. Е. Н. Трубецкой), сделавшая очевидным русское самосознание. Русская христианская философия открыла в иконе свою собственную судьбу. Сегодня древние песнопения русские духовные архетипы, завещанные идеалы слышит душа. В 1915 году гениальным предвозвестием этого явилось «Всенощное бдение» С. В. Рахманинова, вскрывшее, по словам Б. В. Асафьева, «до глубины дна русское начало». «Слышимое самосознание» есть свидетельство причастности (при-частия) к горнему, сфере реальной, но недоступной разуму, умонепостижимой. Вспомним, что русская философия есть самопознание русской духовной сущности, каковой в архетипической глубине предстает Православие. Православие в России — не только исповедание, менее всего теоретическая доктрина. Это мироощущение, которому доступна цельность, «живой закон единения», «внутренняя правда жизни» (А. С. Хомяков). Русское самосознание никогда не ограничивается (не умещается) сферой чистого философско-рационального, отвлеченно-рассудочного пути. Художеству же, в свою очередь, как бы тесно в чувственно-эстетических, самодостаточно-«игровых» рамках. Его основной интенцией является обнаружение смысловой оси бытия. Не маска и игра

как уход от обыденности, а стремление их преодолеть посредством гармонии и красоты, приближающей к истине жизни. Русскими мыслителями «философия отчетливо осознается и убежденно утверждается как появление враждебного всякой дифференциации проявления целостности духа, как художественно-свободное... закрепление волевого устремления к религиозному преобразению жизни» (Ф. А. Степун).

В раскрытии слушателю традиции древнерусского знаменного пения для ансамбля «Россика» особенно плодотворными были сезоны 1988—1990 годов. В Малом зале имени М. И. Глинки филармонии проходили концерты коллектива, посвященные Тысячелетию Крещения Руси, ставшие важной вехой в духовно-музыкальной жизни города. «Россика» возвращает нас на русский путь — путь русскоискательства, самопознания, духовного проникновения в Россию, путь собирания сил для ее восстановления. В рамках названного цикла было подготовлено шесть программ, прозвучавших впервые: «Византия и Древняя Русь», «Русские роспевщики Средневековья», «Русское хоровое барокко», «Сказание о Батыевом нашествии», «Литургия Новгородского Софийского собора», «Музыка восточно-славянского барокко».

Творческий стиль ансамбля «Россика» во многом определен счастливым сочетанием качеств его художественного руководителя. Дирижерско-хоровую деятельность В. С. Копылова сочетает с профессиональными научно-исследовательскими интересами. Предмет ее научных занятий — русское хоровое барокко и петровские канты.

Валентина Сергеевна является автором программ и расшифровок сочинений XVII века, на основе которых осуществлено издание сборника «Русские канты XVII века», а также запись пластинки «Василий Титов». В. С. Копылова — автор-составитель учебника для вузов «Русская хоровая музыка XVI—XVIII веков», не имеющего аналогов в истории русского хорового образования. Вместе с тем вопрос о том, увидит ли свет столь долгожданный и необходимый учебник, остается открытым, ибо дальнейшая судьба издательства «Музыка», переориентировавшего в настоящее время свои организационные цели и планы, весьма неопределенна. Также проблематична возможность включения в культурный обиход подготовленных к публикации сборников «Русские центры кантовой культуры», «Пасторали XVIII века», «Музыка школьной драмы», «Псалтирь рифмованная Симеона Полоцкого и Василия Титова». В обширном десятитомном издании русской хоровой музыки, осуществляемом В. Морозовым (США), музыка Средневековья и барокко составляет только один том (1-й том), что, разумеется, далеко не исчерпывает всех запасов, а есть лишь намек на наличие богатейших пластов хорового наследия.

«Россика» — своеобразный тип художественного коллектива, продолжающий чисто национальные певческие традиции. Коллектив представляет собой ансамбль из 16—20 певцов высокой квалификации, каждый из которых исполняет как солист свою хоровую партию в 8-, 16-, иногда 24-голосных партитурах. В настоящее время ансамблей такого типа как «Россика» нет ни в нашей стране, ни за рубежом.

Концертные выступления коллектива всегда представляют собой некое музыкальное действие. Происходит преодоление рамок сугубо академических выступлений, вытекающее из общей художественной задачи каждой подготовленной программы. Краткие вступительные слова, небольшие ком-

ментарии перед исполнением отдельных сочинений; историко-культурные вступления в концерт, произносимые авторитетными учеными; исполнение развернутых музыкально-хоровых композиций; выступления в залах музеев, на открытии художественных выставок; исполнение слушательских заявок, оставленных во время перерыва. Хор умеет создавать атмосферу общей включенности в доброе, непринудительное, открытое общение. И всякий раз форма концерта оправдана, интересна, привлекательна.

Явившись инициатором и исполнителем петербургских фестивалей «Святки» (1990, 1991, 1992 гг.), ансамбль способствовал восстановлению целостного образа Святков, возрождению ощущения духовного ритма жизненного времени.

Большое внимание «Россика» уделяет духовно-музыкальному воспитанию детей. Коллектив подготовил специальные циклы лекций-конcertов, вернее, музыкальных бесед в сезоне 1990–1991 гг.: «Библия — детям». В будущем при Центре старинной русской музыки «Россика» предполагается открытие детской «Русской певческой школы».

Для сезона 1992–1993 гг. ансамбль подготовил абонемент «Тысяча лет русской истории в музыке и литературе» (Малый зал филармонии). Абонемент предполагает семь выступлений коллектива, каждое из которых имеет две части — «Киевская Русь», «Древняя Русь и Великая степь», «Грозный царь», «Смутное время», «Русское хоровое барокко XVII века», «Золотой век», «Духовная музыка XIX–XX веков».

Русская духовная музыка, получившая в XX веке «права гражданства» только после 1988 года, вновь входит благодатным светом в культуру России. Словно поднимается со дна озера Светлояр Град Китеж — символ неумирующего духовного идеала народной души, живущего в православных песнопениях — звуковоплощенной молитве, горении к Небесам.

Русские СУДЬБЫ

Татьяна ДОРОНИНА

«ВЗВЕШИВАЯ СЕРДЦЕМ КАЖДУЮ ФРАЗУ»

*Воспоминания о постановке
в БДТ легендарного спектакля
по пьесе Горького «Варвары»*

Из дневника актрисы

Татьяна Васильевна Доронина — родилась в Ленинграде. Народная артистка СССР (1981), художественный руководитель Московского художественного академического театра им. М. Горького, трижды лауреат титула «Лучшая актриса года». На Международном кинофестивале в Тегеране в 1973 году удостоена приза за лучшее исполнение женской роли в фильме «Мачеха». Лауреат премии им. Николая Симонова, Лауреат премии им. Евгения Лебедева. Награждена орденом «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, орденом Дружбы народов, орденом Почета. Главная экономическая награда: «Актриса эпохи» (специальная номинация). **Живет в Москве.**

Конец 1950-х и начало 1960-х — лучшее, что было в искусстве театра. Новые прозаики, поэты и драматурги «прорвались». Казалось, это надолго. Навсегда...

...В Москве родители Олега и его бабушка нас встретили, как всегда. Олега — как единственного сына. Меня — как неизбежность. Ведь должна же быть при сыне какая-то неизбежность, оказалась — эта, пусть так.

Маленькая столовая с круглым столом, угловой лавкой вокруг стола и большим черным буфетом — светила по утрам от солнца и круглого, душистого белого хлеба. Мы блаженно пили кофе — долго, как никогда не удавалось в общепитии: всегда спешили. Мы отдыхали. Позвонил Варпаховский и назначил встречу.

Мы пришли в театр имени Ермоловой, в котором студентами смотрели спектакли и не знали, что это бывший Мейерхольдовский. Леонид Викторович встретил нас улыбаясь. Когда он улыбался и быстро говорил, мне казалось, что любезность — привилегия людей его поколения. «После них» — любезность выродилась, совсем ушла из обихода.

«Сейчас я познакомлю вас с замечательным актером. Он приехал из Киева, до этого работал в Тбилиси. Редкая индивидуальность. Жаль, что обречен. Он болен. Есть такая болезнь под названием «никотиновая гангрена». Это неизлечимо. Ему максимум отпущено еще десять лет».

Я стала ждать с ужасом, я проклинала свою способность, которую мама называет «все на лице». «Ну зачем он сказал про обреченность? Мог и потом сказать, а мог и совсем не говорить. Об этом не говорят».

Раздается стук в дверь. Один. Резкий и громкий. Дверь открывается одновременно со стуком — и

входит, и заполняет собою все — он. На нем темно-синий костюм, белая рубашка без галстука и красивые ботинки с рантом. Я смотрю и вижу именно ботинки. Я боюсь поднять глаза. Я уставилась на эти узконосые модные черные ботинки со шнурками. «Знакомьтесь, Паша, это ваши будущие коллеги из Ленинграда». Большая мягкая ладонь забирает мою руку, и я чувствую сразу, что мягкость этой ладони похожа на мягкость львиной лапы, она обманчива. Я, наконец, отрываюсь от ботинок и вижу загорелое лицо с коротким носом, яркими глазами и с улыбкой, взятой напрокат с другого лица. Зубы с золотыми коронками. После войны были модны «фиксы». Это когда на здоровые зубы надевали золотые коронки «для красоты». Мне показалось, что Паша надел коронки именно для этой самой «красоты».

Мелькание больших ладоней, небрежная быстрая речь, частое похихатывание и мгновенный переход на «ты». Через минуту он громко хлопал Олега по плечу и говорил: «А я, знаешь, Щепкинское заканчивал. Я был с Весником на одном курсе. Ты Весника знаешь?» Он был доброжелателен и щедр. Открытость, как у ребенка. Так сразу, минуя «целые этапы», он шел к человеку, предполагая в каждом такую же готовность быстрого освоения, такое же желание миновать «глупые условности» и быстро «стать своим». Эта привычная позиция «своего в доску» являлась рядом с любезностью и воспитанностью Варпаховского таким диссонансом, что ситуация выглядела комично. Он это сразу почувствовал. Интуиция животного. Нечеловеческая.

Он сразу «красиво» сел, заложил ногу на ногу и сделал другое лицо — интеллигентное и значительное. С таким лицом он повернулся в сторону Варпаховского и сказал: «Так, значит, эти ребята тоже у тебя будут, Витя?» Быть «рубахой-парнем» он мог, это его основная защитная маска в жизни, она ему удобна, облегчала жизнь и делала ее приятной. Но это была маска. На деле он был сложнее, интереснее и значительнее. Он был разным. В нем сидели тысячи разных и только все вместе были — Он. Огромный потенциал. Невиданный. То, что «рубаха» — маска, стало ясно сразу после его вопроса к Леониду Викторовичу. Ведь он не был с ним на «ты», не называл его «Витя», он застенялся при встрече, так же как застенялись мы, он схватил поэтому самую любимую личину, сросся с нею, пытаясь скрыть и свою застенчивость, которой он стеснялся, и свое несчастье, боясь: «А вдруг знают и начнут жалеть».

«А вы что в театре играете?» — спросил он меня с «интеллигентным» еще лицом. А через минуту, уже с другим лицом, другим голосом, обращаясь ко мне же: «Ластонька, а ты разве ленинградка?»

Мы шли с Олегом по теплой и ясной Москве, дышали легким воздухом, какого нет в Ленинграде, и говорили о Луспекаеве и о том, как он нам понравился. Тогда нам одинаково нравились и не нравились все новые знакомые.

Первая репетиция в БДТ. Мы еще доигрываем спектакли на Петроградской, мы еще в БДТ только по совместительству, но переход, по существу, дело решенное. Варпаховскому мы написали письмо с извинениями, мы не могли решить иначе, мы не можем разлюбить и забыть, будто их не было, — «Пять вечеров», «Идиот» и «Синьор Марио пишет комедию».

Возле актерской раздевалки нас встретил заведующий труппой Валерьян Иванович — узколицый, плоский, с глухим голосом, и повел в репети-

ционный зал на второй этаж. За длинным столом в зале сидели актеры и актрисы — знакомые и одновременно еще чужие.

Полицеймако смотрел сквозь толстые стекла очков — приветливо и по-отечески. Красавец Стржельчик встал и первым стал знакомиться. Казико сидела во главе стола — круглое обаятельное лицо, короткая стрижка на совсем седых волосах, мягкие полные губы улыбаются. Актриса — на ампула героинь, встала, подошла к окну и громко, поставленным голосом сказала, обращаясь ко всем и ни к кому: «Ша-а-гает»... Это относилось к актеру, бегущему через дорогу к театру. Стржельчик посмотрел в сторону окна осуждающим взглядом и тоже поставленным голосом произнес: «Вот мы какие». Потом повернулся к нам и сказал: «Вы садитесь, садитесь, не стесняйтесь».

Дверь широко распахнулась, и вошел наш московский знакомый — Павел Луспекаев.

Он чуть припадал на левую ногу, тогда только чуть-чуть, почти незаметно, словно она была немного тяжелее, чем правая. (А может быть, мне тогда это только казалось, потому что я все время думала о его болезни, как только он входил.)

В коричневом костюме, который так шел к нему, оттенял густой цвет его глаз — темных, больших, в светлой рубашке и с «интеллигентным» лицом. Увидев нас, он забыл об «интеллигентном лице», расслабился своей улыбкой с «фиксами», протянул мягкую руку и сказал: «Ребята, вы здесь?» Он смело прошел и сел в центре стола. Вошел Товстоногов. Он поздравил всех с началом работы над хорошей пьесой и сказал: «Прошу». Это означало, что сразу начнем читать «по ролям». Потом я не удивлялась, что он так стремительно включает всех в работу, но тогда была удивлена — я ждала долгого разговора под названием «режиссерская экспликация».

Товстоноговское решение спектакля — начиналось «до того», как он приходил на первую репетицию. Решение созревало и ясно проявлялось уже тогда, когда вывешивали распределение ролей. В этих его распределениях и выявлялось решение. Это была высокая профессиональность, замечательное видение и безошибочное угадывание.

После, работая в других театрах и с другими режиссерами, я часто вспоминала «метод» Товстоногова. Он не любил болтовни «около» ролей, пьесы, он сразу приступал к делу и делал замечания конкретно, а не «вообще». Он был лаконичен и понятен в своих требованиях и пожеланиях.

До моей первой реплики в «Варварах» — несколько страниц. Я уткнулась в маленькую, белую, прошитую нитками тетрадочку-роль. Мысль отсутствует. Одна эмоция. Ее можно назвать волнением — это «вообще», а конкретно — тошнота, сердце бьется, как во время бега, и горечь во рту. Вот-вот, через несколько реплик — моя. Я сжимаю руки, чтобы не дрожали, они от этого задрожали сильнее, я прячу их под стол, потом опять беру тетрадку. Сейчас, буквально через минуту, надо говорить: «Француз не верен, но любит страстно и благородно...» Все — не так. Без-з-здарно начала!

Слышу спокойный конкретный вопрос: «Кто эта женщина?» Тишина. Новый актер начал. Ах, какая тишина, когда начинает «новый», ах, какое внимание всех! Отселе с этим новым играть, общаться так или иначе, зависеть на сцене от его пауз, ловить его взгляд. Партнер в драме — это либо

помощь, либо груз, который надо тащить как добавочный к твоему основному грузу. Ах, как много значит для актеров в драме — партнер.

И вот новый для всех партнер — начал. Неужели «так» он начал? Так свободно, так просто и так обезоруживающе конкретно: «Кто эта женщина?»

Да, да, да! Вот так и надо Горького, только так! Никаких общих настроенческих интонаций, как в сегодняшней нашей жизни, — просто и «по делу».

Какой же поразительный этот Паша Луспекаев, какой невиданный и какой точный! От восхищения, от удивления я «освободилась», руки легко легли на стол, выпрямилась спина, голова откинулась, и глаза стали «видеть». Вот как надо! Конкретно, «как Паша» (только так!).

Я не верю, что это было 25 лет назад, что мне тогда было ровно столько, сколько прошло с той поры лет, что я отличаюсь от себя «тогда» почти так же, как сейчас, сегодня, вот от той девочки, которая идет по улице и ловит ртом снежинки, и улыбается, и думает, что дальше будет светло, прозрачно, радостно, и свободно, и легко.

И чем отличается это расстояние в 25 лет от моего «вчера»? Они совсем рядом, они сразу друг за другом — день первой репетиции в БДТ и моя вчерашняя «Приятная женщина с цветком», которую я играла в «Эстраде». Они так рядом и так отдельно. Это «вчера» и это «вечность» — одновременно, и захоронены в этой вечности и Луспекаев — Черкун, и Корн — доктор, и Полицеймако — городской голова, и Казико — Богаевская. И там же, в этой пропасти — моя молодость и моя Надежда Монахова.

Вечером того дня «первой репетиции» мы пошли в Александринку. Шла пьеса Погодина «Цветы живые». Мой любимый актер Николай Симонов играл небольшую роль. Мы пришли из-за него, посмотреть только на него: «Что может сыграть в плохо написанной роли хороший актер». И он сыграл. Сыграл вариации на тему (как говорят музыканты): «Как важна личность». Он вышел на сцену в кургузой куртке, которая казалась бы смешной на его мощной фигуре, если бы он ее замечал.

Он говорил погодинский текст, который был неважен. Важно было другое — симоновский нерв, голос, подробность оценок и его личная значительность. Она была образом. Только не образом «мастера в ПТУ», а образом человека, который имеет право учить, и ему есть чему научить.

В антракте подошла к нам Роза Сирота. Утром на репетиции она сидела рядом с Георгием Александровичем, она — режиссер спектакля. Она посмотрела на меня круглыми, как у птицы, глазами и сказала: «Я вас поздравляю. Вы очень понравились Товстоногову. Но самое удивительное не то, что вы “прошли” у наших мужчин, а то, что вы “прошли” у наших женщин. Я думала, так не бывает».

Я бегу по Летнему саду, бегу сквозь переливы света и тени. Я дышу, вдыхаю, впитываю в себя аромат нежных весенних листьев, травы и реки. Так, на бегу, очень хорошо говорить текст роли. Приходят неожиданные оценки, повороты, не свойственные мне. Надежда почти всегда статична внешне и очень интенсивна внутренне.

Когда восторг, когда любишь, когда все, о чем мечтал, сбывается, и он говорит: «Ты любишь меня, да? Ну, говори — любишь?..» — сказать в ответ: «Да, да, да!» надо так, как говоришь после длинного бега по аллеям этого сада, в котором «шепчутся белые ночи» Анны Ахматовой. И я почти

кричу это «Да, да, да!», глядя в черные луспекаевские бездонные зрачки, и слышу, как стучит мое сердце.

Идут последние репетиции перед выходом на сцену. Я играю спектакли в Театре Ленинского комсомола, утром репетирую «Варвары». Этот бег на репетицию с Петроградской в БДТ я совершаю каждое утро. Прохожих очень мало. Они не мешают. Я иду по гранитной набережной Фонтанки, иду уже в свой театр, поднимаюсь на второй этаж, вижу такие милые лица. Я жду своего выхода. Я жду встречи с «ним». Я ловлю его взгляд. Я доби-лась этого взгляда. А все остальное — совсем неважно. Как же я счастлива!

Идеальный партнер. Иначе его не назовешь, не определишь. Его вера в обстоятельства пьесы, в подлинность происходящего на сцене — была непередаваемой, максимальной, захватывающей. Так в играх существуют дети, так в жизни существуют собаки и кошки. Его органика на сцене была такой же, как и вне сцены. А «вне сцены» играть он не умел, не мог, не хотел — он слишком полно жил, без полутонов и без желания кем-то казаться. В нем была полноценность, отсутствие каких-либо комплексов, он был настоящий «всегда». Про актеров с таким стихийным темпераментом, как у него (что бывает крайне редко), принято говорить, что «ему легко, все — от Бога». Это неверно, это утешение для лентяев. Имея действительно «все», он работал над ролью — кропотливо, подробно и с наслаждением. Он взвешивал сердцем каждую фразу. Его «внутренняя стихия», его взрывчатость и легкая возбудимость — служили ему, были у него в подчинении. Он не «торговал» своими редкими качествами в театре — он служил театру, мобилизуя и свое знание жизни, и свой интеллект, и свою работоспособность.

«Вот скажи, ластонька, как ты думаешь, что это может быть за словами: “Достиг я высшей власти”?» Мы только сели в поезд, мы едем на гастроли, все оживлены, возбуждены «свободой путешествия», бегаем друг к другу «по соседству» из купе в купе. Он стоит у окна в коридоре и под ритм колес читает мне монолог Бориса Годунова. Негромко, почти не повышая голоса, со страстью, загнанной, привычно спрятанной. Царедворец — опытный дипломат, человек огромной воли и целеустремленности — стал — владыкой. Ах, сколько боли — неожиданной и иступленной — принесло ему это владычество!

«Понимаешь, это не торжество, это почти растерянность от того, что все получилось не так, как он ожидал. Поэтому “Достиг я высшей власти” — это как издевательство над собою. Понимаешь, понимаешь? Подожди, я еще раз повторю, где не поверишь — скажешь».

И он опять начинает читать, глаза расширяются, становятся незнакомыми, совсем чужими, почти безумными в конце монолога. Когда дошел до фразы «И мальчики кровавые в глазах», то глаза закрыл. Словно его веки защитят от проклятья, от кровавого сна, от совести, от суда людей и Бога.

«Очень точно, Паша, очень верно нашел закрытые глаза», — говорю я. «Да, да! ластонька, это как во сне — хочешь проснуться, когда кошмар мучит, и не можешь».

Это он готовил роль за несколько месяцев до съемок. И так прекрасно был «готов». И это при таком-то даре!

«Варвары». Премьера. Первый акт — встреча «его!» Так определил мое главное в первом акте Товстоногов. Это мое главное, мое основное событие в первом акте пьесы. Мой выход — не сначала. Но я не могу сидеть

в гримерной. Со вторым звонком я спускаюсь вниз, в правые кулисы. На мне яркое желтое платье — такое солнечное, похожее на солнце и на золото одновременно. Длинные серьги-подвески колышутся у лица, касаются щек. В волосах — высокий гребень, как у испанки, и на плечах — легкий, длинный голубоватый шарф, в правой руке раскрытый кружевной зонт, в левой — сумочка из бисера.

Верхополье в ожидании инженеров, Верхополье на рубеже, на подступах к новой жизни с железной дорогой, которая пробудит от сна, от застоя, от неизвестности. «Цвет» и «свет» города — встречает гостей из столицы.

Для Монаховой герой из столицы — последняя надежда и последнее упование. И «он» явился! Он, тот, о котором она молила Бога каждый день и каждую ночь — высокий, сильный «и волосы как огонь, и весь он отличный мужчина — как увидишь — не забудешь». Я смотрю на это «вымоленное» чудо и не могу поверить и боюсь, что это сон, что это исчезнет. Черкун — Луспекаев оглядывает, оценивает откровенно — мужским взглядом. Ждущий взгляд Надежды и любопытный, ироничный Черкуна. Слов у Надежды нет, есть только этот взгляд, в котором надо сыграть главное в моей жизни событие. И я смотрю и смотрю в эту бездну, в эту пучину, в эту свою гибель под именем «инженер Черкун». Рыжие волосы его кажутся мне нимбом, ибо вера Надежды в Бога была верой в любовь. Для нее Бог и любовь — это едино. Она любит всей собою — и духом, и телом и не отделяет в любви и вере язычества от христианства. Это любовь «варварки» из затерянного российского города, в котором нет мужчин, ибо те, кто есть, — не живут, а «ждут смерти».

Во втором акте под названием «Визиты аборигенов» я прихожу уверенная, знающая, что «чудо встречи» — это для двоих. Он не может не любить меня, не может не восхищаться мною, не может не ждать моего прихода. Платье для визитов нежного фисташкового цвета и отделано кружевом. Это так красиво и так модно. Я так готовилась к этому визиту, так ждала его. И пришла я только для встречи с ним, никого другого не существует. Я жду, когда он появится, и не скрываю, что я жду. Мне интересен только он, и разговор для меня может быть интересен только о нем. Все остальное — неважно. И когда можно сказать «о нем» — то это и только это — главное: «Какие у вашего супруга глаза обаятельные и волосы ...как огонь!» — почти кричу я, глядя в растерянное лицо Анны, его жены, не замечая ее испуга, удивления, почти ужаса. Вот он появился, но прошел мимо, и не заметил, не остановился, не обрадовался. Как странно! Это так неожиданно и совсем непонятно. Поэтому надо подойти к нему близко, чтобы он увидел, что я здесь, я пришла для него! Но он отворачивается, он продолжает разговаривать с Лидией, он на меня не смотрит. Тогда надо сказать, что я ухожу.

«Маврикий, я домой!» — говорю я, будто бы своему мужу, но для него, для него! А он не останавливает, не говорит: «Останьтесь, я без вас не могу». Это удивительно. Просто непонятно и удивительно. И с этим удивлением я удаляюсь, под руку взяв маленького полицмейстера, которого играл Николай Трофимов. Его голова — чуть ниже моего плеча, он вытягивается, чтобы казаться выше, он тянет шею, идет почти на цыпочках, его кругло-влюбленные глаза ищут мой взгляд. Но это так знакомо, так привычно и так не нужно. Главное — почему, ну почему же прекрасный Егор Петрович Черкун даже не посмотрел в мою сторону?

Вечер у Богаевской. Все мои упования на этот вечер. Должно произойти «главное» в этот званный, шумный вечер с музыкой. Синий цвет. Он мой. Он самый идущий, самый «выгодный». Синее платье, а там, где сердце — красный цветок на красном фоне. Это мой шифр, мое отличие. Черный веер из перьев в моих руках похож на экзотическую птицу, все время в движении. Пожарные играют на трубах, на «медных трубах», их научил играть мой муж Маврикий. Пьяные гости, «маврикиевы» трубы, яркие фонарики через весь сад — все мешает, все лишнее. Мне нужен он, мне нужно ему сказать о любви и о нашем предназначении друг другу. А он в доме, он опять разговаривает с Лидией, и вынести это невозможно.

Я выхожу, почти выбегаю из дома в сад, мне нужно дышать, чтобы не задохнуться от своей любви к нему. Я пью шампанское, предложенное Цыгановым. Оно необходимо мне сейчас, «мне очень нравится оно». Я слушаю очередное объяснение в любви доктора. Он где-то внизу, на коленях. С жалко поднятой всклокоченной головой и со словами: «Ты, как земля, богата силой творческой. Так дай же мне хоть частицу ее». Его жалко, его надо поднять с колен, надо намекнуть, что с гнилыми зубами не следует объясняться в любви, и вообще не надо ему любить. Это так некрасиво — любить в таком возрасте. И я поднимаю, намекаю, объясняю, а сама смотрю и смотрю туда, где он — мой единственный и только мне предназначенный.

Потом — Маврикий. Мой муж — Маврикий, акцизный чиновник, пришел к заутрене молиться Богу, но молитва для него — почти служебная акция. Он может думать только о земном, о насыщении плоти. И вот, когда он стоял в церкви и думал о плоти, он увидел воспитанницу епархиального училища, которая молилась истовее всех. И стала эта Надежда супругой акцизного надзирателя, вернее, «Надеждой» Маврикия Монахова — единственной, охраняемой от посягательств на ее красоту романтиков Верхополя, которых она называет слепцами. Ах, как играл Женя Лебедев!

Способы «охранять» — у Маврикия самые простые, самые «верхопольские». И вот в этот вечер в ответ на подобный способ «доктор Монахову в морду дал». Тоже обычный верхопольский ответ. Скандал на вечере — знак высшей точки веселья. Возмутил этот «знак» одного человека — моего героя — иначе не могло быть. Как неожиданно и смело он закричал: «Он — как лужа грязи, ваш супруг!» Великолепно, открыто и честно! Так смело и громко не говорят в Верхополье о чужих мужьях, их женам об их мужьях.

И я, задохнувшись от этой смелости и честности, с восторгом кричу в ответ: «Как вы это сказали! Как верно, строго!» Я вижу эти строгие глаза, вижу изумление в них, почти растерянность. Боже, мой любимый герой еще не знает, до какой степени я согласна с ним! Это он! Он страшен, он опасен для людей своей прямоотой, своей нескрываемой требовательностью, своей силой! Страшен — потому что непохож, потому что лучше всех и недосягаем для всех.

«Вот — кто страшен! Вот кто!» — продолжаю я. И когда он говорит растерянно: «Пойду, пройдусь», то: «Я с вами! Я — тоже!» Я говорю с удивлением и радостью, потому что отныне иначе быть не может. Только два человека созданы друг для друга — Вы и Я. Я беру под руку (накопец-то!) самого прекрасного из мужчин и, не отрывая от него взгляда (оторваться — невозможно), иду с ним в глубину сада.

А дальше — нужно только его признание. Он любит, я знаю, почему же он об этом не говорит — «Ведь настоящая любовь ничего не боится». И я иду, прикрыв черным плащом свое «аристократическое» красное платье, иду на это свидание-объяснение. Я широко распахиваю дверь, он ждет меня, он здесь, рядом. Ах, в этой комнате его нет! Но сейчас, сейчас он войдет! Как хорошо жить и верить, и знать, что тебя любит именно он, он меня любит, никого другого мне не нужно. И зачем этот Цыганов говорит об отъезде? Я ведь тоже уеду отсюда с Егором Петровичем. Нет, Цыганов — о Париже и о том, что он «все мне даст». Что «все» — Сергей Николаевич? «Ведь важен мужчина, а не что-нибудь другое! И какая уж тут езда по Парижам, когда вам пятьдесят лет и скоро вы совсем лысый будете? Нет, вы меня, пожалуйста, оставьте. Вы очень интересный мужчина, но пожилой, мне не пара. Обидно даже, простите меня, слышать такие ваши намерения».

Все это я объясняю спокойно и доброжелательно. Это добро для «всех» свойственно любящему сердцу. Это дары от щедрот, которыми полна моя душа. И я поднимаю бокал с шампанским и как заздравный тост произношу слова, обращенные к Цыганову: «Вы умный человек, вы понимаете, что силу в лавочке не купишь».

Говорить этот текст, обращаясь к Цыганову — Стрельчику, было трудно. Он сиял своей красотой, своим огромным талантом. Играл — с блеском!

А потом я иду к окну, через которое виден сад с опавшими листьями и голыми, качающимися от ветра ветками и жду, жду его, стараясь услышать голос и звук его шагов. Я хочу слышать эту лучшую музыку на свете. И шаги раздались, и голос его прозвучал, и я увидела опять это лицо и горячие, обжигающие меня глаза. И опять, как всегда, когда рядом Он, никого и ничего для меня не существует в мире. Потом я пела ему романс, я объяснялась ему в любви этим романсом, а он почему-то говорил о чае, и тогда я спросила его: «Бойтесь?» Я сама не верю, что он может меня бояться, но мне так нужны его слова о любви.

И вот он мягко, нежно и сильно обнимает меня и, глядя в лицо своими страшными для меня и любимыми глазами, целует меня, и это единственный в моей жизни поцелуй, который оправдывает долгие годы ожидания, страдания и тоски по «настоящей» любви.

На другой день после премьеры в театре рассказывали, как один знаменитый критик громко кричал на Невском, обращаясь к другому, не менее знаменитому: «Вы видели вчера, как Доронина целуется с Луспекаевым? Идите! Смотрите!»

Я тогда расстроилась, мне показалось это пошлостью, неприлично громко сказанной. Целовалась не я, а Надежда Монахова, полюбившая в 25 лет. Я плакала и боялась, что теперь, после «крика на Невском», я никогда не смогу играть сцену объяснения так, как сыграла ее на премьере. Я буду стыдиться. Чистота чувства Надежды подлинна, безусловна и очень откровенна. Маленькая стыдливость будет выглядеть кокетством, жеманностью. Надежда сильна именно отсутствием подобных качеств. Это язычница на празднике в честь жизни и солнца, на коротком празднике, который — мгновенье. Сразу после этого праздничного мгновенья я кричу: «Егор Петрович!» Я не верю, что после «такого» поцелуя можно сказать: «Я не люблю вас, я не люблю!»

Я прижимаюсь к его спине, я стараюсь заставить его взять назад эти слова, которые означают для меня «конец жизни». Но он не обернулся, он ушел, и вместо него стоит у меня за спиной Маврикий, который говорит, будто ничего не произошло: «Надя, идем домой». «Иди один, покойник. Иди», — говорю ему я, ему — свидетелю моего унижения и моих бессонных ночей.

Я чувствую в руке тяжесть и холод «докторского» пистолета и жалею этого доктора, которому не из чего убить себя, ведь пистолет — вот он, он у меня, и я знаю, что пистолет в руке, когда жить дальше невозможно и незачем — это удача. Но может быть, все-таки Егор Петрович «боится», может быть, он все-таки любит? И слышу цыгановское равнодушное, поэтому очень убедительное: «Ну чего ему бояться?»

И опять — какая удача, что есть пистолет!

В этом городе пистолетов не продают, и мне просто очень повезло. Я не смотрю на этот спасительный пистолет, я только чуть сильнее сжимаю его, чтобы не упал, не выпал из руки, не обнаружил заранее того, что я сейчас совершу. Важно, чтобы никто не помешал. Поэтому надо придумать предлог, чтобы выйти на крыльцо, под голые ветки, под дождь, а там, в темноте, никто не помешает, не увидит, как я поднимаю руку с пистолетом и нажимаю курок. Я встаю (важно идти спокойно, медленно), будто я не тороплюсь в эту ночь, в эту черноту, в этот вечный покой, который так желанен.

Я иду, я слышу, как Цыганов говорит: «...ведь я люблю вас. Я вас люблю». И мне становится смешно. Мне впервые смешно, когда говорят о любви, такой священной, такой недосыгаемой в городе Верхополье и во всем мире, наверное, тоже. «Как вы можете любить, если Он не может. Он! Сам Он! Он испугался!» А если уж Он боится любви, значит, и все боятся, значит, «никто не может меня любить. Никто!» Последняя фраза категорична и совсем не окрашена никакой эмоцией. Эмоций, чувств — нет, есть констатация истины, которая мне открылась и которая убила меня. Убила еще десять минут назад, когда прекрасный Егор Петрович испугался и сказал почти с отвращением: «Не люблю».

Конечно, Верхополье — не Испания, в которой «испанцы от любви доходят до свирепости», не Франция, где страстно любят женщин, одетых в красные платья, и не Италия, где влюбленные итальянцы обязательно «на гитаре играют под окном женщины, в которую влюблены».

Верхополье знаменито «агромадными реками», пожарными, которые играют на трубах, доносами, дураками, пьянством и мужчинами без глаз, которые не живут, а ждут смерти. Варвары живут по-варварски и по-варварски умирают. И если бы не было этого «спасителя от цивилизации» — пистолета, жаждущая героя и счастья Надежда бросилась бы, как другая жаждущая по имени Катерина, с обрыва в реку. А если нет в Верхополье у реки обрыва, то вошла бы в осеннюю ледяную воду и шла с открытыми, остановившимися от боли глазами. Шла бы и шла, пока черная и тяжелая вода не сокрыла ее, не приголубила, не утешила в своей бездонности и своей черноте. Потому что «никто не может меня любить. Никто!»

ДРУГУ ДЕТСТВА НИКОЛАЮ ПОНОМАРЕВУ

В нахлынувшие сполохи зари,
На мир взглянув улыбочиво, нестрого,
Уйдем с тобой, избрав в поводьри
Проселочную, пыльную дорогу.

Когда стемнеет, молча, у леска,
Собрав сучков хрустящих две охапки,
Зажжем костер, к сухому дерзко хваткий,
И вкус разделим хлебного куска.

Воздав вниманье крепкому вину,
За все, что нами чтимо и любимо,
Мы тост произнесем: за тишину,
За нас двоих, за горизонт без дыма.

Поговорим, как жизни путь пролег,
Не звонкого, пустого слова ради,
И на ладонь доверчиво к нам сядет
Ночной, бездомный горе-мотылек.

Ну, а когда, когда наступит срок
Вернуться нам, то, не дойдя до дома,
Уснем в скирде неубранной соломы
На перекрестке избранных дорог.

* * *

От потерь мы становимся жестче,
Но не стуком горячих сердец.
Никогда не увидите прочерк,
Слово «были...»
в графе «мать, отец...»

Мы на льстивые речи не падки
И осознанно, не по вине,
До сих пор сохраняем тетрадки
С сочинениями о войне.

ПРИБЛИЖЕНИЕ ГРОЗЫ

Над полями, бугорочками,
Лес толкая под бока,
Разбросались ветерочками
Грозовые облака.

И затихло студнем озеро
Вглубь до родниковых вод,
Лишь подрагивал морозливо
Ивняковый хоровод.

Каплей в озеро упавшую,
Хлопотливо, от души,
Спели песню шелестящую
Золотые камыши.

Что б гроза ни начудесила
Еще чуть-чуть погоды —
Было мне легко и весело
В ожидании дождя.

* * *

Таинственная русская душа...
Ты — звон пчелы над васильковым полем,
Ты — складка губ, немеющих от боли,
Ты — звон последнего пропíтого гроша.

Ты — маков цвет и в клетку свет,
Ты — стон мечей на поле Куликовом,
Ты — кровь, которой написал поэт,
Что «в этой жизни умереть не ново».

Таинственная русская душа...
Ты — самая святая из пропащих,
Сложившая в кармане два шиша
На власть любых имуще-придержавших.

Уверенная в том, что смерти нет,
Что бы о ней фантасты ни гадали,
Ты — утренний, бесхитростный рассвет
И вечный зов в неведомые дали.

* * *

На земле мы временные гости...
И хотя в смерть верится с трудом —
Все-таки на сумрачном погосте
Место выбираем, как под дом:

Чтоб на дне могилки было сухо,
Травка не бурьянная росла,
Сосны да березки, а для слуха —
Ласковая песенка щегла;

Чтобы от рассвета до заката
Солнце прикрывало бугорок...
Таинство кладбища так же свято,
Как и первый бабушкин урок.

Как бы мы ни жили: бедно, звездно,
Праздно иль в объятиях труда,
Срок настанет — рано или поздно —
Все мы переселимся сюда.

Мы живем, растрчивая силы
На походку внуков и детей,
Веруя — не плюнет на могилу
Тот, кто знал до кончика ногтей.

И к живущим зависть нас не сгложет,
Если, завершая чей-то век,
На могилу нам плиту положат
С надписью короткой — «Человек».

Андрей Шендаков

ЗАТЕРЯННЫЙ КРАЙ

Андрей Игоревич Шендаков — родился в 1978 году в г. Болхове Орловской обл. Окончил университет, а затем очную аспирантуру, в 2004 г. защитил кандидатскую, в 2009 г. — докторскую диссертацию. Работал на селе, с 2004 г. преподает в университете. В 2003 г. получал именную стипендию губернатора Орловской обл. Лауреат Всероссийского литературного конкурса-фестиваля «Хрустальный родник» и др. Автор двух книг стихотворений. С 2013 г. — федеральный эксперт в научно-технической сфере. Член Союза писателей России. **Живет в Орле.**

* * *

*Здесь все меня переживет,
Все, даже ветхие скворешни...*

А. Ахматова

Журавли еле слышно несут
Весть благую над миром-скворечней;
У плотины к проталине вешней
Подступает разлившийся пруд.

Ветер пахнет вишневой корой,
И сырым табаком, и духами;
Свет лампад разгорается в храме,
Луч с деревьев стекает смолой.

Боязливы огни автострад
Вдалеке, над курящимся смогом;
Снова мыслю в дороге о многом,
Вдохновенным видениям рад.

Ночь пасхальная снова темна,
Но в пустынной глуши переулка
Мне поет незнакомая струнка
Ручейка — с поднебесного дна...

* * *

*Огонек в полусгнившей избенке
Посреди потемневших полей...*

А. Н. Апухтин

Среди холмов скитается река,
Шумят березы, локоны свивая;
Вдали петляет тропка полевая,
Взлетает шмель с поникшего цветка.

По мокрой глине горстками тепла
Плывет закат, меня уже не грея;
Когда-то здесь была Гиперборея,
Но свой народ куда-то увела.

...Горька отныне летняя страда:
Пустых домов распахнуты глазницы,
Но далеко, как прежде, до станицы,
Молчит в колодце темная вода.

Село, село!.. Травы твоих лугов
Давным-давно не кошена, не мята,
Как будто снова за грехи расплата
Пришла на Русь из глубины веков.

Снова выкрашен светлый забор
Шелушащейся краской заката...

И, как будто с незабываемых гор,
Я смотрю на тебя виновато.

* * *

По сугробам февральских равнин
Уплывают лучей вереницы;
В старом доме скрипят половицы,
Словно ветви озябших рябин...

И остатки древесного пепла
У печи я сметаю в ладонь.

Гаснет солнце, танцует огонь,
Возносясь над поленцами бегло,

И мерцает звезда в темноте
За окном, прикасаясь к оградом,
Словно дед мне дымит самосадам:
«Времена наступили не те...»

* * *

Эти стены безмолвны и сыры,
Но прислушайся — и различишь,
Как, сгущаясь, разряды-эфиры
Будоражат церковную тишь.

А за дверью нездешние люди
Ходят, свет смолянистый дробя;
Не пытайся разыскивать сути,
Сутти сами разыщут тебя.

Пламенея, свеча восковая
Вдруг подкинет червонный дымок, —
И, заветную даль открывая,
Тихо щелкнет старинный замок.

Здесь все мертвые славны и живы,
Тени бродят по стеклам, дрожа...
И вдоль окон летит под оживы¹
Испутившая тело душа.

* * *

Рябины гроздь кровотоцит,
Немеют стылые ладони,
И я иду к поникшей кроне,
Стою среди надгробных плит...

Скажите, фрески, мне о том,
Когда Россия возродится
И ввысь взлетит, как будто птица
С когда-то раненым крылом?..

Смотрю в полынь и лебеду,
В их роковые перелески,
Где тусклый свет роняют фрески
И сердце чувствует беду.

Но фрески холодно молчат,
А я, мне кажется, их слышу:
«Когда любовь заполнит нишу
Небес, тогда спасемся, брат...»

* * *

Кому-то жить немного скучно,
Кому-то мир давно постыл...
А я живу благополучно,
Хотя и дворик мой уныл:

В колодце тонущим алмазом
Горит вечерняя звезда.

Забор с кривым утиным лазом
И дров сухая береста;

Но не для этой ли Вселенной,
Смотря с таинственного дна,
Живет планета жизнью тленной,
Всего одна, всего одна...

---

¹ От фр. *ogive* — стрельчатый свод в архитектуре.

Великая ПРОВИНЦИЯ

Валентин РАСПУТИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ ТОБОЛЬСКА

Валентин Григорьевич Распутин — родился 15 марта 1937 года в поселке Усть-Уда Усть-Удинского района Иркутской области. Окончил историко-филологический факультет ИГУ. Автор многих книг, вышедших в России и за рубежом и неоднократно переизданных. Лауреат Государственной премии СССР в области литературы, искусства и архитектуры, лауреат премии Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного «За Веру и Верность» и др. **Живет в Иркутске.**

Ответим хотя бы проснувшейся памятью...

«Нет города, более картинного, чем Тобольск» — слова эти отдаются декабристу Дм. Завалишину, у которого в его долгой сибирской ссылке был и тобольский период. Но прозносились они, эти слова, конечно, многими и многими, у кого не могло не захватывать дух при виде Кремля из Нижнего города и необозримой, могучей картины, с какой устремляется от Тобольска Сибирь на восток — если смотреть с высоты тридцатисаженного Кремля. Этот величественный исток полунощной страны, уходящей в поднебесную бесконечность, до сих пор для впечатлительных душ кажется таинственным, а что говорить о тех, кто всматривался туда, в эти широко распахнутые и таинственные ворота три-четыре столетия назад. До Бога высоко, до Царя далеко... Но Тобольск сумел встать так удачно, что и до Царя оказалось ближе, и до Бога ниже. В кабинете Петра Великого никогда не убиралась далеко карта Сибири, вычерченная специально для Императора тобольским умельцем Семеном Ремезовым. А если смотреть на Софийский двор из-под горы, трудно отделаться от впечатления, что храмы его не упираются в землю, а висят над нею, устремив свои сосцы в небо. Из восемнадцати святителей, в земле сибирской просиявших, половина прославилась на Тобольской кафедре, и среди них чудотворец митрополит Иоанн, митрополиты Антоний, Павел и Филофей и архиепископы Нектарий и Варлаам. Абалацкая икона Пресвятой Богородицы (из Абалацкого монастыря близ Тобольска) прославилась своими чудесами исцеления и милостями с середины XVII века и вызвала массовое почитание и поклонение не только сибиряков.

Едва ли можно сомневаться, что сам Ермак Тимофеевич, одержав тяжелую победу над Кучумом у Чувашского мыса, не мог не заглядеться на высящуюся неподалеку красавицу гору и не прикинуть, что лучшего места для острога не найти. При татарах мыс при слиянии Тобола и Иртыша, высоко поднятый и просторно раздвинутый на две стороны, назывался Алафеевской горой. И когда уже после смерти Ермака письменный голова Данила Чулков в 1587 году спускался по воде из Тюмени, поставленной за два года до того и ставшей, таким образом, первым русским городом в Сибири, он знал, куда правил. Ладьи его приткнулись к крутому берегу под Алафеевской горой, и казаки без разведки принялись за разгрузку. Разгрузив струги, казаки взялись их разбирать и потянули борта и днища в гору, чтобы пустить на острожное строительство. Отсюда и первое название острова — Тобольск-Лодейный. Поставили в Лодейном Троицкую церковь — гора стала Троицкой. С возведением на западной стороне мыса Софийского Успенского кафедрального собора появилось название — Софийский двор. А уж затем, когда отстроился город в камне, и обнесли Софийский двор вместе с Гостиным крепостной стеной в две сажени высотой, можно было без натяжки называть прежде Алафеевскую гору Кремлем. В недобрые времена XX века захирел Кремль и умолкли его колокола, но названия своего он все-таки не потерял. И дождался — теперь Успенский собор снова «заговорил», да так, что слышно, должно быть, в самых дальних небесах, а в Софийский двор в родные стены вернулась епархия, называющаяся теперь Тобольско-Тюменской, с подчинением себе Тюмени. И, надо полагать, это только начало нового возвышения, духовного и культурного, а уж что следует дальше — надо подождать.

В течение двух веков Тобольск был городом легенд и необъятной власти, городом громких фамилий, которые направлялись сюда, и великих людей, которых дал Тобольск миру. Он стал столицей Сибири в 1590 году, только-только начиная отстраиваться, но подлинного могущества достиг при Петре I. При великом батюшке появляются и великие подвижники, подвиги и чудеса батюшки словно бы наследственно передаются и им. При Петре Тобольская, или Сибирская, губерния включала в себя Урал и простиралась до Тихого океана, одна приняв в себя большую часть тогдашнего Российского царства из восьми губерний. Первым сибирским губернатором после воеводского правления назначен был князь Гагарин, в молодости стольник Петра, затем нерчинский воевода, судья Сибирского приказа, комендант Москвы. Это была незаурядная личность, властная, энергичная и барственная. Один из «птенцов гнезда Петрова». Благодаря его близости к Императору в Тобольске ускоряется каменное строительство Кремля, развивается торговля, ремесла, отовсюду идут сведения о сыскании руд, серебра, снаряжаются корабли на Камчатку и Курилы, по сибирским городам открываются гимназии и училища. Сибирь при Гагарине все меньше походит на малосведомую страну, какой она считалась еще накануне нового, XVIII века.

И вдруг отзыв в Петербург и позорная казнь князя Гагарина. За лихоимство Петр взыскивал строго, но не до того же, чтобы повешенного перед юстиц-коллегией прославленного сибирского губернатора приказано было не снимать с виселицы, покуда не сгниет веревка.

И только позже стало проясняться, что прежде всего было вменено в вину Гагарину. Он якобы злоумышлял оторвать Сибирь от России. Едва

ли Гагарин злоумышлял, характер Петра он знал прекрасно и испытывать бы его не стал, но мог, мог вельможный сановник гаркнуть водившимся у него зычным голосом: «Мы сами государство!» Мог и повторить под горячее настроение. Не случайно вскоре после этого Сибирь разделяется на провинции, а при Елизавете при губернаторах заводятся тайные комиссии. Без Сибири Россия уже и не представляла себя, Сибирь приучила ее к легким доходам, она превращалась, а затем и окончательно превратилась в золотое дно.

Другой сподвижник Петра — Федор Иванович Соимонов, спасший в молодости будущему Императору жизнь и заступивший на сибирское губернаторство через сорок лет после князя Гагарина. Соимонов был серьезным писателем. Одна из его книг так и называлась: «Сибирь, золотое дно». А уж он Сибирь знал действительно до дна. Соимонов при Бироне оказался оклеветан и судим, ему рвали ноздри и отправили в Сибирь на вечную каторгу. Помилowanego при новой власти, его с трудом в лохмотьях отыскали близ Охотска, вернули поместья и награды и вручили в управление, дабы последний стал первым, сибирское царство. Служба его была негромкой, но тоже памятной, и охватывала она, помимо неперенных взысков и сысков, просвещение и продовольствование народа, устройство путей сообщения, а также облегчение участи раскольников. А в письменных трудах, кроме «Сибири, золотого дна», еще и «История Петра Великого», «Краткое изъяснение астрономии», «Известия о торгах сибирских» и «Описание Каспийского моря».

Еще один губернатор сибирский — Д. Н. Бантыш-Каменский — составил «Словарь достопамятных людей Земли Русской» в пяти томах.

Бантыш-Каменский, кстати, не удержался и, вероятно, из склонности к историческим изысканиям вскрыл в Березове могилу сосланного туда при Петре II и там похороненного сто лет назад светлейшего князя и генералиссимуса Александра Даниловича — Алексашки Меншикова. Должно быть, помня изворотливость и неумную энергию этого любимца Петра Великого, губернатор не удержался проверить, тут ли он еще, не выкинул ли по своему обыкновению какой-нибудь ферт. Меншиков был на месте. В вечной мерзлоте он лежал как свеженький. «При освидетельствовании гробницы, — записал Бантыш-Каменский, — не было стечения любопытных, и сие не произвело ни малейшего впечатления на народ». Зато это произвело впечатление на Петербург, после декабристского бунта Бантыш-Каменский был вызван туда и почти семь лет находился «под ответственностью».

Если уж вспоминать достопамятных, благодатной деятельностью оставивших о себе прочный след в истории Тобольска и Сибири, то начинать следовало с архиепископа Киприана, возглавившего только что открытую в 1620 году под его пастырство епархию. Нравы среди казаков и вольноохочих, жительствовавших в Тобольске, за тридцать лет, прошедших от основания города, изрядно расшатались. Это позднее в Сибирь стали присылать православных женок для первопроходцев, а до епископа Киприана казаки сходились с дочерьми местных народцев без венца и креста, покупали их и продавали, как с огорода разносол, пьянствовали, не соблюдали постов, развлекались игрой в карты и кости — т. е. вольница во всем оставалась вольницей, а воевод это беспокоило мало, справлялась бы служба. Архиепископ Киприан сумел в годы если не полностью положить конец подоб-

ной распущенности, то, по крайней мере, сильно поприжать ее и окончательно определить в грех и срам.

Заслужено преосвященного надо считать и начало сибирского летописания. Почти сорок лет прошло от Ермака, и подвиг его со товарищи стал обрастать легендами. Владыка Киприан призвал к себе оставшихся в живых участников похода, расспросил их о погибших и уцелевших в схватках за Сибирь и попросил оставить письменные свидетельства. Затем, после тщательных сверок, имена Ермака и его дружинников, павших в сибирском походе, были навечно внесены в синодик для церковного прославления. С 1686 года, когда выстроен был в Кремле Софийский Успенский кафедральный собор, слава им воздавалась ежегодно в первую неделю Православия с возгласением вечной памяти. Более двух столетий звучала она, пока не смолкли в Софийском дворе после революции колокольные звоны.

«Царствующий град Сибирь» — так от начала Романовской династии величали Тобольск. Екатерина Великая поднесет ему свой императорский трон. Только столица Российской Империи и столица Сибирского царства имели право принимать и отправлять посольства. Случалось такое событие в восточном граде нечасто, зато Москва, а затем и Петербург нашли применение Сибири как незаменимому месту ссылки и каторги. Через Тобольск прошли сотни тысяч кандалников, а самые именитые задерживались здесь и даже оседали. Первым ссыльным оказался угличский колокол, возвестивший при Борисе Годунове убийство Царевича Димитрия. Декабристы, петрашевцы, среди них и Ф. М. Достоевский, поляки после двух польских восстаний, малороссийская знать, недовольная Москвой и Петербургом, и среди нее гетман Иван Самойлович, хорват Юрий Крижанич, во время тобольской неволи написавший «Повествование о Сибири», протопоп Аввакум, Радищев и Короленко... — кого только ни встречал-проводил Тобольск, кого только ни заносил в поселенческие списки и подорожные книги. В 1917–1918 годах в бывшем губернском доме восемь месяцев до отправки в Екатеринбург содержалась здесь под стражей Царская Семья.

Надобно заметить, что столичность Тобольска и вольный дух его, незаурядность правителей и ссыльных, как и незаурядность казачьего духа, ядреное дыхание бесконечной глубины сибирского востока, появившаяся необходимость в новой, прежде не бывавшей в том краю деятельности, не могли не вызвать к жизни яркие таланты собственно тобольцев.

Художник В. Г. Перов, историк, автор двухтомного «Исторического обозрения Сибири» П. А. Словцов, автор бессмертного «Конька-Горбунка» П. П. Ершов, композитор А. А. Алябьев, сын гражданского губернатора Тобольска, автор более ста пятидесяти романсов на стихи лучших поэтов, в том числе неувядаемого «Соловья». А еще Д. И. Менделеев, четырнадцатый ребенок в семье директора губернской гимназии, давший миру периодическую систему элементов, мудрый учитель своих соплеменников, как надо любить и укреплять Россию. Многогалантный С. У. Ремезов, живший во второй половине XVII и в первых двух десятилетиях XVIII века, зодчий Кремля, художник, поэт и изограф, автор «Сибирской (Ремезовской) летописи» и труда воистину необъятного, но чудом осиленного («с сыновьями», — добавлял С. У. Ремезов) — «Чертежной книги Сибири», первого русского географического атласа. Переизданная недавно Общественным фондом «Возрождение Тобольска» «Ремезовская летопись», как и «Чертеж-

ная книга...», производит могучее впечатление. Читаешь, всматриваешься и не можешь понять: да как можно было все это собрать воедино, не ошибившись, как можно было с таким искусством вычертить и не заблудиться без путеводства! Чудеса да и только!

Специально для Петра Великого Ремезов вычертил подробную карту Сибири, и она оставалась в кабинете Императора многие годы.

Для своей «Истории Сибири» Г. Ф. Миллер многое взял из «Ремезовской летописи». В Тобольске Миллер приобрел и «Служебную чертежную книгу» Ремезова, позднее она также стала собственностью Царских Особ. В темные времена XX столетия, когда к истории российской относились как к сомнительного происхождения дальней родственнице, могила Семена Ульяновича Ремезова в Тобольске была потеряна, имя его звучало совсем редко, а великие его труды и в каменном строительстве Кремля и по сибирской истории упоминались лишь в архивах. И только к 350-летию Ремезова в 1992 году стараниями все того же Общественного фонда «Возрождение Тобольска» и его председателя Аркадия Елфимова с большим трудом удалось переименовать в нагорной части города улицу Клары Цеткин в улицу Ремезова, а через год в Кремле, где и положено, поставить ему памятник работы Олега Комова.

Первый удар по могуществу Тобольска нанесен был в 1838 году, когда Сибирь поделили на два края — Западный и Восточный — с центрами в Омске и Иркутске. Тобольск превратился в рядовой губернский город. Мало того — Московский тракт, главная дорога в Сибирь, от Екатеринбургa вышел на Тюмень, Ишим и Ялуторовск, оставив прежнюю сибирскую столицу в стороне, на выселках. Но имя ее продолжало звучать и почтение ей оставалось еще долго, вплоть до революции. Во второй половине XIX века, еще до железных дорог и авиации, Сибирь духовно и культурно была объединена лучше, чем впоследствии, когда от нее потребовали, прежде всего, рабочей выправки. А до того — открылся в Томске университет, блистала еще Кяхта и делилась своим богатством на общесибирское дело, всюду, как грибы после дождя, появлялись музеи... Вот и Тобольску в год его 300-летия был подарен сибирскими купцами художественный музей... Но подходила к концу благотворная обычная жизнь, начиналась история. В 1918 году у Тобольска отняли родовое губернаторство, передав его Тюмени, туда же перекочевали сокровища художественного музея, умолкли церковные колокола, осиротел Кремль. Тобольск стал терять и звучание свое, превратившись в обычный райцентр, и свою выправку и именитость города-памятника, города-труженика, неотменимый ореол первопрестольного Сибири.

Теперь слава его постепенно возвращается обратно.

Памятник Ермаку был поставлен на Чукманском мысу в 1839 году, на следующий год после формальной потери Тобольском сибирского главенства. Случайно ли это? Нет, конечно. Административно город отходил на вторые позиции, а затем и вовсе в тень, но позиции духовные, исторические оставались при нем неизменно. Ермак встал как надежный страж сибирского отцовства и славы Тобольска. Позже на помощь Ермаку Тимофеевичу пришли Семен Ремезов и Дмитрий Менделеев. В самые тяжелые и опасные для России 90-е годы минувшего столетия точно из-под земли вырос в бронзе великий зодчий Кремля — и Кремль в те же годы вновь принял в свои

стены епархии, а Патриарх всея Руси Алексей II дважды навещал Тобольск и назвал его третьим после Москвы и Петербурга духовным центром России. «Тобольск и вся Сибирь» — это сочетание стало звучать торжественно после того, как подробные очертания всей полуночной страны представил миру сын боярский Семен Ремезов. «Тобольск и вся Сибирь» — так называется свод выпускаемых вот уже несколько лет Фондом «Возрождение Тобольска» книг, отданных самым именитым сибирским городам и землям. В последние 15–20 лет в условиях самовывживания они отдалились друг от друга почти так же, как это было в XVIII веке — и вот, именно Тобольск взял на себя право напомнить им о нашем неотменимом родстве и общей судьбе.

И уже привычным становится, что издательская деятельность Фонда — к познанию Тобольска, к познанию Сибири и «К познанию России» (название замечательной, но мало прочитанной у нас книги Д. И. Менделеева) — рассылаются сейчас безвозмездно по областным библиотекам.

Лучше всего обозреть Тобольск от Ермака, с Чукманского мыса. Справа праздничный и венценосный Софийский двор, слева Вершина, уцелевшая чуть ли не в средневековом строе деревянная улица в овраге вдоль сбегавшей в город речки Курдюмки. А внизу — кружева и разброс деревянного посада, широко раскинутого и уходящего чуть не до Иртыша. Но первая линия обороченного на Кремль Нижнего города еще именита и, несмотря на старость, величественна: каменные здания, храмы, ближе к базарной площади купеческие особняки, наполовину уже разрушенные и наполовину уцелевшие. Сразу, как спускаться по Никольскому взвозу вниз, стоит перед Кремлем длинное приземистое двухэтажное здание, столь славное, что нельзя перед ним без благоговения не задержаться. Строилось оно в XVIII столетии и продано было после пожара в кремлевском наместническом дворце под резиденцию наместника, которым тогда был А. В. Алябьев, отец композитора. В нем, в этом доме, будущий композитор и явился на свет. В начале XIX века здание было перестроено под губернскую гимназию, в ней учился декабрист Г. С. Батеньков, а директорствовал И. П. Менделеев, отец великого химика и патриота России. Когда Иван Павлович Менделеев служил директором, у него учился П. П. Ершов, автор «Конька-Горбунка», впоследствии и сам ставший во главе гимназии, а у него, в свою очередь, проходил курс первоначальных наук сам Д. И. Менделеев.

Таков Тобольск, такова его насыщенность громкими именами и деяниями. В нем, как в этой гимназии, как в этом родстве, все так тесно и близко связано с самыми значительными событиями государства Российского, все, казалось бы, из малого и местного непременно переходит в большое и великое, что этому приходится удивляться чуть не на каждом шагу, с робостью оглядываясь на настоящее: а мы? что же мы? Чем ответим на бурные и плодотворные начала и продолжения?

Ответим хотя бы проснувшейся памятью. А проснувшаяся память есть начало продолжения дела.

Виктор ПОТАНИН

НАДО ЛИ ДУМАТЬ О ДУШЕ?

*Перечитывая
К. Леонтьева*

Виктор Федорович Потанин — родился в 1937 г. в с. Утятском Курганской обл.; окончил Курганский педагогический институт, лит. институт им. М. Горького; работал в областной газете лит. консультантом Курганской писательской организации, редактором книжного издательства; избирался депутатом Курганского областного Совета, секретарем СП России, членом правления СП РСФСР. Заслуженный работник культуры РСФСР; лауреат многих литературных премий; автор более тридцати книг. Член Высшего творческого совета СП России. **Живет в Кургане.**

В моей домашней библиотеке есть небольшой томик в зеленом переплете — К. Леонтьев «Из наследия». Я часто его открываю, особенно — перед сном, когда за плечами стоит тяжелый изнурительный день, когда усталые нервы ищут тишины и покоя. И вот книга открыта, ты погружаешься в чтение и сразу... сразу же начинаешь задумываться о душе. — О чем, о чем? — встает сейчас какой-нибудь пронзительный скептик и покачает укоризненно головой. И в этой укоризне встанет мне приговор — о какой, мол, душе вы печетесь, товарищ писатель? Ведь у ваших земляков сейчас одно на уме — как бы выжить, как бы спастись от всех этих нынешних чиновников-бюрократов, а самое главное — как бы заработать на кусок хлеба и оплатить крышу над головой, а вы... а вы?! Вон уже и нищие появились в Кургане, да, да! И на главных улицах, и на автовокзале, и у Божьего храма.

И у Божьего храма... Я часто думаю о его будущем дне, — и сразу же на душе — радость. А потом, потом словно бы какой-то толчок изнутри, и вот уж рядом с радостью возникает печаль. Она вся какая-то прозрачная, легкая, как дыхание. Как будто легкий ветерок потревожил тихое озеро, и возникла волна. Но почему, отчего? И почему так тоскует и томится душа. Ведь наш кафедральный собор святого Александра Невского открыт уже не первый год, и теперь каждый может зайти в его широкие двери, чтобы поставить свечу и помянуть близких, а то и просто поднять глаза на икону и задуматься о душе. Как это хорошо! Вот и К. Леонтьев пишет о том же: «Буду же верить в Евангелие, объясненное Церковью... Боже мой, как хорошо, легко!»

Но что же такое Церковь, что же такое храм? Вопрос этот легкий

и трудный, а по Леонтьеву это выглядит так: храм возник не только как дом для молитвы, но и как пристанище для души, для нашей живой души. А поскольку душа живая, то она все время растет, набухает, она даже как бы физически продвигается во времени и в пространстве, а раз это так, то не нужно вставать на ее пути и не нужно грешить человеку против самого себя. Вот мы почти и дошли до сути. И сразу же, вы чувствуете, на нас повеяло чем-то недавно слышанным и знакомым. Что-то подобное доходило до наших ушей даже с телевизионного экрана, но чаще всего со страниц некоторых газет и народных изданий. Таких, к примеру, как сборник «Будь верен до смерти» — собрание проповедей митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского высокопреосвященнейшего Иоанна. Когда я прочитал этот сборник, то вдруг подумал: а ведь некоторые мысли из сборника и мысли К. Леонтьева как бы тождественны и синхронны, и еще я почувствовал, что митрополит Иоанн как бы углубил эти идеи и приспособил к нашим тревожным дням. Да, это правда. Но что значит — «приспособил»?..

Во-первых, автор очень мудро определил, что самые тяжелые грехи у человека — это грехи против самого себя. И потому никогда, никогда, вы слышите, — никогда не следует предаваться унынию и отчаянию, не нужно даже и думать о смерти, как о каком-то бегстве от тягот земных. И во-вторых, не надо пытаться разрушать себя излишествами — пьянством и прочим дурманом... А в-третьих, нельзя тратить впустую свое личное время, а нужно активно работать, постоянно трудиться для ближнего и для всего общества, среди которого мы живем. А в паузах между трудами — прилагать все усилия к своему духовному росту и просвещению... Согласитесь, как все ясно, доступно! Соблюдай эти три единства — и ты спасешь свою душу, не потеряешь никогда своего лица.

И вот сейчас я прервусь. Я потому сделаю паузу, что мне показалось, что кто-то сейчас подумал: а ведь мы забыли саму книгу К. Леонтьева, отошли от ее страниц. Нет, уверяю вас, не забыли. Наоборот, я стремился наиболее простым и доступным словом объяснить некоторые откровения выдающегося русского философа. Мне хотелось хоть немного заинтриговать вас, чтоб вы сами открыли эту книгу. А потом бы от сочинений К. Леонтьева потянулись бы к трудам Н. Бердяева, В. Розанова, М. Булгакова, И. Ильина... Сейчас это легко сделать, а еще лет пятнадцать назад все это было бы пустой мечтой. Но почему? Да потому, что книги эти хранились в спецхранах и совершенно не издавались у нас. И вот сегодня сняты все запреты, и вдруг оказалось, что все эти русские мыслители как бы гениально догадывались о наших сегодняшних днях. Ведь они еще полвека назад предупреждали о многих серьезных испытаниях, которые выпадут нынешней России. И почти все их прогнозы сбылись и сбываются. Как это ни удивительно, но это так. Дорого стоят такие, к примеру, суждения того же К. Леонтьева, — что Россия, если она пойдет путем Запада, то неминуемо начнет терять свою самобытность, а вместе с ней государственность. И вот почему философ ратует за духовную дисциплину, за народную нравственность, за порядок. Причем все эти слова следует понимать буквально, без всяких подтекстов. И если уж порядок, то он должен быть всеобъемлющ — от порядка в единой и неделимой Родине до порядка в нашей душе. Конечно, по-разному можно относиться к таким положениям при нынешнем безудержном плюрализме. Но давайте пробежимся по многим журналь-

ным и газетным статьям — разве они не об этом? Ну, конечно, об этом — о том, что пришло время всеми силами укреплять нашу государственность и духовность, и о том, что России поможет только Россия.

И все же, как трудно закрепляются в жизни здоровые начала. Одна надежда — на будущее. Вот и Константин Леонтьев пишет о том же: «Народ же, выносящий страх Божий и насилие, есть народ будущего...» Какие обнадеживающие слова! Но они — о завтрашнем дне, мы же с вами живем настоящим, где очень тесно перемешались и добро и зло, и на этом бульоне вызревает на наших глазах какая-то нравственность, но вот какая? Этот вопрос труден еще и потому, что основная масса людей нынче озабочена не созиданием, а выживанием, и сама духовность то и дело впадает в политическую услужливость, а на этом далеко не уедешь. Да и согласитесь, ведь получается грустное зрелище, когда художник или писатель славит сегодня либералов и социал-демократов, а завтра, — если выгодно, — кадетов и монархистов, а послезавтра опять будет кого-нибудь — в зависимости от конъюнктуры. Горько это, но разве закроешь глаза? Вот и получается из художника камердинер или бойкий администратор, а душа-то при этом забыта — и это ужасно. Но жизнь все равно возникает и на развалинах, и потому наши читатели и зрители прямо в лицо бросают творцам — где, мол, нынче искать идеалы, на чем и на ком остановить свою душу? Неужели счастье только в том, чтобы стать банковским клерком или открыть какой-нибудь прибыльный магазинчик? Эти вопросы так часто ныне повторяемы, что они стали почти риторическими. И все же за ними стоят очень твердые жизненные реалии. Начну с личных примеров...

Как-то, признаюсь, я попал на большую моду. Ну, пусть ненадолго, но все равно. Кто-то подумает сейчас, что я иронизирую над собой, но не спешите со своим приговором. Впрочем, все по порядку. Началось с того, что на одном из последних российских писательских съездов я выступил в прениях. Волновался, конечно, на столь высокой трибуне, но все же сказал, о чем просила душа. А она давно изнывала от груза самых тяжелых вопросов. И среди них были для меня роковые. Ну, например, — почему нынче в наших книгах и журнальных публикациях исчезла тема труда? Как будто тему эту кто-то навеки заминировал или загородил от читателя колючей проволокой, по которой пустили электрический ток... Или почему слова — Совесть, Родина, Нравственный Долг, Душа — в устах нашей демократической прессы стали почти что ругательными и ужас как неприличны? Или — почему наша литературная критика, а заодно и философы в упор не замечают того, что наш терпеливый российский человек уже смертельно устал от «чернухи», от книг «без надежды», от всякого рода подделок под западных литературных оракулов?.. Одним словом, в своем выступлении я размахнулся на многое, но успел ответить только на первый вопрос. Вернее, попытался ответить. А закончил я свое выступление буквально так: «Так что же делать, где искать идеалы? Как спасти свою душу?.. На эту тему, наверное, должен сказать кто-то умный и мудрый. А мне же почему-то вспомнился сейчас далекий день 9 Мая 1945 года...». Но прости меня, мой читатель, что я как бы цитирую самого себя. Но это не прихоть какой-то самоиронии, — а ради существа дела. Так что я продолжаю: «В тот праздничный день в моей деревне Утятке был митинг, на который собрались школьники, старики и даже малые дети. Я же, восьмилетний мальчишка, не смог быть вместе

с ними. У меня просто не было сил и душили сильные слезы. Ведь никто из моей родни, — по мужской линии начиная с отца, не вернулся домой. За войну мы устали получать похоронки. Одним словом, я смотрел обреченно в окошко и считал себя самым несчастным. И в это время зашел сосед-старик Волков Павел Васильевич и прямо с порога:

— Витек, хватит реветь-то. Ты теперь остался за мужика, а наше дело с тобой — работа. Так что давай одевайся и поедem с тобой рубить жерди...»

И далее я продолжал с той высокой трибуны: «Думаю, что и мы с вами не должны впадать в уныние, в “плач Ярославны”, а тоже должны быть мужчинами и тоже должны поехать “рубить жерди”. Потому что только работа спасет нас. И душу нашу, и нас самих...»

И вот, наверно, с этих последних слов-то и разгорелся сыр-бор. Ведь через несколько дней я уже был в Кургане, а еще через день — в своей родной Утятке. И, странное дело, ко мне подходили многие из моих земляков, особенно учителя, и горячо благодарили и жали руку: «Слушали твое выступление по центральному радио. Спасибо тебе!» А другие уж совсем говорили что-то для меня непонятное: «А ты, Федорович, выходит, мужественный человек. Здорово ты им врезал. Так держать! А мы-то всегда поддержим...». Одним словом, я почувствовал, что попал на какую-то моду. А потом и в городе начались телефонные звонки и снова: «Хорошо, что так выступил, не побоялся...». И после этого я зажал голову и раздумался: а собственно, чего я такого сделал, что меня надо поддерживать и даже подхваливать? И вдруг где-то на десятой минуте, простите за шутку, дошло, наконец, — а ведь я действительно пошел как бы против течения. Судите сами, вся пресса и весь эфир полны репортажами и сообщениями о разных митингах и тусовках, полны разных политических обвинений и разоблачений, да и все наши тонкие и толстые журналы тоже разбухли от политической публицистики... Да что говорить — люди стали все это принимать уже за норму и правило. Вот почему многие мои земляки-притобольцы, те же учителя, на полном серьезе считают, что существует даже некий приказ сверху нашим газетам, журналам — писать теперь только о политике и еще раз о политике, а все другое — нормальную человеческую жизнь, наши обычные трудовые дела и заботы — отбросить куда-то за борт и прочно забыть. Так стоит ли, видимо, удивляться тому телефонному звонку: «Молодец, Федорович...» И все-таки мне грустно и тяжело и хочется снова спросить кого-то умного, мудрого: так что же случилось с нами? Неужели и правда, что мы, русские, люди крайностей? Ведь раньше мои коллеги по литературе и журналистике писали о труде стихи и поэмы, сочиняли зажигательные репортажи и документальные повести, а сейчас и вспоминать-то об этих темах страшно, потому что обвинят сразу во всех смертных грехах и даже в симпатиях к застою времени. Я, признаться, не знаю, уцелели бы сейчас от нашей критики даже такие великие мастера, как Паустовский и Андрей Платонов. Ведь именно последнему мечталось написать когда-нибудь о труде с таким же чувством, с каким мы пишем о первой любви. Ах, бедный Андрей Платонов! Живи он сейчас, ему многое пришлось бы претерпеть за это крамольное желание.

Но простите меня, что я отвлекаюсь на литературные темы. Меня извиняет одно, что настоящая литература — это та же жизнь, быстротекущая, бурная. Вот такая, как сейчас за окном. И нам с вами нужно уцелеть в этом

бурном море и даже обрести веру в свои силы, надежды. Но как? Действительно, как? Если наша культура, духовность задыхаются в тисках голой коммерции, если многие храмы в нашей душе, да и настоящие храмы, до сих пор не восстановлены, если сама наша Родина тоже находится в состоянии полуразрушенного храма, который скоро и вовсе разрушится, если... Если все мы с вами, забыв про политические амбиции, не начнем работать. Да так энергично начнем, неистово, как в том далеком уже сорок первом году. Но здесь мои мысли перебил телефонный звонок. На проводе был корреспондент одного журнала: «Виктор Федорович, читал ваше выступление на съезде, и я согласен с вами, что только работа спасет нас». — «Спасибо за поддержку».

«Но я к вам по делу. Нас интересует статья на эту тему. А может быть, и рассказ. Не могли бы вы что-нибудь из старых запасов?.. У вас же — деревенское прошлое, а наша деревня все время в трудах и в работе. Да что тут! Сейчас все мы должны поехать “рубить жерди”, чтоб спасти свою душу. Я пользуюсь вашей лексикой».

«Но в Москве же много авторов. Напишут получше меня». — «Вы знаете...» — Он многозначительно замолчал, но я его сразу же понял, почувствовал. Да, в наших больших городах и столицах не принято нынче размышлять на такие темы, как Душа, как Работа.

А потом такие же просьбы — дать статью — последовали еще из других газет и даже из одного детского журнала. И шли дни и недели, а я не तोпился откликнуться на эти просьбы. Вот и теперь в раздумье: а будет ли кому-то польза от моих монологов? Ведь все мы с вами уже насмерть устали от обильных речей на митингах и собраниях, устали от шумных и принципиальных «круглых столов» на телеэкране, устали от новоявленных оракулов, которые под шумок разных предвыборных сходок устраивают собственную судьбу и карьеру. Так что же делать? Думаю, нам нужно вернуться к человеческой норме. Но что же такое норма? Думаю, во-первых, рабочий человек должен цениться нами выше крикуна и самого яркого демагога. А во-вторых, в обществе должна постепенно побеждать установка на труд, на гражданский мир и согласие. И начинать это спасение и вызволение нужно со школы, с детства, с юной и доверчивой детской души. Спасать, вызволять... Какие печальные и тяжелые слова. Особенно на фоне нынешней безработицы, на фоне гибели целых отраслей, ключевых отраслей, с которыми связаны были миллионы россиян. Да что говорить! Наше общество стало походить на слоеный пирог, и жизнь для многих как бы сломалась надвое, разделилась на межи и границы, и все эти межи теперь — в нашей душе... И потому я спрошу себя: так неужели все-таки не имеют никакой цены все наши прошлые испытания и страдания, неужели мы по-настоящему осознали себя только с 1985 года? Согласитесь — этот вопрос снова из разряда роковых, по крайней мере, из разряда очень тяжелых. Я закрываю глаза, и там, где-то в глубине сознания, вижу худенького рыженького мальчишку, которого треплет по плечу дедушка Павел.

«Ты теперь остался за мужика, а наше дело с тобой — работа...»

И мы поехали с ним в ближний лесок. И нарубили добрых жердей, и наш старенький смиренный Гнедко исправно повез их до дома. Но я, пожалуй, забыл самое главное. Когда мы приехали в тот осинничек, то произошло чудо, счастливый случай.

«А я тебе, парень, топорик сделал. Как нарубим жердочек, так и забирай навсегда», — голос у Павла Васильевича был тихий, размеренный, а меня всего передернуло, даже позвоночник заныл — неужели не шутит старик?.. И я уже не мог оторвать глаз от топорика. Даже не верится...

Он перехватил мой взгляд.

«Значит, угодил я тебе? По руке, значит, топорик? Вот и ладно, вот и хорошо... — И вдруг, сделав большую паузу, чуть слышно добавил: — Сегодня мы с тобой шутя поработали, как говорится, в охотку. А завтра уж, милый мой, включайся в основную работушку. Мать-то твоя заслужила помощника. Да и не нами, Витенька, сказано, что птичкам, значит, — летать, солнцу светить, а человеку — работать, веселить свою душу».

Вот и дошел я, наконец-то, до главного. Как все просто, оказывается. Надо, видимо, хорошо понять стародавнюю мудрость: солнцу на роду написано светить, а человеку работать. И лучше этой мудрости ничего нет на земле. А если сказать об этом каким-то высоким и обжигающим словом, то труд — это и есть наша совесть, и наша душа, и самый главный наш идеал, ради которого и живем мы на свете. Да, это правда. По крайней мере, мое поколение, я уже не говорю о тех, которые постарше, так и жило все прошлые годы, так и стремилось жить. Впрочем, какой-нибудь уверенный в себе человек прочтет это и упрекнет меня аж в снобизме. Разве можно, мол, говорить за все поколение. Согласен, нельзя. Но ведь и личная моя жизнь тоже была связана только с работой. И сегодня, оглядываясь назад, я вдруг обнаруживаю, что у меня в прошлом просто не было ни выходных и ни отпусков, а порой письменный стол так давил своим прессом, что от усталости останавливалось сердце. И это неудивительно, ведь жизнь писателя в глубокой провинции — это постоянные испытания. Перед самим собой, перед семьей, перед местным начальством, наконец. Нужны примеры? Пожалуйста... Перед семьей, к примеру, потому, что не достиг в жизни того, что достиг сосед, преуспевающий работник банка или заведующий магазином... Мое многоточие здесь, конечно, сплошная условность, потому что перечисление можно бесконечно продолжать. Но зачем продолжать, если судьба твоих соседей — реальных людей — на голову выше, чем твоя. И материально, и морально, и социально.

...А испытание перед самим собой потому, что за окном — тишина и затяжные дожди, и нет рядом ни хорошего театра, ни Русского музея, ни Большого зала консерватории. Одним словом, нет той среды, которая приносила бы живительный кислород. И потому ты хорошо понимаешь и чувствуешь, как кричала душа у одной из чеховских героинь: «В Москву! В Москву!»

...А перед начальством потому, что ты для них все равно чудик и небожитель. А раз ты чудишь за своим письменным столом, то однажды можешь начудить такого!.. И потому за тобой нужен глаз да глаз. Кто-то заметит сейчас, что все вышесказанное могло иметь место лет так пятнадцать назад, но теперь-то... А я отвечаю на это, что и нынче мало что изменилось в этических нормах. Стало вежливее обращение, и разговор порой пульсирует на грани сердечности, но в подтексте — все равно равнодушие, — и от этого мерзнет душа.

Так, значит, снова — душа... Но надо ли о ней думать, печататься, искать какие-то подтексты и смыслы. Не лучше ли вспомнить сейчас — ну,

хотя бы для минутной разрядки — какие-нибудь бездумные, беспечальные дни и часы. Ну, хотя бы вспомни, мой любезный читатель, как ты возвращался однажды домой тихими осенними полями. Как ты шел тогда и ни о чем не думал, наслаждаясь полным покоем и тишиной, а потом стало темнеть прямо у тебя на глазах — осенью быстро темнеет. И вот уж почти не видно дороги, и сразу же сжались нервы, и пришло беспокойство. Но вдруг впереди, за березовым колочком, мелькнул костерок. Маленький костерок, чуть заметный, а беспокойства как не бывало. И вот уж ты вглядываешься без усталости, оторваться не можешь от этого огонька. И в груди твоей поднимается уже что-то бесконечно родное, щемящее, — и ты чуть не плачешь и почти уже счастлив, но отчего? И какой же тут смысл? А то вспомни, как тихо, таинственно горит свеча на иконостасе, зажженная твоей рукой в память о всех погибших, умерших и убиенных, а за церковным окошком метет метель над родным селом, — и снег летит ослепительно белый, дрожащий, как будто во сне. Но нет, нет, это не во сне, это в жизни, — и так же дрожит, колеблется от дыхания твоя свеча. И в этом дрожании, в этом таинственном и непрочном, — наверное, тоже какой-то смысл. Но какой? О, Господи, как порой хочется ответить на эти вопросы. И чтобы сосредоточиться, я закрываю глаза. И сразу же слышу их голоса. Это учителя из Каширинской средней школы. Среди них и голос моего большого сердечного друга Дмитрия Андриановича Белоусова. Как-то осенью я был гостем каширинских школьников. Выступил в классах, ответил на вопросы, а потом, как водится, чаепитие и разговор о душе. Наш вечный русский разговор:

«Вы часто пишете об учителях, Виктор Федорович. Но мы же сейчас не нужны. Да, да! И даже не возражайте!»

«Но почему?»

«Да потому, что расшатано государство. А может быть, его даже и нет совсем. А если такое случилось, — значит, и мораль не нужна. А ведь мораль — это наша душа. Как же этого не понять?! И если душа еще живая, если она страдает, волнуется... ее же нужно беречь, а мы по ней сапогами...»

«А может, вы преувеличиваете? Может, не все еще забыто, потеряно?..» — пробую я робко возразить или, по крайней мере, увести разговор в спокойное русло. Но мне возражают:

«А вы разве не читали, Виктор Федорович, про то, как начинался НЭП. Россия вроде бы задышала, открылись лавки, витрины, а лучшие люди все равно уезжали за рубеж. Душа их о чем-то предупреждала, а разве не так? Вот и теперь сколько лавок открылось, а культуру понесли на погост. Какая уж тут мораль. Или, как вы говорите, душа?»

«Но душу надо воспитывать!»

«Конечно же надо. И мы, учителя, всегда это делали. И даже в войну, да и после... Писатель Василь Быков обмолвился как-то, что войну сорок первого года выиграла не солдаты и полководцы, а сельские учителя. Но теперь от нас ожидают другого...»

«Чего же?»

«Это печальная тема, даже трагичная. По крайней мере, для России с ее православным тысячелетием. Судите сами, товарищ писатель. Ведь уже большая печать всюду поучает, советует нашему брату учителю, что мы-де обязаны научить любить деньги, акции, бизнес. Нам без усталости крутят фильмы, где за доллары стреляют в самых близких, распинают невесту...»

«Но это же крайности!»

«А на крайности равняется и середина, а потом вылезит на свет захудалая философия, где на одном полюсе — господин, а на другом полюсе — нищий. Все это пахнет обыкновенной колонией. Такого не бывало еще в России...»

Это голос Дмитрия Андриановича Белоусова — моего дорогого человека, большого друга моей семьи. Я смотрю в его умные усталые глаза и задаю чисто русский вопрос:

«Что же делать?»

«Нужна мораль, нужно сильное государство. А можно переставить местами — вначале государство. В таком случае мораль и согласие возникают сами собой, стихийно. Была бы жива душа...»

А теперь давайте остановимся опять на этом слове. В конце концов, нам никуда от него не деться, да и зачем? К тому же тысячу раз правы каширинские учителя со своим утверждением, что, если, мол, жива мораль, то государственное согласие возникает стихийно, как из волн древнегреческая богиня. Вроде бы ее никто не ждал, никто на нее не рассчитывал, а она взяла да и появилась на свет. Но это ведь сущий идеализм, надежды на чудо! — воскликнет какой-нибудь мой добровольный оппонент. И будет прав. А я и не отрекаюсь от своего идеализма. Больше того, я считаю, что рядом с этим словом нужно поставить и другое — консерватизм. Кстати, эти слова чаще всего и адресуют нашему брату писателю. При этом вкладывают в подтекст часто какой-то ироничный, даже насмешливый смысл. Но мы к насмешкам привыкли. Как тут не позавидуешь нашим банкирам и бизнесменам, разным там современным купцам. Они еще почти ничего не сделали, но вся печать, весь эфир только о них, о них! И одни комплименты, всякие ласковые слова. Но почему? Какой наивный вопрос! Да потому, что эти люди обещают для общества материальный достаток, быстрые, легкие деньги, а значит, и процветание. Другое же дело — писатели. Они точно бы все сговорились и хором скандируют, что нашу духовность нельзя разменивать на рубли, что она выше любой конвертируемой валюты, что нельзя слово «рынок» твердить как заклинание от всех наших настоящих и будущих бед, что у России всегда был и будет свой, отличный от Запада, путь. Отсюда вывод: писатели наши, а российские в особенности, — некая неповоротливая и консервативная сила. Но кто так думает? Может быть, обыватель? Нет, берите повыше. Вот уже и депутаты всех уровней бросают нам нынче упреки: что вы, мол, все о духовном да о духовном, ведь давно уже пора зарабатывать деньги, давно пора входить в рынок. Вот видите, круг замкнулся. Где уж тут думать о душе, когда тебя обвиняют в самом простом дармоедстве.

Впрочем, круг замкнулся и над теми, кого называли мы и называем старшим поколением. Я сейчас о тех, кого еще недавно мы величали ветеранами и наставниками, нашим золотым запасом. В каких только грехах их нынче не обвиняют. И не за те идеалы боролись, не в той партии состояли, не в тех университетах учились. Но давайте скажем честно, признаемся: в этих обвинениях проглядывает или чистая демагогия, или самое откровенное желание опорочить сразу несколько поколений людей. Да и разве отвечают дети за отцов, а внуки за дедов? И разве расстрелы тридцатых годов или брежневский застой были чем-то дорогим и желанным для этих

людей?.. Ведь думать так — значит сойти с ума или впасть в цинизм. И все же доходит порой до смешного. Иные бойкие радикалы опускаются до того, что обвиняют старшее поколение даже за то, что оно почти не думало о таких понятиях, как комфорт, достаток, деньги, богатство. Этим циникам и невдомек, что наши ветераны исповедовали другое — великую стойкость души и самопожертвование, любовь к ближнему и терпение. Не за эти ли качества наши старики только за последние годы получили разные клички и прозвища — это, мол, отпетые консерваторы, это династия шариковых... Ну, как после таких слов прикасаться к шариковым — а вдруг запачкаешься, а то и снизишь свой рейтинг.

Иногда мне в голову заходит странная мысль — а возможно ли было такое, к примеру, в Америке или где-нибудь в благословенной Испании, чтобы десятки миллионов людей, к тому же очень старых по возрасту, были бы наглухо закрыты в какую-нибудь духовную резервацию? Кому была бы польза от этого? А самое главное — как назвать такое общество, которое для родителей своих придумывает разного рода непотребные клички и прозвища, отрекаясь тем самым от них или почти отрекаясь. Конечно же, в этом нет ни логики, ни морали. Ведь любому школьнику ясно, что общество — это единый живой организм с разветвленной кровеносной системой, а мы, люди, те же нервные клетки. И если намеренно бить какой-нибудь кувалдой по одной группе клеток, то страдает вся кровеносная система, значит, разрушается и само общество. Но все-таки зачем бить кувалдой? И зачем отрекаться от отцов своих, забывать материнское слово? Неужели нашему обществу не терпится повторить известный подвиг Павлика Морозова?.. А рядом с этими вопросами возникает вопрос очень личный и очень больной: как же утешить этих людей и чем утешить? Не скрою: эти вопросы стоят и передо мной, еще как стоят. Вот, к примеру, на моем рабочем столе несколько лет подряд лежит целая стопка не отвеченных писем. Их так много, что на эти ответы у меня просто не хватило бы сил. А письма, повторяю, пришли давно, когда я состоял членом сразу нескольких комиссий по возрождению нашего храма Александра Невского. Авторы этих посланий были учителя и рабочие, студенты и работники культуры. И все эти страницы были написаны в гневе или в густой печали. Авторы сердитых писем укоряли меня в том, что я не думаю о своем нравственном долге. Меня призывали одуматься и не потакать нашим верующим, потому что храм-де будет располагаться рядом с Дворцом пионеров и оттого дурно повлияет на детскую душу. Другие меня пугали тем, что нам не пережить, если в самом центре города зазвучат колокольные звоны, ведь рядом же центральная площадь и здание облисполкома. Подобные тирады я слышал в свой адрес и по домашнему телефону. Да что тирады, были даже угрозы, самые отчаянные угрозы... И вот прошло время, и все это кажется теперь дурным сном и неправдой. И сами люди тоже стали другими, я в это верю, да и хочется верить. К слову сказать, с некоторыми из авторов тех сердитых писем я встречаюсь почти ежедневно, и они виновато отводят глаза, а иные даже покаялись и признались: если б знать, мол, что храм — дело доброе, разве бы я руку поднял?..

Если б знать... Какое это, в сущности, чисто русское и беспомощное признание. Наверно, ни одна страна за несколько десятилетий не потеряла столько, сколько Россия. Да и сегодня мы все еще находимся на переломе:

или же мы окончательно забудем свое лицо, самобытность в пылу политических ошибок и дележа власти, или же медленно, постепенно начнем возвращаться к своим истокам. Я верю в последнее, очень верю. «А как же наши очереди на биржах труда, наши закрытые заводы и фабрики?.. Может, это временное явление?» — иронично бросит мне скептик. А я ему сейчас отвечаю: «Конечно же, временное! Было у нас и похуже — и крапивный супчик, и лебеда, — но мы опять вставали с колен и наполнялись надеждой. Так что надо верить, ждать и надеяться. Будут у нас опять и Родина, и храмы по всей России, и храмы в душе, и хлебосолье. Но вот только с хлебами духовными будет потяжелеей...» — «Ну, что вы опять о душе-то? Не надоело?» — Это снова кто-то из моих оппонентов лукаво щурит глаза. А я отвечаю прямо и откровенно: нет, не надоело. Нисколько не надоело! Потому что слишком дорого заплачено нашим народом и за вселенский атеизм, и за отречение от наших истоков. Да и прав, тысячу раз прав тот же Константин Леонтьев, когда говорит в своей книге, что «любовь может снова возжечь в сердце угасшую веру», а под верой великий сын нашего народа понимал веру в будущий день России, веру в наше национальное возрождение, веру в глубинные корни нашей культуры. А укрепитя, усилится эта вера, значит, и укрепитя наша душа...

А теперь давайте прервемся, переведем дыхание. Конечно, книга Константина Леонтьева — взволнованные монологи большой и великой души. Потому они так близки нам, так современны. Но то Леонтьев! А вот мы-то, простые смертные, почему часто пытаемся идти той же проповеднической дорогой, почему пытаемся примерить на себя этот мученический венец, стремясь соединить в себе аналитиков и каких-то нравственных экстрасенсов? Впрочем, вопрос мы поставили, наверно, неуклюже. Давайте спросим себя по-другому: нужны ли, мол, современным писателям все эти заботы? Может, им лучше заняться своим прямым делом — писанием книг, и только?.. Согласитесь, непростые вопросы. Их часто задают нашему брату. Вот и меня недавно на встрече в одной из школ мои читатели — учителя приперли к стене:

«Поразительно, товарищ Потанин. Ваши коллеги все время лезут туда, куда их не просят. То в политику ударяются, то за фермеров ратуют, то на площадях выступают. А когда культуру начнут спасать? Ведь время-то нынче страшное. Когда о душе-то заговорят?..»

Ну вот и снова — Душа! Но в каком странном, в каком непривычном контексте. К тому же мне трудно что-либо определенное ответить на эти вопросы. Может быть, мои братья писатели просто очень легки на подъем, а может, они просто в глубине души — истинные журналисты, репортеры, а сказать проще — народные заступники, радетели. Может быть... Впрочем, иногда эта журналистская легкость на подъем определенно подводит. Вот и меня она как-то подвела, до сих пор не забыть. А случилось вот что: съемочная группа кинохроникеров из Екатеринбурга попросила меня проехаться вместе с ними по моим родным местам, чтобы дать репортаж на темы сельской культуры. Но вначале я один отправился на разведку. И начал с того, что прошел и проехал почти все сельские кладбища в родном Притобольном районе... О Господи, да что же это такое! — стонала моя душа. Ведь более горьких и унылых мест невозможно представить. Оград нормальных возле кладбищ, как правило, нет, и множество холмиков — безымянных, и это

печальной всего. Безмолвствует здесь долг, и сыновний — в особенности. Ведь сыновья и внуки уже давно в городе или в каких-нибудь далеких краях, а вот память у них, видно, молчит... Да, горько это, но не лучше и так называемые сельские очаги культуры: клубы, библиотеки, наши доморощенные музеи. Многие из них уже просто закрыты. Другие расположены в непригодных помещениях, и вид этих времянок просто сиротский. Одним словом, я отказал кинохроникарам, и репортаж мой не состоялся. А если б все же я решился на это слово, то никогда б не простил себе. Ведь никто мне не давал прав судьи, а тем более — прокурора. Да и душа бы не вынесла, потому что те люди из своих скорбных могилوک явились бы однажды ночью ко мне и спросили: «Зачем ты ворошишь наши косточки, зачем ты наших детей ругаешь? Они не приходят к нам, но мы их все равно прощаем, мы даже жалеем их душу. Она просто заблудилась где-то, эта душа». И правы были бы те голоса. Упреки были бы справедливы: «Зачем ты наших детей позоришь...» Поистине велик русский человек в своем всепрощении, в своей святости, чистоте. Думаю, еще и поэтому нынче такая церковь. Душа человеческая взывает к вере и требует к себе внимания...

Но я на этом сделаю паузу, потому что философа из меня все равно не получится, потому что те апеллируют логикой, знаниями, а я все время кружусь в мире чувств. И вот последнее-то особенно давит на душу. Я ведь все еще не попрощался с Павлом Васильевичем Волковым. Вы не забыли еще, как он в самом начале статьи напутствовал меня на будущую тяжелую жизнь?

Вы не забыли, как мы поехали с ним в весенний лес за жердями, как он подарил мне топорик? Помнится, я залюбовался топориком, и сосед перехватил мой взгляд:

«Поглянулся, значит? Вот и ладно, вот и хорошо. Сейчас нарубим с тобой жердочек, наготовим, а ты не бойся, не втягивай шейку. У меня давно все выписано у лесника-то. Так что смелее, Витенька. Мы не ворует с тобой, а свое берем. Я за эти жерди-то и лыко драл, да и так по мелочи — много всего».

«А я и не боюсь», — отвечаю ему тихим счастливым голосом, потому что топорик пришелся мне как раз по руке. «Вот и ладно. А теперь давай поработаем, разомнем свои косточки». И мы поработали — нарубили жердей. А через час уже ехали обратно. Павел Васильевич посадил меня прямо на воз, а сам шел рядом с телегой, только вожжи держал в руках. Мне было стыдно: я еду, а он — пешком. Я запросился с воза, но он замахал руками:

«Нет, нет, сиди там. Ты заслужил. Такую войну вынес — это надо понять... — Он снял с себя пиджак и подстелил под меня. И опять загудел рядом его медленный густой голосок: — Сейчас обгородим ваш огород да картошки насадим. И у нас нарастет ее сто пудов... А, чего? Не согласен?»

И он смеется. И мне тоже легко, и душа моя уже летает выше самых высоких осинок. Не летает даже — парит... И так мне легко, легко. Да и солнце бьет мне прямо в глаза.

«Скоро, парень, солдаты с фронтов поедут. Кому нужны теперь эти фронты... Глядишь, и твой папаня прикатит. А мы их встретим, поклонимся в ноги, повеселим свою душу. Как было бы хорошо!»

...Но не прикатил мой отец, никто из моей родни не приехал. Но все равно я благодарю судьбу за ту поездку в весенний лес. Ведь и жерди-то

были только предлог. А поехал сосед, видно, ради меня... Ради меня одного! Пусть, мол, будет праздник и для этого парнишки — все же живая душа... И потому до сих пор звучит в моей памяти этот щемящий до боли, густой голосок: «Как было бы хорошо... хорошо...» И я с ним согласен. Как было бы хорошо, если б в нашей жизни случались одни только праздники, одни только встречи, свидания... одни только весны, счастливые длинные весны. Как было бы хорошо!

Но время — вода, неудержимый поток. И попробуй останови, удержи его. И вот уж давно нет на свете нашего соседа Павла Васильевича, нет и моей первой учительницы тех лет Ивановой Варвары Степановны. И многих тех, которых я только что сравнивал с неприкосновенным золотым запасом, с нашей бессмертной душой. И все-таки — простите меня — я назову их сейчас пофамильно, хотя бы некоторых из них назову. Так вот, только за последние годы ушли навсегда из моей родной Утятки — Алексей Михайлович Баженов, братья Луканины — Иван Иванович и Александр Иванович, не стало и Степана Егоровича Шевалдышева, Григория Прокпьевича Ловыгина, Ильи Васильевича Батикова... И пока писалась эта статья, не стало и моего друга, знатного учителя, Дмитрия Андриановича Белоусова... Все они были великими тружениками, хозяевами на земле. Они ушли, а души их остались. По крайней мере, мне очень хочется так думать, надеяться, что она осталась, эта душа...

«И каков же вывод? — прищурился мой скептик, какой-нибудь добровольный оппонент. — Каков итог этих затянувшихся монологов? И каковы, наконец, причины для написания этих страниц?..» Ну, что мне ответить, да и надо ли отвечать. Просто я написал эти странички для тех, у кого осталась еще эта Душа. И потому давайте вместе подумаем о ней — о своей Душе. И чтоб подкрепить наши думы, откроем свои сокровенные книги. И начнем хотя бы все с той же страницы: «Буду же верить в Евангелие, объясненное Церковью... Боже мой, как хорошо, легко! Как все ясно! И как это ничему не мешает: ни эстетике, ни патриотизму, ни философии, ни неправильно понятой науке, ни правильной любви к человечеству...» Но это же снова Константин Николаевич Леонтьев? Конечно же — он! Так что мы с вами — от чего начали, к тому и пришли. Потому что все сложности, все наши страдания и мучения, все наши мечты и надежды, все наши молитвы и сокровенные сны замыкаются на Душе. Так давайте же сбережем ее.

Станислав КУНЯЕВ

ОТ МИРА СЕГО

Станислав Юрьевич Куняев — родился в 1932 г. в Калуге. Окончил филологический факультет МГУ. Работал журналистом в Тайшете, редактором в журнале «Знамя», секретарем Московской писательской организации. Автор многих сборников стихов, трехтомника мемуаров «Поэзия. Судьба. Россия», сборников критики и публицистики. Лауреат Государственной премии РСФСР. С 1989 г. — главный редактор журнала «Наш современник». **Живет в Москве.**

В 70-х годах прошлого века на Кемеровской земле выросла целая плеяда молодых поэтов, с одним из которых — Николаем Колмогоровым — у меня вскоре завязалась переписка. Из нее я понял, что Колмогоров и его друзья — люди, преданные поэзии, талантливые, имущие новые слова «о времени и о себе», и что особенно было трогательным — открытые друг другу, радующиеся удачам каждого из своей «общаги».

Обо всех новых поэтических именах, выросших на просторах Западной Сибири, я узнавал из колмогоровских писем: «Посылаю Вам две книжки товарищей моих А. Ибрагимова и С. Донбая», «Предлагаю Вам книжку товарища моего Виталия Крекова... Эта книжка, на мой взгляд, явление души, редко с такой чистотой, проявляющейся у современных поэтов».

«Ребята у нас талантливые, все держатся друг за друга, и это главное», «Спасибо, что не забываете обо мне. А я в свою очередь не забуду помочь другим».

С тех пор прошла целая жизнь. Умер Коля Колмогоров, выросли, заматерели, стали известными поэтами не только Кемеровской земли, но и всей Сибири — Борис Бурмистров, Любовь Никонова, Александр Ибрагимов, Виталий Креков, Сергей Донбай. Каждый из них нашупал свою тропу, освоил свой поэтический мир, сказал свое слово. Бурмистров — печально-лирическое, Ибрагимов — молитвенно-христианское, Виталий — народно-лукавое, ерническое, а Сережа Донбай — стал из «колмогоровской плеяды» поэтом наиболее близким к времени, к социальной жизни, к изображению и осмыслению личной судьбы на фоне аскетической, суровой уличной, но по-своему бескорыстной и поэтической эпохи...

Помнится мне, что в 60-е годы прошлого века я с наслаждением сочинял свою «Калужскую хронику». В ней не было в чистом виде жизни души, независимой от времени — в чем заключается обаяние поэзии Николая Рубцова, — в ней так же не было надвременной мифологичности Юрия Кузнецова, но в ней была близкая и дорогая мне событийность личной судьбы, ее движение и развитие с разноголосицей любимых чувств, сомнений, противоречий...

И читая стихотворенье Сергея Донбая «Соцгород», я иногда аж радостно вздрагивал, ощущая в нем приметы своего молодого жизнелюбия:

*И двухэтажные бараки
Кишат, как джунгли, ребятей;
И руки чешутся — для драки —
У ребятни полублатной.*

У меня было все похоже, разве что посентиментальней, помягче:

*Веселый быт, беспечный мир,
живучий и полуголодный,
где свой у каждого кумир
спортивный или уголовный.*

Итоговая книга Сергея Донбая окончательно определила границы его поэтического мира, это — книга судьбы, в которой все время что-то происходит, книга, отражающая телесно-временную сущность бытия, столь милую сердцу поэта.

*Небосвод облаками намок.
Птицы ходят у талой воды.
Мокрый голубь вспорхнул из-под ног,
На асфальте оставил следы...*

*Облепиха, шиповник, сирень?
Из-под снега оттаяли вновь
Все потери: и радостный день,
И скамейка, и мяч, и любовь!*

Безжалостный, но увлекательный бег времени, пестрые картины жизни, быстротекущие радости и печали — как все это близко и дорого каждому из нас — и поэту, и читателю, и обычному человеку, погруженному в эту стихию с первого до последнего дня земной жизни:

*Нету больше радости и лада,
Чем отметить день рожденья свой
На виду у собственного сада,
Окруженным собственной родней.*

*Значит, на планете всё в порядке:
По меже в трусах идет отец,*

*Вовремя дожди полили грядки,
Греется в теплице огурец.*

Поистине Сергей Донбай поэт «от мира сего». Отец, мать, сестры, дети — вот судьбоносные узлы жизни, властно притягивающие поэта к себе, именно в этой чувственной тяге, в естественной смене поколений видит он сердцевину человеческого бытия.

*Был наказан. Выплакался. Сплю.
Это я. Бессилен, счастлив, маленький...
Счастлив, что прощен, любим, люблю.
Что укрыт шаленкой маминой.*

*Сын наказан. Выплакался. Спит.
Тишина. Посапывает. К вечеру.
Счастлив ли?.. Отец пред ним стоит —
Это я же — с одеяльцем в клеточку.*

Не зря же его стихи напоминают мне стихи детеныша войны, детдомовца Игоря Шкляревского, с такой же как у старшего собрата предметностью, хищной внимательностью к деталям, к эпохальным картинам послевоенного быта, неразрывно сросшегося с бытием великого народа и великой страны:

*Старая, старая хроника
Незабываемых лет,
Перекрути и напомни-ка
Неповторимый момент...*

*Вот они! Видели! Видели!
В звездочках и в орденах
Высыпали победители:
Целые, на костылях,
С воздухом в рукавах...*

*И на плече у родимой,
Старый — не по годам,
Плачет непобедимый,
Мальчик во весь экран!..*

И мальчик этот — может быть, в последний раз прошагавший в День победы в ветеранской колонне по Красной площади, уже разменял девятый десяток, и поэту, запечатлевшему облик этого мальчика, уже за шестьдесят, — все состарилось в этом мире, кроме чувства, живущего в стихах.

Вокзалы 60-х годов прошлого века, общежития, высоковольтные трассы, фэзэушный народ, простонародная жизнь принадлежащих всем и каждому общественных дворов, жизнь, не знающая высоченных заборов, толстомордой охраны, видеокамер слежения, — вот стихия Сергея Донбая, подернутая дымкой печали и радости.

«Утром дым над химкомбинатом встает», «Наш двор на лавочке сидит»,
«Грохочет железнодорожная ветвь» — как все это близко и понятно мне!

*Мы вслушались с детства в протяжный мотив
Народного хора буранов и вьюг...*

Жизнь простонародья, жизнь соцгорода, жизнь всей великой страны... И от имени этой общинной русско-советской жизни, как вызов, брошенный в лицо сегодняшнему распаду, сегодняшнему мировому порядку, сегодняшним владыкам жизни, пытающимся разделить и властвовать, звучит мужественное и трагическое стихотворенье Сергея Донбая, через много лет оправдавшего молодые надежды его друга Николая Колмогорова, стихотворенье, которое называется так по-донбаевски: «Прощаюсь с друзьями отца»:

*Вы жили во сне наяву,
В загробное время не веря,
Одно лишь советское время
Вам было сперва-наперву!..*

*Прощаюсь с друзьями отца,
Невольню его подменяя,
И очередь эта немая
Истает вот-вот до конца...*

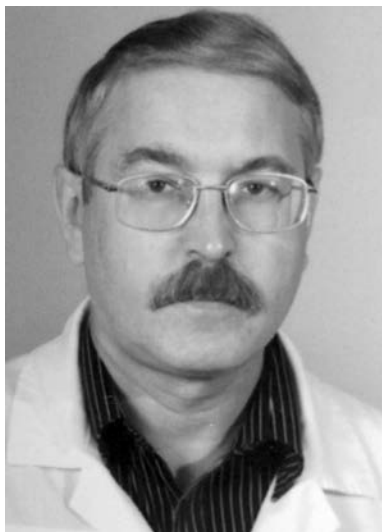
*Оркестра гуляет мотив
От здания вашего к зданию,
А он вас встречает, я знаю,
Прощенье прося и простив.*

*Прощаюсь во сне наяву,
Прощаюсь, и снова потеря,
Прощаюсь... В советское время
Одною ногою живу.*

Медленно исчезают в книге Сергея Донбая очертания соцгорода — «любимый город в синей дымке тает», — растворяется в вечности.

Вопросы ТВОРЧЕСТВА

**Владимир
НЕВАРОВИЧ**

О ПОЭЗИИ И ЕЕ ВЛИЯНИИ НА ДУШУ ЧЕЛОВЕКА

Владимир Константинович Нева-рович — писатель, поэт, православный публицист, член Союза писателей России, лауреат Большой литературной премии России, директор благотворительного Бехтеевского фонда, бехтеевед. Автор около 17 книг. Родился в 1952 году в Воронежской обл., детство и юность провел в г. Задонске, Липецкой обл. Выпускник Воронежского медицинского института. Долгие годы разрабатывал основы православной психологии и психотерапии. Автор первой в России книги («Терапия души», 1997), посвященной православной психотерапии. **Живет в Воронеже.**

Испокон веков поэтический дар причислялся к высшим духовным дарованиям. Определить сущность поэзии словесно очень непросто, ибо, как известно, поэзия не есть лишь зарифмованная мысль (пусть даже и очень искусно), не есть восторженно звучащие красивые слова, не есть и чувственный набор чего-то туманного и непонятного. Поэзия являет собой продукт особого вида художественного творчества, где рождается нечто потаенно новое, синтезируется взаимодействие земных и неземных стихий. По мысли А. Блока, истинный поэт как бы освобождает звуки из хаоса и приводит их в гармонию, давая им определенную форму. В стихе материализуется и воплощается некая тайна, непостижимость, не передаваемая прозой или иным каким жанром.

Перед тем как «родить» настоящий стих, душа страдает, мучается, вынашивает его. Она смутно предчувствует нередко лишь общее направление, улавливает отдельные слова и рифмы, ощущает неудержимую тревогу, напряжение или, напротив, радость, восторг, даже иногда некую эйфорию (поэтический экстаз). Впрочем, все это достаточно индивидуально и не поддается какому-либо упрощенному схематичному описанию. Кто-то сказал, что все идеи витают в воздухе или возникают откуда-то свыше. В поэзии нечто подобное. Смущение и непокой души поэта продолжают до тех пор, пока точно не улягутся все рифмы, найдутся все незаменимые слова, завершится идея, реализуется замысел. Тогда только произойдет окончательное рождение поэтического творения, и измученная душа поэта-творца обретет временный покой. Это что касается этапов поэтического творчества. Между тем оно (творение поэта) может иметь Боже-

ственный Источник Любви и Истины — тогда оно звучит, воспаря над всем тленным (духовная поэзия); или иметь душевное звучание, пробуждая более всего чувства не самого высшего, хотя и тонкого плана (душевная поэзия); наконец, может приземляться и огрубляться настолько, что вызывает отклик лишь низших физические стихий в человеке, действуя преимущественно на животные инстинкты и страсти (поэзия физическая, телесная). Почти двухтысячелетняя история христианства свидетельствует, что именно духовная поэзия была особенно близка многим подвижникам благочестия и прославившимся своими подвигами святым. Примером особого рода поэзии может служить и само Священное Писание (хотя некоторые почему-то и против подобного сравнения). А какая небесная музыкальность в псалмах царя Давида! Образцами особенно изумительной поэтичности слова являются все четыре Евангелия: высота их несравненна и поистине божественна. Поражают: емкость, бездонная глубина слога, непостижимость и многогранность в способности и силе воздействия на душу человека! Что пред ними дебелие человеческие сочинения, мудрствования земных умов. Все блекнет пред ярким солнцем евангельской чистоты, красоты, мудрости и веры!

Поэтичность души присуща не только тем, кто пишет стихи. Также некоторые произведения в прозе по сути своей высокопоэтичны и музыкальны. Это можно отнести и к немалому количеству святоотеческих творений, проникнутых благодатным Духом святости. Поэтический дар — это дар Божий. К сожалению, некоторые ревностные защитники духовной жизни низводят поэзию до степени словесного ремесленничества, считая поэтическое занятие чуть ли не греховным делом. Это несправедливо и больно слышать. А ведь многие из числа прославленных святых не только не отвергали поэзию, но любили ее, были прекрасными ценителями ее красоты (вспомним хотя бы поэтическое послание св. Филарета, митрополита Московского А. С. Пушкину), сами сочиняли духовные стихи, гимны, оды, песнопения. Поэтическим даром обладали святитель Григорий Богослов, св. Иоанн Дамаскин, св. Симеон Новый Богослов, епископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) и многие другие Святые Отцы и подвижники благочестия.

Истиной поэзии сегодня, к сожалению, рождается немного. Нравственная деградация и духовная немощь современного человека отражаются в крайне скудных поэтических дарованиях. Зато трезвонит во всю рифмованная замусоренная тарабарщина, процветает антипоэзия, сущая дьявольщина, лукавый сумбур, осатанелое развращение и изощрение падшего разума. Поиск новых (внешних) технических приемов, безудержная эквилибристика и псевдоноваторство, а также механическое бессердечное клише-сочинительство наводнили поэтические современные рубрики, объем которых и интерес к которым, впрочем, в теперешней все более меркантильной жизни невелик.

Слово способно материализоваться и дематериализоваться. Если сочинитель — от Бога и пишет от избытка любви в сердце, его сочинения излучают, подобно солнцу, лучи света правды и тепла, трогают душу, сообщают ей возвышенные и чистые небесные поэтические чувства и откровения, передают творческий заряд вдохновения, восторга, благоговения, радости (или духовной печали).

Настоящая поэзия чиста, легкокрыла, утонченна, изящна, влечет душу к прекрасному; она от Бога, от Его святых логосов — энергий, от Ан-

гелов Света (поэтическая муза — есть не что иное, как светлый Ангел, вдохновляющий избранника Божия на прекрасные Божественные строки). Антипоэзия — от падших духов с их неудержимой фантазией, гордыней, тщеславием, лукавством и прочими страстями. Настоящий поэт органически поэтичен. У Пушкина выплескивается стих, а у иных поэтов вымучивается, и то лишь от ума, а не из души и сердца.

Истинная поэзия — это гармония звуков и рифм, стройность мелодии, завершенность идеи, что обуславливают чудо: рождение прекрасного. Знаменитый русский литературный критик Н. Н. Страхов называл три свойства, присущие истинному поэту и доказывающие подлинное поэтическое дарование: первое — мысль не тянется, не расплывается, второе — звучность стиха, третье — своеобразие стиха, свой звук, своя манера и плавность. В. А. Жуковский подчеркивал Божественное назначение поэзии («Поэзия есть Бог в святых мечтах земли», «Поэзия небесной религии сестра земная»).

В одном из своих поздних стихотворений Яков Полонский пишет:

*Жизнь без Христа — случайный сон,
Блажен, кому дано два слуха, —
Кто и церковный слышит звон,
И слышит вещей голос Духа.*

Глубокие мысли о поэзии находим у И. С. Тургенева и Н. В. Гоголя. Первый писал: «В поэте, как в полном выразителе народной сути, сливаются два основных начала: начало восприимчивости и начало самостоятельности, женское и мужское начало...»¹ Тургенев, кстати, лучших поэтов России справедливо ставил в ранг национальных, а не народных («выставлять лозунг народности в художестве, поэзии, литературе свойственно только слабым, еще не созревшим или же находящимся в порабощенном, угнетенном состоянии»)². Н. В. Гоголь обращал внимание на особый лиризм русских поэтов. Этот лиризм близок к библейскому, он отсутствует у поэтов других наций, его обуславливают два великих предмета: Россия и Царь. При одном лишь имени «Россия» у русского поэта просветляется взор. А благодаря Царю «поэзия наша, уже со времен Ломоносова и Державина, получила какое-то величественно-царственное выражение»³. Царственные гимны наших поэтов поражали и удивляли иностранцев своей красотой и возвышенностью.

Поэт (от Бога) и в жизни поэт, чем бы он ни занимался. Пушкин и в светской жизни был Пушкиным, его органическая поэтичность не расщеплялась и не низводила его до уровня мещанской прозы. Напротив, мирская жизнь освещалась, поэтизировалась им, о чем свидетельствуют современники поэта в своих воспоминаниях. Трагедия всякого поэта, несущего в душе Божественные звуки Духа горней Любви, в столкновении его с миром сим, где правит князь тьмы, а большинство из живущих служат более мамоне. Истинный поэт как бы не от мира сего, хотя вынужден существовать в нем,

¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. в 15-ти т. — М.; Л.: Наука. Т. 15. С. 76.

² Там же. С. 69.

³ Гоголь Н. В. Духовная проза — «Отчий дом». М., 2001. С. 75.

подчиняться его законам, инструкциям, вкусам, моде, капризам. Небесное парение души омрачается смрадом социальных заказов, бездарной цензурой, экономическими, издательскими проблемами, бытовой суетой и прочим.

Настоящая поэзия целебна. Но так же, как и лекарства, ее надо строго дозировать и пользоваться осмотрительно, с духовным разумением.

Более всего поэзия, пожалуй, близка к молитве. Если молитва есть не что иное, как дерзновение человека (твари) на беседу с Богом (Творцом), то поэзия — слышание душой и сердцем Божественной красоты и великолепия; созвучие тончайших человеческих ощущений с небесной гармонией и в то же время воплощение тоски и плача падшего человеческого естества (находящегося в плену у времени, болезни, смерти, удушливого зла и одержимости страстями) по потерянному раю.

Поэзия — почти всегда звучащая тайна, и покров таинственности должен быть строго храним. Нельзя дотрагиваться до поэзии (как и до всякой святыни) без чувства благоговения и трепета. Поэтический дар (или даже только способность), как и все иные врожденные задатки у человека, нуждается в благоговейном развитии, окормлении, становлении, подпитке. Очень важна правильная эволюция, а это неотделимо от духовного развития человека. В принципе, несмотря на множество разновидностей, есть лишь два пути для человека: спасения и гибели.

С каждого поэта спросится об умножении его поэтического таланта и верном пользовании им. И горе тому, кто зарыл его в землю. Знаменитые евангельские слова об ответственности за данный талант к поэту имеют самое прямое отношение.

Многовиден и поистине необъятен поэтический мир. Но мучит сегодня поэтическая жажда тех, кто не утратил способность слышать красоту слова. Томятся они и тоскуют по глаголам живым и светлым, исходящим от избытка любви в сердце, от души, молящейся и верующей, чуткой и постигающей. Возродись, поэзия российская, сложи песнь новую, выстраданную, омытую слезами покаяния и скорби многострадального народа. Пусть ее услышат и насытятся души наши, и исцелятся от поразившей проказы нашего больного времени!

И в заключение всего несколько выдержек из прекрасных слов о поэзии епископа Сан-Францисского Иоанна (Шаховского):

«Поэзия есть искание и нахождение высшей жизни, доступной человеку».

«Поэзия есть тихое чудо, возникающее в глубине истинного поэта и истинного читателя».

«Поэт “милостью Божией” имеет власть превращать воду человеческих слов в вино, а это вино обращать в кровь Слова. Таково высшее назначение поэзии, ее смысл евхаристический. Поэзия возвращает человека к началу вещей».

«Поэзия по-новому открывает слова, вскрывает их, встречает их уже в новом мире».

«Она есть перископ, выдвинутый из этого мира, рентген и радар, лазерный луч, тончайшая и острейшая стрела духа, проходящая все предметы мира, не убивая их, а оживляя».

Вячеслав ЛЮТЫЙ

РУССКИЙ МИР И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Вячеслав Дмитриевич Лютый — литературный и театральный критик, публицист, зав. отд. культуры, искусства, краеведения и современных проблем журнала «Подъем», член СП России. Родился в 1954 г. в городе Легница (Польша) в семье советского офицера. После окончания Воронежского политехнического института работал радиоинженером, служил в армии. Окончил Литературный институт имени М. Горького, учился в аспирантуре. В 1980–1990-е гг. был звукооператором, электриком, сторожем, зав. лит. частью в театре, зав. московской редакцией журнала «Континент». Лауреат премий — «Русская речь», «Живые сокровища славянской культуры». **Живет в Воронеже.**

Последний век показал совершенно отчетливо: мы вошли в тот роковой виток эволюционного развития, когда русская жизнь и русская цивилизация — при их неизбежном единстве — во многом стали жестоко противоречить друг другу. Быть может, здесь сказывается общий закон цивилизационного развития, когда технократичность жизни постепенно вытесняет ее органику, ее сложившийся в течение веков нравственный и душевный обычай. Однако нам нет смысла становиться в ряд европейских примеров — у России свой путь и своя духовная задача, огромность наших просторов позволяет соизмерить их с пространствами русской души. И здесь, вспоминая старый русский уклад, размеренность жизни, привязанность русского человека к своей земле, важно найти посредствующее звено между наступающим завтра, которому присущ металлический блеск и громкие, жесткие звуки, и уходящим вчера, чей образ во многом связан с влажным черноземом, росой на луговой траве и рассветным щебетанием птиц... Таким звеном, без сомнения, является фигура русского поэта.

Сегодня, как никогда раньше, его ответственность перед народной толщей чрезвычайно велика. Породившая ум и слух поэта народная жизнь вправе ожидать от него слов и песен, где определение «русский» прилагается только к органическим понятиям, не становясь разменной монетой современности. Вместе с тем, живя внутри русской цивилизации уже фактически и не собираясь удаляться в леса или идти в затвор, поэт может и должен найти меру взаимодействия века железного и души живой, подобрать слова, в которых гордость за успехи своего земного государства непротиворечиво соединена с отблеском Царства небесного,

духовной России. Цивилизация — это только средство, она подобна доспехам на живом теле, которому свойственна не только ярость и жажда победы, но и любовь, печаль, думы и сердечное страдание.

В огромной степени цивилизация сказывается в языке современного человека. И речь совсем не о лексических нововведениях, а о способе строить фразу, сочетать слова и понятия, переходить от одного предмета к другому и соединять реальное с умозрительным. В языковой стихии никто не сравнится с поэтом, он словно барометр давления цивилизации на жизнь, и вместе с тем — инструмент некоего примирения первого со вторым. Потому-то критический взгляд на современную поэзию порою бывает так жесток и бескомпромиссен: когда поэт уклоняется от своего глубинного призвания, от метафизического Поручения, которое таится в его душе, внимательный читатель интуитивно чувствует, что вот теперь он остается один — поэт покинул его и стал обычным человеком, послушным рабом успеха. В этом есть элемент русского предательства и скорбной победы русской цивилизации над русской жизнью. Но когда поэт чуток и бесстрашен, когда Божий дар в нем преобладает над рациональным умозрением — читатель любит своего певца беззаветно и внимает его словам с доверчивостью ребенка.

Нет нужды лишней раз упоминать о том, что подобные задачи по плечу и по сердцу только избранным поэтам, быть может, даже великим. Они и сейчас живут на огромных пространствах русской земли. Однако цивилизация делает свой выбор и называет иные имена. Тогда как русская жизнь безошибочно узнает собственных поэтических посланников, вверяет им себя полностью и насыщает их слова проникновенной правдой.

Важно понимать, что истинный поэт — не враг цивилизации, но ее врач. Ему по силам примирить два начала русского мира, найти их непротиворечивое единство. И тогда русская цивилизация не убьет русскую жизнь, но обретет глубокое дыхание, благородную силу и нравственный ум. Так свяжется разорванная нить времен, внуки избегнут одиночества, а прежние поколения не станут ронять слез с небес на сухую землю, чувствуя себя отринутым родом, стертym из памяти детей, опрометчиво поспеивших стать взрослыми.

Николай СКАТОВ

СТИХИЯ И ЭНЕРГИЯ ЖЕНСКОЙ ДУШИ

Николай Николаевич Скатов — родился 1931 года в Костроме. Окончил Костромской гос. педагогический институт. Работал в этом институте старшим преподавателем, исполняющим обязанности зав. кафедрой литературы. С 1962 года работал в Ленинградском гос. педагогическом институте им. А. И. Герцена С 1987 по 2008 гг. — директор ИРЛИ (Пушкинский дом). Автор более 200 научных трудов, 17 книг. Доктор филологических наук. Член президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН. Заместитель председателя экспертного совета ВАК РФ. Член научного совета при Совете Безопасности РФ. Член-корреспондент РАН. **Живет в Санкт-Петербурге.**

На рубеже XIX и XX столетий, накануне революции, в эпоху, потрясенную двумя мировыми войнами, в России возникла и сложилась, может быть, самая значительная во всей мировой литературе нового времени «женская» поэзия — поэзия Анны Ахматовой.

Впервые женщина обрела поэтический голос такой силы. Женская эмансипация заявила себя и поэтическим равноправием. «Я научила женщин говорить», — заметила Ахматова в одной из эпиграмм. Веками копившаяся духовная энергия женской души в революционную эпоху в России получила выход в поэзии женщины, родившейся в 1889 году под скромным именем Анны Горенко и под именем Анны Ахматовой приобретшей за более полувека поэтического труда всеобщее признание и переведенной ныне на все основные языки мира.

Ее первые стихи появились в 1911 году в журнале «Аполлон», а уже в следующем вышел и поэтический сборник — «Вечер». Почти сразу же Ахматова была дружно поставлена критиками в ряд самых больших русских поэтов. Чуть позднее ее имя все чаще сопоставляется с именем Александра Блока и выделяется самим Блоком, который на подаренных Ахматовой книгах писал просто: «Ахматовой — Блок», равный — равному. Именно от образов Блока во многом идет герой ахматовской лирики. Это он — любовник, брат, друг, представший в бесконечном разнообразии ситуаций: коварный и великодушный, убивающий и воскрешающий, первый и последний. Но если Блок самый характерный герой своего времени, то Ахматова, конечно, самая характерная его героиня, явленная в бесконечном разнообразии женских судеб: любовницы и жены, вдовы и

матери, изменявшей и оставляемой. Ахматова «вылила в искусстве» сложную историю женского характера переломной эпохи, его истоков, ломки и нового становления.

Будучи открывателем неведомой до того области поэзии, Ахматова оставалась поэтом традиционным, поставившим себя под знак русской классики, прежде всего Пушкина. Еще в 1914 году она написала:

*Земная слава как дым,
Не этого я просила.
Любовникам всем моим
Я счастье приносила.*

*Один и сейчас живой,
В свою подругу влюбленный,
И бронзовым стал другой
На площади оснеженной.*

В своей поэтической сфере Ахматовой пришлось сыграть основополагающую роль, подобную пушкинской в сфере всеобщей. Первая, она должна была прийти, припасть к нему — первому. И более всего духу ахматовского творчества отвечал универсализм Пушкина, та всемирная отзывчивость его, о которой писал еще Достоевский.

Есть центр, который оказывается основным нервом, идеей и принципом ее поэзии. Это любовь. Стихия женской души неизбежно должна была начать с такого заявления себя в любви. Именно здесь рождались подлинно поэтические открытия, такой взгляд на мир, что позволяет говорить о поэзии Ахматовой как о новом явлении в развитии русской лирики XX века. В. М. Жирмунский в 1916 году написал статью «Преодолевшие символизм» об объединении акмеистов, в которое входила Ахматова. В отличие от мистически настроенных символистов акмеисты декларировали необходимость вернуть поэзии ощущение реальной жизни. Однако

А. А. Ахматова. 1920-е гг. Фотография

очень часто они останавливались лишь на изысканных формах внешней фиксации явлений. «Настоящим исключением среди них» А. Блок в статье «Без божества, без вдохновенья» назвал лишь Анну Ахматову. И дело, очевидно, не только в степени талантливости (среди акмеистов были очень талантливые поэты), дело в том, что в поэзии Ахматовой было и «божество», и «вдохновенье». Сохраняя высокое значение идеи любви, связанное и с символизмом тоже, она возвращала ей живой и реальный, отнюдь не отвлеченный характер. В состоянии любви мир видится заново. Обострены и напряжены все чувства. И человек начинает воспринимать мир с удесятенной силой, действительно достигая в ощущении жизни вершин, и это, может быть, именно та сторона дела, где несколько искусственный термин «акмэ» (вершина — *греч.*) получает наконец какое-то оправдание.

Еще в 1920-е годы Осип Мандельштам имел основания написать: «...Ахматова принесла в русскую лирику всю огромную сложность и психологическое богатство русского романа девятнадцатого века. <...> Свою поэтическую форму, острую и своеобразную, она развивала с оглядкой на психологическую прозу».

Но любовь в стихах Ахматовой отнюдь не только любовь-счастье, тем более благополучие. Часто, слишком часто это — страдание, своеобразная антилюбовь и пытка, мучительный излом души — болезненный, «декадентский». И лишь неизменное ощущение ценностных начал кладет грань между такими и собственно декадентскими стихами. Образ такой «больной» любви у ранней Ахматовой был и образом больного предреволюционного времени 1910-х годов, и образом больного старого мира. Недаром поздняя Ахматова будет вершить над ним суровый суд, нравственный и исторический.

Конечно, Ахматова постоянно возвращалась в десятилетия и возвращалась — в сороковые, в пятидесятые, в шестидесятые. «Поэма без героя» и есть свидетельство таких возвращений: это образ и движение времени и переживание его, а не сюжеты и характеры в привычном понимании. Это вмещает события и цвет, как говорила Ахматова, «разных временных слоев».

Обычно стихи Ахматовой — начало драмы, или только ее кульминация, или, еще чаще, финал и окончание. И здесь опиралась она на богатый опыт русской уже не только поэзии, но и прозы. «Этот прием, — писала Ахматова, — в русской литературе великолепно и неотразимо развил Достоевский в своих романах-трагедиях; в сущности, читателю-зрителю предлагается присутствовать только при развязке». Стихи Ахматовой, подобно многим произведениям Достоевского, являют свод пятих актов трагедий. Поэт все время стремится занять позицию, которая бы позволяла предельно раскрыть чувство, до конца обострить коллизию, найти последнюю правду. Вот почему у Ахматовой появляются стихи, как бы произнесенные даже из-за смертной черты. Но никаких загробных, мистических тайн они не несут.

Сочувствие, сопереживание, сострадание в любви-жалости делают многие стихи Ахматовой подлинно народными, эпическими, роднят их со столь близкими ей и любимыми ею некрасовскими стихами. И открывается выход из мира камерной, эгоистической любви-страсти к подлинно «великой земной любви» и больше — вселюбви, для людей и к людям. Любовь здесь не бесконечное варьирование собственно любовных переживаний. Любовь у Ахматовой в самой себе несет возможность саморазвития, обогащения и расширения беспредельного, глобального, чуть ли не космического.

И может быть, потому же почти от самых первых стихов вошла в поэзию Ахматовой еще одна любовь — к родной земле, к Родине, к России. И это не предмет анализа, размышлений или расчетливых прикидок. Будет она — будут жизнь, дети, стихи.

*Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.*

В ее «военных» стихах поражает удивительная органичность, отсутствие тени рефлексии, неуверенности, сомнения, казалось бы, столь естественных в таких тяжких условиях в устах создательницы, как многие полагали, лишь рафинированных «дамских» стихов. Но это и потому, что характер ахматовской героини (или героинь) зиждется еще на одном начале, тоже прямо связанном с народным мироощущением. Это осознание и принятие судьбы, или, как она чаще и по-народному говорит, доли. У Ахматовой осознание судьбы, доли рождает прежде всего готовность вытерпеть и выстоять; не от упадка сил идет оно, а от пробуждения их.

В 1946 году грянуло Постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», в котором Ахматову обвинили в безыдейности и буржуазном эстетстве. И это после вынужденной (с 1924 по 1939 гг.) безгласности, после приступа иступленной травли, «планомерной и продуманной»: в этом смысле конец 1940-х годов в полной мере был подготовлен началом 1920-х. Ахматова явно все принимала как роковую судьбу и очередное испытание. Поэтому — сдержанность и спокойствие, почти неестественные. Ведь недавно она писала: «Мы ни единого удара не отклонили от себя».

Анна Ахматова прожила долгую и счастливую жизнь. Как счастливую? Не кощунственно ли сказать так о женщине, муж которой был расстрелян и чей подрасстрельный сын переходил из тюрьмы в ссылку и обратно, которую гнали и травили, и на чью голову обрушивались толикие хулы и кары, которая почти всегда жила в бедности и в бедности умерла, познав, может быть, все лишения, кроме лишения Родины — изгнания.

И все же — счастливую. Она была — поэт: «Я не переставала писать стихи. Для меня в них — связь моя со временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны. Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных».

ИСКУССТВО

Татьяна ГОРБУНОВА

«ЖИВОЕ ПИСЬМО»

*Светлой памяти
художника
Федора Савостьянова*

Татьяна Васильевна Горбунова — родилась в Москве. Окончила филологический факультет МГУ. В 1975 г. окончила аспирантуру философского факультета. Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой искусствоведения и культурологии Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица, академик РАЕН. По ее инициативе был создан Диссертационный совет в СПГХПА, который она возглавляла на протяжении 12 лет. Под ее руководством защищено более двадцати кандидатских диссертаций. Научный редактор более десяти изданий трудов академии. Имеет более 70 научных трудов. **Живет в Санкт-Петербурге.**

*Порой талант, как тонкий лед,
Над гладью вод зимой морозной
Прельщает мнимой глубиной
Невечной, хрупкой, безнадежной.*

*Его нести не каждый может,
Духовно сердцем не созрев.
Зарыть, продать в угоду людям,
Забыв, что это смертный грех.*

*Как мало вас, горящих сердцем,
Несущих яркий вечный свет,
Своим искусством оживляя
Забывтый дух военных лет.*

*Вы через душу пропустили
Кровавый век родной страны
И как Иуда не продали
Нелегкий крест за тлен земли.*

*Как часто иуды торговались
За твой бесценный дар любви.
Несчастные, они не знали
Твоей бессмертной глубины.*

*Ты будешь жить
в сердцах потомков,
Твои картины — вечный зов
На чистом небе блеском солнца
Согреют тех, в ком честь и Бог.*

Елена Державина

...Смотрю эскизы, этюды, наброски художника и ловлю себя на мысли, что уже здесь, в легкой стремительности быстрых зарисовок, сконцентрировано многое из того, что затем стало завершённой реальностью его картин. Надо сказать, что профессионализм в искусстве живописи — тема особая и до конца не разгаданная. Здесь талант от Бога неминуемо «замешан» на очень непростом, годами складывающемся опыте и знании законов живописного холста. Для Федора Савостьянова такое единство было заложено в Одесском художественном училище, а позже развивалось в Ленинград-

ском институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (в творческой мастерской Бориса Иогансона).

Одна из первых этапных работ художника, созданная во время учебы в институте, получила известность в масштабах всей страны. Картина «Детский сад» одолела высокую профессиональную планку, подтвердив факт рождения вполне сформировавшегося Мастера. По этому поводу стоит заметить вот что: в картине есть несомненная ясность сюжета, есть много знакомых глазу нюансов, наполняющих нашу жизнь ежедневно и ежеминутно, но «доступность» эта мастерски продумана и профессионально «сформулирована». Один из выбранных приемов — взгляд сверху — уверенно вводит изображенную стайку детишек вместе с их окружением в живописное пространство холста. Здесь все — в движении, и все — в сложной гармонии. И уже в этой ранней работе богатство «многослойной живописи» предельно согласовано с общей авторской задачей.

*Детский сад. Савостьянов Федор Васильевич (1924–2012),
Заслуженный художник РСФСР; холст, масло 130×180; 1953*

Думается, что великая ценность реалистического искусства таится в способности прикоснуться к тем началам, которые незримо присутствуют в любом мгновении жизни, «здесь и сейчас». «Жизненная телесность» этого искусства умеет ощутить непостижимую тайну «присутствия» жизни.

В этюде «Ручей» показан всего один фрагмент, «выхваченный» из весеннего ненастья и подаренный живописному холсту. Взгляд скользит по голым веткам, ненароком попавшим в водоворот холодного половодья, а затем вовлекается в ту композиционную завершенность, где есть размытый

темный берег, светящаяся водяная воронка и угаданное начало весеннего движения. Профессионалам хорошо известно, насколько сложно организовать живописный холст, когда композиционно это всего лишь фрагмент. Но для Федора Савостьянова такое возможно, поскольку каждый раз его сложная живописная техника, покоряющаяся дару «непосредственного наблюдения», умеет уловить незаметное движение жизни — будь то зимний ручей, застывший в оковах синих сугробов («На Раданке»), или небольшой куст черемухи, склонившийся под тяжестью недолгого и буйного цветения («Павшая черемуха»).

Работы Федора Савостьянова важно видеть «вживую», а иначе трудно ощутить ту неисчерпаемость найденных художником живописных нюансов, которыми богата только сама жизнь. Вот так в картине «До медсанбата не дошли» несколько подсолнухов скорбно склонились к земле рядом с погибшими солдатами. Их безмолвие, намеченное кистью художника с помощью верно найденных, но, казалось бы, незначительных деталей, вдруг начинает звучать во всех регистрах, превращаясь в трагический, горестный реквием. И тогда перехватывает горло... Военная тема — это особый мир, созданный Федором Савостьяновым. Пожалуй, равного ему по богатству найденных живописных решений, по силе трагического звучания, по жизненной достоверности найти в отечественном искусстве трудно.

Много лет на холстах художника тема войны не звучала. Острота воспоминаний должна была переплавиться в сокровенность действительной правды, озвучить которую нелегко. Вот тогда-то профессиональное мастерство, многолетний опыт, художественное чутье — все подчинилось стремлению увидеть войну в ее «жизненной телесности», где воедино сплавлялись жизнь и смерть, жизнь и любовь к жизни, жизнь и момент истины.

Характерно, что в этих тематических картинах нигде не появилось каких-либо батальных сцен: в картине «За победу» два солдата на передовой поднимают в новогоднюю ночь свои солдатские фляжки во имя самой желанной цели, в «Душе солдата» голодные и продрогшие ребятишки греются под заботливо накинутой на их плечики солдатской шинелью.

Сцены военных сражений остались «за кадром» и в картине «Вешние воды», хотя ее мирный сюжет навеян драматическим событием. Здесь в который раз хочется вспомнить известную мысль Анри Матисса о том, что если бы он взялся писать как критик о картине какого-либо художника, то не стал бы искать словесного эквивалента картины, а просто постарался бы представить себе, что именно видел художник до картины, а затем проследил его путь вплоть до момента, когда, «не будучи сам художником, уже не мог бы ни в чем с ним соперничать».

...Событие, положенное в основу сюжета «Вешних вод», случилось под Матвеевым курганом (Ростовская область), когда солдаты подразделения, где служил Федор Савостьянов, воспользовались передышкой между боями и устроили баню. Неожиданно в самый разгар банного дня появился самолет противника. Немецкий самолет-разведчик (их называли «Рама») корректировал шрапнель с целью последующего обстрела безоружных солдат. Но когда он открыл огонь на поражение, ни один из снарядов не взорвался. После бани возвращавшиеся солдаты насчитали пятнадцать снарядов, «молчаливо» торчавших из влажной земли. Как провидение не позволило взорваться этим снарядам — так и осталось неизвестным. Между тем этот сю-

жет обрел свою вторую жизнь в «Вешних водах» с одной лишь поправкой: немецкий самолет не был сюда допущен. И в этом тоже — правда жизни.

В основе сюжета этих картин — суровые будни, которые, казалось бы, не могут предоставить свободу живописных решений. Скажем, в картине «Разведчики» сумеречная тишина холодного дня созвучна сдержанному настрою сюжетной канвы. Однако почти каждый живописный мазок выполняет здесь свою задачу, имеет свое движение и свою цель в общей «сверхзадаче» цветового целого. Поэтому сдержанность цвета, востребованная главной темой, становится взлетной полосой для эксперимента именно с цветом. Но и в тех картинах, где изображен солнечный день, например в «Освобождении», лаконизм богатых и тонких колористических отношений не исчезает, но предъявляет живописному пространству новые требования. И тогда благодаря исключительной сложности фактур, тонкой живописно-пластической разработке всех деталей цвет начинает буквально вибрировать, создавая богатство «живых» отношений.

«Потаенность» военного времени, в котором жил и действовал художник, пришла в его живописные холсты со своей правдой и своим вопрошанием. Но жизнь Федора Савостьянова не поскупилась и на мирные сражения. При вступлении в начале 1970-х годов на должность председателя Художественного фонда РСФСР ему было суждено буквально спасти знаменитую «Академическую дачу» от архитектурного проекта, который полностью разрушал природное окружение и художественную среду, где жили и работали известные русские живописцы. Секретариат поддержал решение «заморозить» уже начавшееся строительство, а затем организовать подготовку нового проекта (сохранявшего весь природный ландшафт) и осуществить его реализацию. Довольно активная битва за «Академическую дачу» была, конечно же, оправданной по многим причинам, в том числе и потому, что сюда обыкновенно съезжались художники со всех концов России; этот Дом творчества был, несомненно, знаковым для отечественной живописи тех десятилетий.

Любовь к выбранному объекту изображения для художника-реалиста — одно из главных условий его творчества, а иначе что могло заставить живописцев, работавших на «Академичке», ежедневно, зачастую до восхода солнца, выходить с тяжелым этюдником в руках и шагать иногда десятки километров, чтобы отыскать полюбившийся живописный мотив. Так и для Федора Савостьянова этот Дом и его окрестности стали особо дороги и потому вошли в большинство его пейзажных работ. В природном цикле его особой избранницей выступила ранняя весна, когда природа готова дарить художникам сложную палитру и провоцировать их «на пробу сил», на предельное испытание их профессионального мастерства. В это время надо суметь сохранить на холсте только что освободившуюся из-под снега обнаженную землю, а на ней — светлую нить последнего снежного ожерелья («Академическая дача. Весна»). Надо «украсть» у природы синий цвет ручья или первых лесных подснежников — такой цвет бывает только ранней весной («Весна», «Подснежники»).

Сложно поверить в то, что уже больше года нет с нами Федора Савостьянова, однако, вновь встречаясь с его работами, все острее осознаешь, что творчество этого художника не подвластно времени и глубинный смысл его картин становится бессмертным диалогом с Настоящим и Будущим.

Точка ЗРЕНИЯ

Панко АНЧЕВ

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И/или СИМФОНИЯ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Панко Анчев — критик, историк литературы, публицист, философ. Родился в 1946 году в Варне. Член Союза болгарских писателей и Болгарского ПЕН-центра. Почетный доктор Литературного института им. А. М. Горького. Ответственный редактор литературно-художественного журнала «Просторы». **Живет в Варне, Болгария.**

Современный сложный и противоречивый мир не имеет аналогов в прошлом. Поэтому перед философией встают новые проблемы, ранее никем не решавшиеся. Философам надлежит проанализировать противоречивые события в жизни народов всех континентов, с тем чтобы представить полное и правдивое знание обо всех процессах, возникших в XXI столетии и создающих тот мир, который мы называем эпохой XXI века. Народы и государства хотят осознать эти процессы во всей их сложности и в полном объеме, чтобы затем найти способы и средства для достойного существования и взаимодействия друг с другом. Этносы никогда не жили полностью изолированными друг от друга. Если кому-то приходилось некоторое время жить обособленно, то рано или поздно наступал момент, когда нужно было покончить с изоляцией. Начиналась мучительная борьба — обычно это были войны или столкновения. Люди живут вместе по единому для всех Божьему промыслу. При этом следует учитывать, что все люди разные. Они объединены в том смысле, что у них есть общие черты, они действуют одинаковыми способами. Так было даже тогда, когда люди находились на огромных расстояниях друг от друга и не знали ничего друг о друге, так как между ними не было прямых контактов. Но современный новый мир практически уничтожил расстояния при помощи высоких скоростей и информационных технологий, а также благодаря стиранию различий путем внедрения единых стандартов в культуре и способах существования. Сейчас о народах на земле скорее можно говорить, что они вместе, а не разделены. Народы унифицируются, больше открываются друг другу, обмениваются опытом с далекими и близкими соседями.

Эти процессы очевидны, и они проявляются разными способами. Действительно, народы находятся на разных стадиях своего развития, одни богаты, а другие бедны, но все же различий между ними становится меньше. Могут ли философы уловить эти процессы сближения и понять их?

Как известно, познанием мировых процессов занимаются разные науки. Познание начинается с описания процессов и закрепления терминологии. Ничего нельзя познать, если его не обозначишь, не покажешь границы и объемы объекта изучения. Мы представляем себе мир по Божьему образу и подобию — таким, каким его задумал Творец, Создатель. Для описания этого мира мы подбираем слова, термины, всякий раз уточняем их, расширяем свои знания, обогащая собственный опыт. Наша речь пополняется одними метафорами, освобождается от других метафор — мы стремимся стать более конкретными и точными. Трудности научного познания, особенно гуманитарного, заключаются именно в обозначении предмета исследования, в создании терминов и затем в описании предмета познания. У нас нет готовых формул, мы подбираем слова, которые из-за нашей духовной немощи не всегда правильно находим и не совсем точно используем. Гуманитарное знание остается приблизительным, оно не совсем истинно, так как не может представить абсолютную истину. Именно из-за человеческой духовной немощи гуманитарные науки не могут найти точного обозначения явлений и процессов. И, как правило, неоднозначно формулируют проблематику, которую хотят изучать. Эта духовная немощь есть и доказательство того, что мы люди, она придает научному процессу характер бесконечности. В принципе, мы обозначаем явление и факт таким образом, чтобы стала ясна предметность, чтобы сделать их зримыми и конкретными, то есть приравниваем их к конкретным и уже знакомым фактам. Сравнивая новое с привычным, мы делаем факты более доступными для изучения. Дефиниция, по своей сущности, есть концентрация видимых особенностей явления в одно целое. Они должны занять свое законное место в зависимости от главных признаков, которые мы увидели в предмете, или в зависимости от явлений, которые мы постигли, наблюдая изучаемый объект. Речь идет о том, является ли достаточно ясным и точным понятие «диалог культур», чтобы на его базе мы могли изучать сегодняшнее состояние культуры вообще, и ее место в так называемой «глобализации». Глобализация влияет на культуру, а культура остро откликается на глобализацию. Культура отражает все последствия мирового экономического слияния и унификации. Потому что культура — это прежде всего разнообразие и своеобразие. И не случайно сегодня так велик интерес к состоянию и проблемам культуры в их разнообразных аспектах. Именно поэтому в последние годы получила активное развитие культурология. Одна из главных проблем, которые она ставит, — так называемый «диалог культур» или «столкновения цивилизаций». Очевидно, что мир, народы, государства и их культуры взаимодействуют по-новому, трансформируются под воздействием новых процессов, приобретают новые состояния. Вопрос в том, как все это обозначить точно и ясно, чтобы люди могли изучить происходящее во всей полноте с максимально возможной точностью. Наши попытки обозначить протекающие в современной культуре процессы терминами «диалог», «столкновение» или «взаимодействие» выражают скорее механические процессы, а не сущностные. Они демонстрируют внешнее, наружное, то, что сведено до уровня

конкретного, знакомого в других сферах деятельности. Диалог культур требует напряжения усилий двух сторон. Иначе ничего не получится. Для диалога необходимо желание двух участвующих сторон, которые выражали бы что-то различное или близкое, но требующее уточнений при помощи знакомых понятий и терминов. Надо говорить на одном языке. То же относится и к противоборству или взаимодействию, при котором необходимо проявить волю с одной стороны и отклик, усилие — с другой. Нужны терпение и такт для преодоления разногласий. Тот, кто сильнее, говорит больше и «одолевает» слабейшего, устанавливает правила дальнейшего существования субъектов. Я не говорю, что культуры не ведут диалога или между ними нет столкновений, но все же между ними больше взаимодействия. Это необходимо и крайне продуктивно для их развития, а также для развития всего человечества. Однако это состояние нестабильно, жизнь культур в условиях глобализации протекает не только в удобных формах. В диалоге с «большими» культурами находятся все «малые» культуры, независимо от того, где они находятся. Возможности общения сокращают расстояния и открывают доступ к сокровищницам культур. Современные коммуникационные средства сближают и даже объединяют малые культуры с большими, особенно с американской. И поскольку малые культуры по своей природе подражательные, то они быстро американизируются, или вестернизируются. (Если для кого-то термин «подражательный» звучит оскорбительно, то мы предлагаем называть этот процесс «общающимися сосудами».) Американская культура (как и все большие культуры) благодаря огромным ресурсам, которыми она располагает, и способности быстро и легко развиваться в новой среде «переливается» в малые культуры, постепенно делает из них похожую на себя. Я считаю, что характер существования культур в глобальном мире можно назвать симфонией, другими словами — созвучием, а уже потом диалогом. Это их изначальное состояние, которое характеризует их бытие в глобальном мире. Каждая из культур отправляет свои послания в разных формах, они говорят слабым или сильным голосом, проявляют себя в традиционных особенностях и сообразно месту, которое народы занимают в геополитике. И не имеет никакого значения, ведут они между собой активный или пассивный диалог, влияют ли они друг на друга прямым или косвенным образом — они находятся на своих местах, живут своей жизнью. «Малые» культуры абсолютно равноправны со всеми остальными. Когда я говорю, что каждая культура находится на своем месте, я подчеркиваю, что это место условно и его трудно идентифицировать, поскольку нет чистой, то есть однородной культуры. Культура — сложное образование, состоящее из разнородных национальных элементов, носители которых входят в состав нации. Это особенно характерно для сегодняшней ситуации, когда смешение народов стало неконтролируемым и невозможным для строгой селекции. В одном государстве, в одном городе, в одной деревне живут представители разных наций, каждый из которых распространяет свою культуру и вместе с ней включается в культуру большой нации и в глобальную культуру. Поэтому трудно локализовать голос национальной культуры и очистить ее от чуждых звучаний и диссонансов. Это возможно лишь в рамках конкретного анализа конкретной культуры или культур одного отдельного региона. Но в целом культуры относительно индивидуальны — как звук отдельного инструмента в оркестре. Но инстру-

мент звучит по-разному в руках разных исполнителей (отдельные инструменты различаются настройкой, тембром и спецификой звука). Различия в общем оркестре незначительные, но они существуют, их улавливают только специалисты в определенных условиях. Симфония культур в мире возможна, потому что каждая из них исполняет одни и те же функции, служит одним и тем же целям и развивается по одним и тем же законам, как инструменты в оркестре, которые играют по одним нотам одно произведение. Они самостоятельные, автономные и равнозначные по своей сущности. Ни у кого из них нет власти над другой, хотя каждая культура может стремиться приобрести такую власть, а большие культуры вообще считают, что малые должны следовать за ними и равняться на них. В жизни так и происходит, но это следствие объективных условий. Это не только не нивелирует своеобразие, но и подчеркивает его. В разные времена как основная движущая сила или как главный аналитический принцип на первый план выходят разные доминирующие факторы, которые объявляются важнейшими и даже единственными. Они играют роль руководящего элемента (дирижера) в общем звучании мировых культур — в их симфонии. «Дирижер» — важная фигура, хотя и без него иногда можно обойтись, но он необходим, чтобы задавать темп, внести оригинальность в интерпретацию и звучание, отмечать такт, подавать сольные партии, то есть отчетливо очерчивать ведущие культуры. Это не исключает конфликтов, противоречий, даже войн, потому что «дирижеры» меняются. Но даже когда появляется диссонанс, симфония не нарушена. Иногда в ней звучит фальшивый тон, но это продолжается недолго. Глобальная культура не может быть механическим собранием всех культур в мире или какой-то квинтэссенцией отобранных культур. Она такая лишь в представлении материалистов и прогрессистов, для которых важны история линейного развития и надстройка одного явления над другим. Лучше ее представлять как новое образование (какое оно, мы еще не знаем, но пристально его изучаем). Оно может быть воспринято в том же духе, как Гете сформулировал понятие «мировая литература». Но так как сегодня культуры в гораздо большей степени взаимосвязаны и находятся в непосредственном контакте, то вполне возможно создать нечто, что не будет ни первым, ни вторым, ни собранием всех вместе. Глобальная культура — плод культур народов, она приобретает свое бытие и дух. Она — симфония, созвучие, общее творение всех участвующих, новое бытие. Независимо от того, как мы рассматриваем культуру, в каких проявлениях ее изучаем, она включает в каждый свой национальный вариант общее, одинаковое, родственное для всех остальных культур, хотя это «общее, одинаковое, родственное» трудно и даже невозможно отделить, изолировать в «лабораторных условиях» и описать формулами и словами. Но такое «общее» существует, так как в конечном счете люди созданы одним прародителем, живут на одной земле, дышат одним воздухом. Экономические, политические, национальные, религиозные, расовые и другие различия не разделяют и не отчуждают людей, а только приспособливают их к разным условиям. Пристальный анализ этих различий поможет установить, что культуры отличаются только тем, что характеристики им даны на разных языках, — и ничего больше. Национальные культуры как инструменты в большом оркестре, называемом «глобальная культура», который под управлением «дирижера» исполняет одну партитуру, то есть грандиозную симфонию. Наш

долг — уметь слышать и понимать эту симфонию, а не твердить, что в этом оркестре играют только некоторые инструменты, ведущие между собой диалог, на фоне которого остальные пытаются настроиться как послушные исполнители уже «сыгранной музыки». Если мы обратимся к определению Гете «мировой литературы», постараемся увидеть величие проходящего процесса глобализации, согласовать его специфику со спецификой разных культур, участвующих в этом процессе самостоятельно и равноправно, то осознаем, что глобальная, или мировая культура — это симфония, созвучие всех культур в мире.

ВЫШЛА КНИГА

Илляшевич В. Н.

«Колесо фортуны» и другие новеллы. Изд-во: ПТ «Tarbeinfo OU» / Эстонское отделение Союза писателей России. Эстонская Республика. — Таллин, 2012. — 222 с.

В сборнике «Колесо Фортуны» и другие новеллы» публикуются избранные художественные произведения русского писателя Эстонии, написанные в 1995–2005 годах. Острые и увлекательные новеллы, построенные на «прибалтийских» сюжетах, выводят читателя на темы куда более фундаментальные, общечеловеческие, нежели предлагает занимательная канва событий и их «география». Утеря традиционных нравственных ориентиров приводит людей к самым непредсказуемым результатам. «Благими пожеланиями устлана дорога в ад», говорит старинная мудрость. Но также бывает, что внешне кажущиеся недобрыми мысли и поступки персонажей неожиданно приносят добрый плод, потому что в сокровенном героев, порой в их глубоком подсознании, еще теплится доброта и жертвенность... Злом человек разрушает самого себя. Претензия на то, что «все позволено», коли нет Вышнего суда и моральных ограничителей, уничтожает личность. Глобализация несет с собой не только положительные явления. «Расхристанное» общество 1990–2000-х годов понесло глубокий урон, что отразилось в судьбах множества конкретных людей во всем мире. Эти проблемы не знают границ и национальностей. Каждый из нас постоянно сталкивается с проблемой выбора... Книга дает представление о современной русской прозе в Прибалтике.

Автор — член Союза писателей России (СПР), председатель Эстонского отделения и секретарь Правления СПР, живет и работает в Таллине.

ИСКУССТВО

Никита ШЕВЦОВ

ДОМ ДЛЯ РИГОЛЕТТО

Елена НАУМОВА

31 января 1853 года (160 лет назад) российская публика впервые познакомилась с оперой Верди «Риголетто».

Утром туман, днем туман, вечером туман. Заботливо вывешенный в лифте миланской гостиницы прогноз погоды лишил надежды на хорошие съемки. До Мантуи, куда мы направлялись, меньше двух часов езды, значит, и там ясности не предвидится. В либретто оперы Верди «Риголетто» ничего не сказано о том, какой была погода в Мантуе в то роковое утро, но почему-то кажется, что он тоже был туманным, рассвет, когда несчастный шут Мантуанского герцога в отчаянии обнаруживает, что вместо «заказанного» герцога убита его дочь Джильда. Наверное, всплывает в памяти последняя сцена из фильма-оперы, снятого Жаном-Пьером Поннелем в 1983 году. В финальных кадрах постепенно рассеивающийся

Никита Всеволодович Шевцов — родился в 1951 году в Москве, окончил факультет международной журналистики МГИМО. Длительное время работал соб. корр. газеты «Труд» в Праге и Брюсселе. Автор книг «От вашего собственного корреспондента» (2002) и «От вашего специального корреспондента» (2010). Зав. кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ. Кандидат исторических наук. Награжден памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского». Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Елена Евгеньевна Наумова — родилась в 1964 году в Потсдаме, окончила с отличием факультет русского языка и литературы МГПИ. Координатор международных культурных проектов (фестиваль «Цюрих—Москва 2007», фестиваль немецкоязычной литературы «Три страны — один язык» в Москве и Екатеринбурге, 2010). Преполагает в РГГУ и МГИМО. Регулярно публикует (в соавторстве с Н. В. Шевцовым) материалы по истории и культуре в различных периодических изданиях. **Живет в Москве.**

Отель Риголетто

над Мантуей туман контрастирует со сгущающимся трагизмом происходящего.

«При чем тут Мантуя?» — удивится проницательный читатель. Ведь Франческо Мария Пьяве писал либретто знаменитой оперы по драме Виктора Гюго «Король забавляется». Трибуле, главный герой пьесы, — вполне реальное историческое лицо, придворный шут французских королей Людовика XII и Франциска I. Во Франции он был настолько знаменит, что стал персонажем множества анекдотов и литературных произведений. «Сумасбродом несомненным... неизменным и отменным» называет шута Франсуа Рабле в книге «Гаргантюа и Пантагрюэль».

Премьера драмы Гюго состоялась 22 ноября 1832 года, и уже на следующий день постановка была запрещена. В ней нашли критику монархии и дворянства. Двадцать лет спустя история повторилась уже с Франческо Пьяве. Когда к нему попала рукопись пьесы Гюго, он решил переработать ее в либретто, и как тогда полагалось в находившейся под властью Габсбургов Северной Италии, передал текст будущей оперы австрийской цензуре. Конечно же, та тоже усмотрела в нем не вполне лояльное отношение к верховной власти. Было приказано внести изменения. Так шут поменял имя и место жительства. Трибуле был переименован в Риголетто, его дочь Бланш превратилась в Джильду, а злодей король — в абстрактного герцога Мантуанского. Дело в том, что к моменту триумфальной премьеры оперы, состоявшейся 11 марта 1851 года в венецианском театре «Ля Фениче», Мантуя уже более пятидесяти лет как перестала быть герцогством. Так что нежелательных ассоциаций возникнуть не могло.

Поезд Милан — Мантуя мчался сквозь туман, а мы думали о том, что искать следы Риголетто в Мантуе — это все равно, что отправиться в Швецию в надежде найти хибарку Карлсона на крыше одного из стокгольмских домов. Эту мысль тут же сменила следующая — если в Стокгольме до сих пор такой домик не построили, его властям определенно не хватает предпринимательской жилки. Так возникают идеи для новых путешествий, и в размышлениях о них время летит незаметно. Мы и опомниться не успели, как обнаружили себя стоящими на привокзальной площади Мантуи в некоторой растерянности. Путеводитель уже объяснил нам, что провинция

Мантуя считается родиной Вергилия. Гордясь своим великим земляком, мантуанцы возвели древнеримскому поэту внушительный памятник. Здесь творил живописец Андреа Мантенья, чья роспись потолка брачного чертога («Камеры дельи Спозии») в замке Сан-Джорджо считается главной достопримечательностью города. Сохранился и удивительный по своей архитектуре дом художника. В 1460 году Андреа Мантенья становится придворным художником семейства Гонзага. Именно так звали правителей Мантуи, герцогов Мантуанских... А замок Сан-Джорджо — это часть герцогского дворца, «Палаццо Дукале». Именно там начинается действие оперы Верди.

Мы все еще не сдвинулись с места. Куда идти? Посмотрев по сторонам, увидели заветное имя — Риголетто, точнее — «Hotel Rigoletto». В холл гостиницы вел коридор, на стенах которого можно было видеть изображения сцен из оперы. Нет нужды говорить, какой... Огромный плазменный экран в холле непрерывно показывал панораму Мантуи, уже знакомую по финальной сцене фильма Поннеля, а также скульптуру, в которой без труда можно было узнать злосчастного шута. Стало ясно, что с предпринимательской жилкой здесь все в порядке. «Риголетто, это что, фамилия хозяина Вашей гостиницы?» — решили мы пошутить с сотрудницей отеля. «Нет, это наш знаменитый земляк, разве вы не слышали это имя? Вот же он!» — и она показала на экран. «Где она, эта статуя?» — наперебой принялись спрашивать мы. Итальянка протянула нам карту города, заботливо отметив на ней место, где установлен памятник и показав, как туда пройти. «А памятник Джильде есть?» — не унимались мы. «Обязательно поставим!» — успокоила нас наша собеседница.

Мы шли к центру города, оглядываясь по сторонам и заходя в попадавшиеся по пути церкви. Сквозь туман постепенно проступали контуры высоких квадратных в сечении башен и зубчатых стен из красного кирпича. Мощные площади перетекали одна в другую, постепенно увеличиваясь в размерах. Что-то удивительно знакомое было в этой архитектуре. Последнюю площадь, самую большую, мы про себя сразу стали называть «красной». Увенчанные зубцами красные кирпичные крепости — фирменный стиль североитальянских зодчих, строивших стены и башни Московского кремля. «Красная»

Риголетто в бронзе

Дворец герцога Мантуанского

Дом Риголетто

площадь, площадь Сорделло, как она называется на самом деле, упирается в Мантуанский собор, а по правую сторону как раз и находится герцогский дворец — темно-красный прямоугольник с «кремлевскими» зубцами. На площади царило оживление. Она постепенно заполнялась людьми, наминавшими оперных статистов. Вообще-то первое действие оперы, когда на балу у герцога собираются придворные, происходит внутри дворца. Внутрь нам попасть не удалось. Мы приехали в Мантую в понедельник, и музей, в который теперь превращен «Палаццо Дукале», был закрыт. Но казалось, неведомый режиссер, пожалев нас, перенес действие на площадь. Она действительно похожа на оперную декорацию, и здесь уже собралось

множество людей в эффектных мундирах. Статные мужчины в черных плащах-епанчах «с кровавым подбоем», с саблями, белыми эполетами и аксельбантами, в высоких сапогах с блестящими шпорами. Широкие красные лампасы, фуражки с высокими изогнутыми тульями и сияющими кокардами. У некоторых — лазоревые атласные ленты через плечо. Молодые «придворные» уважительно приветствуют старших, а те, в свою очередь, подходят засвидетельствовать свое почтение нескольким пожилым людям в штатском и инвалиду в коляске. Мы хотели зайти в собор, но не решились, потому что туда неожиданно переместились все собравшиеся на площади. Остались лишь припаркованные здесь же автомобили, на которых приехали обладатели мундиров. Они слегка портили декорацию, возвращая нас из ренессансных времен в двадцать первый век. По надписям на машинах мы поняли, кто собрался на площади: «Carabinieri». Мы набрались храбрости, и, подойдя к двум замешкавшимся карабинерам, поинтересовались: «Что здесь происходит?» Честно говоря, мы точно не поняли, что они нам ответили. Но они так доброжелательно и открыто улыбались, что ощущение оперного действия моментально испарилось. Мы решились попросить разрешения сфотографировать их. Они охотно согласились.

Позже, в туристическом офисе, расположенном метрах в ста от дворца, нам все объяснили. В тот день казавшиеся оперными артистами карабинеры отмечали свой праздник, и по этому случаю в церкви прошла специальная служба.

В туристический офис мы попали не случайно. Как уже было сказано, находится он неподалеку от дворца, то есть в центре города, на маленькой улочке, по сути дела, «аппендиксе» площади Сорделло. «Скромный маленький домик с двориком, окруженным стеной... В нем несколько деревьев и каменная скамья. В стене — дверь на улицу. Над стеной небольшая терраса с крышей, опирающейся на аркады в стиле Возрождения. На террасу выходит дверь второго этажа. Терраса соединена с двориком лестницей. Налево высокая стена сада особняка... На заднем плане отдаленные здания и колокольни церкви...». Эти строки вполне могли бы быть описанием дома, в котором расположился туристический офис Мантуи, а также дома, где Риголетто мог, наконец, сбросить маску шута, и где он скрывал от всех свое сокровище — дочь Джильду. В либретто оперы ничего не говорится о том, как выглядело жилище шута. А вот в первоисточнике, в тексте пьесы Гюго дается довольно подробное описание дома. Только дом этот на окраине Парижа! Каково же было удивление мантуанцев, когда они обнаружили, что и в их городе есть здание, полностью соответствующее этому описанию. И двор, окруженный стеной, и ренессансная аркада, и терраса... Так Риголетто обрел в Мантуе крышу над головой. На особняке так и написано — «Casa di Rigoletto».

Войдя во дворик дома, мы увидели то, что искали — выразительную статую человека в шутовском наряде работы мантуанского скульптора Альдо Фальчи. Бронзовый Риголетто стоит здесь с 1978 года. Но он не привлекает внимания на многочисленных посетителей расположившегося в его доме туристического офиса. Он оплакивает свою Джильду, не устоявшую перед чарами сладкоголосого обитателя стоящего поблизости мрачного дворца.

Это соседство с дворцом стало, пожалуй, единственным фактом, несколько смущавшим гостей Мантуи. Ведь и у Гюго, и в либретто Пьяве

Автосервис Риголетто

домик шута находится на окраине города, а не в двух шагах от герцогских чертогов. Однако когда в 1976–1977 годах «Дом Риголетто» реставрировали, попутно проводя историко-археологические исследования, выяснилось, что одна из стен является частью старой городской ограды. А это значит, что дом все-таки находился на краю города. А кроме того, через пару сотен метров и центр города, и сам город кончаются, уперевшись в обширную водную гладь разливных озер Ди Меццо и Инфериоре. С воды открывается потрясающий вид, тот самый, который мы видели в холле гостиницы «Риголетто», и который знаком по одноименному фильму. Отступая от либретто, Жан-Пьер Поннель снимал финальную сцену на озере. Риголетто и Джильда поют свой дуэт, плывя в лодке. Ночной туман постепенно рассеивается, унося с собой хрупкую жизнь Джильды, а на заднем плане под софитами рассветного солнца вырисовывается массивный купол базилики Св. Андрея, герцогский дворец, замок Сан-Джорджо и Мантуанский собор.

Когда-то Оскар Уайльд заявил, что бурные лондонские туманы не существовали, пока их не изобрели импрессионисты. Скептики скажут, что это не более чем красивая фраза английского писателя, известного своей любовью к парадоксам. Мало кто сегодня верит в способность искусства менять мир. По цензурным соображениям Джузеппе Верди и его либреттист переселили своего героя из Парижа в Мантую. Могли ли они предположить, что спустя столетия мантуанцы станут считать оперного шута своим земляком, найдут для него жилище, поставят памятник и начнут его именем называть гостиницы и автосервисы? Идя к озеру, мы остановили взор на вывеске, которая была видна в окне последнего дома улицы: «Garage Rigoletto».

Петербургский ПИСАТЕЛЬ

Михаил НЕМЦЕВ

«Я — ОФИЦЕР»

О поэте Б. А. Орлове

Михаил Сергеевич Немцев — родился в 1956 году в Лениногорске (ныне Риддер) Республика Казахстан. Окончил горно-металлургический техникум, служил в армии, более десяти лет работал на подземном производстве полиметаллического комбината. Окончил Московский литературный институт им. А. М. Горького. Член Союзов писателей России и Казахстана. Автор двадцати книг стихов, прозы и краеведения. Академик ПАНИ, Почетный гражданин города Риддер. Руководит городским литературным объединением «Писатели Рудного Алтая». Живет в г. Риддер, Восточный Казахстан.

НА ТВЕРСКОМ БУЛЬВАРЕ

В середине июня 1979 года я, наконец-то, получил письмо из приемной комиссии Литературного института им. М. Горького с разрешением принять участие во вступительных экзаменах. Значит, творческий конкурс пройден был мною успешно! Получив в приемной комиссии три тома учебника русского языка, из лекционного зала общежития Литинститута по улице Добролюбова, где жили мы — абитуриенты (так как перед Московской олимпиадой 1980-го года во всех жилых комнатах общежития шел ремонт), я уезжал в Сокольники. И там, в тенистых скверах, заучивал трудные правила русского языка.

Помню, как в первых числах августа открывается дверь в зал, где я спал на кровати, расположенной под огромным концертным роялем, и входит не то чтобы красавец, но весьма энергичный, очень подвижный и симпатичный военно-морской офицер, Борис Орлов. Он страстно, за каких-то десять минут, переубедил меня в том, что настоящий поэт должен находиться среди своего народа (а учиться на заочном отделении) и писать стихи и прочие литературные произведения от всей своей души, как об этом говорил еще Максим Горький.

— Знаешь, Миша! Что тебе делать на очном отделении с этой неформившейся молодежью. У тебя за спиной уже серьезный опыт, тем более что продолжать его в своем творчестве только тебе...

Позже я узнал, что Борис был участником 7-го Всесоюзного совещания молодых писателей, занимался на семинаре у Егора Александровича Исаева, который и дал рекомендацию молодому офицеру-подводнику для поступления в Литературный

институт. То есть у него уже было выработано собственное отношение к художественному творчеству, как к настоящему труду поэта. Мне он рассказал, что после окончания Ленинградского Высшего военно-морского инженерного училища им. Дзержинского в 1977 году был зачислен в первый экипаж атомной подводной лодки Северного флота (получившей впоследствии наименование «Волгоград») и недавно получил очередное звание — старший лейтенант.

И началась полоса сдачи экзаменов, конечно, Борис сдавал все на «отлично». Я считал, что сам внешний вид офицера, его неотразимая военно-морская атрибутика придавали ему дополнительные сто баллов сверху! Ну и я сдавал свои вышколенные и отутюженные донельзя в Сокольниках знания на пятерки. У нас даже образовалась своя крепкая группа: кроме нас были Александр Ильин, чувашский поэт, и Федор Истомина, коми-пермяцкий поэт. Мы жили всегда в одной комнате, варили себе чай-борщи и усиленно готовились к занятиям. Всегда каждый привозил на сессию что-нибудь свое, оригинальное — Орлов приезжал затаренный всяческой рыбной продукцией: вяленой, копченой, соленой, консервированной...

В свободное от учебы время Борис ходил вместе со мной к московским друзьям, путешествовали мы по пригородам. И все это перемежалось чтением стихов:

*Торопит вечер черного коня,
Туманится березовая синь.
Но не завянет в отблесках огня
Душа поэта — роза и полынь.*

(«Торопит вечер...»)

Однажды к Борису приехала жена — Татьяна. Она была просто великолепна, мы ее и называли «персидской княжной». К вечеру приготовили студенческий стол, купили хорошего вина и отпраздновали рождение моей дочери Яночки, наше поступление в Литературный институт и знакомство с Татьяной Орловой. За столом, естественно, хозяйничала она, и Борис преподнес ей огромный букет цветов. С тех пор, где бы мы ни были и чем бы ни занимались, он увозил для своей жены в Североморск или Мурманск ослепительные розы.

Мы были молоды, будущее представлялось необозримым и практически недосыгаемым. Только Борис мог шутить в те годы:

*Пой. Пей. Влюбляйся. Радуйся,
Не проклинай судьбу:
Поэта носят на руках,
Когда лежит в гробу.*

(«Шутка»)

После поступления на заочное отделение Литинститута и возвращения в свой родной город, я сразу поступил на работу электросварщиком участка внутришахтного транспорта Лениногорского рудника. Меня все более привлекала работа горняков, а познать ее полностью можно, только работая самому под землей. У нас с Борисом завязалась крепкая переписка, он очень

деятельно и обстоятельно опекал не только мою учебу, но и мое творчество. Особенно запомнилось его убеждение:

— Поэзия — это озарения, прозрения, которые приходят к нам свыше. И далеко не на каждого падает Божий свет. Поэтому и беречь небесный дар надо особо...

ВСЕГДА И ВСЮДУ ВМЕСТЕ

Борис относился к поэтическому творчеству, как к самому святому занятию. Казалось, что он всегда был готов поймать удивительный образ или яркое слово. По-хорошему я завидовал тому, что он за один «присест» мог создать и три, и четыре глубоких, метафорически четких стихотворения.

Талантливый поэт-маринист стал заметным явлением современной русской литературы: им воспета не только морская стихия, но и воинский подвиг. Обладая филологическим и техническим образованием, поэт тонко чувствовал категорию физическую и категорию философскую. Он — один из наиболее гармоничных русских поэтов, осознавших наш мир как сложный и противоречивый по своей сути, и в этой своей противоречивости все же цельный и единый.

*И морской офицер, и поэт...
Три минуты затишья в эфире.
Мне исполнилось тридевять лет
В тридевойтой казенной квартире.
(«День рождения»)*

Каждый раз, когда мы встречались на сессии в Москве, осенью или весной, он обязательно договаривался с представителями военно-морского отделения Союза писателей, чтобы нас включили в писательскую делегацию, и мы выезжали на встречу с представителями московских и подмосковных военно-морских частей.

Мне нравилось, что на сцене я выступал после Орлова. И если у меня разговор шел о красоте алтайских гор и о захватывающей подземной работе забойщиков и проходчиков, то Борис, неоднократно бывавший в дальних походах, как истинный маринист, был весь пронизан морями, штормами и всей своей военно-морской стихией. Его внимательно слушали, восхищались искренностью, лиричностью и, вместе с тем, страстностью его манеры писать, краткостью и точностью стиха, афористичностью, легкостью, крылатостью строки. Я даже не стану скрывать, что Борис свел до минимума ассоциативные впечатления и настроения во флотской теме и военно-морской службе вообще. Насколько помню, у этого стихотворения было две строфы. Однако совсем неожиданно для меня в газете «Правда» в конце 1970-х годов прозвучало всего четыре строки, которые сделали имя молодого мариниста Орлова легендарным:

*Черная подлодка.
Черная вода.
Черная пилотка.
Красная звезда.
(«Черная подлодка...»)*

После выхода ставшего сразу знаменитым этого стихотворения говорили мне, что в любой ситуации любой флотский офицер считал наивысшим признанием своей чести, признаком чести всего Флота выразить свои мысли о службе орловским четверостишием. Как-то к Борису в Санкт-Петербурге подошел один из морских офицеров, отдал честь и спросил:

— Вы Борис Орлов? — и сразу прочел известнейшее четверостишие «про лодку и пилотку». — Я много ваших стихов знаю, да и сам пишу. Хотелось бы показать вам свои стихи!

Борис рассказал, где и как его найти. Тот откозырял и растаял в толпе военных моряков...

Подобное случилось с еще одним легендарным стихотворением Бориса: «Я — офицер, нарушивший присягу...». Его называли гражданским манифестом поэта. О том, в какую зловонную яму мы угодили, знали и знают многие. Но только один Орлов выразил все это мощно, рельефно, написал рвущие душу строки. Это прозвучало и от имени всего офицерства, ведь страна развалилась, и никто ничего не предпринял, чтобы спасти родное Отечество.

*Я — офицер, нарушивший присягу...
Назад ни шагу и вперед ни шагу
Не сделал. Разговорана страна.
А за развал на мне лежит вина.
(«Я — офицер, нарушивший присягу...»)*

Я помню, с каким трепетом Борис готовил свою первую книгу стихотворений «Гранитный Север» к печати. Это была для всех нас ПЕРВАЯ книга. В декабре 1981 года она сдана была в набор и только в 1983 году увидела свет. В тот год Борис Александрович из плавсостава перешел на журналистскую работу, в газету «На страже Заполярья». Конечно, до этого его произведения печатались в поэтических альманахах «Поэзия», «Истоки», «Вдохновение», «Молодой Ленинград», в центральных газетах и журналах. Издавались в коллективных сборниках «Первая встреча» и «Океанские горизонты». Но это была все-таки первая его книга. Мы все были очень счастливы за своего друга и брата. Уже тогда он проявил себя не просто как хороший поэт, но как метафорист, профессионально работающий с образом и словом:

*А соловьи поют. Земля в цвету.
Среди травы разбросаны ромашки.
Березы атакуют высоту,
Как моряки в разорванных тельняшках.
(«Высота»)*

Процесс учебы в Литинституте был настроен на максимальное расширение кругозора студентов. В дни своих сессий мы регулярно выезжали за пределы Москвы и области, у нас были постоянные встречи с писателями (П. Проскурин), поэтами (Ю. Кузнецов, А. Межиров), спортсменами (В. Фетисов, В. Касатонов, С. Макаров), учеными (И. Спиркин из института парапсихологии АН СССР), космонавтами (Г. Гречко). Я помню наши

замечательные поездки в Ростов Великий, в Переславль-Залесский, в Тарусу, в Мелихово. Несколько раз мы с Борисом ездили в Красную Пахру на службу к поэту-мичману Ричарду Недоводину. Тогда Станислав Золотцев назвал Бориса «одним из наиболее одаренных дебютантов десятилетия» (1980-х годов. — М. Н.).

В 1985 году в Мурманском книжном издательстве у Бориса вышла вторая книга стихотворений — «Листва», подтвердившая приверженность поэта жанру лирической миниатюры. А потом третья — в новинках московского «Современника» — «Море и поле» (1986). Все их он очень бережно и с любовью подписывал мне. И в каждой было стихотворение, посвященное мне:

*А звуки! — петь, любить и плакать.
Какая радость и печаль!
Трепещет в гулком полумраке,
Как сердце музыки, рояль.*
(«Музыка»)

Стихотворные сборники показали, что определяющий мотив творчества Бориса Орлова — верность земле и морю. В 1986 году молодого поэта приняли в Союз писателей СССР, избрали членом правления Санкт-Петербургской писательской организации. Он работал начальником отдела боевой подготовки редакции газеты «Советский моряк». Я сразу вспомнил, как горячился за Бориса Никита Сулович (ушел из жизни от лучевой болезни в сентябре 1986 года), ведь он был ему за настоящего творческого отца. Никита Рафаилович всюду говорил, что Борис будет талантливым и очень значительным поэтом нашей страны.

В ОБЪЯТИЯХ КРОНШТАДТА

После окончания Литинститута я долгое время переосмысливал свое отношение к стихотворному творчеству. Мне все казалось, что я не так писал, забывая о том, что настоящая поэзия это нечто неземное, нечто недостижимое. Нужно быть готовым к тому, чтобы принять этот Божий дар с небес. Мы с Борисом пришли к мнению, что умение рифмовать не тождественно слову «поэт». Можно было писать всякие стихи, но все это было бы не настоящее искусство.

Я был занят общественной работой, конечно, писал много, и в том числе и рифмованные тексты, но все это было не по душе. Борис, уже ответственный редактор «Морской газеты», еженедельника Краснознаменной Ленинградской военно-морской базы и военно-морских учебных заведений Санкт-Петербурга, в письмах и по телефону постоянно спрашивал:

— Миша, где твои новые стихи?!

Наконец он заставил меня приехать к нему в гости, в Кронштадт. Шла осень 1994 года. Чтобы попасть в Кронштадт, который находится на острове Котлин в Финском заливе, необходимо было по заранее поданной заявке получить пропуск на въезд в город. На границе стоял специальный военно-морской патруль, который строго проверял документы на проезд. Кронштадт мне сразу понравился, особенно Никольский Морской собор,

который был виден из окна квартиры Бориса Орлова. В те годы в Морском соборе находился концертный зал и историко-краеведческий музей, как в филиале Дома офицеров. В концертном зале мы смотрели концерт «Когда поют солдаты».

Невдалеке располагались пирсы с боевыми кораблями и дизельными подводными лодками. Мы долго гуляли по исторической части города, где было много памятников разных времен и эпох. Заходили в редакцию «Морской газеты», над письменным столом редактора замечательно смотрелся портрет нашего любимого Николая Рубцова.

Недалеко от жилых построек Кронштадта, очевидно силами хозяйки гарнизона, была очищена окраина от свалки бытового мусора. Затем это место вспахали, разделили на участки и передали населению под грядки-огороды. В этом месте и была загородная «фазенда» Бориса и Татьяны. Вечерами мы проводили здесь некоторое время, угощались клубникой, черной смородиной, малиной, рвали для своего стола морковь, свеклу, укроп, лук и прочую зелень.

В то время Борис был удостоен своей первой литературной премии — «Золотой кортик». С тех пор у него дома были два кортика: один, как оружие морского офицера, а другой — признание литературного таланта. Этой наградой он гордился и хранил на самом видном месте. Позднее он получил литературные премии: имени Александра Невского, Андрея Платонова и многие другие.

В тот приезд по приглашению Бориса Александровича я пришел на заседание Санкт-Петербургской писательской организации, находившейся тогда в старинном здании на углу Невского проспекта и Конюшенной улицы. Меня познакомили с питерскими литераторами, поражал демократизм, царивший в их среде — маститые и начинающие были наравне. После творческого общения я прочитал свои наиболее удачные стихи. Состоялся обмен мнениями, многие из присутствующих подарили мне свои сборники стихотворений.

Затем мой друг привел меня на встречу с кронштадтскими читателями в Морской клуб. Я снова читал стихи и, естественно, рассказывал о своем городе. Было много вопросов, но самый главный — почему я не издаю свою книгу стихотворений?! Об этом же говорил и Борис. Но я сказал ему, вот как начну снова писать стихи, так и издам книгу. А он ответил резко:

— Ну, так и пиши!

И я стал писать. Борис постоянно следил за мной, и через год (в 1995-м) вышла, наконец, моя первая книга — «Родство». Незадолго до этого памятного для меня события я вновь побывал в Санкт-Петербурге. После встреч с питерскими писателями: Вячеславом Кузнецовым, Иваном Стремяковым, Иваном Сабилло и другими, мы были в гостях у редактора издательства Литературного фонда России Ирэны Андреевны Сергеевой. Она-то и предложила издать у нее книгу моих стихотворений. А через год там же вышла вторая моя книга «Голоса Беловодья» — с тех самых пор моей литературной родиной стал Санкт-Петербург. Здесь я ощутил себя в полной мере поэтом, здесь, на пушкинской Мойке, звучали мои стихи, которые нашли живой и заинтересованный отклик среди собратьев по перу.

Как ответственный редактор «Морской газеты», Борис Орлов выделял место на своих страницах для печатанья стихов поэтов «подшефного Фло-

та» Алтая. По моей просьбе ехавший в Санкт-Петербург Климент Первушин отвез Борису стихи мои, его и Юрия Манакова.

— Сойдя с трамвая, — вспоминал потом Климент, — я вдохнул утренний воздух серенького питерского апреля и направился к Казанскому собору. Возле памятника Кутузову заметил приметную фигуру капитана первого ранга — это был Борис Орлов. Мы познакомились, и у меня возникло чувство, что знаем друг друга всю жизнь:

— Сегодня у нас обширная программа, — он, очевидно, примерно так насыщал для себя каждый новый день, — сначала Николо-Богоявленский Морской кафедральный собор, где будет проводиться служба по всем погибшим подводникам. Потом кладбище, где помянем моряков с атомной подлодки «Комсомолец». И на «десерт» в Матросский клуб, где ты считаешь свои стихи для членов литературного объединения «Путь на моря» имени Всеволода Азарова. Объединением тогда руководил Борис Орлов.

А 1 августа 1998 года появляется расширенная подборка стихотворений поэтов Рудного Алтая «По тенистым распадкам ключи рассыпали студеные звоны», где представлены мои произведения, Климента Первушина и Юрия Манакова. Борис и здесь заинтересованно уделял внимание своим друзьям, а мне было приятно узнать, что он был награжден литературной премией имени Константина Симонова, а через год — имени Валентина Пикуля. В те годы, когда «Морскую газету» возглавлял капитан первого ранга Борис Орлов, газета стала едва ли не самой популярной среди читающих, пишущих и думающих людей Санкт-Петербурга. Каждый номер — гражданский подвиг! Кроме правдивой информации, публиковалось много смелых исторических материалов и фактов, очерков о людях, принесших славу России, но по известным причинам преданных забвению. Был широкий диапазон тем и жанров, мощный, патриотически настроенный авторский коллектив. Во всем этом была большая заслуга ответственного редактора — Бориса Орлова.

А тем временем, по необходимости профессиональных занятий, так как я был назначен заведующим Риддерским филиалам музея нашей компании «Казцинк», мне необходимо было поработать в Санкт-петербургских архивах. Я поговорил на эту тему по телефону с Борисом, он поддержал меня, договорился с кем необходимо, и вот я погрузился в поиски обстоятельств долгой жизни основателя нашего города, горного офицера — Филиппа Риддера. Интересно, что по приезду в Кронштадт и началу своих поисков, каждый день я устраивал небольшой отчет перед своим другом о том, что новенького я нашел в анналах истории. Мне даже пришлось «выйти на связь» с представителями Санкт-Петербургского дворянского собрания, встретиться с архивистами Центрального штаба Военно-Морского флота, с профессурой ректората Горного университета. На Волковском кладбище мы даже нашли предполагаемую могилу Филиппа Риддера. Борис был очень счастлив за меня и всюду был рядом со мной.

Вот так, совсем неожиданно, у меня на руках появилась рукопись первой исторической краеведческой книги «Филипп Риддер и его время». За эту работу в 2006 году я был избран членом-корреспондентом Петровской академии наук и искусств. А после публикации продолжения исследований «Риддерской концессии Лесли Уркварта» (первой книги на русском языке об этом широко известном английском бизнесмене, в 2008 год,) я был избран действительным членом академии.

НА ОСТРИЕ УМА

Совсем неожиданно, в один из моих приездов в Кронштадт, Борис сказал, что от Литературного фонда России ему выделена на время дача в Комарово, и мы поехали туда. Впечатляло то, что дачный поселок располагается среди мощных корабельных сосен, а под ними растет черничник, было много грибов. В голове все время крутилась популярная некогда песня про «Комарово»: «На недельку, до второго, я уеду в Комарово!», и ноги сами просились в пляс!

Рядом с дачей Орлова находилась дача Бориса Натановича Стругацкого, а чуть далее — домик-музей Анны Андреевны Ахматовой. Иногда вечерами в гости к Борису заглядывали «свои» литераторы. 7 и 8 августа 2004 на шашлык пришли Коняев Николай Михайлович, автор «Путника на краю поля», книги о жизни, смерти и бессмертии поэта Николая Рубцова, и Любегин Алексей Александрович, замечательный православный поэт, со своей женой. Мы долго беседовали о жизни, о вере, о странностях творческого пути литератора.

На следующий день мы с Борисом пошли на Комаровское кладбище, где упокоились Анна Ахматова и другие известные писатели.

Как морской офицер, Б. Орлов всегда был и остается, невзирая на годы, утонченным, страстным лириком. Обычно это качество присуще людям мужественных профессий. Я всегда хорошо знал его строки военно-морской тематики, но постоянно встречал стихотворения, пронизанные настоящей мужской любовью и нежностью. И даже если они не были подписаны «Татьяне», я все равно знал, что это про нее:

*Чтоб растопить в твоих земных глазах
Проникший в сердце холод Заполярья,
Остановлюсь несмело в двух шагах
Я, обошедший оба полушарья.*
(«В Ленинграде»)

Борис пишет, что там, где служба, там «по-мужски суровый океан», а где ее нет — «жизнь, не вошедшая в приказ», но есть и встречи, и разлуки между любимыми людьми. Однако самыми живописными строками Орлова стали слова о малой родине:

*Уезжаю... В грусти сердце тонет.
Долго будет вспоминаться мне,
Словно Богоматерь на иконе,
Мать моя в распахнутом окне.*
(«Уезжаю...»)

Образ матери воссоздан поэтом бережно, трогательно. До окончания своего жизненного пути Евдокия Константиновна была одним из направляющих ориентиров жизненного и творческого пути поэта. Оттуда, из окон родного дома, и раскрылся ему смысл жизни художника, смысл беззаветного служения Отечеству.

Мы часто экспериментировали со словом, пытаясь увидеть все его грани и оттенки. Тем более что сам Борис вывел определение: «В силлабо-то-

ническом стихосложении все открытия были сделаны в XIX веке». Занятия нерифмованными стихами привлекали в первую очередь Бориса, потому что расширяли возможности автора, позволяли заглянуть еще на одну сторону поэтического ремесла. Для начала это были развернутые творческие послания, например, «В подводной лодке», «Солдат», «Медленно огненным петухом...», «Стрелкой часов...». Но Орлов все более изощряет свою мысль, отбрасывая в стороны отдельные, маловажные моменты и обороты. Одним из первых его верлибров стало стихотворение:

*Каменеют губы.
Каменеет речь.
Каменеет сердце.
Что это?
Тюрьма или баррикада?*
(«Молчание»)

В 2005 году появляется сборник верлибров «Мотыльки», а через два года — «Осколки». Это целая россыпь оригинальных, заостренных донельзя мыслей на многие темы многих жизненных ситуаций.

Сегодня поэт, распахнув свою душу небу, всецело обратился к Богу, он наконец-то полностью вошел в созданный Божий мир, более близкий и понятный ему. Однажды во время моего приезда в Санкт-Петербург мы посетили с ним Владимирский собор. У поминальной свечи было обращение к Господу с просьбой даровать нам дальнейшее прозрение, крепости духа, внутренней гармонии. Борис в одном из своих стихотворений просто говорит:

*Мы убиваем время. Мы жестоки.
Как пули, убивает нас вино.
У каждого свои земные сроки.
И торопить их глупо и грешно!*
(«Незримый дождик высох у дороги...»)

В то же время сегодня даже название книг Бориса Орлова обрело символическое звучание: «Прозрение», «Диалог с Творцом», «Тень тернового венца», «Надо мною лишь вечер и Бог», «С верою жить...», «Россия куполами колосится...», «Небесное царство». Весь внутренний мир поэта раскрылся в них, он, насколько возможно, приблизил свое отношение к Православной вере, с убеждением сказав, что отныне «вместе мир небесный и земной».

И если от мира небесного он получил награду — свой талант, то мир земной отмечает славного поэта Бориса Орлова зримыми земными наградами.

17 ноября 2010 года решением Законодательного собрания Санкт-Петербурга Борис Александрович награжден Почетным дипломом «За выдающийся вклад в развитие культуры в Санкт-Петербурге». В октябре 2011 года Указом Президента России его наградили медалью Пушкина. Государственную награду вручил поэту губернатор Санкт-Петербурга Георгий Сергеевич Полтавченко. Он лауреат Большой литературной премии России. В 2013 году — присвоены две литературные премии: Всероссийская имени

Николая Гумилева и международная имени Сергея Михалкова. На сегодня им изданы семнадцать книг стихотворений, в которых отразилась вся его судьба, счастливо вобравшая в себя верное служение поэтическому творчеству в родной Отчизне:

*О, родина, — шепчу, — я здесь, я твой...
И шелест луж, и синий дым над ригой.
Я после смерти зарасту травой,
а после жизни стану певчей книгой.*

(«О, родина, я здесь, я твой»)

ВЫШЛА КНИГА

Забелло В. К.

Где родился — там сгодился: рассказы, стихи. — Иркутск: Кайская Роша, — 3-е изд., испр. и доп., 2013. — 100 с.

Вообще, по самой главной сути — и человек, и поэт Василий Забелло целостен и гармоничен, он верен себе, своему слову и делу. В нем явственно все русское — это чистота помыслов, и обостренное, сыновнее чувство любви к Родине, а отсюда, как нельзя кстати, проявились его бойцовские качества в нашей общей борьбе за Байкал.

Василий Забелло от рождения наделен чувством справедливости, в его характере есть и душевная мягкость ко всему доброму, светлому, родному и суровая непримиримость ко лжи и лицемерию, а это как раз и есть самые необоримые черты стойкого воителя за честь и совесть нации.

Мы все помним его горячие, доказательные очерки и статьи о проблемах Байкала, напечатанные как в Москве в газетах «Правда», «Советская Россия», так и в иркутской печати. А его книги, его поэтические произведения, которые встали в ряд самых значительных достижений в поэзии, они, как говорится, налицо. Его книги «Ледостав», «Осенний пал», «Избранное» и другие приобрели своего читателя, нашли отзвук в душах и памяти многих сибиряков.

*Владимир Скиф,
секретарь Союза писателей России*

Русские СУДЬБЫ

Валерий ПАВЛОВ

«СМОТРИТЕ, КТО УШЕЛ...»

Валерий Федорович Павлов — родился в 1947 г. в Пскове. Окончил музыкальное училище, филологический факультет педагогического института. В настоящее время доцент кафедры культурологии Псковского государственного университета. Секретарь Общественной палаты Псковской обл. В 1991–2009 гг. работал директором Псковского академического театра драмы им. А. С. Пушкина. Член Союза театральных деятелей России, заслуженный работник культуры РФ. Почетный гражданин города Пскова. Автор книг «На рубеже тысячелетий», «Дни и ночи “Карусели”», многочисленных научно-популярных статей по истории провинциального театра. **Живет в Пскове.**

Старинные города российской провинции и сегодня еще отличаются не только вековые традиции, древняя архитектура, музейные редкости, но и своеобразный круг людей, которые выделяются самобытностью. Они могут жить и работать в разных сферах, от основной массы горожан отличаются то талантами, то подвижничеством в служении любимому делу, то экстравагантностью в одежде и поведении, а то и просто чудачеством. Они принадлежат к различным социальным слоям и составляют своего рода пеструю, но яркую мозаику. Но стоит одному звену по какой-то причине выпасть, исчезнуть — на его месте возникает зияющая невосполнимая пустота. Полвека проработал в Пушкинском заповеднике С. С. Гейченко, в д. Борки Великолукского района жил публицист И. А. Васильев, совсем недавно еще среди нас ходили ученый-филолог Е. А. Маймин, артист В. А. Порошин, писатели-партизаны И. В. Виноградов, И. Н. Григорьев, журналист В. Е. Карпов. Но ушли они из жизни, и места их в культурной ауре Псковской земли остались не востребованными. Музейные работники И. Н. Ларионов, Л. А. Творогов, учитель литературы Н. Н. Колиберский, врач И. И. Салтан, архитекторы-реставраторы Ю. П. Спегальский, Б. С. Скобельцын, В. П. Смирнов, художники В. М. Васильев, А. А. Оникеев, музыканты М. И. Ривкин, В. Г. Румянцев, артисты Н. С. Крицкий, Ю. В. Пресняков, В. Д. Лукин, А. И. Багрецов — где им достойная замена?

Если внимательно приглядеться к людям, которые последние десятилетия создавали в Пскове талантливые произведения искусства, коллективы самодеятельного художественного творчества, хорошо лечили людей или учили детишек, их число окажет-

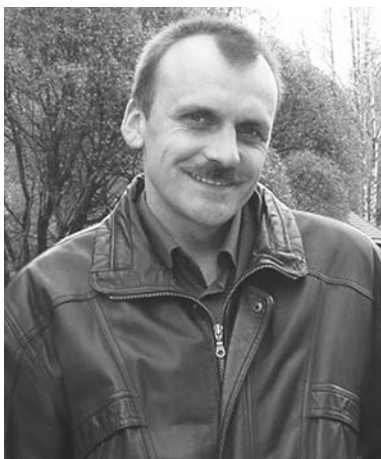
Семен Степанович Гейченко

и Петровском. Позже по роду профессиональных занятий я довольно часто встречался с ним, видел на службе, дома, в кругу друзей, на совещаниях, одного и среди тысяч людей, в общении с гостями самого высокого ранга и в бытовых беседах с земляками. Когда он бывал в хорошем расположении духа, то мог извлечь из бездонных глубин своей памяти совершенно неожиданные вещи. Рассказывал о них ярко, с искрометным, нередко соленым юмором, живым русским языком. В его устах высокие слова не звучали фальшиво высокопарно, а низкие — освобождались от налета приземленности и вульгарности, сливаясь в естественную и образную речь. Он хорошо помнил, как водил на экскурсии по Петергофу Сталина, Кирова, Луначарского, Позерна, Буденного, Тухачевского, челюскинцев, а по Михайловскому — Косыгина и Переса де Куэльяра, генерального секретаря ООН... В 1930-е годы, работая в музеях Петергофа, молодой научный сотрудник С. С. Гейченко консультировал постановки в театрах Ленинграда, готовил выставки к премьерам. С 1934 по 1936 гг. он по совместительству работал заведующим методической частью Театра рабочей молодежи (ТРАМ) в Ленинградском ДК им. Глерона «и заразился театральной бациллой». «Но в конце 1936 г. в моей и нашей жизни все пошло кувырком», — вспоминает Семен Степанович. Публикации последнего десятилетия рассказывают о трагической полосе в жизни С. Гейченко. Арестован директор Петергофских музеев Н. И. Архипов. В «Правде» появляется яростный фельетон М. Кольцова, затем статья «О враждебной концепции профессора Семенова-Тян-Шанского», директора Центрального географического музея. В 1937 г. — «Дело Греча». Осенью начались разоблачения «врагов народа» в музеях Ленинграда. В жизни С. Гейченко пора метаний, поиска места в жизни. Он поступает в аспирантуру Академии художеств, работает в репинских «Пенатах», в Русском музее, Пушкинском Доме, по командировке Института русской литературы в конце 1930-х гг. едет в Михайловское для составления архитектурно-исторического паспорта села. Думал ли он, что здесь развернется потом главное дело его жизни?

В ту зиму он встретил в конторе Михайловского лесничего Кузьму Афанасьева, который изучал немецкий язык. Как оказалось, не случайно:

при гитлеровцах он был директором заповедника, потом ушел с власовцами в Польшу, Германию, был судим как изменник Родины. По приказу фашистов срубили 50 тысяч сосен заповедного леса. В 1943 г. немцы закрыли музей, устроили в нем «дом отдыха». Потом все ценное вывезли на грузовиках. О своих «хождениях по мукам» Семен Степанович вспоминать не любил. В ленинградском доме на проспекте Майорова он снимал комнату в квартире Иоргенсон Александры Николаевны, русской, бывшей замужем за гражданином Дании (он был арестован НКВД в 1935 г., а жена — в 1941 г.). Здесь собирались друзья: литераторы, искусствоведы, инженеры. С. С. Гейченко был арестован последним — 13 июля 1941 г. по ложному доносу журналиста Бориса Мазинга. Обвинен в связях с «врагами народа» (поэтом Н. Клюевым, директором музеев Петергофа Н. Архиповым). В день ареста С. С. Гейченко занятия антисоветской деятельностью отрицал, своих подозреваемых товарищей не выдал. Но уже 19 июля 1941 г. в протоколе появились его «искренние показания». Суд военного трибунала войск НКВД. Приговор от 21 августа 1941 г. — 10 лет лагерей. Один из участников застольных бесед приговорен к расстрелу, другие получили сроки. Дорога в холодном вагоне на север. В пути обокрали, и в лагерь С. Гейченко прибыл в холщовых брюках и парусиновых ботинках. Главарь зеков, получив доклад, что ему (Гейченко) «пришили по науке», дал старую куртку. Товарищами по лагерному несчастью были сестра певицы Обуховой, муж балерины Вербовой, родственник писателя Абашидзе, люди разных национальностей, профессий и рангов. Каждый день работа на лесоповале. Заболевших лечили солидолом и хвойной водой. В августе 1943 г. Гейченко освободили. Он едет к матери и сестрам в Пермь, навещает находившегося на поселении Николая Ильича Архипова. Короткое учительство в школе, а затем мобилизация в армию, быстрая подготовка, служба в минометном взводе на Волховском фронте. В боях под Новгородом чуть не утонул, чудом спасся, дважды ранен, потерял руку. Всю оставшуюся жизнь ходил с пулей в левой ноге. Февраль 1944 г.: Тбилиси, госпиталь, южное тепло, чистота, тишина... После выписки развозил слепых и безногих солдат по городам и весям. Познакомился с Любовью Джелаловой — верной подругой и женой. Затем поездки в Москву и Ленинград, хождение по инстанциям, просьбы о работе. Хлопотали и друзья. Давали отменные характеристики и рекомендации. Он мог стать первоклассным ученым, мог возглавить музей в Кусково. Но судьба распорядилась иначе. 28 мая 1945 г. приказом № 57 по Институту литературы АН ССР старший научный сотрудник С. С. Гейченко назначен директором Пушкинского заповедника с месячным окладом 1600 рублей.

Впереди у опаленного войной солдата Семена Гейченко было почти пять десятилетий подвижнического труда, радости и огорчения, зависть и козни врагов, счастье творчества и осуществление грандиозных проектов, широкое признание и слава, звание Героя Социалистического Труда, которое он получил первым среди музейных работников СССР. Правда, далеко не с первой попытки: над хранителем Пушкиногорья долго еще висела злобещая тень статьи 58-й. Но всего этого Семен Гейченко весной 1945 г. еще не знал. Он, несмотря ни на что, был победителем — остался жив, одолел беду, уцелел под жестокими ударами судьбы, не утратил до конца жизни веру в Добро и Справедливость, не очерствел душой. Впереди было полвека жизни у Лукоморья. Но об этом еще напишут книги.

**Андрей
БЕНИАМИНОВ**

«ЗНАЮ, РУСЬ НЕВОЗМОЖНО УБИТЬ...»

Андрей Геннадиевич Бениаминов — родился в г. Пскове. Стихи пишет давно, порою с достаточно большими перерывами (достигавшие 3–5 лет). В 2008 году вышел персональный сборник стихов «Может, сбудется?» Публиковался в нескольких коллективных поэтических сборниках. **Живет во Пскове.**

* * *

Есть в России места,
Где природа чиста,
Где сердца у людей не остыли.
Там, вдали от столиц,
Больше искренних лиц,
Там родник
русской славы и силы.

Там не бросят в беде,
Не откажут в еде,
Там помогут,
чем могут, всем миром.
Там невест чистота
И людей красота,
Там не строят
дворцов и кумиров.

А у тихой реки
Там сидят рыбаки, —
Ждут удачу свою на рассвете.
Там живет мой народ,
Там природа цветет,
Там смеются залиvisto дети.

Деревенский уклад.
И, наверно, стократ
Буду Господу Богу молиться,
Чтобы тысячи лет
Теплый искренний свет
Освещал эти русские лица.

ВСЕ, КАК БЫЛО, ТАК ЕСТЬ...

Все, как было, так есть,
С юга вновь возвращаются птицы,
Чтоб продлить птичий род
И под осень назад улететь.
Мне же выпала честь
На российских просторах родиться,
Ну, а коль повезет —
Посчастливится здесь умереть.

В этой странной стране,
Где бескрайни поля и погосты,
Где звенят провода
И молчат вековые дубы,
Теплый дождь по весне
Омывает дорожные версты,
А любовь и беда —
Как синонимы общей судьбы.

Мы проходим сквозь страх,
Привыкаем к ветрам и туманам,
Ищем правду в себе,
Но находим ее у других.
Только часто в умах
Сочетается правда с обманом,
И в бесцельной борьбе
Создается лишь призрачный миф.

Так живет моя Русь,
Забывая прощать и молиться.
Нам ковыль да полынь
Пахнут слаще изнеженных роз.
И российская грусть
Здесь святою водою сочится
Сквозь небесную синь
По израненным душам берез.

ДА, Я РУССКИЙ...

Мой ответ космополитам

Да, я русский, и этим горжусь,
Хоть сейчас это стало не модно,
Уезжают легко и свободно,
Залив водкой российскую грусть.

Ведь не дрогнула ж злая рука,
Чтоб скорее добраться до власти,
Разделить и разрезать на части
Русь, что стойко прошла сквозь века.

Словно крысы бегут в те места,
Где сытней и повыше доходы,
Где за липовой маской свободы
Позабыты заветы Христа.

От того, что прошло сквозь века,
Нам остались лишь память и вера
В Божий суд, где есть «высшая мера»
Тем, кто продал страну с молотка.

Я совсем не хочу их судить,
Для уехавших это неважно,
Знаю только, умеет не каждый
Свою Родину сердцем любить.

Знаю, Русь невозможно убить,
Словно феникс, Россия воспрянет,
Чище, краше и искренней станет.
Только нам до тех пор не дожить...

* * *

С. А. Золотцеву — Поэту и Гражданину

Память засыпало пеплом, зарыло золою,
Солнце обуглило сердце, умы обожгло. —
Так и живем, в серость будней уйдя с головою,
Не вспоминая о том, что навеки ушло.

Только беспаятство — самая худшая доля,
Злая беда и большой человеческий грех —
К нам возвращается приступом горя и боли,
К тем, кто заветы отцов променял на успех.

К тем, кто забыл их дела и пограл их наказания,
Кто растерял сам себя, позабыл про свой род.
И расплзлась по Руси безучастья зараза,
В злую толпу превращая великий народ.

Только мне хочется верить, что главное цело,
Если поэты слагают такие стихи,
Значит, живет, продолжается Русское дело,
Значит, замолим своими стихами грехи.

Выдюжим, встанем, расправим могучую спину,
Вспомним откуда мы родом и кровь у нас чья.

...

А для иуд на Руси подрастают осины,
И для борьбы подрастают у нас сыновья...

МОНОЛОГ БУДУЩЕГО ЭМИГРАНТА

Почающим Россию из-за границы посвящается...

А я возьму, уеду за границу,
Подальше от разрухи и отчаянья,
Чтоб позабыть заморенные лица
Страны, приговоренной к вымиранию.

Увы, в России вывелся народ,
Кто поумней — давно уже смотался.
А так как я совсем не идиот,
То тоже за кордон свалить собрался.

А что Россия — Родина и мать —
Все это сказки. Я скажу без фальши:
Тогда ее и стану вспоминать.
Когда уеду от нее подальше,

И узнавать о ней от журналюг,
Что за сенсацию давно уж души продали,
И утверждать, что там страна ворюг,
Дебилов, пьяниц, взяточников, лодырей.

И поучать Страну издалека,
Мол, все у вас, неправильно, убого,
И в президенты взяли дурака,
И не того себе избрали Бога.

И, начитавшись утренних газет,
Где грязь и склоки собраны по свету,
Я выдам сногшибательный памфлет
О том, как надо жить и петь поэту...

* * *

Молотом по наковальне —
звон пошел,
Где-то за заставой дальней
хорошо...
Спят поля, и дремлет хата,
меркнет свет.
— Хорошо лишь там, ребята,
где нас нет.

От вопросов до ответов
длинный путь,
Но опять холодный ветер
студит грудь,
Дым да гарь с востока гонит —
не до сна.
В пене конь, и ранен конник —
знать, война.

Там, за дальнею заставой,
у межи,
В вязкой лужице кровавой
брат лежит.
Половецкою стрелою
сбит с коня —
Значит, нынче ветер воет
про меня.

Молотом по наковальне —
будет меч.
Время на заставе дальней
в землю лечь...

ПЕРЕКРЕСТИМСЯ?

Старый сор да хлам —
из избы долой,
По больным местам —
кипятком-смолой,
Былью-небылью, болью дикою —
Из огня костра да в Великую¹.

Белым полем путь, грязью-жижею,
Гонит горем нас с мест насиженных,
Русской поступью да лихой бедой:
Кости рассыплю по земле святой...

Что мерещится? Что там чудится?
Перекрестимся...
Может, сбудется?

* * *

Я ушел от раздоров и склок,
От фальшивых страстей и обид,
И опять лихолетье дорог
Моет пылью мои сапоги.

Пусть шипят за моею спиной,
Мол, не выдержал, сдался, слабак...
Я сегодня богат тишиной,
А не лаем дворовых собак.

Я ушел, видно вышел мой срок,
Вновь по миру иду налегке:
Деревенского сала кусок
Да горбушка в заплечном мешке.

И на пыльном кленовом листе
Напишу пару строк, пару фраз,
О любви, и о вечной мечте:
Стать счастливым хотя бы на час.

СТАРЫЙ САД

Деревенское детство босое
И крестьянский нехитрый уклад,
Запах трав, что легли под косою,
Старый, дедов, развесистый сад.

Там по осени некуда деться
От обилия яблок и слив,
Там любимое дерево детства,
Моя яблонька — Белый налив...

Все прошло, словно кануло в Лету,
Унеслось, не догнать, не найти,

Только снова в преддверии лета
Старый сад начинает цвести.

Зацветает, потом облетает —
Он живет, мой заброшенный сад.
И трава вновь в себя принимает
Спелых яблок его аромат.

Так бывает. Конечно, в России!
Сад живет, хоть проходят года,
Для того, чтоб его не забыли,
Чтобы вновь возвращались сюда...

---

¹ Великая — река в Псковской области.

Марина ТАНАЕВА

«Я ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ НЕ ПРЕДАМ...»

Марина Николаевна Танаева — родилась в Кургане. Окончила факультет иностранных языков Курганского госуниверситета. Работала сначала учителем английского и немецкого языков, а затем заместителем директора в школе № 56, в настоящее время преподает иностранный язык в Курганском технологическом колледже. С 2002 года — активный участник литературной студии В. Ф. Потанина. В Курганском технологическом колледже ведет кружок любителей поэзии. Автор книг стихов «Сердцебиение», «Вензеля ночных дорог», «Вечерний город», «Быть собой», «Малая родина» и др. Член СП России. **Живет в Кургане.**

РОЖДЕСТВО

Метели нежной баловство,
А мы спешим по снегу с мамой.
В наш мир вступает Рождество,
Для всех открылись двери храма.

Ночь. Литургия бьет рекой,
И сердце от восторга стынет:
Вот имена живущих ныне,
Вот имена за упокой.

Над каждым храмом — Света ствол,
А в душах православных — радость:
Господь родился, в мир пришел, —
Наш Новый Шанс
вернуться в святость.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Что ночь — за души вспыхнет битва
Добра и зла, но при луне
Вдруг чья-то теплая молитва
Взовется к Небу обо мне.

Горит лампада, дремлет тело,
И на посту Святая Рать,
А силы темные на дело
Уже идут, чтоб душу взять.

Луна над городом в зените,
Тень небоскребов, словно скал.
И бьется Ангел мой, Хранитель,
Чтоб враг души моей не взял.

КТО-НИБУДЬ ОТВЕТИТ

На родных просторах — только ветер,
Под крестами, в поле — мой народ...
Кто-нибудь когда-нибудь ответит
За степных стервятников полет.

Журавли колодцев — руки к небу
Или свечи — «Упокой село»?
На полях — репейник вместо хлеба,
Кладбище бурьяном заросло,

Школа заколочена, и дети
До райцентра в путь обречены...
Кто-нибудь когда-нибудь ответит
За развал моей родной страны!

УЛИЧНАЯ ДЕВОЧКА

Маленький холмик. В могиле
Мирно уснула она.
Детские руки остыли,
И голова холодна.

Некому дочку оплакать,
С горечью плечи вздымать.
В грязном подъезде, как слякоть,
Спит ее пьяная мать.

Уличной девочки повесть
Лишь до двенадцати лет.
Где наша общая совесть?
Совести, видимо, нет.

Помню — звонок, — открывая,
Чувствую: это она.

Хлеба кусок отрывая,
Знаю: опять голодна.

Голос продрогший и сиплый...
Глядя в подъездную ночь,
Тихо бросала: «Спасибо»,
Шлепала в тапочках прочь.

Смерть на обочину трассы
Девочку в ночь загнала.
Черной железной массой
Била, ломала, рвала...

Сжалились Высшие Силы.
Голод и холод любя,
Девочка мир наш простила.
Мы-то простим ли себя?

КАЗИНО

Фонари разметались угрюмо,
И уже вечерет давно,
Вот старушка ладонь протянула
У шикарных дверей казино.

Подъезжают «Тойоты» и «Мерсы»,
Выпускают людей — высший сорт.
Те на бабушку, словно на мерзость,
Поглядят. Кто-то мимо пройдет.

На ладонь ей положат монету,
Ухмыляясь: «На выпивку, мать!»

Кто и вовсе толкнет сигарету,
Кто глаза поспешит оторвать.

В казино будут ночью бессонной
Пить, курить и на деньги играть,
И не вспомнят о каплях соленых,
Что роняет на улице мать.

Не поймут, что последние силы
Покидают старушку давно.
Не узнают, что это Россия
Прислонилась к дверям казино.

ВЕСНА 1945-го

По рассказам В. Ф. Потанина

Весна ворвалась мирным бытом,
Теплом и пашней на селе.
В полях, осколками разбитых,
Где веет смерть, засеют хлеб.

Война прошла, но жить несладко,
Страна в руинах, нищета,
И потемневшие солдатки
Уходят, ждать мужей устав.

Надежды нет, ничто не лечит,
Родных встречать не довелось.

Несут, несут мужьям навстречу
Их на кладбищенский погост.

А кто-то выжил, победитель,
И по стране легко идет.
Рабочий, каменщик, строитель,
Великий русский наш народ.

Посмертно — ордена-медали,
От крови корчится земля.
И одиноко курит Сталин
Во мраке утреннем Кремля.

АФАНАСИЙ

В братской могиле так тихо. Во мгле
Дед мой лежит, Афанасий.
Где-то вдали, на латвийской земле.
Я не была там ни разу.

Все успокоились: братья, сестра,
Имя его не тревожат.
Память народную, словно вчера,
Саблей вложили мы в ножны.

Американский учебник открой,
В школах своих бахвалятся:
«Если бы фронт не открыли второй,
Русские были бы в рабстве».

Нечистоплотны историки, нет,
Здесь они не приукрасят.
Где 27 миллионов, и где
Дед мой теперь, Афанасий?»

Если забудем, улыбки надев,
Как гибли храбрые деды,

Кто-то однажды, совсем обнаглев,
Нашу присвоит Победу.

Вот почему забывать нам нельзя!
Память солдатскую чтите!
Вот почему не жалеет себя
Каждый российский учитель.

И повторяем из года мы в год,
В детские души вселяя
Веру: герой —
наш, российский народ.
Наша Победа — святая.

Вечный огонь забвения топит лед,
Спите, родные, спокойно.
Память о вас никуда не уйдет,
Все вы сражались достойно.

Где-то вдали, на латвийской земле,
В скверике тихом, цветастом,
Под обелиском,
среди братьев, во мгле
Дед мой лежит, Афанасий.

НЕ ПРЕДАМ!

Я православных веру не предам,
Я не предам звон наших колоколен,
И ты меня поймешь,
коль знаешь сам,
Что каждый для себя
решать здесь волен.

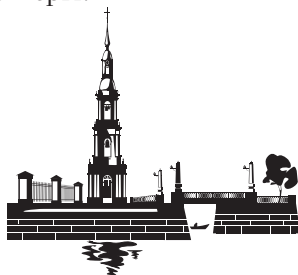
Я не предам кресты и купола,
Я не предам иконы чудотворной.
С рождения и с детства не могла
Молиться перед Господом притворно.

Без наших песнопений мне нельзя,
Должна быть вера в Господа
без меры.

Как я отцу Владимиру в глаза
Взгляну, коль отрекусь
от нашей веры?

Я православных веру не предам.
России вера — вера государства.
От прадедов пришла и дедов к нам,
Которые давно в Небесном Царстве.

Я православной веры не предам,
Она народ в войну не раз сплотила.
Себя я в руки Господа отдам,
И православной буду до могилы.

Моя ЕМОЦЕНКА

Валерий ЕГОШКИН

АЛЖИРСКИЕ ПРИТЧИ

*Пересказ
с арабского
и французского*

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

За пятнадцать лет пребывания в Алжире, где я начинал советским студентом-волонтером, воспитывавшим местных сирот и строившим жилища для жертв французских бомбардировок, и закончил послом Российской Федерации, не раз приходилось убеждаться, что без понимания местных традиций, культуры, учета национального характера и менталитета алжирцев, мироощущение которых подчас существенно отличается от нашего, любые благие помыслы обречены на неудачу, а неразрешимые проблемы возникают «на пустом месте». На моей памяти немало случаев, когда непрофессионализм наших принимающих организаций и переговорщиков, не считавших нужным принимать во вни-

Валерий Евгеньевич Егошкин — родился 3 января 1944 года в Москве. В 1967 году окончил факультет международных отношений (восточное отделение) МГИМО МИД СССР. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. Владеет арабским, французским, английским, немецким и сербским языками. С тремя из них обеспечивал переводы на высшем уровне. Работал на дипломатических должностях в посольствах СССР в Алжире и Тунисе. В 1995–2000 годах был послом Российской Федерации в АНДР, в 2000–2002 годах — в СРЮ, в 2005–2011 годах — в Кении и постпредом РФ при международных организациях, аккредитованных в Найроби. В центральном аппарате МИД занимался отношениями со странами Северной Африки, с государствами Сахеля и Центральной Африки, курировал проблемы Закавказья и Турции, разграничение в морских акваториях с Украиной. Автор популярных книг для детей и взрослых по Северной Африке (фольклор, нравы, обычаи). Награжден орденом РПЦ преподобного Сергия Радонежского II степени. Является почетным гражданином г. Алексинац (Сербия). Зам. Председателя Совета Ассоциации Российских Дипломатов. **Живет в Москве.**

мание особый психологический настрой алжирских партнеров, приводили к большим политическим и материальным потерям, сводя на нет многолетнюю подготовительную работу посольства и МИД.

Один из примеров — визит в Советский Союз в 1970 г. министра хабусов АНДР Мулюда Касема, политического деятеля, близкого президенту Хуари Бумедьену. У посольства с ним был очень хороший контакт, что позволяло оперативно решать многие вопросы, даже те, к которым непосредственного отношения министр не имел. Однако уже через два дня после вылета Мулюда Касема в Москву в алжирской печати появилось сообщение, что из-за «нерасположенности» его визит прерван. С самого начала он не задался. Некто Куроедов — руководитель принимающего ведомства, несмотря на направлявшиеся ему посольством ориентировки об исключительно важном значении визита для всего комплекса двустороннего сотрудничества, счел ниже своего достоинства встречать алжирского гостя, направив мелкого клерка. Затем министра, являющегося поборником исламских ценностей, повели на шоу с полураздетыми женщинами и даже предложили выпить водки. Мулюд Касем воспринял все это как оскорбление и издевательство и уехал ночевать в резиденцию своего посла. Попытки организаторов убедить его совершить подготовленную для него поездку по стране успеха не имели. А для СССР этот влиятельный политик был навсегда потерян.

Еще более драматичны были переговоры в конце 1990-х о погашении алжирской задолженности, составлявшей несколько миллиардов долларов. Россия крайне нуждалась в этих деньгах, и посольству, опираясь на ностальгические воспоминания алжирских генералов об учебе в Москве, удалось подключить к решению вопроса влиятельное военное руководство. В состав алжирской межведомственной делегации, получившей установку выйти на оптимальное решение, учитывающее интересы обеих сторон, вошли симпатизировавшие нам компетентные специалисты. Предусматривалась даже возможность погашения части задолженности валютой. Казалось, успех был обеспечен. Однако в Москве убежденных сединами алжирских переговорщиков ждал прием, к которому они оказались психологически не готовы. Мало того, что по возрасту люди, сидевшие по другую сторону стола, могли приходиться им внуками, но и вели они себя, как показалось алжирцам, подчеркнуто неуважительно — постоянно перебивали, не давая высказаться и показывая полное незнание предмета переговоров. Особенно возмутило алжирских экспертов поведение молодого человека, демонстративно игравшего в ходе их выступлений на входившем тогда в моду «гейм-бое». В итоге, переговоры, сулившие нам возвращение миллионов, были сорваны. Алжирские руководители восприняли поведение российских переговорщиков как личное оскорбление и приняли решение отказаться от выплаты задолженности, хотя раньше заявляли, что считают это «делом чести». Разбирательства, проведенные у нас по инициативе прокуратуры, судя по всему, не смогли доказать «злого умысла». Видимо, причиной провала переговоров, помимо общего бескультурья, была элементарная профессиональная некомпетентность, в том числе полное отсутствие представления о том, как надо вести дела с такими партнерами.

Формирование правильного подхода в контактах со сложными партнерами приходит с опытом, и облегчить этот процесс может лишь изучение

их истории, национальных традиций, языка, на котором они говорят дома. Хорошим подспорьем являются народные мудрости, нашедшие отражение в фольклоре, в том числе в сказках для детей. По собственному опыту знаю, что, проанализировав поучительные притчи и анекдоты различных этнических групп Алжира, уже не испытываешь больших затруднений в том, чтобы понять и оценить поведение собеседника и убедить его в правильности излагаемой тобой позиции.

В числе популярных притч и анекдотов алжирцев — истории о проделках Джеха (Джохи), человека хитрого и изворотливого, способного обвести вокруг пальца кого угодно. Персонаж сродни хорошо известному у нас Ходжи Насреддину. Притчи о нем обличают человеческие пороки — жадность, глупость, чванство, стремление жить за счет других. Эти истории не дают, конечно, полного представления ни об алжирском фольклоре, ни об алжирском национальном характере, но, как минимум, позволяют кое-что понять из ценностей, близких вашим алжирским собеседникам.

ДЖЕХА И ТРИ ВАЖНЫХ ПУТНИКА

Посадил как-то Джеха на своем поле арбузы и дыни. Выросли они всем на диво такие огромные, что один верблюд больше четырех арбузов поднять не мог. Очень гордился Джеха своим полем, поливал его, землю рыхлил, от скотины и недобрых людей оберегал.

Однажды смотрит — не разбирая дороги, двигаются через его поле трое путников верхом на мулах. Арбузы да дыни под копытами мулов только потрескивают и в мелкие осколки разлетаются. Узнал Джеха путников. Были это кади (мусульманский судья), шериф (потомок пророка) и богатый торговец из города.

Рассердился Джеха и решил наказать их за нанесенный ущерб. Но что он может один против троих? И решил Джеха разобщить эту компанию.

Подбежал он к путникам, обнял грудь мула, на котором восседал кади, самый из них важный, и говорит:

— Мир тебе, о эмир, поводырь правоверных и наместник пророка на земле! Ты, конечно, имеешь все права ходить даже по головам и телесам нашим. Ты суверенный толкователь небесной справедливости! Не велит ли священный Коран повиноваться тем, кто повелевает нами?

Таковую же речь повел Джеха, обратившись к шерифу.

— Мир тебе, о ты, потомок пророка, тень посланца неба на земле! Разве может кто-нибудь усомниться в праве вас обоих ходить там, где вам вздумается по земле ислама! Для меня великая честь и обязанность терпеть все, что вы сделаете, и извинять вас за это. Но торгаш этот, что рядом с вами, который мнит себя вам ровней только потому, что у него много денег! Неужто он вообразил, что столь же знатен, что и вы, тогда как разбогател, обирая бедняков и обсчитывая простой люд при замере тканей и недовесе пшеницы и ячменя?! Ему-то я преподам хороший урок, который заставит людей его сорта задуматься и уважать заповедь пророка: «Хорошо живет тот, кто живет по средствам».

Не успел торговец сказать и слова, как Джеха обрушил на его голову удар своей дубины, от которого тот свалился недвижимый к ногам собственного мула.

Кади и шериф, которых распирало от гордости после слов Джехи, не стали вмешиваться и защищать своего спутника, подумав про себя, что тот получил по заслугам, ибо возомнил себя им ровней только потому, что у него водятся деньги.

Они уже было тронулись дальше, но остановил их вопль Джехи:

— Погоди, о кади, не уезжай! Никто не усомнится в твоём праве ездить там, где тебе заблагорассудится. Ты и только ты вершишь небесный суд на земле. Любого правоверного можешь ты наделить богатством или обречь на разорение. Ты вправе разрушить любую семью актом развода или навек соединить любые семьи. Ты восстанавливаешь мир или сеешь раздор между людьми. Ты — защитник сирот и вдов, ты тот, кто восстанавливает ущерб пострадавшему. Но уверен ли ты, что твой спутник, который называет себя шерифом, действительно потомок пророка? Есть ли у него доказательства его происхождения? И даже если у него такие доказательства есть, разве он ведет себя как настоящий шериф? Разве он действительно может служить примером для других? Ведь быть шерифом — это не только быть потомком пророка. Шериф — это человек праведный, человек честный, человек мудрый. Таков ли твой спутник? Ну ничего, я его тоже проучу, чтобы знал свое место.

И с этими словами Джеха обрушил свою дубину на голову шерифа, тотчас свалившегося к ногам своего мула.

Кади в глубине души подумал, что шериф получил по заслугам. Как он, действительно не отличавшийся большими добродетелями, мог возомнить себя ровней ему, кади?! Поэтому не пришел он на помощь своему спутнику и тронул мула, чтобы продолжить свой путь. Но тут Джеха опять схватил за узды его мула и говорит:

— Ну, а теперь твой черед, кади! Поскольку ты остался один, мне нет нужды говорить длинные речи, чтобы наказать тебя по заслугам.

И он снова поднял свою дубину.

Тут только понял кади, в чем дело, и говорит:

— О Джеха, не опускай свою дубину на мою голову. Сейчас я спущусь с мула и заплачу за ущерб, который мы нанесли тебе. Ты так ловко сумел нас разобщить. Мы ведь сразу должны были догадаться, после того, как ты свалил с мула нашего первого спутника, за которого мы не вступились, что ждет нас та же судьба. Ладно уж первый! Но после того, как ты напустился и на второго, я должен был догадаться, что придет и мой черед.

Такова судьба тех, кто позволяет себя разъединить.

ДЖЕХА И СОРОК РАЗБОЙНИКОВ

Банда разбойников держала в страхе всю округу. Никто их не знал в лицо, было лишь известно, что их сорок, а еще главарь.

Позвал султан к себе Джеху и говорит:

— Проси, что хочешь, но избавь нас от этой напасти. А нет, буду считать тебя мошенником, а может даже и главарем этой банды. И тогда несдобровать тебе.

Деваться некуда. Согласился Джеха, подумав, что если и не удастся выкрутиться, хотя бы вдосталь за счет султана наестся напоследок. Дома у него было хоть шаром покати. На исполнение задания потребовал он себе

по числу разбойников срок сорок один день, забрал из султанского курятника сорок жирных кур и одного большого петуха, а также принес домой масло, овощи, лепешки, сахар, все, что нужно для приготовления сытной трапезы.

Велел Джеха жене нарезать первую курицу и кускус (алжирское национальное блюдо) приготовить, сказав:

— Сорок один вечер будем праздновать, а там... да будет милостив Аллах.

Тем временем слух о том, что поймать злодеев султан поручил Джехе, дошла до разбойников, и главарь послал одного из них к нему домой, чтобы тайно выведать, что Джеха задумал. Перелез разбойник через ограду и слышит, как тот жене говорит, поглаживая свой живот после сытного ужина:

— Вот уже первый у нас здесь.

Разбойник не сомневался, что речь идет о нем, и рассказал своим. Главарь послал следующим вечером другого члена шайки. Только тот перелез через ограду, слышит как Джеха, принявший второй ужин, говорит жене, поглаживая живот:

— Вот уже у нас здесь и второй.

Так продолжалось сорок вечеров, и у Джехи остался лишь петух. Приходившие один за другим разбойники были уверены, что Джеха всех их узнал. На сорок первый день решил разобраться с ситуацией сам главарь. Только подкрался к дому и слышит:

— Сегодня очередь вожака. Жалко его пускать под нож. Он выглядит таким благородным. Может сохранить ему жизнь?

Главарь разбойников не сомневался, что и его Джеха узнал. Он закричал:

— Не губи нас, Джеха! Ты прав, я благородный. Уговори султана милостивиться над нами, и мы будем служить ему верой и правдой.

Так оно и вышло. И те, кого все боялись, стали надежной стражей, оберегавшей султана и его подданных.

КАК ДЖЕХА БАРАБАН И ОСЛА ПРОДАВАЛ

Возникла как-то у Джехи большая нужда в деньгах. Пошел он на сук (базар) с большим барабаном и кричит:

— Кто хочет купить волшебный барабан из Леванта, кто хочет отведать изысканные блюда Востока, подходи! Уступлю всего за десять золотых!

Подошел к нему богатый феллах и спрашивает:

— Почему твой барабан такой дорогой, Джеха?

— Он только кажется обыкновенным, а на деле он волшебный. Когда по нему стучишь, он приготавливает для тебя любое блюдо, — ответил Джеха. — Приходи ко мне, и ты все сам увидишь.

Услышал это другой богатый феллах и тоже запросился на приглашение.

Усадил Джеха гостей у низкого столика и говорит:

— Жены у меня нет, да и какой от нее прок — одни капризы. Зато благодаря моему барабану я всегда могу сытно и вкусно поесть. Но, к делу!

Взял Джеха в руки барабан, ударил в него и завопил, что есть мочи:

— Барабан из Леванта, подай нам жареную курочку!

И тут же на колени одного из приглашенных сверху свалилась аппетитная поджаристая курочка.

— Сработало, — удивленно промолвили оба гостя.

— Конечно, сработало, а вы как думали, — сказал Джеха и продолжил стучать в барабан.

И вот столик оказался завален разной снедью — печеным мясом, финиками, виноградом, арбузами. Потрясенные гости глазам своим сначала не верили, а потом каждый из них заявил, что покупает чудесный барабан. Едва до драки дело не дошло!

— Успокойтесь, — закричал Джеха, — или я вам его не продам. Чтобы не было споров, покупайте его на двоих, и каждый сможет им попользоваться всего за шесть золотых.

— Но это грабеж, — возмутились покупатели, — половина от десяти будет пять.

— Это если покупать на базаре, а за то, что я показал чудесные свойства барабана дома, надо доплатить, — возразил Джеха.

Отдали гости по шесть золотых. А перед тем, как они ушли с купленным барабаном, Джеха предупредил, что чудо свершится, только если в него очень верить.

После ухода посетителей Джеха помог спуститься с чердака своей матери. Ведь это она сбрасывала сверху все эти яства.

Богатый феллах, который взял барабан первым, придя домой, предложил жене пойти на несколько дней к родителям.

— А кто будет готовить тебе? — удивилась она.

— Барабан из Леванта, — ответил муж.

Уселся он прямо на пол с барабаном, стал по нему колотить и завопил:

— Барабан из Леванта, подай мне жареную баранью голову!

Однако сколько он ни барабанил, сколько ни кричал, жареная баранья голова так и не появилась. Утром пришел к нему за барабаном второй богатый феллах и спросил:

— Ну как? Получилось?

— Ничего у меня не вышло. Может, не хватило веры? — пробормотал обескураженный хозяин.

Но когда и у второго ничего не получилось, покупатели поняли, что Джеха их провел. И они бросились к нему домой забрать свои деньги.

А Джеха их уже ждал. Сделав вид, что ему невдомек, почему проданный им волшебный барабан у них не работает, он сообщил, что денег им сейчас вернуть не может, так как потратил их на покупку волшебного осла, который, по его словам, испражняется золотыми монетами. Осел возлежал в одной из комнат на белой простыне, со всех сторон подпертый подушками. Неожиданно Джеха замер и сделал знак: — Тихо! И все услышали издаваемый ослом характерный звук. Выданная ослиным желудком куча оказалась внушительной. Джеха осторожно палочкой разгреб ее, и посетители увидели заблестевшую золотую монету. Один из богатых феллахов тоже взял палочку и скоро нашел еще две монеты. А всего в ослином навозе оказалось семь золотых монет!

Повернулся Джеха к посетителям и говорит:

— Теперь я могу вам вернуть часть денег за барабан. А за остальным приходите вечером — я хорошенько накормлю осла сеном и кускусом и получу не меньшую сумму.

Отношение феллахов к Джехе резко поменялось, очень уж захотелось им заполучить волшебного осла. Они и говорят:

— Нам, видимо, не хватило веры, и поэтому с барабаном ничего не получилось. Но мы хотели бы купить твоего осла за тридцать золотых.

— Тридцать золотых за осла, который после каждого испражнения приносит семь монет, маловато. Но за пятьдесят я вам готов его уступить, — ответил хитрый Джеха.

На том и порешили. Из полученных пятидесяти золотых Джеха отсчитал двенадцать и предложил отдать их за барабан. Но посетители, прикинув, сколько они будут получать после каждого испражнения осла, решили этих денег не брать. Хитрец и не настаивал. Нет нужды говорить, что золотые монеты в задний проход осла Джеха засунул заранее.

Богач, который первым взял себе осла, велел жене выбросить из дома всю мебель и положить на полу перины. Удивленной женщине он сказал:

— Этот осел должен чувствовать себя у нас как дома. Накормим его хорошенько кускусом, а он будет испражняться золотыми монетами.

Положили осла по-королевски на перины, рядом поставили огромное блюдо кускуса, уселись рядом и стали ждать. Через несколько часов напряженного ожидания осел, наконец, совершил то, что от него ждали. Сделанная им куча была огромной, и феллах решил, что там должно быть не меньше сотни монет. Однако, как ни перебирал он навоз, как ни просеивал его, ни одной монетки не обнаружил. Говорит он жене:

— Либо мне опять веры не хватило, либо кускус у нас плохого качества.

— Просто тебя опять надули, — ответила та.

И тут богачей задумался. Только полный дурак станет продавать осла, приносящего золотые монеты. А Джеха совсем не дурак. Значит, он обманщик. Когда за ослом пришел второй покупатель, он сказал ему:

— Не пачкай навозом свой дом, как это сделал я. Джеха нас опять провёл. Бери нож и пошли возвращать свои денежки.

Когда два разъяренных мужчины с шумом ворвались в дом Джехи, тот понял, что остановить их, как прежде, разговорами больше не удастся, и выпрыгнул из окна. Но обманутые покупатели от него не отставали. И он опять пошел на хитрость — скинул свои бабуши (национальные тапочки) и закричал:

— А теперь посмотрите, как быстро я на самом деле могу бегать!

Остановились преследователи как вкопанные. Решили, что Джеху, которому обувь больше не мешает, теперь им ни за что не догнать.

Джеха же, получивший своей хитростью целых шестьдесят два золотых, переехал с матерью в город, где его никто не знал.

ДЖЕХА И ТРАКТИРЩИК

Поехал как-то Джеха на заработки в Тунис. Человек он очень экономный и из заработанных денег ничего не тратил, все сохранял для семьи, а себе на пропитание покупал только хлеб, который запивал бесплатной водой. Чтобы черствый хлеб легче было проглатывать, садился Джеха рядом с харчевней, откуда шли вкусные запахи жареного мяса и других блюд.

Надоело это трактирщику, и потребовал он платить за вкусные запахи, без которых, по его словам, своего хлеба Джеха не мог бы съесть. Тот ответил:

— Хорошо, но платить я тебе буду тем же способом.

Достал Джеха из кошелька серебряную монету, уронил ее на каменный пол и говорит трактирщику:

— Хорошо ли ты слышал звон моей монеты? Вот и пользуйся им в оплату запаха твоей кухни.

ДВА ХИТРЕЦА

Прослышал как-то Джеха из Нгуса, что в Уаргле живет хитрец, которого тоже зовут Джеха, и решил с ним познакомиться. Пошел он в Уарглу, увидел человека, подпирающего городскую стену, и спрашивает:

— Не подскажешь, где живет Джеха?

— А зачем он тебе? — удивился человек.

— Слышал я, что хитер он очень, и хотел в этом убедиться.

— Подержи эту стену, чтобы не упала, а я поищу тебе Джеху, — ответил незнакомец и удалился.

Подпирает Джеха из Нгуса городскую стену, а тут проходит старик и спрашивает его:

— Что это ты здесь делаешь?

— Я жду Джеху, — отвечает тот. — Мне сказал тут один, чтобы я подержал стену, пока он его позовет.

— Так это он и был, — говорит старик.

Пошел тогда Джеха из Нгуса своего тезку искать. Встретил его на дороге и говорит:

— Давай вечером отправимся в путь, возьми продуктов, и я возьму.

Согласился Джеха из Уарглы. Наполнил он свой мешок навозом и пошел к городским воротам. А там его ждал уже Джеха из Нгуса с мешком, полным камней. Отправились они в путь, вышли в пустыню и проголодались. Джеха из Нгуса говорит:

— Давай достанем нашу провизию.

— Давай сначала съедим твою, а потом мою, — отвечает его тезка из Уарглы.

Открыл Джеха из Нгуса свой мешок, а там камни. — Жена подшутила, — говорит он. — Давай твои припасы.

А увидев в мешке Джехи из Уарглы навоз, воскликнул:

— Ну и ну! Все жены одинаковы.

Захотели они пить, нашли колодец, но спускаться в него ни один не хочет. Наконец, Джеха из Уарглы все же спустился в колодец, напился воды и вдруг обнаружил на дне камни, похожие на золото. Он кричит тезке:

— Спускай мешок, Аллах послал нам сокровище!

Тот спустил ему мешок на веревке, он наполнил его и кричит:

— Тяни!

Но тут Джехе из Уарглы пришло в голову, что, обнаружив в мешке золото, Джеха из Нгуса просто сбежит, оставив его в колодце. И он закричал:

— Спускай другой мешок, здесь есть еще золото!

Забрался Джеха из Уарглы в мешок и кричит:

— Поднимай!

Взгромоздил Джеха из Нгуса оба мешка на спину и крикнул в колодец:

— Оставайся там!

А сам поспешил прочь. Наступила ночь, и он прилег отдохнуть. Когда заснул, его тезка вылез из мешка, набил его камнями и завязал, а сам спрятался за барханом. Проснувшись утром, Джеха из Нгуса ничего не заметил. Он опять взвалил мешки на спину и тронулся в путь. А тут Джеха из Уарглы начал кричать как осел. Обрадовался его тезка:

— Как повезло! Аллах посылает мне осла.

Забрался он на бархан, а за ним — Джеха из Уарглы. Стыдно стало Джехе из Нгуса за то, что он так нехорошо поступил со своим спутником, и он обещал больше так не делать. Отправились они дальше. Ночью наткнулись на шатер. Люди в нем спали, а они украли у них ослицу и ковер и убежали прочь. Ночью Джеха из Уарглы, который тащил ковер, устал и стал просить спутника позволить ему проехаться на ослице. Но тот ответил:

— Кто же тебя заставляет брать ковер, а не ослицу?

А потом, когда они устраивались спать, Джеха из Нгуса попросил позволить ему накрыться краем ковра, но Джеха из Уарглы не разрешил.

Ночью один оторвал от ковра кусок, а другой изуродовал морду ослице.

Когда оба вернулись в город, Джеха из Нгуса не захотел делиться добытым в колодце золотом и спрятал его в своем погребке. Сам же притворился мертвым, сказав жене:

— Когда меня похоронят, приноси мне каждый день в полдень поесть.

Прослышал Джеха из Уарглы о смерти тезки и говорит его жене:

— Твой муж просил меня, если он умрет, обмыть и похоронить его.

Женщина возражать не стала, и он сначала совершил омовение тела Джехи из Нгуса крутым кипятком, а потом, когда укутывал в саван, исколол его толстыми иглами. Но тот даже не шевельнулся. На могилу же Джеха из Уарглы положил такой тяжелый камень, что сдвинуть его было невозможно.

Каждый день жена Джехи из Нгусы в полдень приносила на могилу еду. Его тезка это заметил и однажды чуть раньше полудня принес на могилу немного хлеба. Изменив голос, он сказал:

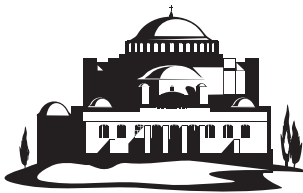
— Держи твой обед!

— А почему так мало? — спросил из могилы Джеха из Нгусы.

— Пшеница кончилась, — прозвучал ответ.

— Возьми деньги в погребке, — сказал голос из могилы.

Джеха из Уарглы тотчас побежал к дому тезки, дождался, когда его жена уйдет на кладбище, залез в погреб и украл все золото. Когда жена Джехи из Нгусы принесла свой обед на могилу, тот понял, что проговорился. С помощью жены ему удалось выбраться из могилы и, не обнаружив в погребке спрятанное золото, он дал себе зарок больше никого не обманывать.

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Камиль ЗИГАНШИН

«ОГНЕННЫЙ ПОЯС ЗЕМЛИ»

Экспедиция 2011 года

Камиль Фарухшинович Зиганшин — писатель, путешественник, предприниматель, родился в 1950 году в поселке Кандры Туймазинского района Республики Башкортостан (РБ) в семье кадрового офицера. Окончил Дальневосточный политехнический институт. Автор многих повестей и романов. Учредитель премий «Рыцарь леса», «Уфимская куничка» и др. Председатель Фонда защиты диких животных РБ, занимается материальной поддержкой охотинспекторов, егерей, охотоведов, лесников, ученых-биологов, журналистов, активно борющихся с браконьерством. «Заслуженный работник культуры РБ», «Заслуженный работник культуры России». Лауреат многих литературных премий. Член СП России. **Живет в Уфе.**

Прежде чем приступить к рассказу об экспедиции, думаю, нелишне будет пояснить зачем (чего ради) Русское географическое общество отправило российскую команду на обследование вулканов тихоокеанского пояса. Причина проста: активизация их деятельности, особенно Йеллоустонского супервулкана. А супервулканы — это самая деструктивная сила на нашей планете. Они имеют огромные размеры и силу извержения, в десять тысяч раз превосходящую извержения обычных вулканов. Взрыв супервулкана (именно взрыв, а не извержение) влечет катастрофические изменения условий жизни на Земле.

Последняя подобная катастрофа случилась в Тобе на Суматре 75 тысяч лет назад. Тысячи кубических километров пепла попали в атмосферу, и солнечные лучи не пробивали его толщу. Произошло глобальное понижение температуры на 21 градус. Население Земли сократилось в десять раз. Во столько же раз сократилась численность животных, многие виды, вообще, вымерли. Три четверти растительного мира северного полушария погибло.

В отличие от обычных вулканов, имеющих форму конуса, супервулканы представляют собой огромные ложбины или понижения в земле, называемые кальдерами. Когда обычный вулкан извергается, лава постепенно поднимается по жерлу до кратера на вершину горы и изливается вниз. В супервулканах же магма заперта вблизи земной коры в гигантских подземных резервуарах. Скапливаясь в них, она начинает давить на поверхность Земли. Так продолжается в течение сотен тысяч лет до тех пор, пока не происходит

взрыв чудовищной силы, в результате которого гибнут целые континенты. Таких спящих «монстров» на Земле несколько.

Один из самых «созревших» находится в Йеллоустонском парке в США. В настоящее время «резервуар» под его кальдерой заполняется магмой с угрожающей скоростью.

Поскольку по расчетам ученых, период между взрывами у этого чудовища равен приблизительно 600–700 тысячам лет, а последнее извержение произошло 640 тысяч лет назад, мы живем в преддверии очередного катаклизма. Огромное давление, нагнетаемое в течение сотен тысяч лет, прорвется наружу, и магма будет выброшена в атмосферу на высоту около пятидесяти километров. В радиусе тысячи километров вся жизнь погибнет в течение нескольких часов.

Но не надо думать, что пострадает только Северная Америка. Если температура понизится на расчетные 19–21 градус, в обоих полушариях лед покроет обширные территории, и они станут непригодны для жизни. Сейчас перед человечеством стоит задача минимизировать катастрофические последствия от подобных мегаизвержений. Для этого необходимо знать общее состояние действующих вулканов на Земле и в первую очередь, вулканов тихоокеанского пояса, самого беспокойного и активного на нашей планете.

ВУЛКАН ЛАСКАР

Завтра восхождение на грозный и печально знаменитый вулкан Ласкар. Это самая деятельная чилийская копилка: в 2006 году он накрыл пеплом пол-Бразилии. Всего в стране пятьсот действующих вулканов! В их числе и самый высокий на Земле (из действующих) — Охос дель Саладо. Его рост — 6893 метра. А вообще-то, среди вулканов наиболее рослый его аргентинский сосед Аконкагуа. Правда, он выше всего на 66 метров. Это тот самый вулкан, на который мы изначально собирались, но землетрясение изменило наши планы.

Итак, Ласкар! Он находится на севере чилийских Анд в 30 километрах от восточного края пустыни Атакама. Состоит из шести кратеров. Высота самого активного — 5592 метра, а самого высокого — 5719 метров.

Чтобы на восхождение брать поменьше еды, решили во время ужина себя не ограничивать. Правда, не рассчитали свои возможности и заказали так много, что пришлось два часа усиленно работать челюстями. Порции здесь не в пример нашим — громадные: антрекот в два пальца толщиной, а размером в две ладони, гарнир к нему из тертого маиса и жареных томатов с перцем напоминает карликовый вулкан. Салат с авокадо не намного меньше. Но это не все: я съел еще полную тарелку «сопо» — супа и с десяток кусков «пана» — хлеба. Кстати, о хлебе... В Южной Америке он повсеместно вкусный, но в каждой стране имеет свои особенности. В Боливии это круглые булочки. В Перу — пустотелые треугольники из пресного теста. В Чили — круглые слоеные лепешки, тоже пресные.

Миниатюрный Эмиль свой ужин так и не одолел — половину порции мяса отдал мне. Я же предавался чревоугодию с редким наслаждением. Подолгу смаковал каждый кусок, щурясь от блаженства. Слава Богу, торопиться было некуда.

На гору нас сопровождал поджарый и жилистый индеец Рональдо. Ветер и солнце дочерна продубили его мужественное лицо. В черных, с воронным отливом волосах проблеск седины. Глянув на него сразу понимаешь — горный барс.

К месту, откуда начинается восхождение, ехали на его джипе. Дорога петляла между голых хребтов, по склонам которых разгуливают, никого не опасаясь, викуны.

Вопреки первому впечатлению, Рональдо оказался разговорчивым, эрудированным человеком. Он засыпал нас интересными фактами и историями о местах, в которых побывал, так обильно, что Эмиль едва успевал переводить.

Практически каждый видел на фотографиях или по телевизору циклопические статуи острова Пасхи, достигающие двадцатиметровой высоты. Но говорят, что тому, кого судьба занесет на перуанский отрезок Западных Кордильер, эти исполины покажутся жалкими пигмеями. Высеченные неизвестно кем и неизвестно когда барельефы на скалистых склонах этих гор поражают воображение своими размерами.

Это гигантский барельефы и собаки, и кондора, и обезьяны... Удивительно то, что среди них имеются изображения животных, вообще не встречающихся на южноамериканском континенте: слонов, верблюдов. Но еще более удивительными оказались найденные там барельефы людей: они по форме и пропорциям совпадают с истуканами острова Пасхи: неестественно острые подбородки, глубокие глазные впадины с нависающими надбровными дугами, отсутствие в глазных впадинах хотя бы подобия самого глаза. В отличие от островных, перуанские «головы» в несколько раз больше.

По оценке специалистов, все они высечены в период с XX по XII тысячелетие до нашей эры! То есть, как минимум за 10 тысяч лет до египетских пирамид. Что интересно, часть рисунков на плато Наска идентична изображениям на скалах Западных Кордильер. Еще Рональдо рассказал легенду, что именно на вулкане Ласкар несколько раз в году, в момент заката, над вершиной возникает миражом призрачный город Кималь, в котором обитают души людей, погибших в горах.

Вдоль дороги и по склонам лежат выбеленные солнцем кости. Хотя и не человеческие, но все равно это напрягает. По словам Рональдо, первые восходители находили наверху и высохшие тела, обтянутые кожей. Среди них были мумии относительно недавнего времени: судя по костюмам XVIII—XIX веков. Благодаря сухости воздуха и высокой солнечной радиации все они были в хорошем состоянии. Если древние египтяне сохраняли свои мумии в саркофагах внутри громадных пирамид, то индейцам помогали поспорить с вечностью высокогорье и солнце.

А вот и Ласкар, наконец, показался. Дальше дороги нет. Смотрим на альтиметр — традиционные 4000 метров (это средняя высота Альтиплано). Выйдя из машины, огляделись. Внизу ни ветерка. До конуса еще пара километров. У подножья — округлое озеро, в котором, как в зеркале, четко, в мельчайших деталях отражалась цель нашего визита — кратер с многокилометровым хвостом дыма, уходящим за горизонт. Вокруг множество вулканов чуть ниже. Их склоны изрубцованы шрамами осыпей и лавовых потоков кирпичного цвета. По берегу озера бродят страусы нанду в пышном оперении серого цвета.

Поднимаемся не торопясь, мягким, размеренным, так называемым гималайским шагом. Знаем по опыту: чем медленнее идешь, тем быстрее и выше поднимешься. После отметки 5100 метров мелкий щебень и оранжевые, похожие на керамзит шарики, покрывающие склон, стали почему-то «жирные», будто пропитанные маслом. При этом сыпучий слой достиг такой толщины, что ноги вязнут, а потревоженная масса норовит утащить вниз. Часто перебирая ногами, стараемся как можно быстрее пересечь такие места по восходящей косой.

Вот и первые вулканические бомбы появились. С приближением к жерлу их все больше. А вон и комочки серы зажелтели. Пикантность ситуации заключается в том, что Ласкар извергается с интервалом в четыре года. Нынче очередь следующего, но когда именно оно произойдет, одному Богу известно. Может, сегодня...

Панорама хребтов, напоминающих сверху бугристые шрамы, все ширится. Наконец видим зубчатый гребень кратера, весь желтый от кристалликов серы. Валит беловатый дым. Иногда к нему примешиваются клубы коричнево-серого цвета. Явственно ощущаем запах тухлых яиц.

Еще один шаг, и под нами разверзается воронка глубиной метров четырехста. Из почти отвесных стен через щели-каналы вырывается с переменчивым напором дым: то выстреливает густыми клубками, то сочится вялой струйкой. На дне сквозь пелену дыма мерцают, плещутся язычки красных фонтанчиков. От таящейся там губительной силы мы ощущаем бессознательный ужас.

Перевожу взгляд на Рональдо. Он в ответ улыбается и показывает большой палец, мол «Здорово!» Интересуюсь:

- Который раз здесь?
- С сегодняшним семнадцатый.

До какой же степени надо любить горы, чтобы, поднявшись на вулкан почти двадцать раз, радоваться этому, как в первый!

Окидываю взглядом открывшуюся с высоты панораму. Вокруг Ласкара дыбятся зубчатыми цепями коричнево-красные конуса высотой от пяти до пяти с половиной тысяч метров. В чистом разреженном воздухе контуры хребтов проступают четко, рельефно. В метрах шестистах от центрального кратера торчит яйцеобразная вершина — высшая точка Ласкара. Кажется, до нее рукой подать, но я знаю сколь обманчиво расстояние в горах. И действительно, карабкался к нему с полчаса. (Эмиль с Рональдо остались у дымящегося кратера.)

Ноги с каждым шагом наливались свинцом, соленый пот разъедал глаза. Ближе к макушке останавливался через каждые десять шагов, чтобы восстановить дыхание. Слава Богу, хоть сердце держится молодцом. На вершине меня ожидала заслуженная награда: еще более грандиозная панорама!

Вид каменных громад, вздыбленных в невообразимо диком танце, завораживал, властно притягивал взор. Горы, горы, горы! Красота, застывшая в камне! Нет в их изломах, уступах, расщелинах никаких закономерностей и пропорций. Один хаос. Но каков хаос! Сколько в нем величия и непостижимой гармонии! Ничто так не пленяет меня, как горы — самое потрясающее произведение Природы! Очень точно передал это ощущение в своей бессмертной песне Владимир Высоцкий: «...Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал...».

Царившее на темно-синем небосводе светило жгло незакрытые участки кожи до физической боли, но как только набегала тучка, сразу резко холодало. Очарованный, я все стоял, не ощущая шквалистого ветра. Мимо проносились полупрозрачные облака. Следом неотступно, словно шакалы за добычей, бежали по склонам гор их призрачные тени. Здесь даже вкус и запах воздуха другой. Это ветер континентов! Возможно, совсем недавно он проносился над солнечными островами Полинезии или замороженным панцирем Антарктиды?!

Так я стоял, чувствуя себя вне пространства и времени, на пронизывающем ветру минут десять.

Мысли очищались, взлетали над обыденностью. Казалось, что я сам вот-вот перейду в иное измерение и постигну смысл быстротечной жизни, всеобщий закон мироздания. Но усилившиеся порывы торопили вниз, к ожидавшим меня спутникам. Отсняв панораму, сложил из камней тур и установил флаг Башкирии. Трехцветный стяг с золотистым венчиком курая торжественно затрепетал под натиском налетавшего с диким посвистом ветра.

Спуск не представлял сложности. Но силы были на исходе, и мы шли, покачиваясь от усталости. Тем не менее, остановились, чтобы полюбоваться закатом. Вершины гор по мере погружения солнца за горизонт неувлимым образом воспламенялись нежнейшими переливами алых и багряных цветов, быстро темнеющих до темно-лилового и даже фиолетового. Свод неба при этом излучал роскошное, зеленоватое свечение. К сожалению, эта сказочная игра света длилась недолго.

В сумерках у скалы, окруженной десятками сложенных из обломков серого плитняка покатых холмиков, похожих на плотную группу ползущих черепах, мы остановились от странного чувства, будто подошли к черте, переступив которую, можем попасть в иной мир. Замерли, но любопытство пересилило. Приблизились к полузанесенным песком «домикам» и увидели внутри одного из них оскаленное, обтянутое темно-коричневой кожей лицо, присыпанное песком. Картина жуткая. Стало понятно — это кладбище. Судя по одежде и облику, — кладбище индейцев. Чтобы не нарушать покой умерших, обошли это место стороной.

К озеру спустились уже в полной темноте. Когда садились в машину, Ласкар что-то проворчал на прощание. Я оглянулся: над черным конусом разгоралось бордовое зарево, четко оконтуренное дымом.

ПАРИКУТИН — САМОЕ МОЛОДОЕ ЧУДО ПРИРОДЫ

История возникновения вулкана Парикутин трагична и комична одновременно.

...На кукурузном поле крестьянина Дионисио Пулидо, сколько он себя помнил, была яма, в которую практичный малый бросал мусор и сухие стебли. При этом сколько бы ни бросал, яма никогда не заполнялась.

В первых числах февраля 1943 года из нее неожиданно донесся приглушенный рокот. Причем его сила час от часа нарастала. Это встревожило крестьянина. Было очевидно, что вот-вот должно произойти что-то экстраординарное, но через пару дней гул прекратился, и земледелец успокоился.

Две недели спустя, 20 февраля, когда Дионисий рыхлил мотыгой поле для посадки маиса, земля зашевелилась, и от ямы прямо к нему побежала,

расширяясь, трещина. Одновременно зашатались, как будто пьяные, растущие на краю поля деревья. Через расширяющуюся щель повалил дым, сквозь который замелькали сполохи огня. Дионисий в панике побежал домой.

Утром обеспокоенные жители деревни обнаружили на месте трещины миниатюрный конус высотой полтора метра. Из него то и дело вырывались клубки пепла, а через день к ним прибавились сначала разлетающиеся веером камешки, а спустя несколько часов на перепуганных крестьян полетели раскаленные камни.

Дальше события развивались с кинематографической скоростью: 22 февраля из «прыща» поползла, потрескивая, огнедышащая лава. Через год на месте поля вырос настоящий вулкан, возвышающийся над плато на 350 метров.

В общей сложности извержения продолжались еще восемь лет. За это время конус новорожденного вулкана достиг высоты 2774 метра, а выплывшая из жерла магма запечатала на веки под многометровой броней десять селений. Более 4000 человек остались без крова. Одно радовало: никто не погиб ни от лавы, ни от вулканических бомб. Правда, вся растительность в округе, заваленная пеплом, погибла.

Дионисий же выгодно продал свой участок с разбушевавшимся вулканом известному мексиканскому художнику Атлю, который за несколько лет, проведенных у вулкана, сделал более одиннадцати тысяч рисунков и не менее тысячи пейзажей маслом.

Сейчас к Парикутину удобней всего добираться через старинный городок Ангахуан, притулившийся у подножья горного хребта. Как только въехали в него, нас «атаковали» всадники на разномастных лошадях. Они окружили машину и, цокая по брусчатке, долго скакали рядом, убеждая нас, что к вулкану даже на внедорожнике не проехать. И предлагали подвезти к нему за умеренную плату (30 долларов в оба конца за человека). Но мы, приученные к экономии средств Русского географического общества, решили добираться самостоятельно.

Изрядно поплутав по узким улочкам и почти утратив надежду найти выезд к Парикутину, свернули в неприметный пыльный переулок, упирающийся в высокий забор. Илья хотел было повернуть обратно, но Костя решительно скомандовал: «Едем!» Только подъехав к ограде почти вплотную, обнаружили съезд вправо. Спустились по нему и, миновав сосновый лес, оказались на колдобистом лавовом поле. Все верно! Это та самая «засекреченная» дорога! Покачиваясь на окаменевших буграх, двинулись к мрачному конусу. Вдоль дороги встречались «карманы», в которых стояли статуи святых, любовно украшенные гирляндами и флажками: жители окрестных селений регулярно, особенно дружно перед Пасхой и в день рождения вулкана, совершают к нему паломничество, возлагая цветы к ногам почитаемых апостолов.

Посреди лавового поля сиротливо торчала колокольня. Вокруг нее шести-семиметровым слоем громоздятся застывшие комья, а она стоит! Не чудо ли?! Неподалеку, у края ступенчатого вала, чистая площадка с летними кухнями под навесами. Здесь уставшие паломники и туристы могут подкрепиться блюдами индейской кухни, приготовленными дородными индианками прямо на глазах гостей.

Мы интересуемся, как проехать к вулкану. Индейцы наперебой принимают объяснять, что самостоятельно туда ехать нельзя, более того — тре-

буется разрешение шерифа. Мы просим самого представительного седовла-
сого сеньора состыковать с ним.

Сделав несколько звонков по мобильнику, он сообщает, что шериф раз-
решил, но только в сопровождении местного гида, которому мы должны
будем заплатить 20 долларов. На сегодня он занят с другой группой и подь-
едет завтра в девять утра.

Делать нечего! Отъезжаем в сторонку и встаем на ночлег. Утром, в на-
значенное время находим вчерашнего сеньора. Он созванивается с гидом.
Слушает, разочарованно кивая головой. Затем разворачивает карту-схему и
сам объясняет дорогу к вулкану. Я на всякий случай фотографирую карту.

Поблагодарив индейца, взбираемся на гряды и едем по гребню меж-
ду двух лавовых языков. Здесь сосновый лес уцелел. На многих стволах
видны косые насечки и закреплены жестяные воронки для сбора живицы.
Через полчаса выезжаем на поляну, засыпанную раскаленным от палящих
лучей солнца черным пеплом, и вскоре оказываемся у подножья вулкана.

На восхождение выходим сразу, без раскочки. Хотя конус, в сравне-
нии с предыдущими, намного ниже, «побуксовать» на мешанине из пепла и
крупчатой пемзы все же пришлось, и не раз.

Поскольку Фуэго я «просачковал», мне очень хотелось реабилитиро-
ваться — подняться на Парикутин первым. И это удалось! Видимо, ребята
еще не восстановились. Правда, радость умалялась тем, что подъем был
несравнимо проще и легче.

Воронка кратера встретила нас парящими фумаролами и жутковатым
лунным ландшафтом, безжизненность которого смягчалась робко пробива-
ющейся между бурых глыб зеленью.

Сверху хорошо просматривалось все двадцатипятикилометровое лаво-
вое поле, навсегда похоронившее близлежащие селения. Единственным сви-
детельством того, что здесь совсем недавно жили люди, была та самая коло-
кольня с уцелевшими рядом алтарем и иконостасом. Иссиня-черные комья
магмы, повинувшись высшей воле, «обошли» ее стороной, и теперь колокольня
возвышается над окаменевшим пространством грозным перстом, как символ
святости и чистоты намоленного места.

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА
«РОДНАЯ ЛАДОГА» В МОСКВЕ:**

Почтовый адрес: 119146, Москва, Комсомольский проспект, дом 13.
Ясенев Владимир тел./факс: 8 (499) 246 58 44 rodnaya.ladoga@gmail.com

**КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА
«РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:**

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Болгария	Анчев Панко	+359 889 545 770	pankoantchev@mail.bg
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49-36459-62344 +49-151-40151855	fritz.dachsel@t-online.de
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkdl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Карелия	Пиетилляйнен Елена	+7 911 409 24 30	sever@karelia.ru
Кемерово	Бурмистров Борис	+7 903 916 71 85	cdlk@mail.ru
Коми Республика	Попов Андрей	+7 912 123 44 00	popov-ag-vorkuta@rambler.ru
Кострома	Мурзин Николай	+7 962 180 79 80	gonharova4848@mail.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым и Украина	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Курган	священник Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Московская обл.	Ясенев Владимир	8 (495) 231 45 21	nativeladoga3@gmail.com
Ниžний Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprshal@seky.cz
Эстония и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (*В. В. Ефимовская*)

Московское представительство:
119146, Москва, Комсомольский пр., 13.
Тел./Факс: +7 (499) 246-58-44

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. *В. В. Ефимовской*

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
e-mail: info@rodnayaladoga.ru
<http://rodnayaladoga.ru>
<http://роднаяладога.рф>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
191014, Санкт-Петербург,
Ковенский пер. 30/7, литер А, помещение 4-н

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Компьютерная поддержка *Николай Станкевич*
Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяны Макаровой*

Подписано в печать 25.12.2013 г. Формат 70×100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 28,0.
Тираж 1500 экз. Заказ 1312128 .
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.